

Кирети

Тринвуд

Винтажное
руководство

ЛЮБОВЬ И ОТНОШЕНИЯ

Очень современная
девушка.
Старые правила. Кто окажется на высоте?

Книжный червь | Переводы книг

Винтажное руководство «Любовь и отношения»

Кирсти Гринвуд

Оригинальноеназвание: The Vintage Guide to Love and Romance

by Kirsty Greenwood 2015

Винтажное руководство «Любовь и отношения»

Кирсти Гринвуд 2017

Перевод: Александра Журомская

Редактор: Анна Ковальчук

Русификация обложки: Анастасия Токарева

Глава первая

Чтобы привлечь правильный тип юношей, женщина должна быть соблазнительной, оставаясь целомудренной. Если она желает получить предложение о замужестве, то сдержанность обязательна!

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

В своей жизни я делала много неблагоприятных вещей. И пока что секс с новым соседом менее чем через два часа после знакомства — даже не самая смехотворная из них, но в списке находится довольно высоко. Как и потеря контактных линз в момент, когда мы неуклюже агонизировали во время неловкого соития, из-за чего я в итоге этим жарким потным июльским утром в его кровати совершенно слепая.

Глупый, восхитительный грушевый сидр, я не смогла устоять перед тобой.

Где-то в комнате приглушенно вибрирует мой телефон. Черт, я опаздываю. Сегодня важная встреча, и я поклялась Саммер, что абсолютно точно, без единого сомнения, не посмею опоздать.

Я даже не могу припомнить имя моего соседа, но почти уверена, что он Джим... или Тимоти. Половина лица как — его — там спрятана, и он храпит, находясь в блаженном неведении о моем присутствии. Если бы я могла видеть хоть что-то, то просто собрала бы вещи и пересекла коридор без необходимости здороваться с ним или узнавать его ближе. Ну, во всяком случае, пока неизбежно не наткнулась бы на него в холле, после чего просто завизжала бы и смылась. Но без контактных линз дальность моего обзора составляет примерно пятнадцать сантиметров.

— Просыпайся... — Джим? Тимоти? — ...парень, — прокряхтела я, локтем слегка толкая соседа в крепкое плечо. — Проснись и пой! Какой чудесный день, да будет джаз¹. Давай. Время вставать.

Он пробормотал что-то вроде «мммедрбу», схватил меня за руку и положил ее на свое хозяйство, очевидно, надеясь на повторение представления.

Неа, спасибо.

Я убираю руку с его причиндалов и бью соседа по плечу.

Дернувшись, он моргает, словно изумляясь тому, что в его постели реальная женщина. Я кошусь на него. Его мускулистое, тренированное тело выглядит до странности непропорциональным по отношению к его голове. Что за крошечная головешка? Вчера вечером мне, вероятно, она казалась очаровательной. После такого количества выпивки все вокруг кажется очаровательным. Я маскирую свое выражение лица «о чем я, чумного лешего, думала» за широчайшей зевотой.

Приподнимая одеяло, сосед открывает для себя тот факт, что я до сих пор обнажена. Он ухмыляется и скользит ко мне ближе.

— О-о-о, приветтики, соседка Джесс, — произносит он, увлажняя языком свои бледные губы. — Могу я одолжить... чашку сахара?

Он окидывает меня взглядом, после чего щурится и приподнимает губу в полуулыбке. Полагаю, он думает, что эта чарующая и соблазнительная гримаса похожа на предложение, но на самом деле создает впечатление о нем как о мужчине, сдерживающем газы.

Я перекатываюсь на другую сторону кровати.

— Сахар, — хрипит он снова, сияя. — Дошло? Ха-ха. Как эвфемизм? Для секса? Ха-ха Ха.

Святой Боже. Мои стандарты, давайте посмотрим правде в лицо, и так не слишком высокие, внезапно достигли дна. Сначала Микки Мясник, который был даже не настоящим мясником, потом Руперт, любивший меня лишь потому, что я позволяла ему делать фотографии моих ног, которые он обрабатывал фильтром сепия и выкладывал в «Инстаграм». Теперь вот этот, чье имя ускользает от меня.

— Эй... любовничек, — импровизирую я. — Прости, что разбудила, но я опаздываю и, скорее всего, нарвалась на проблемы с боссом. Я потеряла контактные линзы, а без них не вижу дальше своего носа. Не против помочь мне найти одежду и отвести к моей квартире?

Он закинул руки за голову и изогнул бровь.

— Для того, чем мы займемся... одежда не нужна.

— Думаю, нужна. Не сомневаюсь, что нужна.

— Я бы предпочел, чтобы ты оставалась голой.

— Я польщена. Но, думаю, ты понравился бы мне куда больше, если бы оказал мне небольшую услугу и нашел мои вещи.

Он вздыхает и соскальзывает с кровати, из наполовину распакованного чемодана достает какие-то полосатые хлопковые боксеры и майку и надевает их. Я даю ему время найти мою одежду, которая оказывается бесхитростно разбросанной по его компьютерному столу. Трусики обмотались вокруг ручки брошенной там кружки. Он протягивает мне их и наблюдает за тем, как я одеваюсь.

Натягивая облегающие джинсы, я застегиваю молнию, после чего защелкиваю английскую булавку, находящуюся на месте потерявшейся на прошлой неделе пуговицы.

Все такое расплывчатое. Мне правда стоит задуматься о том, чтобы носить в сумке пару очков. Также надо бы задуматься о том, чтобы носить сумку.

— Итак, тебе нужен мой номер, Джесс? — спрашивает сосед, беря меня под руку и медленно выводя из спальни, прямо по коридору и затем через кухню, пропахшую карри. —

Я чувствую взаимопонимание. Типа, романтический потенциал. Я бы хотел узнать тебя поближе.

Мы пересекаем маленькую гостиную, льющиеся через окно удивительно яркие лучи солнца вынуждают меня щуриться.

— Спасибо за все, — отвечаю я, обходя кучу разобранных коробок, — но я не из тех, кто знакомится поближе. Я имею в виду, что, может, буду думать об отношениях лет через двадцать, когда мое тело превратится в хлам, и самые веселые деньки уже будут позади. Сейчас же? Неа. Но спасибо за предложение.

— Правильно, ага, полностью согласен, абсолютно, — говорит он, когда мы уходим из его квартиры. — Я точно такой же. К черту отношения. Отношения могут отсосать мои яйца, мне плевать. Ха. Послушай-ка: мне нравятся подношения, так? Но хочешь знать, какой тип ношений мне нравится меньше всего?

— Отношения.

— Ты поняла! Ха-ха. Так значит, ты вся такая независимая леди, и благодаря этому мы можем идеально подойти друг другу, если подумать. Как считаешь?

— Хм-м.

Мы тащимся по общему коридору, и, чтобы дойти до моей квартиры, нам нужно двадцать секунд. Я скольжу рукой в задний карман, чтобы достать ключ.

— Большое спасибо, что помогаешь дойти.

— О, всегда рад составить компанию симпатичной молодой особе вроде тебя.

— Хорошо, — киваю я. — Круто. Ну, не скучай. Может, будем иногда видеться на этаже.

Я машу и одариваю его прощальной улыбкой. Он не уходит.

— Эм, ну так, как-нибудь увидимся! — повторяю я.

Все еще не уходит.

Почему он не уходит?

— Знаешь, Джесс, — говорит он задумчиво, большими пальцами подцепив резинку боксеров, медленно покачиваясь в мою сторону. — Мне кажется, тебе нужно записать мой номер хотя бы для соседских нужд. Типа, в случае ограбления или чего другого. Если ты запрешь дверь и не сможешь войти. Или выйти. Или однажды тебе может понадобится помощь дотащить покупки. Или, точно, если ты будешь дома одна, а твоя стиральная машина сломается? Сломается, типа БУМ, разбросав твои вещи вокруг и тебе нужна будет рука помощи? Или если... — Его ноздри медленно раздуваются. — Если тебе как-нибудь будет одиноко? Очень одиноко, но, конечно, никто не знает, что ты одинок, потому что ты притворяешься, будто твоя работа на складе магазина «Би энд Кью» удовлетворяет тебя, и в среду на ночном турнире по покеру ты надеваешь маску довольства, но за всей этой игрой ты устал, тебе одиноко и трудно, и ты крайне нуждаешься в мягком, уютном человеческом тепле...

Эй, притормози-ка.

Наблюдая настолько откровенную и отчаянную необходимость в компании, я чувствую огромную благодарность тому, что у меня нет таких потребностей. Искусство успешного секса на одну ночь заключается в до ужаса простой истине: Никаких Эмоциональных Привязанностей, ясно? Также я обнаружила, что это прекрасный девиз для всего вообще.

Бедный парень со сморщенной головой.

— Ладно, ладно, — говорю я, сочувствуя ему. — Я возьму номер. Но только на случай,

ну, знаешь, если стиральная машинка взорвется.

Ухмыляясь, он вторгается в мое личное пространство, пересекая черту, плечом опираясь о косяк, и наблюдает, как я ввожу его номер.

И наступает момент, когда я должна вбить в телефон его имя.

Я щурюсь, нависая над экраном.

Джим или Тимоти?

Джим или Тимоти?

Если ошибусь, это будет страшно неловкий момент.

— Эм, Джессика, — бормочет он, переставая улыбаться, — ты не помнишь мое имя?

Я хмыкаю и закатываю глаза.

— Знаю, — говорю я оживленно. — Само собой, я знаю твое имя.

Джим или Тимоти? Джесс, вариантов не много, пятьдесят на пятьдесят. Сделай выбор.

— Само собой, тебя зовут Джи-и-и-и-им...

Он хмурится.

— ... м-м-м-м-моти?

Он слегка приоткрывает рот.

— Ты только что назвала меня Джимоти?

— Э-э-э...

— Меня зовут Пол.

Он посылает мне глубоко осуждающий взгляд, вздыхая, бормочет «шлюха» и отступает.

Пол. Пол- голова-с-горошек-лол. Ну конечно.

Глава вторая

Опоздания никогда не были залогом стиля.

Матильда Бим, «Как быть достойной женщиной», 1959

Прежде чем мне хотя бы подвернулась возможность вставить ключ в скважину, мой босс, соседка по квартире и «Знаменитый тыл» 2011 года, Саммер Спенсер, распахивает ее передо мной.

— Новый сосед только что назвал тебя шлюхой? — спрашивает она, наблюдая за его отдаляющимся силуэтом.

— Я предпочитаю «сексуальную благотворительность».

— Думаю, это одно и то же. — Она приподнимает стильные, тонкие темные брови. — Как ты вообще умудрилась опоздать, Джесс? Seriously. Именно в такой день? Вероятно, важнейший день в моей — нашей — карьере? Мы должны выехать в Лондон менее чем через полчаса, а ты такая необязательная, просто источник неожиданностей!

Мистер Белдинг², наш крошечный черно-белый котенок, кружит вокруг моих ног. Поднимая его, я прижимаю его к себе, будто выставляя перед собой щит, ограждающий меня от залпа мрачности Саммер.

— Знаю, — кривлюсь я. — Прости, Сам. Я собиралась лечь спать пораньше. Даже записала это на руке. Смотри! — Я вытягиваю ладонь, чтобы показать ей синее пятно, где шариковой ручкой выведены каракули «Лечь спать пораньше!» — Просто... после того, как

ты ушла, пивной сад за баром был забит битком, все играли в «Твистер», было так солнечно и тепло, и они делали потрясающий грушевый сидр... — Я тру глаза. — Я едва могу видеть, я потеряла конта...

— Ага, уверена, это очередное захватывающее приключение в великолепном, свободном от ответственности мире Джессики Бим. — Она выдыхает, до этого надув щеки. — Но, может, ты сможешь рассказать мне об этом в поезде по дороге на юг? Только прими душ, ладно? — Приближаясь, она легонько принюхивается. — Ты пахиваешь.

— У меня есть время для быстрой пробежки? Максимум двадцать минут. Чтобы проветрить голову. Чувствую себя отвратительно.

— Нет! Иисусе, Джесс.

Саммер протягивает руки, чтобы забрать мистера Белдинга. Он взбирается вверх, отчаянно цепляясь когтями за мой топ. Она щурится, изображая подозрение.

— Хм-м-м. Не понимаю, почему ты ему так нравишься, ведь это я провожу с ним массу времени. Укладываю его, забочусь о его карьере.

Мистер Белдинг — расцветающая Интернет-звезда. Кот-модель. Саммер одевает его в маленькие костюмчики и позирует с ним для фотографий, которые потом выкладывает в Сеть для «лайков» и «ретвитов».

Я многозначительно осматриваю специально созданный для мистера Белдинга кошачий топ, в который он сейчас наряжен.

— Не знаю, — говорю я невинно. — Может, ему просто хочется побороться за небольшую свободу в самовыражении?

Саммер ахает.

— О, как это забавно, да? Просто поторопись, хорошо? — Она громко вздыхает, разворачивается на каблуках и, цокая по деревянному полу, пересекает комнату, после чего закрывает дверь гостиной с большей силой, чем обычно.

В последнее время у нее плохое настроение.

Я крепко хватаюсь за рейку на стене и иду вдоль нее, пока не дохожу до моей уютной, размером с коробку, комнаты, где, наконец, надеваю старые добрые черепаховые очки.

— Наконец-то, Господи! — кричу я в потолок в знак возвращения к прежнему состоянию.

Помещая айфон на базу для подзарядки, я выбираю плейлист с любимыми гимнами рока, и они еще ни разу не проваливали задачу вернуть мне потрясающее расположение духа. Быстро срываю с себя одежду, в которой была прошлой ночью, и бросаю ее в привычном направлении переполненной корзины с бельем. И правда стоит заняться стиркой.

Завтра.

Совершенно точно завтра.

Запрыгивая под душ, я мою голову шампунем быстрее, чем когда-либо, потому что Саммер уже израсходовала недельный лимит горячей воды, дважды за день приняв комплексную ванну, о которой прочитала на портале «goor», так что струи становятся ледяными еще до того, как достигают меня. Она кричит мне:

— Почисти зубы дважды, Джесс. Может, трижды.

— Конечно! — отвечаю я дрожащим голосом, сразу же отодвигая шторку для ванной, потянувшись за зубной щеткой, чтобы поработать над грандиознейшей чисткой зубов.

— Не забудь сегодня надеть белье, — снова кричит Саммер, и на этот раз уже из-за

двери моей комнаты. Отчасти я жду, что она внезапно объявится в ванной в стиле котандиндзя, чтобы убедиться, что я помыла за ушами.

— Сегодня я точно надена трусы! — отзываюсь я в ответ.

Я задаюсь вопросом, нормально ли немного бояться своего лучшего друга? Не как убийцу, конечно, но иногда Саммер одаривает меня застывшим, морозным взглядом, отчего сердце уходит в пятки. Если я слишком пьяная, развязная или болтливая, у Саммер появляется этот леденящий взгляд, и тогда я понимаю, что, наверное, пора бы взять себя в руки. Время от времени я пытаюсь быть трезвомыслящей. Прекращаю веселиться: перестаю чудить с парнями, завязываю с выпивкой, ставлю на паузу питание только пищей быстрого приготовления «Пот Нудлс», заказы на ужин сэков «МакКой» и пуддингов «Харибо», а также хожу с Сам на ее ужасные курсы по пряже, даже смываю макияж перед сном и пытаюсь понять, что мода — гораздо больше, чем просто блестящие топики, делающие мою грудь более потрясающей. Обычно меня хватает на несколько дней. Но затем, довольно скоро, без вечеринок жизнь начинает казаться серой и пустой, и, нравится мне это или нет, но я возвращаюсь к тому, что Саммер отнесла бы к моим «смехотворным приключениям Джессики Бим». Она считает, что я живу так, словно мне все еще восемнадцать, а не двадцать восемь, но что в этом плохого? Как очень душевно поет Тули́са Контоставлос: «Мы молоды, мы молоды, мы молоды». И я всегда говорю: жизнь чертовски коротка, чтобы не хихикать, пока можешь.

— Джесс! Пошевеливайся!

— Пять минут!

Я стараюсь максимально быстро побрить ноги, что является необдуманном, кошмарным решением, и ведет к уродливому порезу на голени, который еще и болит твою мать как. Я подпрыгиваю и бормочу все возможные ругательства, что только знаю, пока боль не утихает.

Один милый клавишник из группы, игравшей прогрессивный рок, с которым я встречалась несколько недель в прошлом году, как-то спросил меня, с какого перепугу я так забочусь о том, что подумает Саммер Спенсер. И я пояснила ему почему: Саммер была со мной тогда, когда не было больше никого. Звучит драматично, знаю, но это правда. Потому что, когда мне было восемнадцать, моя мама, Роуз, умерла. Я была первокурсницей в манчестерском университете, и Саммер ходила со мной на курсы по английской литературе. Когда я не ходила на занятия на протяжении трех недель, она пришла ко мне в общежитие, чтобы узнать причину моего исчезновения. Ради справедливости скажу, что я помогала ей выполнять ее задания (до сих пор не понимаю, как она попала на эти курсы, ведь она думала, что Джордж Элиот³ — мужик), а в мое отсутствие она нахватала паршивых оценок. Несмотря на все это, Саммер была единственной, кто вообще заметил, что я пропала.

Когда она нашла меня спрятавшейся в своей комнате, поедающей не доготовленный замороженный чесночный хлеб, увлеченной марафоном сериала «Розмари и Тайм» на DVD и потягивающей дерьмовое вино из коробки, хлещущей его прямо из пластикового краника, она сказала: «Это печальнейшая сцена, свидетелем которой я стала. Нанеси помаду, идем куда-нибудь и нажремся до полусмерти». В то мгновение эта идея показалась мне самой худшей в мире и совершенно лишенной сочувствия. Но, как выяснилось, развлечься и оторваться было самым эффективным отвлечением из всех, что я пробовала в течение всех этих мрачных недель. С тех пор мы неразлучны. Саммер взяла меня под свое крыло и представила своей компании крутых друзей, которая, в конце концов, стала и моей.

Я не встречала никого, похожего на Саммер Спенсер. Даже в свои восемнадцать она была самой уверенной, популярной персоной в помещении. Стильные прически и одежда у нее появлялись раньше, чем те становились хитами модных журналов, а также у нее была врожденная способность знать, где проходят самые лучшие вечеринки. Тот факт, что она хотела проводить время со мной, в высшей степени мне льстил. Да и до сих пор так. И мне было не тяжело писать за нее несчетное количество эссе, или даже работы, которые по размеру дотягивали до ее диссертации — я любила книги, по которым мы учились, для растревоженной же Саммер все было далеко не так радужно. И я никогда не забуду, что, если бы в тот день она не вытащила меня из постели, я, вероятно, и сейчас была бы там, покрываясь плесенью.

За дверью ванной я слышу раздающиеся из динамиков айфона начальные громоподобные рифы одной из любимых песен «Led Zepplin». И перед тем, как смыть с волос кондиционер, не могу противиться желанию изобразить игру на воздушной гитаре.

Итак, после обучения мы с Саммер на несколько лет потеряли связь. Она была занята в Нью-Йорке, пыталась стать дизайнером и встречалась с Андерсоном Уорнером, знаменитостью с искрой в глазах и кинонаградой от MTV, я же не стремилась чего-то добиться, а просто путешествовала по Европе, в пути влипая в веселые и грандиозные приключения. Позже, когда из мечтаний Саммер о модной индустрии ничего не вышло, а Андерсон отшил ее ради южнокорейской модели, она вернулась в Англию и завела блог, который назвала «Саммер в городе».

Сначала он состоял практически только из ежедневных селфи Саммер с «утиным» выражением лица, которые она делала на разных вечеринках и презентациях. У блога почти не было посещаемости, что уж говорить о прибыли. Она позвонила мне и спросила, не хотела бы я писать для нее. Тогда я была в Марокко, прекрасно проводила время, но ей нужна была услуга, а за мной был должок. Так мы и пришли к тому, чем занимаемся. Оплаты было недостаточно, чтобы снимать квартиру самостоятельно, но Саммер позволила очень задешево жить в апартаментах в Каслфилде, что купил ей Андерсон. С тех пор я здесь, и спустя два года совместной работы «Саммер в городе» стал потрясающим, стильным и популярным блогом, основанном на приключениях Саммер в Манчестере. На мне основная часть писанины, но обозреватель именно Саммер. Я слоняюсь по ресторанам, барам, бутикам, вечеринкам и презентациям, а потом мы вместе создаем об этом посты. Я голос, Саммер — лицо. Работа не самая трудоемкая, и довольно часто нам не приходится платить. У меня никогда не было грандиозных планов на карьеру, так что, должна заметить, окунулась я в это дело за милую душу.

Есть надежда, что это дело станет еще приятнее, потому что сегодня мы отправляемся в Лондон произнести речь перед Валентиной Смит, издателем небеллетристической литературы из «Саутбанк Пресс». Они заинтересованы в том, чтобы превратить «Саммер в городе» в гляцевую книгу, делящуюся подробностями определенного образа жизни.

Ладно, одежда.

Я вытираюсь единственным имеющимся у меня до запланированной стирки чистым полотенцем — малюсеньким, зеленым и предназначенным для рук — и открываю двери шкафа, чтобы обнаружить, что все висящие там пластиковые вешалки, на которых должна находиться одежда, пусты, за исключением одной: на ней болтается легкомысленный костюм Клеопатры с прошлого Хэллоуина.

Скорее всего, не подойдет.

Роясь в ящике, среди старых упаковок DVD я нахожу наполовину опустошенную бутылку рома, обожаемый мною золотистый лифчик, который, мне казалось, я потеряла, и слегка мятое, хоть и с глубоким вырезом, но вполне нормальное бирюзовое хлопковое платье с розовым цветочным рисунком.

Оно вообще мое?

Я принимаю к нему.

Неплохо...

На всякий случай я щедро брызгаю на него освежителем и надеваю. Платье довольно короткое, прикрывает только задницу и выставляет напоказ мои ноги с тем судьбоносным бритвенным порезом.

Черт подери. Наверное, нужно было готовиться тщательнее. Хотя платье вроде как выглядит круто, если все взгляды будут прикованы к области выше талии.

— Джесс! Поторопи-и-и-и-ись!

Ладно, мне придется это сделать.

— Прости, Саммер! Почти готова!

Туалетной бумагой я промокаю порез, сушу и выпрямляю свои волосы цвета платиновый блонд, подвожу брови, надеваю любимые серебристые шлепанцы и выхожу к до крайней степени нетерпеливой Саммер.

— Что на тебе надето? Нет. Не-е-е-ет. — Саммер паникует сразу же, как только видит меня.

Она в гостиной, одета в коралловое прямое короткое платье, кожаное болеро, обута в ботильоны на высоком каблуке и выглядит идеально. Ее темные волосы, окрашенные в стиле омбре, ниспадают мягкими волнами и убраны на одну сторону. На шее у нее ожерелье с золотистым кулоном в виде Соника. Я этого не понимаю, но мы писали о нем в нашем блоге на прошлой неделе и, очевидно, он правда «в тренде». Позади нее на нашем искусственно состаренном кожаном диване развалился парень Саммер, Холден. Он осматривает меня с головы до ног, глядя из-под своих огромных квадратных болванистых очков, которые придают ему вид болвана.

— На мне платье, как ты и просила! — поясняю я, указывая на короткую юбку платья.

— Это не платье, горошинка моя, а трагедия.

Холден давится смехом. Я одариваю его лучшим из своих испепеляющих взглядов, который несколько раз испытывала перед зеркалом. Он довольно испепеляющий.

— Разве это не твое платье? — спрашиваю я. — Не думаю, что оно мое...

Она оскорбляется из-за подобного предположения.

— Почему ты просто не купила новое, как я и просила?

Черт подери. Она еще на прошлой неделе просила меня купить новое платье. Я записала это на руке. Купить практичное платье!

— Настолько плохо? — спрашиваю я. — Оно все в цветочек и... дерьмо. Тебе же нравятся вещи в цветочек, разве нет? Дизайн женщины, которой, ты говорила, восхищаешься... Кэт Кидстон! Это точно такой же принт.

— Я не говорила, что восхищаюсь Кэт Кидстон, — резко вздыхает Саммер, быстро притаптывая по полу. — Я говорила про отвращение. Питаю отвращение. И почему ты в очках? Надень линзы.

Я сдвигаю очки на нос.

— О, я потеряла линзы прошлой ночью. Не было возможности заказать новые.

— Некоторые люди заказывают вещи предварительно!

— Да? Не беспокойся. Если комедии восьмидесятых чему меня и научили, так тому, что люди в очках кажутся умнее других. Благодаря очкам я кажусь более начитанной. Они идеальны для похода в издательство!

— Это не поход, Джесс. Это может стать разделительной чертой между победителями в жизни и печальными неудачниками. Я знаю, кем собираюсь быть. Это очень важно. Почему ты не можешь относиться серьезно хотя бы к этому?

Я закатываю глаза, но знаю, насколько это мероприятие важное. Над сегодняшней речью я работала очень усердно. Однако, как любила говорить моя мама, если ты чего-то хочешь слишком сильно, значит, все пойдет наперекосяк. Так что я собираюсь делать то же, что и всегда. Быть спокойной. Беспечной как бестолочь в бассейне⁴.

— Не нервничай ты так сильно, Сам. — Я похлопываю ее по плечу. — Они, наверное, и не заметят, как мы одеты. Они заинтересованы в наших мозгах.

Саммер ахает, бросает взгляд на ее ретро часы с Минни Маус (никогда не пойму, зачем люди носят безвкусные старые вещи, когда могут приобрести новые и блестящие) и крадется к чулану.

— Менять тебя уже слишком поздно, хотя за все те годы, что ты следуешь за мной, мой утонченный вкус мог бы и передаться тебе ну самую малость. А твои ноги? Искусственный загар вокруг твоих коленок лежит пятнами... у тебя голень кровоточит?

Я изучаю свои ноги.

— О, эм, ага. Немного кровоточила, но сейчас все прекратилось. Будет еле заметно. Разве что немного красных бумажных ворсинок, если вдруг кто обратит внимание.

— Красные бумажные ворсинки? С чего бы на твоей голени были красные бумажные ворсинки?

— Э-э-э...

В голову приходят только неправдоподобные причины.

— Вот. Надевай. — Она бросает мне длинное черное кашемировое зимнее пальто, от веса которого я отшатываюсь назад, отлетая к стене.

— Но сейчас июль! — Я смотрю на тяжелый материал с ужасом. — С меня стечет семь потов.

Саммер кладет руки на стройные бедра и устремляет на меня взгляд.

— Я сделаю дикое предположение, что у тебя совершенно нет подготовленной чистой одежды, и ты совершенно точно не можешь надеть туда джинсы. У меня высокий рост и сорок второй размер, сейчас уже, может, даже сороковой, а у тебя рост 161 сантиметр и размер сорок четыре, так что из моего тебе ничего не подойдет. Черт, Джесс. Просто надень пальто. Нам нужно идти.

Дерьмо. Она правда расстроена.

Еще до того, как сунула руку в рукав пальто, я уже ощутила выступающие на лбу капельки пота. Приблизительная оценка времени, когда мои брови растекутся полностью — примерно десять минут.

— Повеселитесь в Лондончике, девчонки, — гнусавит Холден с дивана, прикуривая свою сигарету «Голуаз». — Передавайте от меня привет старику ЛНД⁵, хорошо? Хороший город. Хороший.

Саммер плавно наклоняется к нему, чтобы поцеловать, но аккуратно, стараясь не наткнуться глазом на барабанные палочки, которые он убрал за ухо.

— Пожелай нам удачи! — пищит она.

— Удачи, — мурлычет он, делая глоток из банки крафтового пива, прежде чем усадить ее к себе на колени для полноценного поцелуя. — Она сопутствует тебе, куколка. Ты сможешь.

— Я люблю тебя больше, чем чай, котят и абрикосовый джин, — бормочет Саммер, делая руками сердце, и хихикает, когда мистер Белдинг запрыгивает к ним, устраиваясь между ними с шипением.

— Я люблю тебя больше, чем группу «Mumford and Sons», — отвечает Холден торжественно.

Тело начинает ломить, как всегда происходит, когда кто-то в моем присутствии перебарщивает с эмоциональностью. У меня нет проблем с публичным проявлением привязанности, сама принимала участие в ее выражении разнообразными способами в разных местах. Но публичные признания в вечной любви? Буэ. Заберите меня отсюда.

— Увидимся, крокодильчик, — проникновенно шепчет Холден, ухмыляясь, когда Саммер наконец встает с его колен. Как только она отворачивается, он посылает мне усатый воздушный поцелуй и пошло подмигивает.

Фу, мать твою.

— Идем, Саммер, — говорю я, за спиной Саммер показывая Холдену средний палец. — Отправляемся в Лондон, чтобы поймать удачу!

Дневник Роуз Бим

17 апреля 1985

Сегодня ночью почти попалась! Когда я забиралась обратно через окно, с подоконника с грохотом упали «Приключения Гулливера». К счастью, я додумалась забраться в постель и накрыться одеялом с головой до того, как на шум в комнате пришла мама, чтобы поймать меня в этом миниатюрном кружевном платье а-ля Мадонна. Двадцать пять лет, а я все еще сбегая из родительского дома, чтобы сходить в клуб. Господи.

Я жутко хочу получить предложение об актерской работе, чтобы иметь возможность убраться отсюда и стать независимой. Мама с папой твердо намерены не верить, что мне это нужно, особенно когда вокруг шныряет проклятый Найджел Пембертон со своими жирными волосами, кричащей «у меня крошечный пенис» машиной и набором скучнейших папок. Эй! На дворе 1985 год! Времена, когда женищина покорно ждала одобренного родителями замужества, давно прошли. Все как в чертовых романах Остин. Работа в галерее кошмарно нудная и почти неоплачиваемая, но, по крайней мере, я каждый день на некоторое время могу покидать дом, пока не пойму, что на самом деле хочу делать со своей дикой и драгоценной жизнью!

В общем, я слегка подвыпившая (не в потрясающем ли мятном ликере «Crème de menthe» дело?) и пишу о вещах, которые не слишком интересны. Виктория пригласила меня в пятницу в новый классный клуб «Печальная канарейка»^б. В Сохо. Папа умер бы. Ха! Уже не могу дождаться. Обожаю танцевать. Обожаю разноцветные огни. Обожаю развлекаться с Викторией, она такая шумная, совсем не такая ханжа, как Анна и Клэр-Мари.

Нужно ложиться спать и видеть сны. Завтра на работу. Бу-у-у-у. ПОМНИ, РОУЗ! 1 следующий раз снаружи прячь тапочки. Взбираться по этим балконам опасно даже не

будучи обутой в туфли на двенадцатисантиметровых каблуках!

Рх⁷

Глава третья

Во время путешествий поездом ешьте только легкую, простую пищу. Сильные, стойкие запахи неприятны...

Не считая дружелюбных приветствий, соседи в поезде, как правило, не общаются. Если вы одинокая леди, возьмите книгу, либо насладитесь видами за вашим окном.

Матильда Бим, «Как быть достойной женщиной», 1959

Что мне интересно, так это почему все так одержимы «тихой зоной» в поездах? Они заявляют о своем предпочтении с почтеным благоговением. «О, я всегда бронирую место в “тихой зоне”, о да» говорят они, словно их уши настолько чувствительны, что просто не могут выносить создаваемый людьми шум и высокоскоростное путешествие одновременно. И затем эти своеобразные личности проводят всю поездку в несчастном и тревожном состоянии, ощущая покалывание в ушах, и, наблюдая, ожидают хоть малейший хруста от разломанного бисквита, который нарушит эту тишину и уничтожит магию специализированной «тихой зоны» навсегда.

Я открываю обожаемый ноутбук и помещаю его на пластиковый столик, пока сидящая напротив меня Саммер бросает гневные взгляды на ребенка через несколько сидений от нас, который громко пытается решить, какой у него любимый цвет: голубой, как небо, или желтый, как одуванчик.

— Гр-р. Неужели этот маленький кусок дерьма не знает, что мы в «тихой зоне»? — шипит она, чем досаждаст мужчине, сидящему слева от нее, который просит Саммер быть потише, тем самым участвуя в какофонии звуков, состоящих из аханья, ворчания и пронзительного шепота, раздающегося со всех концов вагона. Мы будто на школьном собрании. Я покашливаю, хотя необходимости в этом нет, и ощущаю порыв громогласно завопить «ОГРОМНЫЙ ПЕНИС».

Из-за того, что Саммер чувствительна к шумам в поезде, мы репетируем нашу речь безмолвно, пользуясь услугами мгновенных сообщений, или МС, как мы, новейшее цифровое поколение, называем их. Как только поезд со скрипом и свистом отъезжает от станции «Манчестер Пиккадилли», я плачу за WiFi и подключаюсь к беспроводной сети с обоих наших компьютеров.

САММЕР СПЕНСЕР: Ладно. Давай прогоним все в последний раз. База у нас наработана.

МИСС ЗАПАЛ: Согласна. Но могу я сначала взять пирог? Я голодная. Хочешь, и тебе возьму? Угощаю.

САММЕР СПЕНСЕР: Пирог? Нет, спасибо. Вообще-то одиннадцать утра уже прошло.

МИСС ЗАПАЛ: Я немного не в себе. Пойду зацеплю чего-нибудь в вагоне-ресторане. Скоро вернусь.

Пока я, спотыкаясь, иду по узкому проходу, чтобы пройти в следующий вагон, Саммер сверлит меня фирменным леденящим взглядом, а от тихих и постоянных шлепков тапочек по

ковру пассажиры «тихой зоны» вздрагивают и смотрят на меня с острой ненавистью.

Я с нетерпением хватаю из мягко жужжащего холодильника пирог «Гинстерс» с говядиной и внимательно рассматриваю секцию с хрустящими снеками. Чипсы «Хула Хупс», крекеры «Скипс» или чипсы «МакКой» с солью и уксусом? Очень сложный выбор. Мрачный молодой парень за стойкой смотрит на меня, стоя рядом, и тяжело вздыхает.

— Как думаешь, что мне взять? — спрашиваю я весело.

Он смотрит на меня без выражения и пожимает плечами.

— Ты совершенно прав, — говорю я ему. — Очевидно же, что лучше всего «МакКой».

Я хватаю упаковку и кладу ее на стойку, а вместе с чипсами беру батончик имбирного темного шоколада «Грин и Блэкс» для Саммер.

— Еще газировку «Лилт», думаю. И водку. Похмелиться.

Когда я возвращаюсь на место, Саммер хмурится и начинает печатать.

САММЕР СПЕНСЕР: Водка?! Ты чего?!

МИСС ЗАПАЛ: Опохмел.

САММЕР СПЕНСЕР: Шикарно. И чипсы? Мы в «тихой зоне».

МИСС ЗАПАЛ: Сначала я буду их облизывать, чтобы они не хрустели так громко.

САММЕР СПЕНСЕР: Ох! Ну что ты за неряха.

МИСС ЗАПАЛ: ☺

Я разворачиваю пирог, откусываю приличный кусок и стону от наслаждения, когда сочная ветчина возвращает розовый оттенок моим бледным из-за похмелья щекам.

САММЕР СПЕНСЕР: Он воняет. Ты расстраиваешь весь поезд.

Я взглядом сканирую вагон и замечаю, как другие пассажиры принохиваются и кривят лица в ужасе. Я кладу пирог на стол и печатаю.

МИСС ЗАПАЛ: Но он правда вкусный! Они просто завидуют, что я ем пирог.

Пока я его ем, Саммер демонстративно зажимает нос пальцами. Я поглощаю его так быстро, как могу, и пытаюсь подавить зарождающуюся отрыжку. У меня не особо получается, и она, раскатываясь, нарушает тишину, вызывая коллективные цыканья и шипение со всех диванов в вагоне. Я раздражаюсь и ожидаю протесты, или что меня даже вытолкают вон, но никто не говорит ни слова. Они не могут! Для них «тихая зона» — земля безмолвных возмущений! Я встаю с сидения, принимаю позу, как на сцене, и по-королевски машу им с самой раздражающей и сверкающей широкой улыбкой. Они пыхтят. Они беззвучно пыхтят!

Как только мы заканчиваем с речью — уточняем ключевые предложения, уверяемся, что все страницы нашей презентации на нужных местах, и трижды проверяем очередность произнесения речи — Саммер подключает к ноутбуку наушники, чтобы посмотреть фильм. «Настоящий бророман», невероятно успешную «комедию про братанов», в которой снялся Андерсон Уорнер, и на премьере которого в Нью-Йорке с ним была Саммер. В этом фильме присутствуют особенные для нее моменты. Не только из-за воспоминаний о том, как они с ним познакомились (один из ее друзей в индустрии моды был ассистентом по гардеробу в фильме и пригласил Саммер на съемочную площадку), но и потому, что именно тогда она начала получать свою долю славы. Вообще, был период, на протяжении примерно полугода, когда она не могла выйти на улицу без того, чтобы не быть преследуемой папарацци, был с ней Андерсон или нет. Вы всегда читаете о том, как знаменитости ненавидят папарацци, но Саммер радовалась им на случай, если те напишут о ней хоть что-нибудь. У нее даже есть папка с вырезками всех упоминаний о ней прессой. Конечно, она без понятия, что я знаю об

этом, я обнаружила ее одной ночью, когда мистер Белдинг застрял под ее кроватью в наряде ковбоя, а я разыгрывала спасительную миссию.

Когда Андерсон бросил ее, интерес Америки к ней исчез, но несколько блогов в Англии все еще обожают Саммер. Она крутая, ну, знаете: носит белые безбортные носки с лиловыми брогами, у нее широкая и длинная челка.

Я зеваю и улыбаюсь ей, но она даже не замечает. У нее странное мечтательное выражение лица, возникающее всегда, когда она думает об Андерсоне.

Господи.

Мама говорила, что любовь сводит людей с ума, и она была права. Не то чтобы я влюблялась. Но, когда дело касается парней, обычно крайне сконцентрированная и резкая Саммер превращается в неуверенную и разрушающуюся женщину. И, кажется, совсем не имеет значения, что бросить ее по почте он поручил своему помощнику, или что сейчас он официально встречается с Эммой Уотсон. Она все еще думает о нем как о парне, который ушел, и если он когда-нибудь вернется, я не сомневаюсь, она оставит Холдена в наносекунду, что, в общем-то, не будет катастрофой, ведь он собственник и говнюк.

Откидываясь на спинку сидения, я начинаю пить мои «Лилт» и водку и смотреть в окно на проносящиеся мимо виды потрясающей английской природы, мерцающей зеленоватыми и золотистыми тонами, размышляя над тем, какой будет жизнь, когда я стану богатым и знаменитым соавтором книги-бестселлера. Я наконец снова смогу путешествовать, не беспокоясь о деньгах. Смогу в далекой экзотической стране открыть бар. Может, на Бали. Или даже на Сент-Люсии. В месте, полном счастья и расслабленных людей, желающих просто отдохнуть, повеселиться и потанцевать под сиянием луны, и все в этом же роде. Где-то, где я смогу жить в бикини, ночами напролет по полной программе отрываться на безбашенных вечеринках и просто получать удовольствие, не испытывая давления от дурацких вопросов или из-за обязательств перед кем-то. Абсолютная внутренняя свобода без единой заботы в мире.

Не могу дождаться.

Глава четвертая

Встретив новую подругу, будьте дружелюбны и заинтересованы, но не слишком, так как это вызовет подозрения.

Матильда Бим, «Как быть достойной женщиной», 1959

Вестибюль "Саутбанк Пресс" роскошный: величественная лондонская архитектура с высокими потолками и мудреными карнизами в сочетании с современным минимализмом. Стены бесконечные, белые, и на них в линию висят оформленные в рамы обложки книг, каждая из которых освещается мягким, ярким, как в картинной галерее, светом. Тут гораздо оживленнее, чем я думала, люди суетятся, заходя в лифты и выходя из них, расслабляются на огромных диванах, читая связки листов и увлеченно обгрызая шариковые ручки. На одной из стен висит гигантский, как для домашнего кинотеатра, телевизор, и на нем проигрываются доведенные до лоска промо-ролики с интервью знаменитых авторов об их книгах.

— Черт меня подери, — шепчу я, замечая нынешнего призера Букеровской премии

Дэвиса Артура Монблана, мчащегося к одному из лифтов. Всего пару ночей тому назад он был на шоу канала ВВС "Время вопросов". А теперь он здесь! — Смотри, Саммер! Это Дэви Артур Монблан. Я и не знала, что его издают "Саутбанк Пресс".

Саммер закатывает глаза и подталкивает меня идти по просторному вестибюлю.

— Конечно, они издают его. Они издают практически каждый бестселлер по мнению "Сандей таймс" в стране.

— Охренеть.

— Ты прекратишь выражаться?

Когда я смотрю на закрывающиеся за спиной Дэвиса Артура Монблана двери, меня пронзает осознание, где же мы находимся. Матерь Господня. Это все По-Настоящему. Потенциальный шанс на прорыв. В моем желудке дает о себе знать рой перевозбужденных бабочек, и неким образом внезапная нервозность напоминает моему телу о способности потеть. Проклятое тяжелое пальто.

О нет. В моей голове проносятся худшие варианты развития события. Что если мой пот во время встречи будет капать на стол? На самую важную рукопись? О. Мой. Бог. Что если мой пот будет литься на призовую рукопись Дэвиса Артура Монблана? Иисусе, боже, нет.

— Ты точно уверена, что мне не стоит снять пальто? — спрашиваю я у Саммер, когда выступившая на лбу испарина скользит к моему носу.

— Да, уверена. Не в этом позорном платье. Ты произведешь кошмарное впечатление.

Я протестую самую малость, но пальто не снимаю, потому что Саммер модный гений, и я бы не узнала "Лубутен", даже если бы их бросили мне в голову, но по дороге к стойке администратора не перестаю лихорадочно обмахивать малинового цвета лицо.

— Добрый день, — обращается к нам дружелюбная молодая женщина в накрахмаленной кремовой хлопковой рубашке. — Добро пожалось в "Саутбанк Пресс". Чем могу помочь?

— Здравствуйте, — отвечает Саммер с ее обыкновенной невероятной уверенностью. — Саммер Спенсер на встречу с Валентиной Смит.

— И Джессика Бим тоже. Я тоже на встречу с Валентиной Смит.

Саммер посылает мне испепеляющий взгляд, и я с досадой отмечаю, что ее испепеляющий взгляд лучше моего.

Секретарша коротко кивает и протягивает нам пластиковые бейджи на ленте с надписью "Гость" и просит присесть, пока она позвонит Валентине Смит, чтобы та спустилась.

— Так, — проговаривает Саммер, как только мы садимся на плюшевые лиловые диваны. — Мы возьмем их штурмом, ладно? Просто обязаны. Андерсон проклянет тот день, когда решил бросить автора бестселлера!

Полагаю, Андерсон сейчас, скорее всего, у своего бассейна в Лос-Анджелесе, воодушевленно нюхает кокаин с крошечной ягодицы какой-нибудь модели, размышляя о том, насколько он растиражирован и успешен. Если уж фото Саммер топлес, которые она отсылала ему, не привлекли его внимания, то сомневаюсь, что это удастся книге. Бедная Саммер.

— Они не смогут сказать "нет", — соглашаюсь я, делая голос максимально уверенным. — У нас есть супер-речь. И великолепный, уникальный сайт о жизни. Мы, по правде говоря, гребаная команда мечты. Практически... Кэннон и Болл⁸ в мире блогов о модном стиле жизни. Нет, стой, Кэннон и Болл не работали как команда мечты уже долгие

годы. Торвилл и Дин⁹? Нет. Э-э... Кенан и Кел¹⁰? Нет... эм...

— Тихо. — Саммер раскрывает ее желтую сумочку от "Малберри" и достает из нее потертую фотографию, которая была сделана в день встречи с ее идолом, Алексой Чанг, на модном показе в Нью-Йорке. Она вздыхает и медленно выдыхает через рот, прежде чем закрыть глаза. — Я взываю к силам Чанг, чтобы пережить этот судьбоносный момент. Вдохновите меня быть выделяющейся и самой стильной персоной. Взываю к помощи, чтобы я потрясла всех. Чтобы моя звезда взмыла ввысь и засияла ярче, как супер-суперзвезда.

Она открывает глаза, гладит освещенную щеку Алексы Чанг и бережно убирает фотографию обратно в сумку.

— Мать твою. Я немного нервничаю, — тяжело дышу я и поднимаю брошенный экземпляр "Гардиан", чтобы обмахиваться им.

— Не сквернословь, Джесс!

— Черт подери, я снова ругаюсь? Твою за ногу, прости. Я и не знала, что снова занимаюсь этой херней. Может, нам поставить в квартире банку для ругательств? Ну, не банку, что-то посимпатичнее. Чашку сквернословия? Вазу? В общем, какой-нибудь крутой сосуд, как ду...

— Все в порядке. Тихо. Просто будь на встрече крайне осторожна.

Внезапно возникает стажер и объявляет, что нам следует идти за ней к лифтам.

Саммер улыбается, в ее карих глазах непоколебимость. Она подходит ко мне ближе.

— Не облажайся хотя бы тут, Джесс.

Валентина Смит — главный редактор нехудожественной литературы и просто женщина, которая выглядит безупречно. Ей немного за тридцать, и она невообразимо привлекательна: на коже золотистый загар, тело гибкое, и носит она цвета кэмел, тауп и бисквит, которые всем более известны как светло-бежевый, темно-бежевый и умеренно бежевый. Ее длинные пышные каштановые волосы окрашены в те же три тона, а губы накрашены кричащей «посмотрите на мой рот!» постботоксной красной помадой, из украшений на ней лишь пара недооцененных, элегантных шпилек из белого золота. Наступил неловкий момент, который вызван моим громоздким пальто: Валентина настаивает, чтобы я немедленно сняла его, ссылаясь на абсурдную жару этим летом, но я придерживаюсь инструкций Саммер: оставаться в нем, невзирая ни на что, лишь бы платье, что под ним, никогда не увидело дневного света. Я не знаю, как поступить! Валентина начинает стягивать пальто с моих плеч, но я шиплю «Нет!», вцепляюсь в него со всем неистовством и между нами начинается война в стиле игры «перетяни канат», но только до тех пор, пока Валентина — а она, как я полагаю, из тех, кто добивается своего — не побеждает и сдергивает с меня пальто. Мое цветастое платье явлено свету во всей его устрашающей красе. У Саммер такой вид, словно от смерти от стыда ее отделяют считанные секунды.

— Ох, мне нравится это платье! — произносит Валентина Смит, взгляд ее голубых глаз оценивающе скользит по моему наряду. — Очень даже в стиле Джен из «Бухты Доусона», но с налетом легкомысленности. В ироничном смысле, безусловно. Я читала обо всех ироничных модных трендах в «Обозревателе» еще в прошлом месяце. Не уверена, что смогу что-то подобное надеть сама, но на тебе это смотрится великолепно, Джесс! Браво.

— Спасибо, Валентина Смит!

Понятия не имею, о чем она говорит, но вроде о чем-то хорошем. Так и знала, что платье не настолько плохое.

Мы с Саммер садимся на жесткий диван кремового цвета, и я осматриваю самый потрясающий кабинет из всех, что когда-либо видела. Он такой же стильный, как сама Валентина: все поверхности из стекла, окна огромных размеров, яркой цветовой гаммой тут выделяются только вазы с экзотическими цветами и красивые книги в твердых глянцевых обложках, которыми уставлена вся дальняя стена. Если бы это был мой офис, я бы оформила его точно так же. Ну, разве что добавила бы китайских фонариков, чтобы добавить немного цвета, ну и, может, несколько кресел-мешков, чтобы можно было отдыхать и читать все эти книги. О-ох, а еще потрясающую стереосистему, чтобы была возможность крутить музыку и устраивать танцы в случае паршивого настроения. Шанс был бы даже у диско-шара...

Валентина разлила какую-то популярную воду в три высоких идеально вычищенных стакана. Я дико хочу пить из-за феноменальной июльской жары, так что беру воду и выпиваю освежающую жидкость махом. Саммер и Валентина наблюдают, с каким рвением я глотаю воду.

— А-а-а-а-ах! За милую душу! — шепчу я, заглушая легкую отрыжку рукой.

Саммер одаривает меня ледяным взглядом. Да что с ней?

— Это точно! — Валентина смеется и садится за ее огромный стол. — Итак! Насколько я обожаю «Саммер в городе»? Ответ — сильно. Блог прямо в духе времени. Такой легкий и свежий. Нам очень нравится.

Мы с Саммер взбудоражено обмениваемся улыбками. Это так круто. Они любят наш блог!

— Совершенно ясно, что Саммер здесь потому, что блогу дано ее имя. Джессика, ты можешь четко пояснить свою роль?

— Ох, в основном я пишу, но также немного занимаюсь общественными связями, ну, знаете, проверяю социальные сети и занимаюсь администрированием.

Валентина смотрит на Саммер и хмурится.

— Вот как! Ладно! То есть ты, Саммер, на самом деле контентом не занимаешься?

— Я, эм... ну... — мямлит Саммер.

В последний раз я слышала, как Саммер мямлит, в университете, когда лектор задавал ей вопросы по заданию, что я написала для нее. К счастью, мы сидели рядом, и мне удалось нацарапать ответы в моем блокноте раньше, чем кто-нибудь успел что-то заподозрить. Она покраснела. Я не могу это так оставить.

— Мы пишем вместе, — вставляю я быстро. — Вот ровно пополам. Разве не так, Сам?

Саммер рьяно кивает и сглатывает, прежде чем сказать:

— Точно, да. И я лицо блога. И именно я решаю, о чем конкретно мы будем писать.

— Замечательно! — Валентина улыбается, демонстрируя ее отбеленные, идеально прямые зубы. — Не терпится услышать вашу речь.

И мы начинаем.

Все хорошо. Очень даже. Саммер выкладывает первую половину презентации, как и планировалось, а я пролистываю на проекторе скриншоты сайта "Саммер в городе" и графики с недавней аналитикой. Во время демонстрации крутого роста посещаемости сайта за последний год Валентина Смит вздыхает с очевидным удовлетворением, а когда мы

показываем, сколько продукта было куплено непосредственно после кликов по рекламе на нашей странице, она почти вытаскивает язык от удовольствия. Саммер в ударе, несгибаема и непоколебима. Я испытываю легкую гордость, наблюдая за тем, как она рассказывает о нашем сайте.

Приближается моя очередь говорить. Я пытаюсь оставаться спокойной, но руки все же немного трясутся, чего прежде со мной не бывало. Когда это я начала нервничать? Чтобы руки не дрожали, я сжимаю их вместе.

Ты можешь, Джесс. Просто представь далекие горы в Перу, сексуальных бородатых путешественников, пляжные вечеринки, качественно новую жизнь. Это все может стать частью твоего существования, если с книгой все пойдет как надо...

Я делаю глубокий вдох, открываю рот и...

Саммер не останавливается.

Первой моей мыслью было, что я пытаюсь вклиниться слишком рано. Смотрю на записи. Нет. Она произносит мои слова. Она проговаривает мою часть речи!

Я тихо покашливаю, чтобы привлечь ее внимание настолько ненавязчиво, насколько это возможно, но она этого не замечает и просто продолжает рассказывать то, к чему все это время готовилась я.

Что она творит? Я наблюдаю за ней и ощущение гордости, что я испытывала мгновение тому назад, превращается в отчаяние. Может, и она нервничает? Или настолько на кураже, что не способна остановиться?

Когда Саммер заканчивает написанной мной потрясающей шуткой о разнице между фотохостингами «Фликр» и «Пинтерест», я не слишком понимаю, взбешена ли я из-за того, что не получила возможности высказаться, или рада, что Валентина Смит не заметила заминки.

Когда Саммер садится, я бросаю на нее взгляд, в котором отчетливо читается вопрос "Какого черта?", но она, вероятно, не замечает, и безмятежно улыбается Валентине.

— Великолепно, — восторгается Смит, убирая золотистую прядь волос за ухо. — Вы имеете отчетливое представление о вашей аудитории. А от ваших продаж в розницу просто захватывает дух.

— Спасибо, — улыбается Саммер. — Для меня это все очень серьезно.

— Джесс, мы так ничего и не услышали от тебя. — Валентина поворачивается ко мне. — Как правило, книги типа этой, навязывающие определенный образ жизни, чаще служат декорацией на кофейном столике. Но нам, молодому витку почтенного издательства, пришла мысль о новой будоражащей цифровой революции. Как думаешь, сможет ли книга "*Саммер в городе*" оказаться на высоте в цифровом тач-формате?

Я встаю, коленки дрожат. Черт. Мы не готовились к этому вопросу, хотя теперь ясно как день, что следовало бы. Я смотрю на Саммер с ужасом в глазах. Она сдержанно пожимает плечами.

Твою мать.

— Ну, эм... — Я откашливаюсь и поправляю очки на вспотевшем носу. — Я... думаю, лучше воплотить и перенести идеи из книги на все возможные социальные платформы. — Я тянусь за стаканом с водой и делаю долгий глоток, не совсем понимая, к чему веду. — Э, как вы слышали от Саммер, у нас уже немало фолловеров в разных социальных сетях. Мы можем добавить в наш видеоконтент на Ютубе цитирование отрывков из книги или подкасты с интервью дизайнеров и представителей изданий, с которыми мы сотрудничаем.

Валентина кивает, ее глаза слегка сощурены. Ладно. Пока что она не предпринимает попыток вытолкать меня пинками.

— Электронную версию книги мы могли бы... — начинаю я формулировать идею.

— Я знаю столько потрясающих манчестерских предпринимателей, которые согласились бы на сотрудничество, — перебивает меня Саммер. — Они мои хорошие друзья, эта сфера деятельности богата связями. Я могла бы позвонить им и попросить...

— О, мне не кажется, что Джесс закончила, — говорит Валентина, обезоруживая деликатной улыбкой. Я рискую бросить взгляд на Саммер. Она становится пунцовой. Черт. Я прочищаю горло и, прежде чем начать, беру секундную паузу.

— Эм, в общем, для планшетов электронную версию книги возможно сделать интерактивной.

— Интерактивной? Супер! — Валентина, приободряя, кивает. Я задираю голову.

— Мы могли бы в изображения вставить подробности о продуктах. Добавить ссылки на видео или внедрить непосредственную переадресацию на товары из книги. Мы могли бы задействовать комментарии из Фейсбука, как проводники по главам. О-о-о, или мы даже могли бы назвать главы хэштегами, чтобы люди, читающие тот же фрагмент книги, могли болтать о нем в Твиттере. Изображения превратить в гифки, как думаете? Наши читатели на Тамблере обожают гифки! Также можно прикреплять отрывки музыкальных композиций исполнителей и групп, которых мы упоминаем. Саммер знает очень много групп. Давайте дадим читателям возможность видеть, слушать и покупать именно то, о чем мы говорим!

Я останавливаюсь, осознавая, что перевозбуждена и могу не понимать, о чем вообще говорю.

Валентина Смит складывает ладони вместе и одаривает меня широченной улыбкой.

— Фантастические идеи, Джесс. Хорошая работа, столько энергии. Хвалю!

Я смотрю на Саммер, будто бы говоря "Фух", но она становится бледной и просто пялится на меня с открытым ртом.

— Знаете... — произносит Валентина задумчиво. — Сегодня вечером у нас ужин в честь великолепного нового романа Дэвиса Артура Монблана. Почему бы вам, девочки, не прийти? Познакомиться с некоторыми членами команды "Саутбанк"?

Мы яростно киваем. Ого. Вечеринка Дэвиса Артура Монблана!

— Безусловно, пока я ничего не могу обещать, — продолжает Валентина, — но... — и она смотрит прямо на меня, — кажется мне, что вы неплохо впишетесь. Очень даже.

О да-а-а-а.

Глава пятая

*Ваш наряд всегда должен соответствовать посещаемому мероприятию.
Продумывайте его заранее, насколько это возможно!*

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

Саммер ведет себя очень странно с самой встречи с Валентиной. Я спрашивала ее, почему она не дала мне рассказать свою часть речи, на что она ответила, что сильно разнервничалась, хотя, как по мне, она совершенно не казалась нервничающей. Затем всю

дорогу до Карнаби Стрит, пока мы едем в метро, она ведет себя достаточно тихо и уклончиво. Может, переваривает произошедшее. Если быть откровенной, вся встреча проходила довольно напряженно.

Она даже не упрямится, когда я затаскиваю ее в «Праймак», место, от которого, она клянется, у нее возникает полиэстровая сыпь.

Я с витрины беру миленькую пару розовых сережек в виде перьев.

— Как тебе? — спрашиваю я Саммер.

— Я даже объяснить не могу, насколько они меня оскорбляют.

Я осматриваю их. Что с ними не так? Как пара розовых сережек-перьев может оскорбить человека? Мне понять моду куда сложнее, чем попытаться не заляпать грудь соусом, поедая спагетти болоньезе. К черту ее. Мне нравятся эти сережки. Я бросаю их в корзинку и иду с ней дальше, Саммер бесшумно плетется позади.

— О-о-о-о, смотри! — выкрикиваю я. — Три пижамы-боди по цене двух!

Обожаю эти пижамы-боди. Что может быть удобнее пижамы для взрослого в виде животного?! Когда у меня неслабое похмелье, вылечиться получается только благодаря отдыху на диване, просмотру фильмов восьмидесятых, двум банкам ледяной газировки «Фанта» и укутанности в пижамку.

Я беру ту, что с капюшоном и коровьим принтом, другую — с леопардовым принтом и кислотно-розовой молнией, к ним еще одну, бледно-желтую, и воодушевленно укладываю их в корзину.

Мы расплачиваемся за мои вещи и продолжаем прогулку до Карнаби Стрит к прелестному бутику, в который хочет пойти Саммер. Я бросаю на нее взгляд.

— Ты в порядке, Сам?

Она отчужденно пожимает плечами.

Я приобнимаю ее.

— Ты там была на гребаной высоте, прекрасно поработала, знаешь ли. Я гордилась тобой.

Она резко останавливается и смотрит на меня.

— Ага, не уверена, что Валентина поняла меня. Но ведь... у меня вообще-то даже шанса не было впечатлить ее, пока ты все время трепалась обо всех этих цифровых технологиях. Что это было? Мы не договаривались говорить о таком. Этого не было в твоих записях.

— Ох, Сам, а что мне нужно было делать? Ну, задала она мне этот чертов вопрос. Пришлось импровизировать.

— Ладно. Ну, спасибо Господу за старую добрую умницу Джесс! — произнесла она со странной улыбкой, прежде чем войти в бутик передо мной.

Время перевалило за шесть часов, и мы вернулись в отель, чтобы подготовиться к вечеринке Дэвиса Артура Монблана. Саммер немного оживилась: консультант в бутике, невероятный фанат Андерсона Уорнера, узнал ее, что случается время от времени, и дал ей скидку на купленное ею длинное черное вельветовое платье.

— Как смотрится? — спрашивает она, позируя у кровати в отеле, уперев руки в бока, и скрестив ноги в стиле красной ковровой дорожки, выставив одну перед другой.

— Прекрасно. Ты правда выглядишь потрясающе, — отвечаю я.

Так и есть. При ее росте 177 сантиметров у нее сороковой размер одежды, ноги как у

детеныша жирафа и подтянутые натренированные руки «а-ля Дженнифер Энистон». Ее густые волосы, каштановые у корней и карамельные у кончиков, волнами ниспадают на угловатые плечи, ее огромные карие глаза подчеркнуты идеально нанесенными тенями бронзового цвета, а губы накрашены темной помадой роскошного красного оттенка. Хотя, на ней ожерелье с отрезанной головой Барби. Но оно из эксклюзивного магазина, так что, даже если я этого не понимаю, это, несомненно, очень крутой модный выбор, которым все вокруг будут впечатлены.

— Как моя задница? — Она поворачивается, чтобы продемонстрировать свой зад.

— Выглядит великолепно.

— Лучше, чем у Кэрол Вордерман¹¹? — Она хмурится и оборачивается, чтобы увидеть отражение своей пятой точки в зеркале в полный рост.

Кэрол Вордерман — «задничная» Немезида Саммер: женщина, в 2011 году уведшая у нее из-под носа награду «Тыл года» и даже не снизошедшая до ответа на твит Саммер, в котором было: «Поздравляю, эй, победила лучшая женщина: D <3 #тылгода #безсожалений».

— Намного лучше, чем у Кэрол Вордерман, — уверяю я с энтузиазмом. — Задница Вордерман похожа на... мешок овсянки в сравнении с твоей.

— Хорошо, ладно, — бормочет она, хватая айфон и делая серию селфи в зеркале, которые тут же, без промедления, размещает в Твиттере, Инстаграме и Фейсбуке.

Я тоже нашла себе кое-что в том роскошном бутике. Бледно-серый шелковый комбинезон с крошечными металлическими клепками на воротнике. Этот наряд несколько более элегантный, чем то, что я ношу обычно, но консультант настоятельно утверждал, что я не могу пойти на стильное литературное мероприятие в наряде из H&M, да и комбинезон участвовал в распродаже, так что мне даже не пришлось залезать в долги. Ну, разве что самую малость, но книжные дела подразумевают под собой получение денег, так что комбинезон просто инвестиция в развитие моей карьеры. Как и туфли на высоком каблуке цвета сиреневый металлик, которые я купила в дополнение к наряду.

Я подключаю айфон к колонкам в номере, добавляю в наш вечер немного брит-попа и легонько покачиваюсь в такт. Саммер наполняет два бокала мерло из мини-бара, и мы садимся рядом друг с другом, чтобы вместе завершить наш макияж. Когда Саммер начинает копаться в своей сумке, выискивая любимую тушь, из той на ковер вываливается конверт. Он плотный и украшен разрисованными ракушками, на нем золотистым цветом вытиснено имя Саммер. Это приглашение на свадьбу.

— О-о-о, кто это у нас тут з-зенился? — Я наклоняюсь для лучшего обзора. Саммер подбирает конверт и прижимает его к груди.

— Ой, ты их не знаешь, — говорит она безразлично.

— Сам, мы знаем одних и тех же людей.

— Эм... — Она начинает убирать конверт обратно в сумку.

Тайная свадьба!

— Эй! Что ты, черт побери, там прячешь? — Я делаю спортивный захват, стискивая ее, и вырываю конверт из наманикюренных пальчиков Сам. — Дай посмотреть!

— Джесс, ты ненормальная! Ты испортишь мне прическу. Отдай обратно.

Я хмыкаю и открываю конверт.

— Так-так, сейчас посмотрим, кто это у Саммер стал новым другом? Другом, пригласившим Саммер на тайную свадьбу!

Я вытаскиваю приглашение кремового цвета и раскрываю жесткую бумагу. Это приглашение на свадьбу Эми Кипласс и Марка Чундера. Наши старые друзья из университета.

— Эй, это же просто Эми и Марк. Пьянка будет что надо. Почему ты не показывала мне его? Здесь есть крайняя дата ответа? — Я тщательно просматриваю текст. — Напомни мне найти приглашение, когда мы вернемся, оно, должно быть, затерялось в куче прочей почты. А вообще, у тебя есть ручка? Я запишу на руке. Ответить Эми и Марку.

— Ты не получила, — откашливается Саммер.

— Что?

— Приглашение. Ты его не получишь. Ты вроде как не приглашена на свадьбу.

— Ох... только на прием?

— Э-э-э-э... нет. Ты не приглашена вообще.

— То есть Эми забыла. Она бы и голову забывала, если бы та не была прикреплена к туловищу. — Я закатываю глаза. — Они наверно дико заняты планированием. Позвоню ей на выходных!

Саммер опускает тушь и вздыхает.

— Ты не понимаешь, лепесточек. Эми не забыла. Они... просто не хотят тебя видеть на свадьбе.

Я хмурюсь в смятении.

— Что-о-о? С чего бы им вообще не хотеть меня видеть? Я звезда вечеринок. Свадьба не будет такой как надо, пока я не просолирую ча-ча-ча на танцполе. Все это знают. Мы с Эми чудесные напарники! Я представила ее Марку!

— Джесс, ее арестовали из-за тебя.

— Да ладно, это было год назад. И непохоже, что это я задираю ее топ и светила ее сиськами на глазах Кори во время их рождественского ужина. Она все это сделала самостоятельно. Тайрону понравилось, но надо же было Рите вызвать полицию?! Типичная гребаная Рита.

— Ты запаслась текилой и взяла Эми на слабо! Марку кажется, ты плохо на нее влияешь.

— Марк Чундер — невероятный придурок. Просто, в отличие от меня, он зануда без чувства юмора. Господи. Эми в университете была такой оторвой. — Я вздыхаю, ностальгируя о наших с Эми прекрасных веселых временах.

Саммер деликатно качает головой.

— Но мы больше не в университете, Джесс. Они, типа, женятся. Ремонтируют загородный дом в Суррее. Ну, знаешь, взрослеют, связывают себя обязательствами, становятся ответственнее. Может, и ты захочешь попробовать как-нибудь.

Я ощущаю знакомый дискомфортный зуд по всему телу. Ремонт пригородного дома в Суррее? Мерзость.

Я думаю об Эми, и какой зажигательной она была в прошлом. Умной, смешливой и готовой подорваться в любую минуту, подвязаться на что угодно. Теперь же она как все они. Есть определенное сходство с "Ходячими мертвецами", но вместо зомби-апокалипсиса — нудистика-апокалипсис. Все меняются.

— Ну, в общем, — бросаю я небрежно, чувствуя необычное волнение в желудке, — свадьбы все равно отстой. Я рада, что меня не пригласили. Там, наверное, будет полно дурацких сладеньких парочек, общающихся о детях, госпошлинах и садоводческих

магазинах. Фу. Обещать провести всю свою жизнь с одним скучным человеком до скончания веков? Если подумать, это так глупо. Невозможно предугадать, что будет. Откуда тебе знать, что ты не надоешь в один момент? Что тебя не оставят? Что ты не будешь одурачена? Абсурд какой-то.

Саммер закатывает глаза, смотря на меня в отражении зеркала.

— Это не абсурд, Джесс. Большинство людей не "одурачивают", влюбляя их. Большинство людей не... в общем, они не заканчивают, как твоя мама.

Я восклицаю. Саммер считает, что любая хрень, которую я делаю или думаю, каким-то невероятным образом подсознательно связана с моей матерью. Это откровенная тупость и дико раздражает, не говоря уже о том, что это совершеннейшая неправда. Я бы не возражала, если бы знания Саммер по психологии не ограничивались тем, что она увидела в шоу "Этим утром" при участии доктора Линды Пападопулос¹² на канале M&S Food.

Я сглатываю и чувствую, словно в горле застряла маленькая мешающая заноза.

— Передай, пожалуйста, вино, Сам. Который час? Нам, наверное, пора собираться. Мы не можем опоздать к Дэвису Артуру Монблану! О-ох, интересно, будет ли у них шикарный фуршет...

Я выпрямляю пряди целую вечность, чтобы удлинить их, прежде чем сделать начес и собрать волосы в высокий конский хвост. Затем приклеиваю ресницы и наношу подводку золотистого цвета, чтобы мои глаза были выразительными за линзами очков.

В ванной я переодеваюсь в свой новый шелковый комбинезон, чувствуя легкую дрожь от удовольствия, когда мягкий и прохладный материал покрывает кожу. У меня довольно маленький рост, всего 161 сантиметр, но благодаря комбинезону я кажусь минимум на пару-тройку сантиметров выше. Я верчусь перед зеркалом. Все недавние вечеринки и выходы в свет уничтожили небольшой пивной животик, который я нарастила за последние несколько лет. И выгляжу очень даже неплохо, вообще-то, думаю, верное слово — стройно. Считаю, комбинезоны мне идут! Может, когда я перееду в какую-нибудь экзотическую страну, то куплю много шелковых комбинезонов самых разных расцветок. Саммер всегда заводит песню о «фирменном образе». Могут ли быть комбинезоны моим «фирменным образом»? Комбинезончик Джесс? «Поприветствуем Джесс Комбинезончика», говорили бы люди. «Вот теперь начнется настоящая вечеринка».

— Та-да! — пропеваю я, выходя из ванной. — Мне охрененно неудобно из-за того, что ремень скользит по моей заднице, но... — Я кружусь и перед зеркалом руками исполняю джазовый танцевальный элемент.

— Ого! Ты выглядишь иначе. Ничего себе! — Саммер хватается бокалы вина со стола, стоящего рядом с ней. — Супер круто. Давай допьем вино и будем выдвигаться. — Вытянув руку вперед, она держит выпивку и несется на своих каблуках прямо ко мне. Я тянусь, чтобы забрать ее у Сам, но внезапно, ни с того ни с сего, бокал с вином выскользывает из ее рук...

— Твою ма-а-а-а-ать!

И все содержимое бокала оказывается на моем новеньком комбинезоне.

Дерьмо! Саммер специально это сделала? Нет. Она абсолютно уравновешена. Но как?..

— О, дорогая! — восклицает Саммер, аккуратно ставя второй бокал на кофейный столик, и из косметички достает влажные салфетки. — Я такая неуклюжая!

— Да о чем ты говоришь? Из всех людей на планете ты самая неуклюжая. Какого

черта?

— Думаю, дело в ковре. Я абсолютно точно споткнулась о него. Прости-и-и-и-и-и!

Саммер салфеткой неистово промокает вино, теперь уже капающее с моей руки и превращающееся в расплывающееся в области живота пятно, которое подозрительно похоже на последствия крайней жестокости. Я похожа на актрису из массовой на съемках фильма ужасов про выпускной.

— Ох, дорогая, — повторяет Саммер. — Ничего не выйдет. Красное вино не оттирается. Та-а-а-а-а-ак жаль.

Твою же мать!

Я бросаюсь в ванную комнату, мгновенно снимаю комбинезон и помещаю его под кран, яростно натирая ткань полотенцем. Ничего не происходит. Пятно упрямо остается на месте.

— Мне нужно позвонить в такси! — обеспокоенно информирует меня Саммер. — Тебе очень быстро нужно найти что-то другое, иначе мы опоздаем. Мне правда жаль, горошинка.

Я чувствую, как крутит желудок. Не знаю, почему вообще так волнуюсь. Это же всего-навсего одежда.

Я поднимаю цветастое платье в стиле девяностых, которое носила сегодня, и которое уже успела швырнуть в угол ванной. Оно должно быть к месту.

— Ты не можешь надеть его снова! — кричит Саммер, набирая номер такси на мобильном телефоне. — Валентина уже видела его!

— И оно ей, по всей видимости, понравилось, — отвечаю я через плечо. — Все будет в порядке.

Саммер приближается и вырывает его с гримасой.

— Оно пахнет, Джей.

Я принохиваюсь. Она права. Освежитель воздуха впитался, изначальная влажность застоялась и от наряда стало нести. Платье воняет.

— Но у меня больше ничего нет!

Саммер хмурится и щурит глаза, словно сейчас занимается непосильной умственной работой. Без понятия, какой гениальный план она рассчитывает придумать. Единственный наряд, который у меня есть, это...

— Пижама-боди! — выдыхает Саммер, словно это самое очевидное решение, которое только возникало у нее в голове.

— Пижама-боди? — Я кривлюсь. Мне мало что известно о моде, и, само собой, я люблю эти пижамы, но почти уверена, что их ну никак нельзя надевать на модный литературный вечер. — Ха! Не думаю, Саммер...

— Просто послушай! — перебивает она. — Это будет так круто! Если подумать, то пижама-боди в некотором роде — комбинезон. Ты можешь закатать штанины и обуть свои туфли. С этой прической и макияжем будет... такое гламурное сочетание, и довольно свежее. Не сомневаюсь.

Хм-м-м. Полагаю, эти пижамы-боди действительно ничего... и очень удобные...

— О, о, — продолжает Саммер, раскрывая лежащий на моей кровати пакет из «Праймака». — Тебе также стоит надеть эти розовые сережки-перья!

— Когда мы были в магазине, они тебе не понравились.

— Они мне нравятся! Просто я вышла из себя из-за того, что ты заметила их первой. Поверь мне, ты будешь выглядеть потрясающе.

Зазвонил домофон, чтобы поставить нас в известность о прибытии такси. Черт подери.

— Ох...

Кажется, я видела кого-то из «Берега 'джорди'»¹³ в пижаме-боди на презентации в Манчестере, а мне нравится это шоу. Но то был парень. Будет ли нормально, если так оденется девушка?

— Ты мне не веришь? — спрашивает Саммер, в ее больших карих глазах плещется боль. — После всего, через что мы прошли? Слушай, может, тебе стоит остаться, а мне пойти... я буду не против.

Хм-м-м. Саммер знает о моде все. И она моя лучшая подруга. Она бы не допустила, чтобы я выглядела глупо.

— Конечно же, я верю тебе, заноза, — отвечаю я, вытаскивая из пакета с покупками пушистую леопардовую пижаму-боди с молнией кислотно-розового цвета. — Саммер и Джесс завоюют мир, так?

Саммер ухмыляется, узнавая наш университетский девиз.

— О, несомненно.

Глава шестая

Хорошо смешанный "Манхэттен" на общественном мероприятии является одним из удовольствий в жизни. Но знайте вашу норму алкоголя, дамы. Ни один Достойный Мужчина не захочет в жены дикарку!

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

Я не совсем уверена, что пижама-боди была верным решением.

Мы с Саммер с напыщенным видом пересекаем эффектное и продуманное помещение «Беркли Румс» в Сохо: Саммер охотится на Валентину Смит, я же выслеживаю кого-то еще в такой же свободной одежде, чтобы подружиться с ним. Пока мы проталкиваемся через толпы безукоризненно одетых и общающихся исключительно на интеллектуальные темы людей, я отмечаю взгляды, провожающие меня с откровенным ужасом. Вот дерьмо. Это Бенедикт Камбербэтч? А там с Дэвисом Артуром Монбланом разговаривает Хелена Бонем Картер? Черт. Все это слишком роскошно для моей пижамы. Когда я иду по залу, высокий рыжеволосый парень в модном костюме произносит, растягивая слова:

— Кажется, нас прибыли развлекать.

Я бросаю на него свой лучший испепеляющий взгляд, но он уже отвернулся к приятелям и потому не получит по заслугам.

Господи боже. Ну какого драного лешего я согласилась облачиться в это?

— Я начинаю думать, что эта пижама-боди была действительно чертовски паршивой идеей! — шиплю я Саммер, когда она принимает бокал шампанского от пробегающего мимо официанта.

— Ты выглядишь отлично, Джесс. Правда. Эти люди не поняли бы смелый модный выбор, даже если бы тот вонзился ножом в их спину.

Я отвлеченно осматриваюсь в поисках бара, но не могу его обнаружить. Мне поможет справиться только выпивка. Грандиозный важный вечер часто может внушать легкий ужас, особенно если вы приехали в пижаме.

— Пойду выпью, — аккуратно обращаюсь я к Саммер. — Нам нужно оставаться трезвомыслящими, так что выпью только *один* бокал. Сегодня никаких приключений в стиле Джессики Бим. Обещаю.

— Еще не вечер, — усмехается Саммер.

На моих губах появляется грустная улыбка. Было время, когда приключения ассоциировались не только с именем Джессики Бим, но и с именем Саммер Спенсер. Куда она делась? И почему, ну зачем я согласилась надеть этот домашний комбинезон? Тот мужчина только что показал на меня пальцем и рассмеялся? Иисусе. Он *смеется* надо мной, он держится за живот и смеется до слез. Стойте, почему он направляет в мою сторону телефон? Он *снимает* меня?

Боже.

Я подсакиваю к уходящему официанту и похлопываю его по плечу.

— Йоу, есть грушевый сидр? — спрашиваю я его взбудоражено.

Он усмехается и многозначительно смотрит на поднос с высокими вытянутыми бокалами для шампанского, которые высокомерно сверкают благодаря разливающемуся свету люстры.

— Нет, мисс.

— Может, на складе есть какой-нибудь «Блю Уикед»¹⁴?

— Боюсь, что нет. Но, уверен, винтажное шампанское «Болланже» 1995 года тоже подойдет?

Я вздыхаю. Винтажная хрень. Что за одержимость старыми вещами? На дворе 2014, народ!

— Ладно. Нет повода переживать. Попью пузырьки. Только один бокал. Если я вернусь еще за одним, скажите мне валить на четыре стороны, хорошо?

Официант одаривает меня вежливой улыбкой и протягивает бокал.

— Наслаждайтесь вечером, мисс.

— Спасибо. Но не позволяйте мне выпить больше одного. Пообещайте, ладно? Обещайте!

Но официант уже удалялся, скрываясь в толпе, оглядываясь на меня с выражением испуга на его молодом лице.

Черт.

Я делаю крошечный глоток. Гадость. Никогда не пойму, почему люди сходят с ума от шампанского. Оно жутко претенциозное и к тому же слишком газированное, а еще от вас ожидают бурного восхищения напитком все время, что вы будете его пить. Сумасшедшее давление. Да ни для кого не секрет, что если сравнивать шампанское с любой другой выпивкой, то после него наступает самое невыносимое похмелье, и все же игра на публику продолжается. Может, если книга «*Саммер в городе*» будет хорошо продаваться, то меня попросят написать еще одну? «*Шампанский заговор: разоблачение Джессики Бим*».

Я скучаю по тебе, грушевый сидр.

Отыскивая Саммер, я обнаруживаю ее погруженной в беседу с Валентиной Смит. На Валентине шелковое облегающее платье горчичного цвета.

— Привет, — говорю я оживленно. — Здесь все очень мило, не так ли?

Челюсть Валентины падает на пол, когда она видит мой наряд. Сжимаясь под ее явным изучающим взглядом, я широко улыбаюсь и киваю, пытаюсь продемонстрировать уверенность и отсутствие стыда. Ставлю на то, что она считает меня самой настоящей дубиной.

— Впечатляет, Джесс, — произносит она, присматриваясь к моим сережкам-перьям.

Это мое воображение, или Саммер самодовольно ухмыляется?

— Да, у нас произошла невообразимая катастрофа с моим другим костюмом, — поясню я извиняющимся тоном, вся съеживаясь.

Валентина делает глоток шампанского и вздыхает с нескрываемым наслаждением (потенциальный опрашиваемый для «Шампанского заговора»). Она щурится, и, мне кажется, проходят годы, пока она окидывает меня взглядом сверху вниз.

Черт. Она вытолкает меня с вечера. Совершенно ясно, что мне здесь не место.

— Это так... дерзко и уверенно, — наконец выкладывает она, качая головой от изумления. — Мы тут все в унылых вечерних нарядах, и врывается ты, полная жизни, как великолепный попугай-модник. Или мне стоит сказать леопард! Смелое решение, леди. Я это уважаю. — *Она так шутит?* — Точно, я понимаю, — продолжает она, наклоняет голову и пальцем стучит по подбородку, изучая меня так, словно я произведение искусства. — Я на самом деле понимаю. Псевдо-позерство. Иронично. Оригинально, да?

— Эм...

— Ты мне нравишься, Джессика Бим, — подводит итог она. — Ты очень современная.

— Выпьем. — Интересно, о чем она вообще говорила? — Это решение было принято в последнюю минуту, если говорить на чистоту.

— Еще и скромная. — Она тепло улыбается, словно я умнейший, интереснейший человек из ходящих по земле.

Я осторожно показываю Саммер два больших пальца, и она отвечает мне тем же с прохладной улыбкой на губах.

— Итак, Валентина. — Саммер медленно вклинивается, становясь передо мной. — Это там с Дэвисом Артуром Монбланом общается Лео Фрост?

— Что? Лео Фрост? Где? — голос Валентины становится странно глухим.

Мы с Валентиной устремляем взгляды туда, куда смотрит Саммер и обнаруживаем Дэвиса Артура Монблана собственной персоной, увлеченного разговором с высоким рыжеволосым болваном, что с неприязнью назвал меня «развлечением». Болван поглаживает подбородок и болтает стакан, наполненный виски. Мне интересно, как этому идиоту удалось достать напиток, в котором нет ничего от шампанского?

— Наверное, важная шишка, — бормочу я, возмущенно делая очередной глоток газированной выпивки.

— Ох, ну, *конечно же*, ты знаешь, кто такой Лео Фрост, не так ли, Джесс? — спрашивает Саммер и убирает волосы назад, после чего отпускает их так, чтобы они рассыпались по ее плечам. — Арт-директор «Вулф Фрост»!

Я одариваю её взглядом, а в глазах пустота.

— Неа. Никогда о нем не слышала.

— Лео Фрост, гений рекламы, — проговаривает она медленно, словно я не отличаюсь сообразительностью. Когда я никак не реагирую, она продолжает. — Его отец — владелец знаменитого рекламного агентства, ну? Племянник Монблана. Который разбил сердце Кейт Миддлтон в сент-эндриусском университете, прежде чем она перескочила к Уиллу.

Я пожимаю плечами, и меня все не отпускает мысль, как, чёрт возьми, он достал виски. Интересно, а мне он его добудет? Шампанское и правда преотвратное.

— Он влиятельный, невообразимо притягательный и загадочный. — У Саммер даже глаза светятся. — Вообще-то, Андерсон его довольно хорошо знает. Мне раз довелось с ним

увидеться на потрясающей вечеринке в Бруклине. Я влюблена... была безумно влюблена в Андерсона, но Лео Фрост... я бы соблазнилась. Он обладает силой, знаете, магнетизмом, что есть у Алексы Чанг. Вот только он использует его на полную катушку. Он самый настоящий бабник. — Она глазееет на него с очевидным восторгом.

— Лео Фрост — мстительный кусок смердящего дерьма! — внезапно выпаливает Валентина, а ее лицо становится вишнево красным в тон ее помаде. Она очень глубоко вдыхает, затем выдыхает, а ее рот складывается в букву «О». — Приношу свои извинения. Мне не стоило так говорить.

Когда Валентина смотрит на Лео, в ее глазах плещется едва сдерживаемая ярость. Ого! Она и правда ненавидит этого типа. Мы все не сводим глаз с Лео Фроста. Он, должно быть, почувствовал это, потому что обернулся и нагло подмигнул Валентине.

Валентина издает странный звук, похожий на нечто между всхлипом и писком.

— А что стряслось-то? — с любопытством спрашиваю я.

Валентина шмыгает и делает огромный глоток шампанского.

— О, да ничего особенного. — Короткая пауза. — Ну, если не считать шести недель, что мы встречались, после чего он не только разнес вдребезги мое сердце, но и лишил меня всякого самоуважения.

Неловко.

— Паршиво, — комментирует Саммер, корча гримасу.

— Я не влюбляюсь на раз, — поясняет Валентина, а в ее глазах полыхает гнев. — Но на него запала не на шутку. Прямо-таки сильно. С ним я чувствовала себя особенной. Он расшевелил меня. Мне казалось, у нас все серьезно, ну или мы, по крайней мере, к тому двигались, а потом я узнала, что он проводит время еще с тремя женщинами. Ага, тремя. Он трахал за моей спиной трио. *Трио!*

— Не может быть!

— Может, — с грустью кивает Валентина. — Это был суший кошмар. — Ее ноздри раздулись, и она начала качать головой так быстро, будто пыталась избавиться от непрошенных воспоминаний.

Вот это да!

Она только что буквально трансформировалась из уверенного главного редактора а-ля Элль Макферсон в обломки личности за каких-то жалких две минуты. Еще одно доказательство маминой мудрости: любовь тебя нагибает.

— Мне жаль, Валентина. Звучит правда хреново.

Обычно, когда женщина настолько подавлена из-за какого-то идиота, я советую взять себя в руки. Она сама согласилась пойти на это, хотя с тем же успехом могла бы нарисовать на своем сердце красочную мишень. Но эта конкретная женщина, знаете ли, потенциальный исполнитель нашей мечты, да и совершенно ясно, что она сильно задета этим тупоголовым ослом, так что я просто держу рот на замке и пытаюсь сопереживать.

Валентина сжимает бокал с шампанским, входя в раж.

— На прошлой неделе в «Обозревателе» он разглагольствовал о том, что никогда не женится и что видит себя «отважным исследователем женщин». — Она показывает воздушные кавычки. — Что это вообще значит? Я просто не могу поверить, что потратила на него шесть недель. Я бы могла потратить свое время на что-то гораздо более существенное. Целый месяц! За это время я могла бы выучить язык! Немецкий, к примеру. Ja!¹⁵ Вместо этого я позволила ему сотворить со мной, — она указывает на себя, — вот это. Он чертово

шоу ужасов.

— Это хреново, — говорю я.

— Какой кошмар, — соглашается Саммер.

— Господи. Мне правда жаль, девочки. — Валентина достает зеркальце и проверяет ее идеальный макияж. — Я и понятия не имела, что он будет здесь. В его Твиттере сказано, что он должен быть в Нью-Йорке, так что эта встреча как гром среди ясного неба. — Она хватает очередной бокал с подноса мимо пробегающего официанта и прикладывается к нему с жадностью.

— Ну, если вам станет легче, то я, честно, не вижу, что в нем такого, чтобы так суетиться из-за него. Мне он даже не кажется привлекательным, — докладываю я, приканчивая шампанское.

Валентина и Саммер смотрят на меня с изумлением.

Я осматриваю Лео Фроста еще раз, чтобы обнаружить тот самый «магнетизм», который, может быть, упустила. Но ничего не вижу. Он долговязый и бледный, а его волосы цвета меди уложены в прическу «поднятая челка», похожую на нечто среднее между укладкой Дэнни Зуко¹⁶ и Дона Дрейпера¹⁷. У него зеленые глаза, хитрый взгляд и слишком длинный нос. Почему его друзья не рассказали ему об автозагаре «Фэйк Бэйк»? Кажется, они и не друзья ему вовсе.

— Я думаю, он супер сексуальный. Похож на Тома Хиддлстона, — неохотно говорит Саммер. — Простите, Валентина.

Хм-м-м. Может, у него скулы капитана Америки и под модной одеждой, полагаю, неплохое тело, но он совсем не похож на Тома Хиддлстона. Во всяком случае, *не сильно*.

Валентина вручает мне еще один бокал шампанского.

— Нет, спасибо, — я мягко отказываюсь. — Я, эм, не любитель выпить.

Саммер приподнимает тонкие стильные брови.

— Можешь праздновать, дорогая Джесс, — обращается ко мне Валентина под хмельком, озорно подмигивая. — Уверена, скоро у вас появится официальная причина. — Она негромко икает.

Что-о-о-о? Она сказала то, что я думаю? Что книга «Саммер в городе» будет выпущена? Я возбужденно смотрю на Саммер, но она этого не замечает — слишком занята тем, что машет какому-то блондину в солнечных очках, которого вроде бы узнала.

— Ох, ну, тогда можно, — посмеиваюсь я, принимая бокал от Валентины. — Еще *один* не навредит.

У меня есть, как мне кажется, серьезный повод для гордости — я могу найти способ поразвлечься практически в любой ситуации: очереди на трамваи, встречи блогеров, даже забор мазка может обернуться увлекательным светским мероприятием, если немного выпить и завести забавную беседу. Но, как бы мне ни было жаль, на этой книжной презентации уровень веселья равен нулю. Зиро. У меня такое впечатление, будто я здесь уже несколько дней, а вечер все не заканчивается и не заканчивается. Было примерно пятнадцать речей разных личностей из мира литературы, что подлизывались к Дэвису Артуру Монблану, и, если быть честной, то его новая книга звучит не так уж интересно. Называется она «Пчеловод», но там нет никаких насекомых, пчелы — это метафоричный образ капиталистического уклада. Пф. Не моя публика. Что еще хуже, Валентина — на сто

процентов единственный человек в этом помещении, оценивший мою леопардовую пижаму. Остальные смотрят на меня так, словно я собираюсь напасть на них, либо предложить наркотики не первого сорта.

Я подумываю о том, чтобы ускользнуть и отправиться в отель: заказать в номер грушевого сидра, пообщаться с милым, ясноглазым консьержем и выяснить, сможет ли он обеспечить мне позднее посещение джакузи. Но Саммер так хорошо проводит время, рассказывает всем об ожерелье с головой Барби и о том, как Андерсон взял ее на премию MTV, где Джемс Франко назвал ее «неземной».

Да и в любом случае, если я уйду слишком рано, это может плохо сказаться на нас, учитывая, что мы еще не подписали контракт, даже несмотря на недвусмысленные намеки Валентины.

А еще... я немного пьяна. Знаю, знаю. Этого не должно было произойти. В моих планах этого не было. Но вокруг красуются люди с бокалами шампанского, которое, хоть и дрянное, но все же бесплатное. Пить здесь больше нечего, а я умирала от жажды, да и мероприятие — воистину скука смертная, тут даже не играет музыка! И каким-то необъяснимым образом два бокала напитка с пузырьками превратились в семь, а вдовавок ко всему из-за того, в каком бешеном ритме проходил день, я забыла поесть, и единственной моей пищей за сутки был восхитительный пирог с ветчиной. Как бы то ни было, я уже не вижу смысла останавливаться.

Я оглядываюсь по сторонам, выискивая прилизанного рыжеволосого парня с виски. Лео Фроста. Интересно, достанет ли он *мне* виски.

О, вот и он, стоит у стола, на котором возвышается стопка копий «Пчеловода». Он погружен в беседу с тремя женщинами. Я сказала «беседу», но на самом деле женщины перекрикивают друг друга, пока он купается в их обожании. И он пьет *пиво*! Как, ради всего святого, он достал пиво? Я бы сейчас не отказалась от пива. О-ох, может, он знает, где они хранят грушевый сидр? Совершенно ясно, что он вхож в узкий круг власть имущих.

Я поднимаюсь со стула и нетрезво покачиваюсь, балансируя в новых сиреневых туфлях на высоком каблуке. Пересекаю «Беркли Румс», подхожу к небольшой команде поддержки Лео Фроста и выбиваю себе место локтями.

— Привет всем! Как ваши дела? — спрашиваю я с дружелюбной улыбкой и машу им рукой.

Компания бегло окидывает меня взглядом и отворачивается, не заинтересованная. Они возвращаются к своему разговору.

Ох.

— Ага, я влюбилась в кампанию «Мерседес», — выговаривается одна из женщин Лео Фросту. — «Управляй и оживай». Она как будто призывает меня, понимаете? Я увидела ее в «Вог» и купила машину на следующий же день! Просто должна была!

— Гениально, — соглашается подтянутая, кажущаяся умной индианка. — Гениальная работа, нет других слов. И как вам только...

— «Управляй и оживай»? — насмехаюсь я и икаю. — Вы о той рекламе, что я вижу на каждом чертовом билборде всю свою жизнь? Вы шутите? Реклама отстойная. Кошмарная просто. Да ладно, люди. Мы можем быть честными. Я никому не скажу. — Я указательным пальцем поправляю очки на носу. — Я права или права?

Компания резко прекращает разговор и пялится на меня так, будто я только что объявила, что собираюсь разрезать все копии «Пчеловода» и использовать их в качестве

туалетной бумаги.

Лео Фрост хмурится и смеряет меня взглядом, морща длинный нос.

— Скажите, что вам не понравилось в этой работе?

— «Управляй и оживай?» — посмеиваюсь я. — В этой фразе даже *смысла* нет. Нет ничего очевиднее, чем придумать первую попавшуюся рифму к слову «Управляй» и назвать это концептом. «Управляй и оживай». Конечно, ты живешь, когда находишься за рулем! Это основное требование правил дорожного движения. И с чего это женщина сидит за рулем, одетая лишь в бриллиантовое бикини? Я просто не понимаю. Ей не холодно? Куда она едет? Ни одна из моих подруг не водит машину в бриллиантовом бикини.

Лео Фрост сглатывает и смотрит на меня сверху вниз.

— Эту рекламу придумал я, — говорит он спокойным, глубоким голосом.

— Ох. Упс. Простите, — мнусь я, чувствуя некоторую вину.

— Не беспокойтесь, — ухмыляется он, многозначительно путешествуя взглядом по моей пижаме-боди. — Эта работа рассчитана на высокий класс. Вы вряд ли попадаете в целевую аудиторию.

Они все смеются надо мной, а Лео Фрост подмигивает мне так же нахально, как подмигивал Валентине.

— Теперь ступайте, будьте хорошей девочкой.

Он не мог такого сказать.

— Ну и гребаный пенисовый принц, — шиплю я. Вот только получилось скорее не шипение, а возмущенный крик.

Все помещение окунулось в безмолвие. Зараза. Я только что прокричала «пенисовый принц» на презентации книги букеровского призера? «Пенисовый принц» даже не настоящее ругательство. Я придумала его только что! И получилось не так оскорбительно, как хотелось бы. Вообще, звучит как какой-то комплимент. Дерьмо. Что за бездарное использование слова «пенис», Джесс?

— Простите все, — говорю я, поднимая руки. — Простите, что прервала ваш большой вечер. Прощу прощения, Дэвис Артур Монблан. — Дэвис Артур Монблан смотрит на меня и ужасается. Люди шепчутся, прикрывшись ладонями, и бросают в мою сторону взгляды, выражающие отвращение. Бенедикт Камбербэтч гневно качает головой.

Лео Фрост делает неторопливый глоток пива и смеется. Он хохочет!

— Думаю, вы должны отправиться домой, — произносит он оскорбительно, впериываясь в меня зелеными глазами, после чего направляется в толпу, чтобы подойти к группе умных и красивых женщин, следующих за ним цепочкой.

Вот что за полный... пенисовый принц!

— ПЕНИСОВЫЙ ПРИНЦ! — воплю я ему в спину.

Дерьмово дело! Я повторила свой выкрик. Он поворачивается, на его лице выражение крайнего изумления. Одна из женщин толкает его локтем и что-то шепчет на ухо. Они оба смеются ну очень ехидно, кивают в мою сторону и после этого отворачиваются к другой компании стильных и мозговитых людей. Да что он, черт дери, о себе возомнил?

Ух! Я марширую к нему, вознамерившись поставить его в известность, что он не так крут, как думает, что назвать меня «развлечением» в первые мои минуты здесь довольно жестоко, и что он ни капельки не похож на Тома Хиддлстона. Но прежде чем я добираюсь до него, из ниоткуда с подносом и шампанским на нем возникает официант (который, между прочим, с треском провалил свое обещание не позволять мне пить больше одного

бокала). У меня не было времени замедлить свое яростное наступление на Лео Фроста, так что — ну твою мать — я врезаюсь в парня из персонала и сбиваю его с ног.

— У-у-ух, — стону я, когда его невероятно острый локоть попадает по моим ребрам, и падаю, распластавшись на полу.

Загипнотизированная, смотрю, как серебряный поднос взмывает вверх, а бокалы разлетаются в воздухе подобно дорогим, паршивым на вкус ракетам с тепловой системой самонаведения.

— Ой, ядрена кочерыжка, — шепчу я, наблюдая за разрушениями, следующими за моим падением на пол.

Лео Фрост разливает шампанское на свою челку и даже попадает в глаза. Он часто моргает и вытирает лицо модным розовато-лиловым галстуком. Индианка с кислой миной расплескивает шампанское по всему ее прелестному платью, и, изображая горе, раскрывает рот в беззвучном крике. Тощий официант подскакивает с пола и опозоренный уносится в подсобку за баром. Бенедикт Камбербэтч заливает себе область между ног. И что хуже всего, все стопка книг «Пчеловод» промокает насквозь. Дэвис Артур Монблан обреченно поднимает одну копию, зажимая ее твердый переплет указательным и большим пальцами, и пытается стряхнуть с нее пролитый напиток. Ох, боженьки. Это гораздо хуже, чем залить его произведение капающим потом. Я прикладываю руку в голове. Твою мать.

Лео Фрост пальцами открывает липкие, залитые шампанским глаза, ловит мой взгляд и идет прямо ко мне. Протягивает наманикюренную руку и помогает мне встать. Очень мило с его стороны, учитывая обстоятельства.

— Спасибо большое, — говорю я искренне. — Мне очень, очень жаль. Этот шторм из «Болланже» несчастный случай. Я совсем не видела официанта, он появился передо мной из ниоткуда! Черт. Ваши глаза...

— Я понятия не имею, кто вы такая, и с чего взяли, что должны быть здесь... — обрывает он меня на полуслове с яростью, его впечатляющий баритон доносится до всех концов комнаты. Почему он говорит так громко? — Но вы сплошной позор. Неприемлемо одеты, грубы и... еще и хамка. Вы испортили очень важный для многих людей вечер. Полагаю, вы уйдете сейчас же, пока я не позвал охрану.

Я моргаю. Желудок скручивается. Я пытаюсь сказать хоть что-нибудь, что угодно, но рот открывается и закрывается, как у обезьянки из рекламы чая «ПиДжи типс». Должно быть, это первый раз за всю мою жизнь, когда у меня нет слов. Мне это вообще не нравится. Обычно я полна слов. Я обожаю их и лелею, а сейчас, когда они на самом деле мне нужны, они меня предают. Щекам становится жарко, когда один из посетителей вечера начинает медленно хлопать, поддерживая речь Лео Фроста. Затем женщина рядом присоединяется к нему, а вскоре аплодисментами оказывается охвачена вся толпа. *Черт подери.* Я так долго мечтала стать частью настоящих спонтанных медленных аплодисментов, но вряд ли могу принять участие, когда их цель продемонстрировать мне, что я за тупица. Или могу? Не-не-не. Не стоит.

Ужасное ощущение. Они и правда ненавидят меня. В этом помещении так много людей, которыми я восхищаюсь, а они меня ненавидят. Лео Фрост продолжает свое публичное выступление, церемонно поворачиваясь к толпе людей и разводя руки в стороны.

— Безусловно, мы не должны позволять какой-то сомнительной особе портить потрясающий, несмотря ни на что, вечер, и я бы хотел персонально принести глубочайшие извинения за заминку в празднике моего многоуважаемого дяди, Дэвиса Артура Монблана.

Сегодня здесь собралось много великолепных писателей. Так давайте же будем рассматривать эту небольшую диверсию как потенциальный сюжет для книги? Продолжаем?

В толпе слышится деликатный смех.

Сомнительная? Я *сомнительная*?

— Какого хрена ты творишь? — выплевывает Саммер, подходя ко мне сбоку. Она хватает меня за локоть и тащит к выходу. — Господи. Ты сплошное разочарование, Джесс! Ну вот зачем ты так? Ты как чертов подросток.

— Я... я... Официант появился из ниоткуда. Это самый настоящий несчастный случай. Где Валентина? Мне необходимо извиниться.

Верчу шеей, пытаюсь в толпе обнаружить Валентину. Ее нигде нет. Вместо этого Лео Фрост, прислонившись к барной стойке, ловит мой взгляд и снисходительно осматривает меня с головы до ног.

— Ни за что! Никакой Валентины, — шипит Саммер, вытягивая меня на заполненную лондонскую улицу. — Теперь она не захочет с нами иметь дело! Это конец.

Глава седьмая

Попридержите свои слезы для подушки.

Матильда Бим, «Как быть хорошей домохозяйкой», 1957

Прошло три дня, а от Валентины Смит или кого-либо другого из «Саутбанк Пресс» не было слышно ни слова. На второй день Саммер заперлась в своей спальне и отказывалась выходить. Я разбила у ее дверей лагерь и предпринимала попытки убедить ее, что после того вечера с бесплатным шампанским у сотрудников издательства наверняка до сих пор ошеломительное похмелье и нет сил подняться, чтобы сделать поздравительный звонок. Саммер не отвечала, только посылала Холдена туда и обратно за органическими ореховыми батончиками и настойкой из бузины, а также снабдила его инструкцией игнорировать меня, несмотря на все мои слова, даже когда я старательно пела: «Прошу, впусти, я была полной идиоткой, но я идиотка, которой о-о-о-очень жа-а-а-аль!» Я пыталась вытянуть ее рассказами о том, как мистер Белдинг по ней скучает, хотя, по правде говоря, он казался гораздо более счастливым, рыская вокруг без всякой одежды.

Спустя пять дней после презентации, когда от издательства все еще было глухо, до меня, наконец, начало доходить, что я могла напортачить довольно сильно. Поверить не могу. Валентина так искрилась энтузиазмом. Неужели все могло измениться так быстро? Лео Фрост в Лондоне и правда важная персона. Может, он кто-то типа дона мафии, и из-за того, что задела его, все двери, в которые я буду стучаться в этой жизни, будут мистическим образом захлопываться перед моим лицом? А однажды, кто знает когда, у изножья моей кровати будет покоиться голова благородного жеребца.

— Я собираюсь позвонить Валентине, — решительно заявляю я через дверь Саммер вс время ланча во вторник. — Мы должны связаться с ней. Я попытаюсь все исправить, хорошо? Извинюсь за свое глупое поведение. Она не может наказывать тебя за то, что натворила я — это нечестно.

Я беру айфон, но прежде чем успеваю найти номер Валентины, дверь в комнату Саммер открывается, и она выходит наружу. Она не выглядит растрепанной или заплаканной, какой, мне казалось, она должна быть после почти недели затворничества. Она кажется посвежевшей. Со светящимися глазами. Она чистая, сияющая и... счастливая?

— Ты что-то слышала? — спрашиваю я, поднимаясь с пола, а сердце колотится в груди. — О, боже. Ты что-то слышала, так ведь? Хорошие новости?

Я не облажалась. У нас будет контракт. Саммер в порядке. У меня будет достаточно денег на приличный рейс!

Тело расслабляется, я полна надежд.

— Джесс... нам нужно поговорить, — обращается ко мне Саммер.

— Боже, ну конечно! — соглашаюсь я, следуя за ней по лестнице в гостиную. — Прошло пять дней! Странно столько не общаться. Я не жду, что ты меня простишь сразу. Знаю, ты злишься на меня. Но я все исправлю...

— Мы не получили контракт, — перебивает меня Саммер, аккуратно усаживаясь на огромный кожаный диван.

— Не получили? Ох, дерьмо. Дерьмо. — Я приземляюсь на пол рядом с ней. — Позволи позвонить Валентине, Сам. Боже.

— Я уже говорила с Валентиной.

— Что? Когда? Когда она звонила? Что сказала? Почему они не хотят нас? На прошлой неделе они нас любили!

— Она сказала, что решение принимала не одна... этот вопрос обсуждала вся команда.

— О, боже. Она сказала, что это моя вина?

Саммер смотрит мне прямо в глаза и кивает.

— Да. Сказала.

Твою мать.

— Боже, мне так жаль. Я не хотела называть Лео Фроста пенисовым принцем. Просто он вывел меня из себя. Говорил со мной, как с грязью на его слишком очищенных туфлях. Заставил переступить черту, я ничего не могла поделать с собой.

— Ага, потому нам и нужно поговорить.

— Придумать план? Отличная идея. Это мы можем. Мне взять ноут? Мы можем обратиться в другое издательство, разве нет? Я напишу еще лучшую речь. Уверена, что смогу исправить...

— Джесс, я хочу, чтобы ты съехала.

У меня сдавило горло.

— Что?

— И не думаю, что тебе стоит продолжать работать над «Саммер в городе».

Что-о-о-о-о?

Я роняю голову.

— Ты... вышвыриваешь меня? И выставляешь вон? *В один и тот же день?*

Саммер медленно пожимает плечами.

— Просто хочу, чтобы ты знала, мне это решение далось нелегко. Я постоянно думала об этом последние несколько дней. Я поговорила со всеми о нас, и они считают...

— Поговорила со всеми? С кем? Я не понимаю.

— Они все согласны со мной. Все считают, что ты тянешь меня вниз. Ты все время тянешь меня вниз.

Я соединяю руки и большим пальцем одной руки вожу по ладони другой. Неужели наши друзья на самом деле сказали такое обо мне? Это правда?

— Слушай. Я знаю, что облажалась на презентации. Я из-за этого чувствую себя реальной сукой. Но то, что я пишу? Разве это не считается? Я серьезно трудилась над нашим сайтом, Саммер. Я знаю, что *конкретно эта* возможность ускользнула, и это моя вина, но я обещаю, что найду другую. Клянусь, я...

— *Моим сайт.*

— Прости?

— Ты сказала: «Нашим сайт». Но он мой. — Саммер склоняет голову. — Он мой, Джесс.

— Но... но... Я занималась всем редакционным календарем. Написала практически каждый пост, привела к нам в Твиттер тридцать тысяч подписчиков. Я работаю над всем этим дни и ночи, и даже в выходные на протяжении последних двух лет. «*Саммер в городе*» — это ты и я.

Саммер какое-то время жует губу.

— Технически нет. Ты не подписала контракт.

О мой бог, она права. Не подписала. Она говорила, что моя помощь нужна всего на пару месяцев, а когда я упомянула, что мы наверно должны составить какое-то соглашение, она ответила, что наша дружба — единственный контракт, который нам необходим, и спросила, хочу ли я что-нибудь из бара. Потом настаивать было глупо, так что не подписала. Мне не казалось, что это так уж необходимо.

В груди разгорается возмущение.

— Да ладно, Саммер, так нечестно! Ты говорила, что нам не нужен контракт!

— Разве? — Она покосилась. — Не думаю.

— Совершенно точно. И, кстати, пока я не присоединилась в качестве партнера, сайт был дерьмовым. В день там было всего пятнадцать просмотров! *И даже не уникальных!*

Саммер резко вдыхает, будто обжигаясь.

— Лгунья. Просмотров было куда больше! — чешет она нос. — Ты, наверное, забыла, но это ты ворвалась в *мою* жизнь. Я оказала тебе услугу, наняв тебя, дала тебе место в жизни и тоже радовалась этому. Ты потерянная душа, а я очень щедрый человек. Я была счастлива устроить тебе стартовый скачок, но ты никогда, твою мать, не прыгала! Ты все еще на месте. Все портишь и выставляешь меня в плохом свете!

— Что значит порчу? Я вернулась из Марокко, чтобы помочь тебе!

— Ты в Марокко была на мели.

— Я была счастлива в Марокко. Я... Я думала, что оказываю услугу тебе. — Я тру глаза. — Откуда это все? Всего лишь несколько дней назад мы вместе собирались подписать контракт на выпуск книги. — Тяжело вздыхая, я опускаюсь на диван рядом с Саммер. — Черт. Я знаю, что ты злишься на меня, знаю. И мне правда жаль. Просто, блин, давай... выберемся куда-нибудь? Обсудим все. Просидим в пабе до утра. Саммер? У нас будет очередное неведомое приключение, и мы просто забудем обо всем этом кошмаре.

Саммер хмурится и качает головой.

— Ты не понимаешь. Я больше не хочу сидеть до утра. Не хочу напиваться так, чтобы забыть этот разговор. Ты упускаешь любую возможность еще до того, как она становится значительной. Ты даже не подозреваешь, что делаешь так... У тебя были тяжелые времена из-за мамы, я знаю. Но сейчас твои эмоциональные проблемы, вроде как, *влиют* на меня.

Я сглатываю и задираю подбородок.

— Думаю, ты немного перегибаешь. Выгоняешь меня и увольняешь? Это слишком жестоко. Мы же лучшие подруги.

— Ты не знаешь, как это — дружить, Джесс, — язвительно усмехается Саммер. — Ты знаешь, как приятельствовать, и пока тебе весело, необременительно, легко и смешно, ты довольна. Но когда все становится серьезно, тебе становится неинтересно.

Это неправда... Ладно, хорошо, я *не всегда* выслушиваю ее, когда она делится чувствами, раздирающими ее проблемами и сложностями в отношениях. Но я хотела заключить сделку на книгу так же сильно, как и она! Я работала для этого не покладая рук!

Мы встречаемся взглядами. Она кажется другой. Хладнокровной.

— Слушай, Джесс. Ты правда была полезной и веселой частью моего пути, и я ценю твою помощь с сайтом. Но... теперь мы движемся в разных направлениях, и у меня чувство, что мне предначертано нечто большее. Мне кажется, ты тратишь мои силы напрасно, требуешь слишком много внимания, и пришло время перерезать пуповину. Мне жаль, ты же знаешь это? Но я должна поступить так, как лучше для *меня*. И... в общем, ты больше не часть моего пути.

Я моргаю, не веря своим ушам. Она совсем не выглядит так, будто ей жаль. Какого хрена происходит?

Все тело ходит ходуном от приливающего адреналина и негодования. Я поднимаюсь с дивана и спокойно ухожу из гостиной, с тихим щелчком закрывая за собой дверь без истерик.

Сейчас я на десять лет старше, но чувство, когда тебя бросают, достаточно сильно похоже на то, что было тогда, в первый раз — словно ты стоишь на краю чего-то очень высокого и тот, кто, ты знаешь, стоит позади, толкает тебя.

Я пробыла в университете полгода и только начала мириться с мыслью, что мама может справиться и без меня — во всяком случае, пока все хорошо. Когда она однажды зимой, во вторник, не ответила на мой ежедневный обеденный звонок, я не слишком переживала. Иногда мама забиралась в постель и игнорировала мои звонки; это значило, что у нее был один из ее не лучших дней. Да и к тому же накануне вечером она была очень даже в духе! Мы общались по телефону о моих курсах, хихикали над каким-то уморительным фокусником из программы «*Королевское представление*». Но в четыре дня, когда я была в библиотеке, на дисплее мобильного высветился входящий звонок от маминой медсестры-психиатра из социальной службы. Медсестра звонила только в тех случаях, когда происходило что-то плохое.

— Приветик, Пэм, — сказала я, отвечая на звонок. — Выкладывай. Что она натворила в этот раз? — Я закатила глаза, пальцами выстукивая по полке, с которой снимала экземпляр «*Кентерберийских рассказов*», что должна была прочесть по учебе. — Нет, постой, я угадаю. Напилась и проклинала мужчин, разбивших ей сердце? Спустила лекарства в туалет? Очередная поездка в психушку? Давненько мы там не были!

Я шутила над всем этим, даже мама иногда была не прочь посмеяться над своими выходками, но под напускной веселостью скрывалось дико колотящееся о ребра сердце.

— Джессика. Тебе стоит присесть.

И, само собой, тогда я поняла. Все знают, что значит «*тебе стоит присесть*».

— Эм, хорошо, — ответила я, ноги стали ватными. Опустившись на покрытый ковром пол, я головой прислонилась к полкам с книгами и с силой сжала телефон.

— Джессика, боюсь, у меня для тебя ужасные новости, — продолжала Пэм, похожая на героиню из телевизора. Словно это была мыльная опера. — Боюсь, Роуз, то есть твоя мама... она... скончалась.

Я сдержала вздох и быстро кивнула, желудок скрутило так, будто я была на вершине американских горок.

— Когда? К-как?

— Этим утром. Она... она... это передозировка. Я звонила насчет ежемесячной встречи. Входная дверь была приоткрыта... — Обычно умиротворенный голос Пэм задрожал и затих.

Я уронила «*Кентерберийские рассказы*» на ноутбук и наблюдала за тем, как рисунок на обложке и клетчатая юбка моего платья мутнели.

— Но в прошлый раз, когда такое произошло, с ней все было в порядке. Они в больнице использовали ту штуку, чтобы откачать ее. Вчера вечером она смеялась. Не понимаю. Вы уверены, что она?.. По голосу казалось, что у нее все *хорошо*. Что она... счастлива.

И тогда меня озарило. Я знала, почему вчера мама была такой радостной. Почему она внезапно стала веселой и общительной, как нормальная мама. Она знала, что собирается сделать. Она знала, что покинет этот мир, потому и оставила дверь незапертой, чтобы Пэм ее нашла.

Так и знала, что не должна была оставлять ее. Знала, что должна была остаться дома. Она бы так не поступила, если бы я была дома.

Я уронила телефон на ковер и начала смотреть на ряды книг передо мной, я слышала клацанье по клавиатурам и приглушенное шушуканье студентов. Никто из них и не догадывался, что за углом, на полу, мое сердце разбилось.

Я кусала нижнюю губу, пока не ощутила вкус крови и не почувствовала нечто, что предвещает слезы. Так и должно быть, разве нет? Должны были быть реки слез, стенания, вырывание волос и крик уводящего меня библиотекаря: «Все пошли вон отсюда, здесь не на что смотреть, представление окончено!» Но ничего такого не было. Вместо этого я поднялась с пола, аккуратно вернула книгу на место и покинула зал. Качаясь, я брела по коридорам, а когда добралась до комнаты, то выключила весь свет и легла на кровать. Я устремила взгляд в темноту и терпеливо ждала, когда внутренности перестанет скручивать. Там я и оставалась, пока меня не обнаружила Саммер.

Я не плакала в день, когда моя мама покончила с собой. И никогда с тех пор.

Глава восьмая

Бары при гостиницах и пивные рестораны пристанище ни на что не годных персон. Там не место Достойной Женщине. И определенно не место незамужней леди.

Матильда Бим, «Как быть достойной женщиной», 1959

Бар «Трэп Инн» расположен в конце дороги. Это самая настоящая пивнушка. Стулья испачканные и потертые, на подставках для пива виднеются следы от зубов, а сами они воняют как яйца. Но сейчас, в связи с острой необходимостью, и благодаря тому, что

находится бар недалеко, «Трэп Инн» становится моим местом для уединения. Я заказываю бутылку грушевого сидра у тощей барменши с щелью между зубов, и из того, что получается уловить, отзывается она на имя Страшила Элейн.

— Грушевый сидр? — спрашивает она, подмигивая. — Грушевый? Сидр? *Грушевый сидр?*

— Он как обычный сидр, но с грушевым привкусом. Это вкусно, поверь. Не беспокойся, я вижу, что у вас такого нет. Тогда просто пиво, спасибо.

Она кивает и из холодильника достает мне бутылку «Короны». Я делаю пару приличных глотков, запрыгиваю на высокий барный стул и, тяжело вздыхая, руками подпираю голову.

Ну, все прошло охренительно напряженно.

Я не знаю, как себя чувствовать. Отчасти я сильно зла, что Саммер выгнала меня из моего собственного гребаного дома. Но гораздо сильнее меня гложет то, что я, без сомнений, расстроила ее сильнее обычного. Внутри расцветает некомфортное чувство вины. Мне не было так плохо с тех пор, как мама ушла. Я этого не вынесу. Саммер злилась на меня бесчисленное количество раз, но она никогда не выставляла меня за дверь. Не в самую последнюю очередь потому, что, как бы сильно я не доставала ее, ей нужно было, чтобы я работала. Обычно я уходила на пару часов, а потом, когда она успокаивалась, говорила с ней, но сейчас понимаю, что так уже не получится.

Я занимаю место в углу барной стойки перед телевизором. «*Дом своими руками с Керсти*». очередное элегантное «давайте жить в развалюхах и мастерить кофейные столики из старых деревянных ящиков для яблок» дерьмо. День превращается в настоящий кошмар.

И куда мне, черт подери, податься? Я листаю список контактов. Ну, Эми Киплас и Марк Чундер по понятным причинам даже не под вопросом.

О-ох, посмотрим. Надо попытаться набрать Бетти. Бетти — наша подруга, и она журналистка. Она дружелюбная и веселая, а ее дом находится в Дидсбери, крутом месте для того, чтобы пожить там какое-то время.

Я выбираю ее номер и звоню.

— Йоу, это чувиха Джи, — здороваюсь я бесцеремонно.

— Кто?

— Джесс.

— Какая Джесс?

— Джесс Бим! Бетти, глупышка ты. Как ты там? Кажется, у тебя там громковато. Это играет «У старого Макдональда была ферма»?

— Ага, только что ездили с Генри на «Бэйби Сенсори»¹⁸.

— О, точно, Генри! Сколько ему уже?

— Восемь месяцев. Ты его никогда не видела.

Ой. Похоже, она злится. Неужели *так* страшно, что я не видела ее ребенка? То есть, о чем бы мы говорили?

— Знаешь что, Бетс? Теперь я *могу* с ним познакомиться. Саммер вытолкала меня за дверь и мне нужно место, чтобы осесть. Если я останусь у тебя, то иногда, когда тебе будет угодно, могу нянчиться с Генри, если другая няня не сможет прийти, или если у меня уже не будет каких-то других планов... Хм-м-м, Генри пока еще не знает, как танцевать? Я бы могла научить его отжигать под Бон Джови!

— Почему Саммер вытолкала тебя? — спрашивает она решительно. — Что ты натворила?

— Ничего! Почему ты так легко допускаешь, что виновата я?

Бетти молчит.

— Ладно, я могла устроить крошечную сцену на книжной презентации. Это был самый настоящий несчастный случай, но Саммер и слушать не захотела. Уверена, она скоро успокоится, но, думаю, для меня же лучше будет двигаться вперед самой.

— Я не уверена, что хочу быть причастной к вашей ссоре, Джесс

На заднем плане слышится вой ребенка.

— Да ладно, лишь на одну-две ночи, Бетти Бу. Ну дава-а-а-ай. Все будет, как в старые добрые времена. Я притащу канистру маргариты и диск с живым выступлением «Kings of Leon». О-ох, у тебя же большой дом. Мы могли бы... могли бы закатить вечеринку! Эпичную домашнюю вечеринку!

В голове проносятся мысли о составлении для вечеринки плейлиста в «Спотифай»¹⁹. Бетти обожает регги. Я загуглю «лучшие регги песни» и закину их все в музыкальный список специально для нее. Я достаю из кармана куртки свою надежную шариковую ручку «Бик» и собираюсь нацарапать на руке надпись: «домашняя вечеринка эпический плейлист». Не успеваю дописать слово «домашняя», как Бетти опускает меня с небес на землю.

— Эм, настолько... веселую... эпическую домашнюю вечеринку, как ты озвучила, мой маленький сын, боюсь, не оценит. Прости, Джесс. Не думаю, что остаться у меня такая уж хорошая идея. Но удачи! Вообще-то, в августе мы устраиваем праздник в честь *дня рождения* Генри. Я была бы рада, если бы он познакомился с тетей Джессикой. Я напишу тебе подробнее ближе к делу, договорились?

— О! Да, несомненно... — отвечаю я, ощущая зуд от того, что слова «тетя» и «Джессика» произносятся в одном предложении. — Звучит прекрасно!

Вовсе нет.

Мы завершаем разговор немного сухо, и я пролистываю остаток списка контактов в телефоне. Я звоню каждому человеку, которого считаю ближайшим другом, но все заканчивается тотальной катастрофой. Эмили, которую я встретила в Танзании, слишком занята своей напряженной работой в качестве адвоката по правам человека. Коллум, веб-дизайнер, все еще злится на меня за то, что забыла ответить на его сообщения, особенно после нашей бурной ночи на прошлый Новый год. А моя подруга Мишель, гитаристка-бисексуалка, оказывается, больше не хочет быть моей подругой, ведь я недостаточно внимательна и *заинтересована*, когда в ее жизни «появляются настоящие, реальные проблемы».

— Я буду текилу, пожалуйста, — обращаюсь я к Страшиле Элейн. Она отрывает взгляд от телевизора и лениво наполняет одну из маленьких стопок для шотов.

— Немного рановато для текилы, а, дорогая? Что-то тревожит тебя? — Она протягивает мне выпивку костлявой рукой без мизинца. Я опрокидываю рюмку и киваю на бутылку, призывая повторить.

— Это текильная скорая помощь, — поясняю я. — Друзья бросили меня, на банковском счету у меня меньше сотни фунтов, я лишилась работы и, похоже, могу стать бездомной.

Страшила Элейн выглядит ужасно ошеломленной, что в некоторой степени меня успокаивает. Я беру обновленную рюмку.

— Знаешь, я просто не понимаю, что со всеми не так. У людей есть много друзей для разных вещей, разве нет? Они знали, какая я, когда познакомились со мной. Я беззаботная, веселая, любящая приключения оторва, а не «поговорим о твоих эмоциях и поплачем как

тряпки» друг. С чего вдруг они стали ждать, что я буду другой? Я не слишком хороша во всей этой идиотской трогательно-чувствительной хрени.

Страшила Элейн пожимает плечами, и я стучу по барной стойке пустой рюмкой, после чего барменша устремляет взгляд на телевизор.

— Просто езжай и поживи с мамой и папой, милая, — говорит она, словно все так просто. — Они тебе помогут разобраться.

Я вздыхаю.

— Не могу. В том-то и проблема! Мама умерла давным-давно. Папу я и не знала. Я знаю о нем только то, что он был отвратительным обманщиком, он оставил мою маму еще до того, как родилась я, и разбил ей сердце на миллион кусочков, после чего оно так и не стало прежним. — Я качаю головой и выпиваю очередной шот. — Я планировала снова путешествовать по миру, но потерпела крах! Че-е-е-ерт.

— Бедная малышка.

Опрокидывая очередной шот, я чувствую блаженное тепло на щеках, а у всего вокруг вдруг сглаживаются углы. Я изучаю Элейн. Она кажется милой. И совсем не страшилой.

— А могу я остаться у тебя, Страшила Элейн? Я могла бы помогать по бару. Мне всегда казалось, что жить в баре довольно круто.

— Нет, дорогая, — отвечает она. — Не думаю.

Я киваю и икаю, любезно принимая отказ.

— Можно мне тогда еще выпить?

— У нас акция на двойные порции, дорогая. — Она указывает на вывеску за ее спиной.

— Чудесно. Срази меня.

Она наливает мне двойную порцию.

— Может, у тебя есть какая-то тетя, уточка? Бабушка? Крестная? Кузены? Бывший?

Я отрицательно качаю головой.

— Неа. Никого у меня нет, — обреченно вздыхаю я. — Я одинока. Одна-одинешенька в этом ледяном ми... Ой, хотя... Вообще-то, думаю, у меня есть бабушка. Или по крайней мере была. Я с ней не встречалась. Даже не знаю, жива ли она. Ну, ее не было на похоронах мамы... во всяком случае, не помню, чтобы видела ее там, но о том дне я вообще мало что помню. Матильда, думаю, так ее зовут... Точняк. Матильда Бим.

— Ты даже не знаешь собственную бабушку? Это охренительно грустно, так-то, цветик. — Страшила Элейн корчит гримасу, демонстрируя зубы с налетом и зеленоватым оттенком, что, полагаю, и является причиной ее прозвища.

Я тру глаза, начиная чувствовать себя слегка пьяной.

— Ага, кажца, это грустно. — Бабушка с мамой не общались, хотя, если подумать, то даже не знаю почему. — Пхоже, бабушка была супер богатй, жила в огромном, роскошном доме в...

Минуточку.

Я снова быстро вынимаю телефон из куртки и отчего-то трясущимися руками подключаюсь к Сети. На это у меня уходит чуть больше времени, потому что текила сделала мои пальцы неуклюжими, но спустя три попытки я, наконец, вбиваю в поисковую строку «Матиль Бим + Кенсингтон».

По запросу браузер выдает 192 сайта. Я кликаю на них и сонно прокручиваю страницы вниз.

Мне трудно дышать. Вот же Матильда Бим! Живет в Кенсингтоне на какой-то Бонэм

Сквер. Согласно списку избирателей за 2013 год, который зарегистрирован последним, ей семьдесят семь лет. Это, должно быть, она. *Должна* быть она. Матильда Бим не то чтобы редкое имя.

— Ты чертов гений, — часто дышу я, роясь в карманах джинсов в поисках денег.

— Что такое, дорогая? — спрашивает Страшила Элейн, одним глазом поглядывая на Керсти Олсопп, жеманно ухмыляющуюся на камеру.

— Ты, ты — ик, — гениалня. Ты совершенно права. У меня есть бабушка. Живая бабушка. И, думаю, в общем, кажется, она при деньгах. Черт, мне надо было подумать об этом годы тому назад! Ого, сколько же времени я упустила! — Я спешно расплачиваюсь и, покачиваясь, соскакиваю со стула. — Она сможет одолжить мне денег. Заем или типа того. Я сразу же отправлюсь путешествовать! Вернусь на Ямайку, чтобы отрываться! Да-а-а-а! Я собираюсь отправиться домой, собрать небольшую сумку и немедленно сесть на поезд обратно до Лондона. Нельзя терять время.

— Хм-м-м, — хмурится Страшила Элейн. — Дорогая, ты немало выпила. Уверена, что это хорошая идея?

— Нет, не уверена, Страшила Элейн. Совершенно не уверена. Но это единственная чертова идея, что у меня есть!

Отправиться на поиски бабушки во вторник в полдень, когда ты грустная и пьяная, не самая обычная выходка. Подсознательно я знаю, что, возможно, стоило бы все обдумать куда тщательнее: сделать пару звонков, уточнить, что бабушка на самом деле живет в Кенсингтоне по найденному мной в гугле адресу, или что она, ну, знаете, вообще-то жива. Но отчаяние с текилой эквивалентны спутанным мыслям, а я ох как отчаянна, а сколько во мне текилы! Когда я возвращаюсь домой, чтобы упаковать вещи, и слышу, что у Саммер гости, моя решимость становится только тверже. Меня не было дома около часа, а сейчас я слышу, как с кухни раздается хихканье. По коридору разносится звук чоканья бокалами с шампанским, который нельзя перепутать ни с каким другим.

Какого хрена?

Они *празднуют*?

Господи. Она, по всей видимости, действительно хочет, чтобы я съехала! Я, шатаюсь, быстро добираюсь до своей комнаты, плюхаюсь на кровать и пытаюсь разрыдаться. Я правда стараюсь выжать слезы изо всех сил, хотя бы одну малюсенькую капельку, но, само собой, ничего не получается. Никаких сюрпризов, я продолжаю оставаться неплакательной.

Не найдя никакого чемодана, я спешно собираю одежду в мусорный мешок, хватаю ноутбук в чехле-сумке, крадусь вниз по лестнице и прохожу мимо фестиваля хихиканья на кухне. Когда я достигаю входной двери, из гостиной выпрыгивает мистер Белдинг, а на его плюшевой мордочке выражение любопытства. Сегодня, чтобы Саммер провела многочасовую фотосессию и выложила фотографии в «Инстаграм», на нем крошечная фиолетовая шляпка в виде пирога со свининой. Бедняга. Обречен на прихорашивания и позирования вместо игр и мурлыканья.

Из кухни слышится очередной взрыв смеха и звон ударов бокалов друг о друга после тоста. Кто-то, наверно Холден, кричит: «За расцвет Саммер!» Боже. Они поздравляют ее с моим выездом. Сегодняшний день и правда становится мрачнейшим.

Я выдыхаю, чтобы успокоиться, в груди разливается чувство обиды. И без задней мысли

я одной рукой подбираю нашего кота и уйду из квартиры.

Потратив последние наличные на билет, я сажусь на поезд до Лондона уже во второй раз меньше чем за неделю. Что, когда ты на взводе, тащишь на себе мусорный мешок с грязной одеждой, сумку с ноутбуком и прячешь перевозимого в кожаной куртке кота, совсем не относится к приятному и радостному опыту. *Особенно*, если в мешке дырка, и из него торчит треугольная часть серых пузырчатых трусиков тонги всем на обозрение, включая парня, который с грустью, но стойчески, не отрывая взгляда, осматривает тебя на станции Юстон.

Вот я и стою перед гигантским белым домом с отделкой в Кенсингтоне.

Приехали: это дом бабушки.

Я делаю несколько быстрых вдохов-выдохов и нажимаю на маленький серебряный звонок в стене. Почти что сразу из интеркома раздается пронзительный женский голос.

— Слушаю?

В голосе слышится хрипотца. Бабушка или нет?

Вообще без понятия.

Дерьмо, я даже не знаю эту женщину! Могу ли я просто так заявиться и просить денег в долг, когда мы даже не знакомы? Я смотрю вниз на довольно урчащего мистера Белдинга, выглядывающего из-под куртки, словно у того могут быть ответы. Но он их не знает. Он не знает ничего.

Что я творю? Алкогольная смелость повыветрилась, и осталась лишь жестокая реальность: на самом деле я похитительница котят, уничтожительница контрактов на выпуск книги, да еще и с мешком вонючей одежды и изжогой с привкусом текилы.

— Эм, надеюсь, вы не возражаете, но я спрошу, что вы здесь делаете? Могу я вам помочь? Вы... вы в беде?

Я пугаюсь, когда интерком оживает.

— Эм... — Я подхожу ближе к микрофону. — Здравствуйте. Ух... Я думала, что здесь жила моя бабушка. Но вы молоды и американка, а мне кажется, что моя бабушка старая и англичанка, так что, похоже, ее тут больше нет. Так что я пойду. Простите за беспокойство.

Гениально. Я последние гроши спустила на смехотворную погоню за бабушкой. Прямо сейчас я ненавижу себя. *Забей, Джесс.*

— Ваша бабушка Матильда Бим? — спрашивает скрипучий голос.

— Эм, да. Я Джессика. Джесс.

Тотчас же звучит низкое жужжание и раздается щелчок, после чего мягко отворяется черная блестящая дверь.

Дерьмо! Моя бабушка здесь?

— Мы на втором и третьем этаже, — оповещает женщина из интеркома с веселым южноамериканским говором. — Внизу клиника.

— О! Хорошо! Благодарю, великолепно. Тогда увидимся через секунду!

Я толкаю тяжелую дверь и ступаю в кажущийся огромным холл с черно-белым шахматным полом и, насколько можно судить, весь заполненный лестницами. Я иду мимо них, направляясь к лифту, легчайшему и лучшему из вариантов на данный момент, учитывая, что я несу кота, сумку с ноутбуком и рвущийся полиэтиленовый мусорный мешок.

О, подождите-ка. Не может быть. Здесь, похоже, нет лифта.

— Шиш с мошонкой, — ворчу я под нос, таща мешок по полу в отчаянии, и громко причитаю, — *шиш с мошонкой*.

Я ненавидела лестницы в свои лучшие времена, но со всем этим багажом? Это будет сло-о-о-ожно. Мистер Белдинг фыркает, соглашаясь.

Дверь слева от меня открывается и оттуда появляется голова невысокого кучерявого мужчины. Он вроде моложе меня, одет в тянущийся белый докторский халат, а на его лице выражение крайней озадаченности.

— Могу я вам помочь? — спрашивает он с мелодичным шотландским акцентом, изучая меня и мои пожитки, подозрительно нахмурившись.

— Да, пожалуйста, — отвечаю я. — Я ищу лифт. Вы знаете, где он?

Он прочищает горло.

— Эм, это здание построено в середине девятнадцатого века. Здесь только лестницы.

— Шиш. С. Мошонкой, — ворчу я снова, когда мое беспокойство оправдывается. — Мои вещи очень тяжелые.

— Можете здесь не говорить «шиш с мошонкой»?!

— О? Это почему еще? — смотрю я на него пристально. — Вы здесь босс?

— Э, нет.

— Тогда с какой радости?

— Ну, потому что это кардиологическая клиника доктора Куреши. Мы лечим людей с болезнями сердца. Не думаю, что эти люди захотят услышать за дверью вопль «шиш с мошонкой», будучи уже растревоженными, неважно себя чувствующими и имеющими достаточно поводов для переживаний.

Он слегка задирает подбородок.

— Ой, — говорю я, чувствуя, как меня окутывает чувство вины. — Верно, я понимаю, что им это может немного досаждать. Мне жаль. Больше никаких ругательств. А это вы доктор Куреши?

— Нет. Я доктор Абернати. Я работаю на доктора Куреши.

— Ну да. Круто. Не будете тогда так милы, чтобы помочь мне дотащить эти сумки?

— Нет, вообще-то нет. Я очень занят. Стойте, а кто вы вообще такая? — он щурится и смотрит на меня, не сводя глаз.

— Твой худший кошмар, — отвечаю я.

По большей части я так говорю, потому что всегда хотела бросить эту реплику, а нынешний момент кажется самым что ни на есть подходящим. А еще потому, что я, похоже, все еще чуточку пьяна.

— Хм-м-м, да, я так и подумал, — бормочет он, прежде чем устремить свой взгляд на мою грудь.

Его глаза расширяются от изумления. Какого черта происходит? Что он делает? То есть, по правде говоря, моя грудь очень даже хороша, и она привлекает много увлеченных взглядов, но никогда не было такого дикого потрясения. Мерзость. Он и правда пялится! Что за противный извращенец. Я посылаю ему свой самый испепеляющий взгляд.

— Гм, — фыркаю я.

— Простите, — восклицает он, застыв. — Но... вы знаете, что там... у вас в куртке *кот*?
Носящий шляпу?

Ха! Он всего лишь заметил мистера Белдинга. Не противный извращенец. Я украдкой смотрю вниз, вижу торчащую мордочку мистера Белдинга и чешу его за ушами.

— Да, спасибо за бдительность, доктор Сьюз²⁰. А знаете, я даже понятия не имею, почему он тут.

— Простите, *что*?

— Я о том, что не знаю, зачем притащила его сюда. Мы завели его с моей подругой, но я вышла из себя, разозлилась на нее немного и вроде как... забрала его. *Неважно*, не берите в голову. Помогите мне с вещами, пожалуйста?

Сначала доктор смотрит на часы и только потом делает шаг за пределы отделения клиники, после чего мягко закрывает за собой дверь.

— Ладно. Но это не делает меня соучастником кражи животного. — Он берет мешок, сумку с ноутбуком и держит путь наверх. — Показания будете давать вы.

— Я поклянусь на Библии, что вы ничего не знали, — торжественно обещаю я, а мистер Белдинг в это время снова прячется и удобно устраивается у мягкой атласной подкладки под моей курткой, после чего засыпает. — Разве что они не выдвинут условия для смягчения приговора.

— Великолечно, спасибо. Вы идете наверх повидать старую леди Бим?

— Ага. Она моя бабушка.

— Ох. Я и не знал, что у нее есть семья... Никогда не видел, чтобы ее навещали... Эм, простите, что назвал ее старой леди Бим.

— Ой, не переживайте. — Я понижаю голос. — Честно говоря, я вроде как вспомнила о ее существовании только... о-о-ох, около пяти часов назад. Мы никогда не встречались. Она даже не знает, что я иду к ней!

— Ого. Так вы ничего о ней не знаете...

— Ничегошеньки. Пшик. Если подумать, то это даже круто. Типа *сюрприз-сюрприз*, но, знаете, в хорошем смысле.

— Ну да. Конечно.

Когда мы наконец достигаем верхней ступеньки, доктор кладет вещи на пол, протягивает руку и, немного запыхавшись, представляется:

— Я Джейми. Доктор Джейми Абернати.

— Приятно, — я принимаю его руку и сердечно жму ее. — Я Джесс. Мисс Джессика Бим.

— Удачи там, мисс Джессика Бим.

— Это с чего бы мне понадобилась удача? — Я поправляю очки на покрывшемся испариной носу. — Я ее *внучка*. Бабушки любят внучек, это заложено в человеческой природе.

Чего это он так приподнимает бровь?

Глава девятая

Крепкие слова никогда не должны слетать с губ благовоспитанной Достойной Женщины. «Боже, ужас» допускается лишь в минуты наисильнейшего раздражения.

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

— Вы, должно быть, Джессика.

Я узнаю застенчивый голос из интеркома, когда дверь открывается и передо мной

предстает крупная девушка со скромной улыбкой, брекетами на зубах и покрытым веснушками носом. Ей чуть за двадцать, и выглядит она аккуратной и благопристойной жительницей пригорода. На ней кремовый передник поверх длинной юбки и огромная темно-синяя футболка, а ее вьющиеся тусклые каштановые волосы убраны назад в тугую тонкую косу.

— Я... а... Пич... Кама... — бормочет она, почти не встречаясь со мной взглядом, но протягивает пухлую руку с короткими ногтями, покрашенными бесцветным лаком.

— Рада встрече, — отвечаю я, пожимая руку в ответ. — Боюсь, я тоже напичкана. — Я указываю на почти порвавшийся мусорный мешок.

— Нет, нет. Эм, Пич — мое *имя*, — говорит она тихо, а ее круглые щеки приобретают ярко-красный оттенок. — Эм, Пич Кармайл. Я помощница миссис Бим.

— О! Крутое имя.

У бабушки есть прислуга!

— Миссис примет вас в приемной.

Примет в приемной? Я фыркаю и осматриваюсь, готовая увидеть выскакивающего из-под лестницы кузена Мэттью. Ох, как же мне нравится кузен Мэттью²¹.

Мы проходим на этаж, и мои ожидания о прекрасном, великолепном жилище, что я выстроила на основании внешнего вида дома, не оправдались. Совсем. Главный вход, конечно, огромный и широкий, но еще и удручающий. Я устремляю взгляд на потолок и вижу гигантскую, экстравагантную хрустальную люстру, у которой из всех лампочек светит только одна — остальные восемь перегорели. Мы поворачиваем за угол и идем по тускло освещенному коридору. Ого. Здесь повсюду кучи мусора! Все заполнено разнообразным хламом. Всякой всячины просто-таки навалено! Я натыкаюсь на глиняный бюст головы какого-то мужика, после чего пачусь, ударяюсь о громяющий старый пылесос и, в конце концов, спотыкаюсь о высокую кипу газет. Как будто играю в «найди мышеловку». Я все-таки падаю и приземляюсь на пятую точку, а в лицо вжимается деформированная теннисная ракетка.

— На по-о-о-омощь!

Пич резко разворачивается, объятая ужасом.

— О боже!

— Я-то думала, это у меня бардак! — кричу я, убирая ракетку от лица и надавливая на лодыжку, чтобы проверить ее целостность. Пич протягивает руку и помогает подняться на ноги.

— Ты в порядке? Мне очень-очень жаль. Я так привыкла лавировать и уворачиваться в этом коридоре, что забыла — для гостей это действительно полоса препятствий. — Она мягко пожимает плечами. — Не то чтобы у нас много гостей, только ты да почтальон Гэвин.

— Все со мной нормально. — Я с трудом встаю и отряхиваю облегающие джинсы.

Аккуратно обходя перламутровые напольные часы, я оглядываюсь в изумлении. Этот коридор воплощает в себе все влажные мечты Дэвида Дикинсона²². Что может быть отвратительнейшей мыслью когда-либо посещавшей мою голову.

— Ого, да вам стоило бы поучаствовать в шоу «Сокровища на чердаке».

Пич выглядит довольно серьезной.

— Мы даже не можем открыть дверь на чердак. Миссис Бим... в общем, она предпочитает, чтобы ее вещи были неподалеку.

— Это я вижу. — Я пробираюсь мимо стола, на котором находится два выдернутых из

розетки телефона. Какого хрена?

Пич открывает очередную массивную дверь и заводит меня в огромную, просто-таки гигантскую комнату. Потолки такие же высокие, как и в коридоре, одна стена цвета бордо украшена картинами маслом в золоченых рамах. Другие три стены заставлены заполненными до предела книжными шкафами. До моего слуха доносится жуткая песня пятидесятых «Мой особенный ангел», исполняемая Бобби Хелмсом, которая раздается из старомодного проигрывателя, стоящего на подоконнике огромного раздвижного окна. А в дальнем углу комнаты на кажущемся жестким кресле цвета утиного яйца чопорно восседает моя бабушка, увлеченная какой-то книгой. Она худая, но из-за того, что она сидит, я не могу судить о ее росте. Ее серебристо-белоснежные волосы уложены с шиньоном в, как я полагаю, стиле Грейс Келли, но несколько жестких завитков выбиваются у ее висков, создавая некий эффект ореола. Бабушка отрывает заинтересованный взгляд от книги и мне становится видно, что она, как и я, носит очки. Только у нее не те, что с классной черепаховой оправой, а большие, красные, вытянутые к внешним углам и с супер-толстыми линзами, из-за которых глаза кажутся мультяшно-огромными. Она немного похожа на персонаж Тима Бертон. И не в хорошем смысле.

— Эм, миссис Бим, Джессика Бим здесь, чтобы повидаться с вами.

Пожилая женщина резко вздыхает.

Ох.

Бабушка. *Моя бабушка.*

Это очень странно.

Это охренительно странно.

Какого хрена я здесь делаю?

Это глупая и смехотворная идея.

В голове начинает неприятно зудеть.

Ладно, успокойся, Джесс. Будь самой собой, будь простой. Сделай так, чтобы ты ей понравилась, убеди ее дать тебе немного своего состояния, чтобы отправиться на Ямайку. О-о-о, или в Новую Зеландию. Шли ей милые открытки, верни долг, звони на Рождество, ля-ля-ля, улетай в Перу или на Сент-Люсию, живи долго и счастливо, аминь, и так далее. Все тип-топ.

— Эм, здравствуйте. Я Джессика. Джесс, — говорю я, в смятении пытаюсь убрать руки в карманы узких джинсов, прежде чем понимаю, что это — та самая модная модель с фальшивыми карманами, и получается, что я просто тру себя. — Я дочь Роуз. Ваша внучка, получается. Простите, что как гром среди ясного неба, просто... Я не могла не прийти. Эм... не могла устоять²³.

Я только что процитировала песню Адель? Почему я веду себя так странно?

— Оставлю вас, — бормочет Пич настолько тихо, что я едва ее слышу, после чего неуклюже горбится и покидает комнату.

Бабушка косится на меня, откладывает книгу на край стола из красного дерева и поднимается со своего кресла куда более плавно, чем я думала, учитывая, что ей, наверное, миллиарды лет. На ней шерстяная розовая юбка, кажущаяся жесткой, и белая шелковая блуза с длинным рукавом. На одной из пуговиц покрывающая ее ткань уже поистерлась.

— Дж-Джессика? Малышка Джессика? Это... на самом деле ты? — выдавливает она голосом в самой что ни на есть аристократической манере. Она прижимает костлявую руку к груди, быстро моргая огромными глазами. — О, боже мой, ты здесь!

Ну, мать твою, наконец! Хоть кто-то на этой планете рад мне.

— Да! — отвечаю я гордо, блаженно улыбаясь. — Я здесь... Вот она я!

— Ох, Джессика, — причитает бабушка, пожалуй, слишком драматично. — Она бросает взгляд на затейливо оформленный потолок и, качая головой, громогласно заявляет: — Спасибо тебе, Боже! Спасибо, что привел ее ко мне.

Ого. Ладненько. Эта женщина рада меня видеть до смерти. И с чего это я боялась просить ее о помощи? На языке уже чувствуется вкус «Секса на пляже», между пальцами ног рассыпается нагретый солнцем песок, а руки отлично сложенного австралийского красавчика втирают в мою спину крем от загара. Саммер справится и сама. Я же ей больше не нужна? Так вот, и она мне не нужна. Теперь у меня есть бабушка.

— Ага, невероятно, да? — ухмыляюсь я. — Не знаю даже, почему мы тянули так долго. Если быть откровенной, я не думала о тебе до сегодняшнего утра. Мама никогда даже не говорила о тебе...

Я замолкаю, когда замечаю движение со стороны бабушки. Она мелкими шажками приближается ко мне, вытягивая руки вперед. Она... она собирается обнять меня? Должно быть. Вообще, бабушки всегда обнимают людей. Обнимают, щипают за щеки и целуют прямо в рот.

О нет.

Когда она становится ближе, я замечаю в ее больших глазах слезы. Огромные старушечьи слезы. Первым желанием было отступить назад, защищая щеки от ее костлявых загребущих ручек, а свои губы от ее поцелуев. Я в своем личном кошмаре. Хочу закричать: «Стой там, где стоишь!», но знаю, что не должна. Было бы очень грубо отвергать ее эмоциональный выплеск.

Я просто преодолею это.

Бабушка двигается с удивительной скоростью и оказывается передо мной раньше, чем я успеваю это понять. Она хватает мое лицо. Холодная как лед!

— Бедная сиротка, бездомная Джессика. Я ждала тебя годами. Через что тебе пришлось пройти! — восклицает она, всем видом выражая жалость. — Посмотри на себя, бедное, обнищавшее создание.

Чего? Откуда, черт подери, она знает, что я нищая и бездомная? И что значит «годами»? Да в долбаной Сети я есть повсюду. Если она говорит серьезно, то уж точно могла бы меня найти. Чтобы ее найти, я потратила меньше пяти минут.

Не успела я спросить ее, какого черта происходит, как ее длинные тонкие руки по бокам от меня в готовности обвиться в объятии.

Бабушка-дементор²⁴.

Я с силой закрываю глаза, задерживаю дыхание, она все ближе...

— РРРРЯЯЯУУУУ!

— *Святые угодники!*

— Че-е-е-ерт!

Из кожаной куртки выпрыгивает мистер Белдинг.

Вот херня. Я напрочь забыла, что он там! Он лапами пронзает воздух и шипит, что, в общем-то, можно понять при условии, что его чуть не стиснули до смерти, почти превратив в начинку сэндвича «я и бабушка». Затем он взбирается на мое плечо, когтями впивается в зону декольте, и я с уверенностью могу назвать это самым болезненным физическим опытом за всю свою жизнь.

— А-А-А, МИСТЕР БЕЛДИНГ, ДЕРЬМОВАЯ ТЫ БАШКА!

Мои ругательства эхом отскакивают от стен просторной комнаты и возвращаются обратно. Бабушка от удивления спешно отстраняется, а ее ноздри тем временем жутко расширяются. Ее губы снова дрожат. У нее те самые дрожащие губы. Ее лицо становится белым, как у небезызвестного Каллена.²⁵

— Святой боже, — хрипит она, рукой дотягиваясь до стула, чтобы устоять на ногах. — *Святой боже.*

— Вот дерьмо, мне так жаль, — мямлю я, пытаюсь отодрать мистера Белдинга от плеча. — Я совсем о нем забыла!

— Зачем... зачем ты носишь с собой кота? — Она длинным пальцем указывает на балансирующего на моем плече мистера Белдинга. — Я этого не вынесу! Это что-то вроде уличной моды? Так называемая фишка?

— Уличной моды? Чего-о-о?

— О, боже милостивый, ты используешь его, чтобы согреться? Чтобы вызывать сочувствие, когда... Боже милостивый... Когда ты попрошайничаешь? Это потому ты носишь шляпу?

Попрошайничаю? Постойте-ка, она думает, что я вообще бездомная?

Мне и в голову не приходило, что предстоит такой неловкий момент, и все же прямо сейчас я озадачена куда больше, чем когда какой-нибудь персонаж сериала «*Жители Ист-Энда*» спал с Филом Митчеллом.

Мне удается отцепить мистера Белдинга и поставить его на пол. Он медленно направляется к бабушке, но та отгоняет его прочь бережно скрученным журналом «*Леди*».

— Я не по-настоящему бездомная! — оправдываюсь я. — Ну, сейчас, технически, *наверное*, я бездомная. Но не в том бомжеватом смысле. Во всяком случае, пока... С какого бы тебе...

— Тебе не нужно скрывать это, Джессика. Я пожилая, но *не* маразматичка. Я определенно знаю, когда передо мной опустившийся человек. Только бродяга будет носить свои пожитки в мусорном мешке. Только бродяга может быть вынужден носить одежду детского размера. А еще эти вульгарные выражения, запах дешевой выпивки... — Она морщит нос. — *Не выстиранная одежда...* — Я смотрю вниз и замечаю снова торчащие из дыры серые тонги. Черт. Мне-то казалось, я затолкала их обратно.

— У тебя сложилось неверное впечатление обо...

— Будто и так не понятно, у тебя же на руке написано слово «дом».

Я гляжу на то место на руке, где не успела дописать «домашняя вечеринка эпический плейлист». Я стираю надпись шариковой ручкой перед тем, как заваливаюсь в темно-синее вельветовое кресло у окна.

— Слушай, думаю, мы неправильно начали. Я на сто процентов не живу на улице. Честно. И это не детская одежда. Это крутые узкие джинсы. Они и должны быть супероблегающими. Это сексуально! И у меня, по правде говоря, был преотвратный день, следствием чего и является запах текилы... ну, ты знаешь, как оно в жизни бывает. Мои вещи в мусорном пакете, потому что я дико торопилась и не смогла найти чемодан. Понимаешь? Произошло жуткое недопонимание. Можем мы, пожалуйста, начать сначала?

Бабушка не отвечает. Только прикусывает губу, теребя нитки, торчащие из ее блузы, и смотрит на меня прищуренными, влажными глазами.

Твою мать. Это все *не* по плану. Надо исправить ситуацию. Прежде чем просить денег,

надо разрядить обстановку. Нужно задействовать свой веселый нрав.

— У тебя прелестный дом, — произношу я с самой ясной и присущей милой внучке улыбкой. — Обставлено все продуманно. — Я оглядываюсь вокруг и на стене замечаю портрет величественной женщины, по-королевски сидящей рядом с далматинцем. — Мне нравится эта картина. — Я указываю на нее. — Что за роскошная девушка! О, эти скулы. Великолепно. Прямо-таки копия Киры Найтли!

— Это мой *отец*. Твой прадедущка.

— О, боже мой, прости. Такие скулы... я подумала... — Я глотаю слова, а лицо заливают краской. — Что у тебя за книга? — Я ловко меняю тему, подмечая книгу в твердой обложке на ее стороне стола. Хорошая старая книга — всегда безопасный выбор.

Я присматриваюсь и поднимаю ее. «*Любовник Леди Чаттерлей*». В голове сразу же возникает образ задницы Шона Бина.

— О-о-о, пикантненько, — говорю я, странно растягивая слова, из-за чего звучу немного пошло. Ух!

Я кашляю.

— Мне нравится читать, знаешь ли. Наверно, пошла в свою семью! Я читаю все. Не только книги. Также газеты, журналы, рекламные листовки, постеры... эм, поздравительные открытки, дорожные знаки, опять же, книги. *Мысли*. Ха-ха. Я шучу... шучу ли я?.. — У бабушки падает челюсть. Я снова прочищаю горло. — Да, да... читаю, читаю, читаю, в этом вся я! Меня с тем же успехом можно называть Джессика Бим Читающая Машина. Или Джессика Бим Мадам Много Читаю. Эм. Типа того, в общем... ох...

— Ох, дорогая. — Глаза бабушки снова наполняются крупными слезами. — Я верю, что у тебя сейчас некий эмоциональный кризис. Это не удивительно, учитывая... — Она хлопает своими костлявыми руками. — Где твой муж, Джессика? Где он, когда должен помогать тебе? — Она неистово осматривает комнату, словно этот самый муж магическим образом может внезапно выскочить из-за орехового шкафа.

Я фыркаю.

— Даю тебе слово, нет у меня никакого «эмоционального кризиса», это не про меня. А что касается мужа, то мне всего двадцать восемь. *Само собой*, у меня нет мужа.

Бабушка так сильно сжимает губы, что их уголки становятся такими же белыми, как ее лицо.

— Ты одна из этих... карьеристок?

— Эм, вообще-то, нет. Я потеряла свою работу блогера только сегодня. — Я грустно пожимаю плечами. — Что очень обидно, ведь я жила со своим боссом. Который, к тому же, был моим лучшим другом. Так что дом я потеряла тоже.

— Блогер? *Святой боже*. — Она слегка покачнулась.

Мне стало интересно, кто такие, по ее мнению, блогеры? Сейчас, наверно, не время пояснять.

— Я могу все исправить, — шепчет она себе под нос. — Ты правильно сделала, что пришла ко мне. Позволь мне реанимировать себя. Позволь помочь тебе.

Она хочет помочь мне! Вот оно. Теперь мой выход.

— В общем, мисс Бим, бабушка, вообще-то есть кое-что, о чем я хочу тебя попросить. Это немного спонтанно, знаю, но такое дело... есть ли возможность занять у тебя денег? Само собой, я верну все до пенни, как только разберусь со всем. Обещаю. Но, как ты могла бы сказать, я сейчас в немного затруднительном положении, так что, наверное, если бы у

меня было немного денег, я бы снова смогла встать на ноги. И я знаю, мы почти не знакомы, потому я могла бы оставить что-то для страховки. Что-то типа депозита. Как насчет мистера Белдинга? Или этой качественной потрясающей кожаной куртки? Что захочешь. Что думаешь? Я буду вечно тебе благодарна.

Бабушка приподнимает свой элегантный подбородок, изгибает серебристые брови и мягко качает головой.

— Ох, Джессика, конечно, я помогу, чем смогу. — *Да-а-а-а.* — Но... мне не стоит давать тебе деньги. — *Не-е-е-е-ет.*

— Ой. Ладно.

Желудок сжимается от разочарования. Я окончательно и бесповоротно все испортила. Естественно, она не собирается давать мне денег. С какой радости? Я буквально ввалилась без приглашения, извращалась над «Любовником Леди Чаттерлей», оскорбила ее отца, продемонстрировала самые грязные серые трусы, позволила выскочить украденному коту, напугав ее до смерти, и приправила все это просьбой о займе. Чего еще я от нее ожидала?

Твою мать.

— Я не дам тебе денег, Джессика, но, несомненно, ты должна остаться здесь со мной. — Бабушка широко разводит руками, подразумевая под «здесь» огромную гостиную, после чего поправляет на носу красные очки. Она смотрит на меня своими гигантскими глазами. — Я помогу тебе все преодолеть. — Она одаривает меня беспокойным, умоляющим взглядом и шагает вперед, снова вытягивая ко мне свои тощие руки.

Я отступаю, избегая объятий. Может, у меня сейчас и ужасная катавасия в жизни, но я почти уверена, что жить здесь, с этой странной леди со слезящимися глазами, которая считает твоим долгом «исправить» меня, подобно самому настоящему кошмару. Да, может, мы и родственницы, но я об этой женщине не знаю ровным счетом ничего, а она обо мне знает и того меньше. Мама по каким-то неведомым причинам позаботилась об этом как следует.

Неважно... у меня нет выхода. По-настоящему нет выхода.

Я широко зеваю, вытаскиваю айфон и проверяю время. Уже девятый час. Вот дерьмо. Что еще мне предпринять? Полагаю, я могла бы остаться здесь на пару ночей, пока не найду решение. То есть, кто знает, может, через пару дней Саммер успокоится. И вообще, она осознает, что сайт «Саммер в городе» без меня и близко не так хорош, как она считала, и будет умолять меня вернуться...

Я встречаюсь с бабушкиным напряженным взглядом.

— Может, я могла бы остаться на пару ночей? — Я борюсь с очередной зевотой. — Если, эм, не помешаю?

Ее губы расплываются в широчайшей улыбке. Которая преображает ее лицо. И бабушка становится похожей на маму.

В груди возникает неприятное ощущение, а зуд, находившийся только в моей голове, распространяется по всему телу. *Это плохая идея.*

Поднимая со стола фарфоровый колокольчик, бабушка легко им трясет. Пич с серьезным выражением лица материализуется так быстро, будто подслушивала под дверью.

— Пич, Джессика останется у нас на какое-то время...

— Лишь на пару ночей.

— Прощу, отведи ее в главную гостевую комнату и помоги распаковать вещи...

— Мне не нужно распаковываться. — Я подбираю мусорный пакет. — Нет смысла, если

я собираюсь уехать уже через два дня.

Бабушка продолжает говорить с Пич так, словно я не произносила ни слова. Ее голос похож на голос Мэри Поппинс.

— В шкафу полно вешалок. — Бросая взгляд на пакет, она морщит нос. — И небольшая стирка не повредит. — Она подходит ближе, и я напрягаюсь, думая, что она решила устроить объятия версию 2.0, но вместо этого она многозначительно изучает мое лицо. Я сжимаюсь от ее пристального взгляда. Ее губы снова начинают дрожать.

— Что за тяжелые времена ты пережила, Джессика. Но мы это исправим. Я не остановлюсь, пока все не исправлю.

У-у-ух. Она точно чокнутая. Я прилагаю невероятное усилие, чтобы не умчаться и никогда не возвращаться.

Глубокий вдох. Приди в себя, Джесс. Это всего пару дней. У тебя нет других вариантов.

— Эм... хорошо. — Я пожимаю плечом. — Спасибо.

— Ты очень устала, дорогая. Думаю, теплая ванна и ранний отход ко сну будут к месту. — Бабушка тычет пальцем в небо. — Достоянная Женщина не должна пренебрегать своим сном для красоты! Завтрак в семь утра и ни минутой позже.

Что она несет? Она... отсылает меня в постель? Сейчас? Даже девяти нет. У меня, конечно, нет желания сидеть и болтать с бабушкой о том, какими были *наши с ней жизни*, но мне казалось, что *она-то* этого захочет. Особенно учитывая, что скоро я уеду и, если быть честной, никогда не вернусь.

Затем, как будто все произошедшее абсолютно нормально, совсем не странно или неловко, или хоть чуточку судьбоносно, бабушка возвращается в кресло и берется за свою полную сексуальных перипетий книгу.

А вот и задница Шона Бина.

Глава десятая

Сплетничать — дурной тон. Достоянная Женщина не лезет в чужие дела.

Матильда Бим, руководство «Достоянная Женщина», 1959

— В этой комнате ты будешь спать. — Пич открывает дверь на втором этаже и показывает мне спальню.

— О нет! — шепчу я, подавшись назад из комнаты со стоном ужаса.

Прежде я никогда не стонала от ужаса, но здесь по-настоящему кошмарно. Вся комната заполнена куклами. Не милыми куколками, умеющими писать, которыми вы играли, будучи ребенком, а серьезными, старинными и пугающими до чертиков фарфоровыми куклами. Они стоят в ряд у каждого из трех огромных окон от пола до потолка, а также мостятся на разных антикварных комодах. По меньшей мере штук двадцать стоят на полу из твердого дерева в различных позициях, имитирующих действие. Одна из кукол держит в игрушечной руке крошечную версию самой себя. Я охвачена страхом.

— Зачем? — спрашиваю я, осмеливаясь настороженно вернуться в комнату. — Зачем так много кукол? Зачем кому-то собирать их?

Пич легко пожимает плечами.

— Не знаю. Но мне кажется, они невероятно милые. Вот эта моя любимая. Я называю ее Фелисити. — Она указывает на кучерявую куклу брюнетку, сидящую в полосатом золотисто-голубом кресле человеческого размера. На ней маленькие очки со стеклянными линзами, и ее беспокойный взгляд направлен в крошечную книгу. Ненавижу ее. Ненавижу Фелисити.

В центре находится кровать, которую, похоже, я могу назвать самой большой кроватью в Лондоне. Она как три мои кровати в Манчестере, у нее массивный мягкий подголовник, обшитый шелком, цвет которого Саммер бы обозвала *насыщенным серым*. В обычной ситуации я бы разбежалась и запрыгнула на нее, чтобы после этого хорошенько покачаться на пружинах. Но после всего случившегося сегодня я не в настроении.

— Ладно, это было охрененно странно. — Я ложусь на кровать и раскидываю руки и ноги в стороны, словно морская звезда. — Такое впечатление, будто я в каком-то смешном и абстрактном ночном кошмаре. Матильда Бим сумасшедшая. Поверить не могу, что мы родственницы. Без обид. То есть, о чем это она говорила? «Исправить меня» и «реанимировать себя»? Она странная, да?

— Просто это ее особенность, — отвечает Пич мягко, деликатно опустошая мой мешок с одеждой. Я предлагаю помочь, но она отрицательно качает головой. — Матильда очень сердобольная. Она женщина с большим сердцем.

— Не *таким* уж и большим, — бормочу я. — Я не претендую на жалость, но я потеряла дом, лучшую подругу, работу и сегодня, *ко всему прочему*, гордость. Я лишь хочу одолжить немного денег, которых у нее, и ежу понятно, полно, и которые я бы сто процентов вернула, но она отказала. Вот так просто! Даже не задумываясь!

— О нет, ты тут не при чем. Матильда Бим совершенно разорена. — Вдруг Пич прижимает мой кружевной топ к своей груди, а другой рукой хватается за голову. — Ох, вот так дела-а-а. Я не хотела этого говорить. Прощу, забудь, что я это сказала. Ой, бо-о-женьки.

Я сажусь на кровати.

— Разорена? Бабушка *бедная*? — Я изучаю огромную комнату и роскошную антикварную мебель в ней. — Как так?

— Хм-м-м. — Пич хмурится, подбегает к громадному окну и открывает дверь балкона. — Здесь стало мало воздуха, да?

— Ай, не беспокойся. — Я перебираюсь к краю постели и свешиваю ноги. — Ты можешь поделиться со мной! — Я одариваю ее самой доверительной улыбкой. — Я часть *семьи*. У меня есть право знать. Тем более что я уеду если не завтра, то через день. Она никогда не узнает, что ты рассказала мне. Давай же. Как она разорилась? Разве этот дом не стоит, типа, миллион фунтов стерлингов?

— Пять миллионов, — быстро поправляет меня Пич, и на ее лице на мгновение возникает виноватое выражение. Она смотрит себе под ноги. — Ох, божечки, мне правда не стоит... Миссис Бим всегда говорит, что сплетничать дурной тон.

— Да ладно, это не сплетни, а *правда*. Рассказывай, леди Пи!

Данное мною ей прозвище вызывает у нее улыбку, и ее защита падает.

— Я... Думаю, ты скоро уедешь...

— Без единого сомнения, я уеду отсюда максимум через два дня.

— Ох... тогда ладно, наверное, это никому не навредит. В общем, понимаешь, дело в том, что Джек, твой дедушка, оставил Матильду с грандиозными долгами. Он был

алкоголиком, годами делал кошмарные инвестиции и потерял кучу их денег. — Пич колеблется. — Все же, думаю, не стоит мне...

— Продолжай, леди Пи, не переживай.

Она прикусывает губу.

— Ла-адно... Когда он умер, Матильда продала нижний этаж, остальное перезаложила, чтобы оплатить невероятные долги, а что осталось, использовала на проживание. Но сейчас деньги почти закончились.

— Вот дерьмо. — Я жмурюсь. Мистер Белдинг, последовавший за мной по лестнице вверх, взбирается ко мне на колени, и я лениво чешу ему за ушками. — Почему она просто не продаст дом? На его содержание, должно быть, уходит состояние. Ей бы просто продать его. Не понимаю, что в этом такого.

Пич кивает, ее глаза расширяются.

— Ты права, счета просто запредельные, но Матильда Бим, ну, она жутко упрямая. Она не станет продавать дом. Он принадлежал семейству Бим долгие-долгие годы. Он должен был перейти ее дочери, а от той — ее дочери, и...

— Мне! Дочь дочери — это я!

Пич вздыхает.

— Ну, конечно, думаю, что так.

— Этот дом однажды может стать моим?

Я вскакиваю с кровати и пересекаю комнату, пытаюсь игнорировать кукол. Я определенно вижу себя леди, владеющей поместьем. Носящейся по нему так, словно оно принадлежит мне, как, в общем-то, и будет. Я смогу устраивать в этом доме по-настоящему крутые вечеринки.

Пич смотрит на меня очень серьезно, и я понимаю, что мои фантазии несколько неуместны, учитывая историю, что она мне поведала.

Я подхожу к ней поближе.

— А откуда ты знаешь все эти подробности?

Она опускает взгляд на лоферы на ее ногах.

— Я здесь уже пять лет. Миссис Бим не очень любит рассказывать о себе, но, полагаю, было невозможно не узнать все это.

— Надеюсь, ты не против, если я спрошу, как она платит тебе, если сама на мели?

Лицо Пич краснеет, и она бросает взгляд на свои руки.

— Боюсь, у нее едва ли что-то есть сейчас. У меня есть комната и пропитание. В основном, комната. Но она отпускает меня, когда мне надо, да и, честно говоря, я не могу ее бросить. Она нуждается во мне. Я была влюблена в Лондон еще маленькой девочкой, а работая на Матильду, я могу жить здесь. Не каждая девочка из Алабамы может позволить себе *жизнь* в одном из лучших мест в мире. — Она выпячивает округлый подбородок. — Не знаю как, но она наладит перевыпуск своих книг и, надеюсь, все будет хорошо. Кто-то придет зав...

— *Перевыпуск книг?* Каких книг?

— Ее руководства для «Достойной Женщины».

Я смотрю на Пич с абсолютным непониманием.

— Ох, ну, ты должна знать, — произносит она тихо, подцепляя пальцами края передника. — Миссис Бим написала их в пятидесятых, нас с тобой еще и в планах не было. Ты же знаешь о них, да? — Ее челюсть падает от невозможности поверить, когда я отвечаю

«Нет». — Ты на самом деле не знаешь? Эти книги были почти инструкцией. Даже у моей дорогой бабули в далекой Алабаме есть все пять штук. Я поверить не могла, когда узнала, на кого работаю. Я надеялась получить пару советов из первоисточника, думала, это поможет мне с самооценкой — я немного стеснительная, как ты видишь, — но, эм, миссис Бим не так много говорит о прошлом. Поверить не могу, что ты не знала о ее книгах...

— Ни единого понятия, — подтверждаю я изумленно.

Ого! Бабушка тоже писательница. Опубликованный автор. Это слишком грандиозная новость, о которой я не знала. Благодаря ей до меня доходит, что мама совершенно, абсолютно ничегошеньки не рассказывала мне о бабушке и дедушке. Впервые в жизни мне стало интересно, что же такого должно было произойти, чтобы они настолько отделились друг от друга?

— Я так взволнована, — продолжает Пич, вытаскивая вешалки для пальто из шкафа. — Издательство посылает какого-то важного типа, завтра он придет и будет говорить о возможности переиздания. А затем, надеюсь, все будет в порядке.

Я ошеломленно киваю. Ого-го!

Пич вздыхает и собирает кучу одежды.

— Лучше отнесу все это в стирку. Наполнить тебе ванну? Ты смоешь все, что произошло за день, а я принесу газету и молоко для котенка. Как его зовут?

— Мистер Белдинг, — отвечаю я. И вспоминаю, что лучше бы мне сказать Саммер, что он со мной. Она уже, наверное, переживает, думаю я виновато.

— Обожаю это шоу. Всегда хотела комнату, как у Келли Каповски²⁶. — Пич мечтательно улыбается, и из-за немного выступающих вперед зубов она напоминает робкого маленького зайчонка. — Может, ты бы хотела чего-то поесть, пока я не ушла, хотя у нас не такой уж большой выбор. Чашку чая? стакан теплого молока? Я все равно буду греть один для миссис Бим, так что это не проблема.

Я снова зеваю, борясь с ощущением сильной усталости. Сегодня было слишком много всего.

— Я не хочу ни есть, ни пить, но ванна сейчас была бы как раз, Пич. Спасибо.

— Без проблем. — Она открывает дверь и оборачивается. Она не смотрит мне в глаза, но улыбается, словно самой себе. — Мне... мне понравилось общаться с тобой.

Прежде, чем я успеваю ответить, она торопливо выходит из комнаты и закрывает за собой дверь с щелчком.

Должно быть, я сильно измоталась, потому что в итоге заснула в ванной, и когда проснулась, то вся пена с запахом лаванды уже исчезла, а вода стала холодной.

Я выбираюсь из огромной овальной ванны, заматываюсь в большое мягкое голубое полотенце и рысью, дрожа, возвращаюсь в спальню. Оборачивая другим полотенцем, как тюрбаном, волосы, я достаю из мешка синюю пижаму, одну из немногих чистых вещей, что принесла с собой, надеваю ее и забираюсь в большую мега-кровать. Хватаю айфон со стола, чтобы написать Саммер, что мистер Белдинг со мной, но не успеваю даже нажать на иконку сообщений, потому что вижу оповещение о том, что на последнем сайте, который я посещала — «Фейсбук» — появилась новость. «Саммер Спенсер обновила статус». Я нажимаю на красный круг.

САММЕР СПЕНСЕР

Ребята, я очень ВЗВОЛНОВАНА и объявляю, что заключила договор с американским каналом продюсерской компании Сета Эстроу на реализацию «Саммер в городе»! Успех шел до-о-о-о-олго, и сейчас, кажется, заветные мечты сбываются. Юху! #безсожалений #саммервгороде

Что это за хрень?

Не понимаю.

Я пялюсь на телефон, а сердце пытается вылететь из груди. Договор с американским каналом? Чего? Это случилось *только что*? Но этим утром... Я открываю комментарии, а их очень много, и стремительно листаю их. Все, кого мы знаем, оставляют комментарии типа: «*поздравляем*», «*с наилучшими пожеланиями*» и «*всегда знал, что ты прославишься*». Кто-то написал: «*Потрясающе, Саммер! Но я думал, ты собираешься заключить договор на книгу?!*».

И я, приятель, и я. Я щелкаю, чтобы развернуть обсуждение и прочитать ответ Саммер.

Я знаю Сета Эстроу с тех пор, когда была с Андерсоном, и увидела его на книжной презентации на прошлой неделе! Он обожает СВГ и хочет запустить его на американском телевидении. Он сказал, что Рейчел Билсон может быть заинтересована в том, чтобы сыграть меня. Не могу в это поверить!

На прошлой неделе? Спина выпрямляется. Я вспоминаю того блондина в солнечных очках, к которому шла Саммер на вечере Дэвиса Артура Монблана. Она сказала, что это знакомый, которого она знает благодаря Андерсону. О, боже мой. Это был Сет Эстроу? Сердце падает, словно на том месте образовалась яма. Вероятно, празднование с шампанским сегодня утром ко мне не имело никакого отношения, оно было связано с этой крутой теле-сделкой, что Саммер заключила за моей спиной. Какого черта она сделала это без меня? И почему исподтишка?

Выскакивает очередной комментарий от нашей общей университетской подруги.

Уверен, Джесс в восторге! Вы такие умницы!

И тут же появляется ответ от Саммер.

Джесс решила идти в другом направлении, что, наверное, к лучшему...

Какого хера? Я не хочу идти в другом направлении!

Этим утром она сказала, что ей предначертаны великие дела, и что я ей больше не нужна. Она говорила об этой сделке с телевидением? Знаю, я облажалась на вечеринке, и знаю, что она супер-амбициозная, но уверена, она не говорила об этом. Она практически вытолкала меня со своего пути.

Полотенце падает с моей головы, и мокрые волосы рассыпаются по лицу, создавая видимость слез вместо тех, что оставили меня. Не похоже, чтобы я могла хоть что-то сделать. Мне этот сайт не принадлежит ни в коей мере, я ничего не подписывала. Даже контракт найма. Чувствую себя полной дурой. Телешоу куда прибыльнее книг. Раздраженно

ворча, я выключаю телефон. Пока не буду отсылать Саммер сообщение. Пускай помучается подольше с мыслями, где же мистер Белдинг, мне-то что. Не похоже, что она вообще заметит, она теперь готовится стать телезвездой.

— Твою мать, — шиплю я и бью подушку, как, всем людям кажется, вы делаете, когда расстроены. Подушка оказывается высокого качества, и моя рука просто отскакивает, что не доставляет никакого удовлетворения. Я ложусь обратно, и одна из пружин разжимается, болезненно упираясь в бедро.

Не хочу драматизировать, но, думаю, этот день может быть вторым худшим в моей жизни.

Дневник Роуз Бим **19 апреля 1985 года**

Легкомысленно заявлять, что я встретила мужчину, с которым собираюсь провести остаток своей жизни? Ой, мне плевать, даже если легкомысленно. Все тело дрожит. Даже локти. Сейчас три часа ночи, и я понятия не имею, как вообще буду спать с этим чувством. Это не просто желание. Может, немного, но в основном это связь. Я чувствую ее физически! Я звучу глупо, знаю, но мне и положено быть глупой в такой ситуации, верно? Давай-ка, я расскажу о нем — мне нужно выговориться на этих страницах, чтобы не забыть. Игнорируй плохой почерк!

Итак... его зовут Томас Труман. Том. И я встретила его пять часов назад. Том Труман. Разве это не самое классное имя? Я была с Викторией в «Печальной канарейке», и мы танцевали под эту дурацкую, энергичную песню Уитни Хьюстон. Затем высокий, эксцентричный парень пересек танцпол и, конечно же, я подумала, что он идет к Виктории, потому что, в общем, они все так делают. Но он подошел прямо ко мне и наклонился ближе. Он сказал: «Я никогда себе не прощу, если сегодня не потанцую с тобой. Даже под эту ужасную песню».

Самую капельку чересчур, знаю, но он сказал это так не пафосно и искренне. У него был северный акцент, что, думаю, помогло с искренностью. Он не в моем вкусе. У него темные и вьющиеся волосы до подбородка! А еще на нем был галстук с узорами, что мне обычно жутко не нравится, но на нем он смотрелся классно и стильно. Я бы сказала, он — что-то между Робом Лоу и Адамом Антом с примесью Дэвида Боуи. Но гораздо лучше, если такое возможно. Само собой, я сказала: «Да». И мы танцевали следующие три песни, постоянно смотря друг другу в лицо. Позже Виктория общалась с диджеем, так что я села выпить с Томом Труманом. И что ты думаешь? Он актер! Я знаю! И не какой-то там безработный, отдыхающий и желающий стать артистом вроде меня. Он исполняет партию Бенволио в «Ромео и Джульете» в театре «Олд Вик»! Он пригласил меня прийти на следующей неделе, чтобы я посмотрела на его игру, и не думаю, что когда-либо в жизни была взбудоражена больше! Я надеялась, он поцелует меня перед тем, как мы с Ви пойдем домой, но он не сделал этого, и мне кажется, что теперь мой день никогда не будет добрым, пока я не узнаю, каковы на вкус его губы.

Ого, только послушай меня! Наверное, пройдут годы, я гляну в эти дневники и подумаю, какой же неудачницей я была, ведь запала на парня через пять часов после знакомства. Но, надеюсь, что так не будет. Что-то говорит мне, что я еще часто буду видеть Томаса Трумана.

Уже руки болят, так что я должна оставить тебя и отправиться в постель, где буду мечтать о мерцающих зеленых глазах ТТ и пытаться выбросить из головы эту песню Уитни Хьюстон.

Р х

Глава одиннадцатая

Хорошо отдохнувшая женщина — Достоянная Женщина! Плодотворному крепкому сну может поспособствовать шелковый шарф, обмотанный вокруг вашей головы, охлаждающий крем на вашем лице и стакан слегка подогретого молока на прикроватном столике.

Матильда Бим, руководство «Как быть достойной женщиной», 1959

Я пытаюсь заснуть вот уже сорок минут, но ничего не получается. На улице все еще светло, кровать похожа на скопление комков, мистер Белдинг довольно громко мурчит и, откровенно говоря, в голове сейчас бардак. Мысли о том, как исправить *все* в своей жизни, не способствуют приятной и спокойной ночи. Тело охвачено тревогой, возбуждающей каждое нервное окончание, и из-за этого я неконтролируемо вожу ступнями по старому матрасу.

Боже, как же мне нужна сигарета! Я знаю, что курить не стоит, потому что, ну, это может убить, и все в таком духе. Но мне нужно хоть *что-нибудь!*

Я выбираюсь из постели, пытаюсь не побеспокоить растянувшегося рядом на подушке мистера Белдинга, и вытаскиваю «Мальборо» из запасов, хранившихся в кармане моей кожаной куртки. Натягиваю облегающие джинсы и голубой кружевной топ, в которых была до этого, и выхожу в коридор. Тишину нарушают по меньшей мере трое часов, тикающих невпопад. Пич и бабушка, скорее всего, спят. Сняв ключ с настенной ключницы из красного дерева, я на цыпочках спускаюсь по лестнице, устланной ковром рубинового цвета. Пройти через коридор, не создав никакого шума, довольно сложно. Я маневрирую, уворачиваюсь и извиваюсь среди кучи бесполезных предметов, стараясь не споткнуться. И у меня, вообще-то, неплохо выходит. Я как Кэтрин Зета-Джонс из «*Западни*» — уклоняюсь от лазеров.

Открыв двери дома, я спускаюсь на две ступеньки вниз и сажусь на третью, все еще нагретую благодаря теплему солнцу. Волшебное золотисто-розовое свечение озаряет шикарный частный парк, находящийся прямо напротив бабушкиного дома. Чтоб меня! Жить бы так. С парком недалеко от дома. Ближайший ко мне парк в величайшем Манчестере является по совместительству местом обитания чокнутого Джимми, местного ненормального, и таких же его дружков.

Я прикуриваю и через минуту или две слышу щелчок, оповещающий об открытии двери за спиной. Я отодвигаюсь, чтобы кто бы то ни был мог спуститься без помех.

— Было бы лучше, если бы ты здесь не курила, — произносит голос с шотландским акцентом.

Я поворачиваю голову и вижу молодого кучерявого парня, с которым уже встречалась. Всезнающий доктор. Именно его я и ждала. *Нет.*

— Ты вышел только для того, чтобы сказать мне это? — спрашиваю я, преувеличенно вздыхая, когда он встает передо мной, перекрывая мне чудесный вид на парк.

— Да. Боюсь, что так.

— Ты что, *выглядывал* меня в окно?

— Эм, нет, — бормочет он. — Окна клиники открыты, и этот смрад заносит внутрь. Я не могу сосредоточиться на работе.

Я тушу сигарету о землю.

— Почему ты еще на работе? Разве не поздновато?

— Я готовлюсь к экзаменам на летних курсах. Доктор Куреши позволяет это делать здесь.

— К каким экзаменам?

— Ну, я, эм, через несколько недель я буду проводить резекцию аорты на модели трупа свиньи и хочу, чтобы теория отскакивала от зубов.

— О-ох. Ладно, я ничего не поняла, но звучит так, будто это сложно.

— Так и есть.

— Свиньи?

— Ага.

— Ты будешь оперировать свинью?

— Свинья — самая предпочтительная модель для тренирующихся, способных допустить ошибку. Не желающих практиковаться на человеке. Во всяком случае, пока.

— Фу. А свинка выживет?

— Нет. Это же труп.

— Бедняжка.

Он громко гогочет, как будто я сказала что-то дико уморительное.

— Почему ты не можешь готовиться у себя дома? — спрашиваю я.

Он трет глаза.

— Мои сожителю — молодожены. И они занимаются тем, чем занимаются молодожены, и очень сложно сконцентрироваться из-за их... звуков.

— Каких еще звуков? — интересуюсь я невинно.

— Звуков любви и им подобных. — Он хмурится, после чего многозначительно смотрит на сигарету, уже дотлевающую и погибающую серой смертью на земле.

— Господи! Ну на этот раз-то что?

— Ты не можешь оставить ее здесь вот так.

— Боже. Не ругаться, не курить, не оставлять что-то на земле ни на МАЛЕЙШУЮ МИНУТУ. Ты кто такой? Полиция жизни?

— Эм, нет. Но это мусор. Не знаю, заметила ли ты, но это очень приличная улица. Такой она и должна оставаться.

— Господи, парень.

Я поднимаю сигарету кончиками пальцев, волочусь по пустой дороге на другую сторону улицы и выбрасываю бычок в мусорный бак темно-зеленого цвета. Возвращаюсь обратно, изучая теперь уже чистое место на земле, и упираю руки в бока.

— Теперь счастлив?

— Да, спасибо. Ты держишь Англию в чистоте.

Я бросаю на него взгляд, посылая ему сигнал оставить меня одну. Мне правда хочется вернуться к своей жалкой вечеринке на ступеньке с гостями в количестве одной женщины.

Какое-то мгновение он размахивает своим белым халатом.

— Не хотела бы ты, эм, крошечную чашку чая? — спрашивает он внезапно. — Я мог бы устроить перерыв.

Он переступает с ноги на ногу и убирает руки в карманы. Кончики его ушей краснеют. О-о-о-ох. Я знаю этот взгляд. Доктор втрескался в меня. Голубой кружевной топ работает всегда.

Я бегло его изучаю. Думаю, он довольно симпатичный. Недостаточно высокий, но у него кучерявые, темные и блестящие волосы, а также теплые карие глаза и длинные ресницы. Заучка. Но, вообще-то, очень даже милый. Полагаю, легкий поцелуй будет приемлемым способом улучшить настрой и помочь расслабиться после напряженного дня.

— Есть выпивка? — интересуюсь я.

Он кажется удивленным.

— Эм... Доктор Куреши мусульманин, так что нет. Выпивки нет.

— Справедливо. Чай пойдет.

Он резко кивает, и мы отправляемся в вестибюль. Джейми открывает дверь, ведущую в клинику, и мы проходим внутрь, минуя шикарную приемную, обставленную большими и удобными на вид креслами. Стены же тут завешены картинами маслом с изображениями противных, сочащихся кровью сердец.

Мы оказываемся в темной комнате. Окна широко открыты и легкий ветерок колышет шторы из стороны в сторону так, что кажется, будто они делают скручивания. У одной стены стоят два здоровенных заполненных шкафа, а по центру комнаты расположен стол, усеянный тетрадами и бумагами с кардиограммами. Я запрыгиваю на край стола и начинаю качать ногами.

— Так это твой кабинет, док?

— Именно.

— Он же крохотный. Как ты тут людей лечишь? Здесь едва поместилась я. А что, если придется лечить человека размером побольше? Что, если придется заниматься рестлером?

— Вообще-то, самостоятельно я пациентов не лечу, так что кабинет размером с чулан не проблема, ведь кроме меня тут никого нет. Я ассистирую неполный рабочий день. Честно говоря, чаще исполняю администраторские обязанности, но, пока я участвую в подготовке специалистов в сфере кардиологии, эта работа хорошо отражается на моем резюме, да и я каждый день окружен гениальными хирургами!

— А чего тогда носишь белый халат, если всего лишь администратор?

Щеки Джейми покрываются легким румянцем.

— Я все еще доктор.

— Ага, но не делаешь ничего докторского.

— Я, ох... наверное, мне нравится, как он на мне выглядит, — признается он, уверенно пожимая плечами, прежде чем вылить бутылку воды в маленький чайник.

Я хохочу. Джейми в ответ смущенно посмеивается.

— Так, значит, ты тоже будешь кардиохирургом? — спрашиваю я, когда он вытаскивает две чашки из ящика его стола. На одной из них надпись ГСЗ²⁷, а на другой маленькое розовое сердечко, нарисованное пунктирными линиями. Господи, этот парень и правда обожает сердца.

— Ну да, план такой.

— Кажется, это сложная работа.

— Чертовски сложная. Но она мне нравится. — Он трет свою щетину. — А у тебя какая специальность, Джесс?

Хм-м. Какая у *меня* специальность? Лучшая подруга кидалы? Бабушко-докучательница? Будущая приятельница чокнутого Джимми? Кто, мать его, знает?

Я тут же меняю тему разговора на более легкомысленную.

— Знаешь, тебе ведь не нужно заваривать чай, — говорю я, изучая закипающий чайник.

— Что, прошу прощения? — Джейми оборачивается. — Мне казалось, ты сказала, что хочешь...

— Можем мы сразу перейти к части с поцелуями?

— Что, извини? — Он роняет ложку, и она с резким звуком ударяется о пол. — Я не совсем...

— Да ладно тебе, док. Разве ты пригласил меня сюда не потому, что я тебе понравилась?

Он начал возиться с чайным пакетиком и заикаться.

— Эм... ну... да. Думаю, потому, но...

— Все нормально. Успокойся. Я не такая, как большинство. Тебе не нужно обхаживать меня и все в таком роде.

Он приподнимает брови и смотрит себе под ноги. После очень долгой и неловкой паузы я вздыхаю и соскакиваю со стола.

— Слушай, док. Спасибо за предложение чая и все...

Но прежде, чем я заканчиваю фразу, Джейми подлетает ко мне и мягко толкает обратно на стол.

— Эта часть про поцелуи звучит неплохо, — произносит он, беря меня за руку.

— Ага. — Я пожимаю плечами. — Обычно так оно и есть.

И мы приступаем к поцелуям.

Доктор Джейми стоит передо мной, пока я сижу на его столе. Мы целуемся. То есть целуемся с программой «все включено». Он лапает каждый дюйм моего тела, словно женщины у него прежде и не было. Он отклоняется и смотрит на меня с серьезным выражением лица. Не знаю, может, у него правда *никогда* не было женщины. Он довольно неловкий. Вдруг я первое приключение этого девственника! Боже. Он может потом захотеть обниматься! Я должна найти способ сбежать раньше, чем это случится.

С другой стороны, не могу отрицать, что подобные сексуальные развлечения, как я и предполагала, лучшее отвлечение от всех этих провалов в жизни.

Джейми проводит руками по моей спине и стаскивает со стола, чтобы я встала на ноги. Хватая меня за задницу, он притягивает меня к себе. Когда он прижимается ко мне, я чувствую его эрекцию и трепещу от возбуждения. Он рукой проводит по моим волосам и легонько тянет меня за хвост.

О-о-о-о. Ладно. У него это определенно не первый раз. Хотя, надеюсь, он не станет тянуть сильнее, а то вырвет нарощенные волосы, а это точно испортит момент. *Погоди, стой, отдай мои волосы обратно.*

— Раньше у меня такого никогда не было, — тяжело дыша бормочет он и краснеет.

— Какого? — выдыхаю я, целую его в шею.

— С незнакомым человеком... но ты... Поверить не могу, что это происходит. Какого

черта мы?.. На работе из всех возможных мест... Не верится, что это происходит...

Он замолкает и делает шаг назад, чтобы расстегнуть рубашку. В его глазах отражается желание.

— И как тебе? — спрашиваю я, притягивая его обратно за воротник.

— Супер, — отвечает он уверенно. — Вообще-то, потрясающе.

Мы снова целуемся, и события разворачиваются довольно стремительно. Так здорово забыться, не чувствовать беспокойство и вину, и испытывать комфорт в этих удивительно сильных руках. Ну разве секс не гениален, мать вашу?

Мы перебираемся в другую комнату, смежную с кабинетом Джейми, похожую на смотровую или хранилище, где находится куча коробок, металлические тележки и высокая одноместная кровать, покрытая голубой бумажной простыней.

Я расстегиваю ремень Джейми, а он стягивает с меня голубой кружевной топ вместе с лифчиком. Ладонями обхватывает мою грудь и рычит от удовольствия. Снимая брюки, он вытаскивает из штанин одну ногу, не переставая целовать меня с пылом, который мне за всю мою сексуальную жизнь встречался не так уж и часто. Другая его нога, похоже, застряла, и Джейми подпрыгивает, пытаясь ее освободить.

Я смеюсь.

— Поторопись, док.

— Я пытаюсь. Уж поверь.

Наклоняясь вперед, он хватается низ штанины, в которой застряла нога, но каким-то образом изгибается слишком сильно и, теряя равновесие, падает на металлическую тележку.

— А-а-а-ау. — Он падает на пол и больничное судно летит на него, попадая прямо по уху.

— Черт подери, ты там как? — переживаю я и пытаюсь не рассмеяться. Ну что за простофиля.

— Больно, — отвечает он, растирая локоть, а потом и ухо.

— Надеюсь, в операционной ты более координированный.

— Эй! — возмущается он, корча обиженную мину и хмуро скрещивая руки на груди.

— Показывай повреждения.

Он закатывает рукав рубашки, видит на локте появляющийся синяк и его глаза начинают слезиться.

— Гребаный в рот, — выражает злость он.

— Ты не можешь говорить здесь «гребаный в рот», — наставляю я его со скверным шотландским акцентом.

Он одаривает меня кривой улыбкой.

— Наверное, надо бы остановиться? — Я машу, указывая на наши полуобнаженные тела.

— Нет! Нет, — говорит он мужественно. — Думаю, я справлюсь.

— Как храбро.

Затем, без лишних слов, он вскарабкивается наверх и целует меня так, словно от этого зависит его жизнь.

Сейчас половина десятого утра, и мы с доктором Джейми в ускоренном режиме пытаемся одеться и убраться, пока босс Джейми не приехал, чтобы открыть клинику в

десять. Мы занимались сексом почти всю ночь. Ну, до пяти утра, пока не свалились на одну из больничных коек, измотанные и удовлетворенные. Все было на удивление хорошо. Доктор Джейми занимался сексом, как я и ожидала — сосредоточенно, с налетом неловкой деликатности и большим количеством энтузиазма.

— Я не могу найти свой лифчик! — ворчу я, паникуя и вертясь в топике. — Черт подери. Я обожаю этот лифчик.

— Вот он. — Джейми вытаскивает его из-под простыни и бросает мне. — Я использовал его в качестве подушки.

У меня нет времени снимать топ и надевать под него лифчик, так что вместо этого я просто обматываю бретельки вокруг запястья.

— Мне нужно идти. Думаю, завтрак был где-то часа два назад, — говорю я, втискиваясь в узкие джинсы настолько быстро, насколько это вообще возможно, что, конечно, почти фантастика.

Джейми кивает и проводит рукой по своим влажным кудряшкам.

— Ладно, ага. Эм... ты будешь здесь до конца недели?

Я собираюсь пояснить ему, что уезжаю уже завтра и что, вероятно, никогда его больше не увижу, потому что в моей жизни творится бардак и количество моих друзей во всем мире равняется нулю, и какой обо можно сделать вывод после всего этого? Но настроение у меня такое воздушное, что мне не хочется — оставаться одной и в этот раз — обрисовывать свою ситуацию парню на одну ночь.

— Конечно, да. Я буду здесь.

— Хорошо. Ладно. Я, эм, позову тебя. Стоит?

— Позовешь? — ухмыляюсь я. — Ладно, спрошу бабушку, можно ли мне поиграть.

Он краснеет до самых кончиков ушей, и я посмеиваюсь.

— Увидимся, — прощаюсь я более добродушно. — Мне понравилось, как мы занимались «этим».

Он машет мне, а его заспанное и помятое лицо украшает самая широкая *«у меня только что был великолепный секс»* улыбка из всех, что я видела.

Благодарю.

Я торопясь возвращаюсь в вестибюль, после чего поднимаюсь по лестнице. Почему здесь столько ступенек? Мышцы бедер горят при каждом следующем шаге.

— Ай. Ай. Ай... Ай, — шиплю я себе под нос, поднимаясь вверх. В следующий раз перед целой ночью любви нужно разогреться.

Ай.

Боже, как же я опоздала.

На звук открывающейся двери из кухни в роковой коридор выбегает Пич с симпатичной соусницей в цветок в руке.

— Где ты была? — шепчет она, с опаской широко распахивая глаза и превращаясь в старомодную домохозяйку. — Мы думали, ты ушла! Миссис Бим сильно расстроилась.

— Ох, простите. Я, эм, выходила... на утреннюю пробежку.

— На трехчасовую пробежку?

— Мне нравится бегать. — Я обыденно пожимаю плечами. — Да и мистер Белдинг все еще здесь, как и все мои вещи. Я бы не оставила их! — Я подсакиваю к картонной коробке, полной ярких, разноцветных трусов.

Пич поджигает пухлые губки и хмурится, из-за чего слегка морщится ее покрытый

веснушками нос.

— Будь осторожной, ходя тут. У миссис Бим встреча в гостиной комнате с дамой из издательства. Кажется, дела идут не лучшим образом, и лишнее беспокойство может только ухудшить ситуацию.

В гостиной комнате? Мы что, в стародавних временах?

— Почему дела не очень?

Пич бросает взгляд на дверь «гостиной комнаты».

— Я забежала туда с чаем и выбегала всего-то несколько раз, но из того, что я поняла, кажется, издатель здесь не для того, чтобы сделать предложение о переиздании книг Матильды, а для того, чтобы сказать, что издательство совершенно *не* заинтересовано в перевыпуске книг миссис Бим, и чтобы она перестала слать им письма с просьбами. Видимо, они послали кого-то для личной встречи только для того, чтобы выказать уважение за их длительные взаимоотношения.

— Ох, это паршиво. — Я чувствую пронизывающую меня симпатию. Отказ от издательства. У меня с бабушкой есть кое-что общее.

— Ужасно жаль, — пищит Пич, занимая руки плетением косы. — Одному Господу известно, что мы будем делать.

— Все образуется, я знаю. Так всегда. — Я бодро хлопаю Пич по плечу. — Что касается их беспокойства, ты не переживай. Теперь я знаю этот коридор как свои пять пальцев. Смотри.

Я резко поворачиваюсь, чтобы обогнуть разобранную оловянную кровать и, не успев сделать шаг, одним из липких от пота локтей задеваю шаткий стол, с поверхности которого скатывается и с ужасающим грохотом падает на пол шар для боулинга.

— Твою ма-а-а-ать, — шиплю я.

Пич руками хлопает себя по щекам.

— О, бог ты мой.

Дверь гостиной комнаты тут же отворяется, и в коридор плавно выплывает бабушка, одетая в серовато-зеленую двойку и обмотанная бледно-золотистой шалью. Она смотрит на меня с переполняющим ее облегчением, но лишь до тех пор, пока не опускает взгляд и не замечает у меня на запястье ярко-розовый лифчик. Тогда она медленно поднимает глаза вверх, чтобы увидеть прическу, которую, я подозреваю, безошибочно можно определить как посткоитальную, и прижимает тыльную сторону ладони ко лбу.

— Где тебя носило? — спрашивает она, моля меня ответить. — Я думала... думала...

— Прости! Я просто выходила, ну, знаешь, бегать.

— Бегать? Убегать прочь? Куда бегать?

— Просто... вокруг. Мне нравится бегать.

Она смотрит на меня с тем же беспокойством, с каким смотрела вчера. Я скрещиваю руки на груди, испытывая раздражение. И затем, как будто вся ситуация не была достаточно смехотворной, из-за бабушкиного плеча показывается голова. Очень знакомая голова с мелированными волосами и исключительной, ослепительной улыбкой.

— Джессика Бим? Как же замечательно! Что за великолепная, невероятная идея использовать лифчик как браслет. Ты такая изобретательная!

Какого лешего Валентина Смит делает в доме моей бабушки?

Глава двенадцатая

Достойная женщина всегда уравновешена. Она должна быть образцом спокойного и умиротворенного темперамента, даже когда она выведена из себя.

Матильда Бим, руководство «Как быть достойной женщиной», 1959

— Я не могу поверить. Просто *не могу* поверить, — повторяет Валентина. — Я слышу этот прекрасный голос и думаю, разве такое возможно? Может ли из всех людей именно Джессика Бим быть здесь? А вот и *ты!*

Мы перенеслись в гостиную комнату и теперь восседаем перед бабушкиной бирюзовой шелковой оттоманкой, на которой стоит оловянный поднос, полный причудливых принадлежностей для чаепития. Валентина разливает чай по чашкам так уверенно, словно это ее дом, и это мы у нее в гостях. До меня дошло, что это Валентина Смит — та важная шишка из издательства, собиравшаяся приехать обсудить книги бабушки, и именно о ней упоминала Пич. «Саутбанк пресс». Ну конечно. Как Саммер и сказала, они издают всех.

Но не, черт подери, меня.

Я приветственно киваю, но не отвечаю на улыбку Валентины. Эта женщина заставила нас с Саммер поверить, что сделка на выпуск книги будет заключена, а затем отменила ее из-за того, что я оскорбила ее бывшего. Ладно, *случайно* вылила на него шампанское. Но все же. Ей так понравилась идея, и отказаться от нее из-за того, что произошло на вечеринке, мне кажется немного странным.

— Боюсь, я не понимаю, — фыркает бабушка, зыряка то на меня, то на Валентину своими ясными голубыми глазами. — Вы знакомы?

— Ох, Матил, мы с Джесс старые друзья. — Валентина отбрасывает свои идеальные окрашенные локоны назад, мягко смеясь. — Такая жалость, что я не могу остаться надолго, потому что это, — она указывает пальцем на меня, а потом на бабушку, — такой замечательный момент. Бабушка и внучка! Джессика, а ты темная лошадка. Ты не упоминала о таком уважаемом книжном наследии. Бим. *Ну конечно!* Я должна была догадаться! Обе писательницы, обе невероятно талантливые. Матил, ты можешь поверить, что Джессика отклонила предложение «Саутбанк пресс»? Кажется, мне раньше никогда не отказывали. Я жутко разочаровалась. Я сломала свой офисный холодильник, так я была разочарована. Теперь он уничтожен, как и мое сердце.

Отклонила предложение? Стойте, что?

— Я не отклоняла предложение, — возмутилась я. — Это вы отказали нам!

Валентина нахмурилась.

— Я же сказала тебе на вечеринке! Это было почти что заключение сделки. Конечно, я была *слегка* навеселе, но что касается книг, я никогда не даю обещаний, которые не собираюсь выполнять. Когда Саммер сказала, что ты решила идти в другом направлении, в мир телевидения, и все в таком духе, у меня было разбито сердце. Мне казалось, у нас была связь, у тебя и меня! Не нужно смущаться, Джесс. Я не могу заполучить всех, хотя, — продолжает она тише, — обычно так и бывает...

Я не могу поверить. Саммер меня поимела. У нас было предложение на книгу «Саммер в городе», а она его отвергла из-за какого-то заинтересованного модного американского телепродюсера, и я ей была не нужна. Я *могла бы* ей понадобиться для издания книги. Какого черта? Разочарование клещами впивается в мой пустой желудок. А что хуже всего,

так это то, что я нихрена не могу с этим поделаться.

— Джессика, ты писательница? — спрашивает бабушка, наклоняясь в кресле.

— Почти что опубликованная, — бормочу я мрачно. Гребаная Саммер.

— Джессика — потрясающая писательница, — говорит Валентина бодро, а затем замолкает. — Стойте. Почему вы этого не знали, Матильда? Вы же ее бабушка.

— Это длинная история, — отвечаем мы с бабушкой одновременно.

— Я обожаю длинные истории. Как же жаль, что мне нужно бежать. Джесс, может, ты как-нибудь расскажешь мне ее за стаканом джина с тоником? Напиши мне на электронную почту, и мы назначим встречу. — Она поворачивается к бабушке. — И снова, Матильда, мне очень жаль, что я не могу сделать вам предложение о переиздании.

Бабушка поднимается со стула и одну тонкую руку беспокойно накрывает другой.

— Мисс Смит, я *молю* вас передумать. Современные женщины могли бы многому научиться благодаря моим книгам и моему многолетнему опыту. То, как они ведут себя сейчас... Никакой грации! Никаких манер! Никакого умения ухаживать за домом! Каким же это образом они должны найти достойного мужчину?..

Она умолкает и устремляет взгляд на ярко-розовый лифчик, обмотанный вокруг моего запястья. Я отвязываю бюстгальтер и убираю его под задницу.

— Ох, Джесс, помоги мне пояснить дорогой, пожилой Матильде, — просит меня Валентина, благоразумно смотря на дедушкины часы. — Возможно, тебя она послушает. «Саутбанк пресс» не может переиздавать руководства «*Как стать достойной женщиной*» пятидесятых годов, потому что они попросту не будут продаваться в 2014 году. Мои руки связаны.

Большие глаза бабушки за красными вытянутыми очками начинают слезиться. Она выглядит такой отчаявшейся. Мне даже жаль ее. Но Валентина права.

— Прости Матильда, то есть *бабушка*. Боюсь, ни одна знакомая мне молодая женщина не воспользуется старомодными советами в наши дни, — говорю я мягко. — Они просто неактуальны. То есть, мы думаем совсем иначе.

Бабушка вздыхает, возводя руки к небу в негодовании.

— Ты, моя дорогая, женщина, которой почти тридцать, и у тебя нет мужа! Это все непостижимо. Это... *грустно*.

— Ай, мне не грустно! — возмущаюсь я, поднимаясь с дивана. — Мне не «почти тридцать», мне двадцать восемь. И, не считая того, что замужество само по себе глупая затея, я сама выбрала быть одинокой. Мне нравится, как я живу. Нравится то, кем я являюсь. Молодой, одинокой и заводной. Я феминистка и независимая женщина, и мне это нравится! Я тружусь изо всех сил, иду напролом, отрываюсь до последнего и делаю все, что, черт подери, взбредет мне в голову, ясно? Это все противоположность грусти.

— Браво, Джессика! — аплодирует Валентина. — Браво!

— Боже мой. Боже мой! — Бабушка прижимает обе дрожащие руки к ее щекам. — То есть, ты хочешь сказать, что *выбрала* себе такую жизнь? Я-то думала, что это все... из-за нервного срыва. Господи милостивый. Так это значит, что цвет твоих волос — осознанное решение, а не крик о помощи?

Я прямо-таки задыхаюсь. За слезящимися глазами и обеспокоенными взглядами у Матильды Бим есть своя твердая точка зрения с половиной! И она не закончила.

— У тебя нет работы, Джессика. Нет дома. Ты пришла ко мне за деньгами, дорогая. Выбранный тобой жизненный путь, похоже, делает тебя не очень-то счастливой.

— Боже, — произносит Валентина, вполне довольная собой. — Боже.

— Оставь мои прелестные платиновые волосы в покое! — вою я. — Прямо сейчас я не очень счастлива, признаю. Все, вообще-то, довольно дерьмово. Но, *в целом*, я счастлива! У меня больше свободы и прав, чем когда-либо было у тебя. Это потрясающе. И не похоже, чтобы ты была в прекрасной форме, не так ли? Ты на мели, у тебя целые захоронения твоих хреновин, а еще у тебя есть комната, полная фарфоровых кукол! Я почти уверена, что твои жизненные советы не прокатят для крутых, жестких молодых современных женщин.

Бабушка резко вдыхает, на ее щеках разрастаются два розовых пятна.

— Говорю тебе, мои советы на сто процентов эффективны в любой день любого года, — фыркает она, складывая руки на груди.

— Эм, мне так не кажется. — Я отступаю.

Взгляд Валентины мечется между нами, а на ее лице красуется улыбка наслаждения.

— Прямо-таки *жуткое* семейное сходство.

Мое лицо начинает гореть. Мне нужно пробежаться, принять душ, очистить мысли и убираться отсюда к хренам собачьим.

— Теперь я могу идти? — Я указываю на дверь.

— Мне правда нужно уходить, — весело говорит Валентина. — Было очень здорово повидать вас обеих. А в особенности прекрасным сюрпризом было увидеть тебя, Джессика.

Как только я открываю дверь, а Валентина следует за мной, бабушка внезапно резко вздыхает и кричит нам:

— Пойдите! Пойдите обе! Один момент. Не уходите! Я могу *доказать*, что мои советы сработают в любой день любого года. У меня есть идея! Я покажу, *покажу* как!

Валентина меняется в лице, выражая сочувствие.

— Мне правда жаль, Матил. Правда. Это просто невозможно. Надеюсь, вы сможете...

— Это *возможно!* — срывается бабушка на крик. — Джессика мне поможет доказать это!

— Прошу прощения? — удивляюсь я.

— Красавица Джессика? — Валентина щурится, прежде чем кивнуть. — Хорошо, дерзайте.

Бабушка бросает на меня взгляд и делает шаг навстречу Валентине.

— Если мы сможем благодаря моим советам превратить Джессику в воплощение Достоянной Женщины, то это, несомненно, докажет, что мои руководства работают и достойны переиздания.

— Ну, глупее этого я ничего не слышала, — насмехаюсь я. — И слишком, охренительно самоуверенно, честно говоря.

Бабушка вздрагивает из-за моего ругательства, но игнорирует меня и продолжает обращаться к Валентине, словно меня в комнате и нет.

— Мы исправим внешний вид бедной Джессики, поработаем над ее манерами и выдержкой, ее навыками как женщины, научим ее вести себя порядочно рядом с достойными мужчинами...

Манерам? Именно Матильде Бим нужен урок манер!

— Я выгляжу круто! — перебиваю я ее. — И, поверь мне, женских навыков у меня уйма. *Уйма*. Боже. — Я снова поворачиваюсь, чтобы покинуть комнату, когда меня зовет уже Валентина.

— Подожди-ка секундочку, Джессика. — Она задумчиво кладет палец на

подбородок. — Продолжайте, Матильда, мне нравится идея.

Я резко останавливаюсь. Валентина *прислушивается* к ней? Я фыркаю, качая головой в недоумении.

Бабушка продолжает:

— Мы можем использовать мою первую книгу, руководство Матильды Бим «*Любовь и отношения*», чтобы помочь Джессике найти Достойного Мужчину, который влюбится в нее.

— И написать книгу об этом опыте? — интересуется Валентина. — Итак... библия отношений? *Винтажная* библия отношений, демонстрирующая женщинам, как использовать технику из ваших руководств в современном мире?

— Почти. — Бабушка медленно кивает, чувствуя вновь возникший у Валентины интерес. — Именно так.

— Боже, только не этот винтаж, — ворчу я, пытаюсь быть терпеливой. — Без обид, но практически все знают, что винтаж — просто модное словечко на замену термину «старинное дерьмо».

— Вообще-то, Джессика, нашим последним нехудожественным бестселлером была прекрасная винтажная кулинарная книга о послеобеденном чаепитии, — просвещает меня Валентина, иронично улыбаясь.

Винтажная кулинарная книга о послеобеденном чаепитии? Возможно, отвратительнее и вычурнее я ничего в своей жизни не слышала.

— Винтаж сейчас крайне популярен, — подтверждает она. — *Умно*, Матил!

Валентина оставляет меня у двери и возвращается обратно на диван больше, похоже, никуда не торопясь, и из сумки достает карандаш и черный смитсоновский блокнот. В нем она ничего не пишет, но своим наточенным карандашом пронзает воздух.

— Хм-м-м. Как насчет... «*Как заполучить мужчину методами 1955 года*»? — бормочет она спустя пару секунд.

Я смотрю на нее без всякого выражения. Бабушка же светится.

— Это может сработать... — Валентина щурится. — *Совершенно новая* книга, в которой полно винтажных советов, испробованных и проверенных на себе до кончиков ногтей современной Джессикой Бим. Мне нравится. И, конечно, привнесение новшеств значит, что мы можем передумать и переиздать оригинальные книги.

— Ох! — Бабушка руками хватается за шею, а ее щеки полыхают от удовольствия. — Мне нравится!

— Матил, сколько времени, по вашему мнению, займет заполучение мужчины? — спрашивает Валентина.

— Не более двух или четырех недель, если Джессика останется здесь, на Бонэм Сквер, и мы потратим все время на реализацию проекта. — Бабушка окидывает меня взглядом. — Работы будет много, но мы сможем справиться в сжатые сроки.

— Минуточку, попридержите коней, — вмешиваюсь я, смотрят на них. — Ты говоришь, что хочешь, чтобы я осталась здесь, в этом доме, на две или четыре недели, изменила в себе абсолютно все, от внешности до поведения, как в каком-то научном эксперименте, просто чтобы какой-то случайный болван повел меня на свидание?

— Не «повел на свидание», а *влюбился* в тебя без памяти, — радостно восклицает бабушка. Валентина согласно улыбается и что-то царапает в своем блокноте.

Я отмахиваюсь от них.

— И вы хотите, чтобы я написала об этом?

— Да, — ответили они, словно это не было абсурдным, ошеломительно извращенным и невероятно унижительным предложением.

Я глянула на них так, словно они были психически больными. Чтобы я тут жила дольше двух предполагаемых дней, обучаясь странной бабушкиной версии поведения и стиля, пытаюсь захомутать какого-то придурка, чтобы тот — буэ — влюбился в меня? Это буквально вызывает отвращение, и абсолютно противоположно тому, как бы я когда-либо хотела проводить свое время. Да, я хочу быть писателем. Да, я бы хотела заключить контракт на выпуск книги. Но *не так*. Я на корню не согласна с этим капризом изменить всю свою личность ради любовника. Нетушки. Ни за что.

Я замечаю, что бабушкины огромные слезящиеся глаза наполнены надеждой, и шею начинает покалывать.

— Слушайте, — я пячусь в направлении двери. — Миллион благодарностей за предложение и вообще все, но, в общем, спасибо, но нет. Мне нравится моя внешность, мои манеры и особенно мои навыки как женщины. Но удачи вам. Теперь я уйду. Мне нужно принять душ, а потом отправиться на пробежку.

— Разве ты только что не бегала?

— Мне нравится бегать.

Двадцать минут спустя я выхожу из душа и надеваю любимую одежду для бега: короткий топ из лайкры и мягкие серые спортивные штаны. Я зашнуровываю прелестные ярко-желтые кроссовки, когда слышу стук в дверь моей спальни.

— Джессика, могу я войти?

Это бабушка.

— Джессика, обидчивый утенок, дай нам войти. Мы хотим поговорить с тобой.

И Валентина.

В чем их проблема? Я только что сказала им, что не заинтересована в их идее. С чего вообще Валентина решила, что мне будет интересно? Когда я впервые встретила ее в «Саутбанк пресс», она показалась мне довольно умной. Оказывается, она охрененно безумная, как и моя бабушка. Я побыстрее забираюсь на кровать и залезаю под многочисленные покрывала, натягивая одеяло под самую шею. Если они подумают, что я решила вздремнуть, то уйдут прочь. Никто не тревожит дремлющих людей.

Кроме них, конечно.

Я слышу щелчок открывшейся двери и приглушенные шаги Валентины и бабушки по ковру. К слову о вмешательстве в личную жизнь. Да, я знаю, это не мой дом, но все же, я могла бы заниматься бесчисленным количеством вещей, которые делают наедине. Могла бы тренировать испепеляющий взгляд, ну или мастурбировать. Господи!

— Она спит? — любопытствует бабушка.

Я тру закрытые глаза и притворяюсь, будто погрузилась в страну снов очень глубоко.

— Хм-м-м. На ней спортивная одежда, — отвечает Валентина. — Отличная пара смелых желтых кроссовок. Я обожаю их, Джесс. Правда.

Дерьмо. Ноги свисают с края кровати. Я как ни в чем не бывало подминаю их под себя, как Злая Ведьма Востока²⁸.

— Да, думаю, она не спит и просто пытается нас игнорировать, — докладывает Валентина.

— Что за странное поведение.

— Джесс, мы знаем, что ты не спишь, — говорит Валентина вежливо. — Мы с Матильдой пообщались насчет этой новой идеи и правда довольны ею. «*Как заполучить мужчину методами 1955 года*» прекрасно впишется в мой список. Учитывая, что «*Саммер в городе*» больше не вариант.

— И мисс Смит уже придумала, какого парня тебе нужно заполучить, — добавляет бабушка. — Достойного джентльмена по имени Лео Фрост.

Я тут же давлюсь смешком, который пытаюсь замаскировать под зевоту и одновременный храп. Лео Фрост? О чем, черт подери, Валентина думает? Он ненавидит меня. Я ненавижу его. Да и сама Валентина ненавидит его. Плюс, он узнает меня в мгновение ока.

— Конечно же, мы изменим твой облик, — продолжает Валентина, словно прочитав мои мысли. — И, несмотря на мой с ним опыт отношений, а, может, именно из-за него, я верю, что он *идеальный* выбор. Пресловутый лондонский холостяк с жестким сердцем и желанием быть одиноким. Если у тебя получится заполучить признание в истинной любви от Лео Фроста, то книга станет бестселлером.

— И мое руководство «*Как стать достойной женщиной*» будет переиздано. Джессика, мой дом будет спасен! Ты сможешь спасти все!

Вот теперь эмоции зашкаливают.

Валентина прочищает горло.

— И, само собой, будет аванс. Пять тысяч фунтов за риск.

Что-о-о-о-о? Пять штук? Пять штук. Перед глазами возник нынешний баланс на моем банковском счету: двадцать три пенса. *В минусе*.

Я вытаскиваю голову из-под покрывала, как сурикат. Руки бабушки дрожат от предвкушения.

— Пять тысяч фунтов стерлингов? — спрашиваю я, просто чтобы уточнить.

— Первоначальная сумма, — отвечает Валентина с самоуверенной улыбкой. — Если все пойдет хорошо, то возможности безграничны.

Я смотрю на бабушку. Она в тридцати секундах от того, чтобы завизжать.

— А чуваком *обязательно* должен быть Лео Фрост?

— Думаю, никто не подойдет лучше. Да и ты сможешь убедиться, насколько интересная история получится.

— Мне нужно все проворачивать под своим именем?

— Да. Матильда Бим и Джессика Бим. Семейные узы должны быть очевидными.

— Ох... мы получим пять штук, даже если вся затея провалится?

— Я, конечно, возлагаю большие надежды на то, что все получится, но — да. Именно так аванс и работает.

Ого! *Гарантированная* половина от пяти тысяч за работу от двух до четырех недель. Неважно, насколько этот проект безнадежен, не имеет значения, насколько я буду его презирать, с такой суммой сложно спорить, когда вы в моем положении. Благодаря этим деньгам я смогу перебраться в Таиланд. Да что там, я смогу поселиться на Фиджи! Это будет новое начало. Я мысленно рисую картину, где я сижу на пляже в новехоньком шелковом комбинезоне, наблюдаю закат, потягиваю грушевый сидр из распиленного кокоса и покачиваюсь под пеню «*The Dark Side of the Moon*» (Букв.: «*Темная сторона луны*») группы «Pink Floyd». От подобного нельзя отказываться.

— Хорошо. Я сделаю это.

Бабушка ударяется в беспорно не присушие уравновешенным людям слезы и бормочет себе под нос: «благодарение небесам» и «ну что за день!», после чего испаряется из комнаты, чтобы приволочь эти свои руководства. Валентина же наклоняется над кроватью и пожимает мою руку.

— Естественно, мне нужны первые двадцать тысяч слов этой книги не позже чем через четыре недели, — радостно щебечет она.

На какую ересь я, мать вашу, только что подписалась?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава тринадцатая

Кожа Достойной Женщины всегда должна быть увлажненной, свежей и гладкой. Слишком сухая или покрывшаяся пятнами кожа отпугнет идеального парня, и какая же будет досада!

Матильда Бим, руководство «Любовь и отношения», 1955

Бабушка притаскивает целую стопку ярких книг в твердых обложках и вручает их мне так, словно дарит решение, как устроить мир во всем мире, после чего убегает, чтобы проводить Валентину на выход. Я устраиваюсь на краю кровати и выбираю из стопки самую верхнюю книгу.

Руководство Матильды Бим «*Любовь и отношения*».

Я подношу ее к носу, принохиваюсь и сразу же чихаю. От нее пахнет стариной. Пальцами пробегаюсь по шероховатой, темно-розовой, цельнотканевой обложке и открываю книгу. Внутри, на первой же странице, находится черно-белое фото женщины, сидящей на столе с бокалом шампанского в одной руке, а вторую элегантно вытягивая вперед, ближе к камере, чтобы продемонстрировать обручальное кольцо в стиле ар-деко. Предположительно, бабушка. Она молода, ей около двадцати лет тут. И она сексапильная! Если отместить горькую составляющую, моя мама была настоящей красавицей, но Матильда Бим — это нечто иное! Не могу сказать, какого точно цвета ее волосы из-за того, что фотография монохромная, но они кажутся достаточно темными и уложенными в великолепные, идеальные волны, ниспадающие на ее плечи. Она изгибает бровь и одета в платье, у которого лиф переходит в пышную юбку, благодаря чему ее талия кажется тонюсенькой. Под фото есть краткая биография:

«На фото Матильда Бим (в девичестве Миллер) в день ее помолвки с Джеком Бимом, нью-йоркским наследником империи «Делайтекс».

«Делайтекс»? Американская компания, производящая белье? Мой дедушка — владелец корпорации «Делайтекс»? Огогошеньги. Почему мама не могла рассказать мне чуточку больше? Это грандиозная новость!

«Прежде чем она влюбилась в Бима, Матильда была знаменитой нью-йоркской дебютанткой, отклонившей предложения о замужестве не менее чем от трех самых завидных манхэттенских холостяков! Даже не сомневайтесь, Матильда Бим — Достойная Женщина. Прочтите ее историю! Следуйте ее советам! Заполучите мужчину мечты всех

женщин!»

Три предложения? Знаменитость в Нью-Йорке?

Я пролистываю несколько страниц.

«Никогда не приходите на свидание в брюках. Достойный Мужчина оценит бритые ножки. Но не показывайте слишком много, как бы вы не показались легкомысленной. Юбка всегда должна быть ниже колена.»

Я фыркаю и думаю о своих джинсах, облегаяющих меня настолько, что можно увидеть, чем я обедала вчера. И юбки ниже колена у меня только у ночнушек! И даже не у всех.

«Никому не нравятся болтушки. Позвольте вести беседу спутнику и с блистательной улыбкой говорите ему, насколько им восхищены, приправляя ваш вечер несколькими смешками к месту. Ему, без сомнения, понравится находиться в вашем обществе.»

Чего? Это не может быть правдой. Они ждут, что я буду делать это? Я даже не могу разобраться, уморительно это или ужасающе.

Я беру остальные книги и просматриваю их. Здесь есть все от руководств *«Как быть достойной невестой»* и *«Как быть достойной матерью»* до *«Как быть достойной домохозяйкой»*. Ого, бабушка написала немало!

Я изучаю биографию под фотографией финальной книги — руководство Матильды Бим *«Как стать Достойной Женщиной»*. На фото снова бабушка, она сидит рядом с привлекательным мужчиной в костюме, а у нее на коленях сидит симпатичный круглолицый ребенок.

«Матильда Бим, несомненно, Достойная Женщина. Она автор бестселлеров — жизненных руководств для Достойных Женщин. В 1955 году Матильда вышла замуж за Джека Бима. Руководства Матильды Бим обосновались в библиотеке каждого дома не только в Англии, но и в Америке, где прославился простой знак качества Матильды: очарование и потрясающие результаты. Матильда Бим живет в Нью-Йорке с мужем, главой компании «Детайтекс» Джеком Бимом, и их маленькой дочерью Роуз.»

Ух ты! Мама жила в Нью-Йорке? Интересно, долго ли? Она выросла в Нью-Йорке? Был ли она чирлидером? Почему они вернулись? И снова меня осеняет, сколько же я о ней не знаю, сколько не знаю о своей семье, и оттого, что я не интересовалась всем этим, пока был шанс, на меня накатывает чувство вины. Полагаю, благодаря тому, что я застряла здесь на весь следующий месяц, у меня, в конце концов, появится возможность узнать больше...

Не успеваю я развить эту мысленную цепочку, как дверь открывается нараспашку и в комнату возвращается бабушка, а за ней по пятам следует Пич, несущая новые, пушистые, василькового цвета полотенца.

— Ох, Джессика. Я не могла быть счастливее. Ты ответ на мои молитвы, — выпаливает бабушка. — Валентина просила держать ее в курсе нашего прогресса. Думаю, ты ей очень сильно нравишься. Ох, ну что за невообразимо чудесная сделка.

Пич демонстрирует свои чувства скромной улыбкой и порозовевшими щеками.

А затем мой худший кошмар становится явью. Они обе заключают меня в радостные групповые объятия. Я задерживаю дыхание до самого окончания этого действия, которое длится настолько долго, что у меня начинает мутнеть перед глазами.

— Новый друг, — шепчет Пич себе под нос несколько напряженно.

— Ой! Эм, да.

— Мне столькому нужно тебя научить, дорогая, — говорит бабушка с придыханием. — Я научу тебя всему, что сама знаю. Всему. Ты будешь идеальной Достойной Женщиной. На

этот раз я сделаю все правильно.

Кроссовки уже на мне. Я могу выбежать, умчаться прямо сейчас и никогда не оглядываться назад... вот только мне некуда идти и нет денег, чтобы в это «некуда» добраться. Пока.

— Гениально, — отвечаю я слабо, выбираясь из их цепких рук. — Прекрасно. Юху. Замечательно. Ура. Только... больше никаких объятий, хорошо?

Они легко смеются, словно я шучу. Вот только я не шучу.

После получения ключа от дома, домашнего номера телефона и — согласно моему непреклонному правилу «без объятий» — долгих радостных и сентиментальных похлопываний руками бабушка неохотно позволяет мне уйти (в связи с хорошим поведением) на пробежку, сказав явиться к часу дня на встречу с ней и Пич в кафе «Люциус» на улице Кенсингтон-Хай к неотложному обеду.

Моя пробежка — приятное и окрыляющее занятие на пересечении роскошных Кенсингтон и Челси Стрит, и мне нравится открытие, что не нужно постоянно опускать голову, чтобы избежать придурков, выгуливающих собак, как обычно приходилось делать в Манчестере. Прямо луч света.

Я пытаюсь не думать о том, чем собираюсь заниматься на протяжении следующего месяца, о том, что снова придется встречаться с пенисовым принцем Лео Фростом, что теперь мне нужно написать двадцать тысяч слов за четыре недели, или о том, что улыбка бабушки сильно похожа на улыбку мамы. Вместо этого я надеваю наушники, включаю на своем айфоне «Arctic Monkeys» на полную громкость и размышляю о деньгах, что принесет этот проект, и свободе, к которой он приведет.

Когда бегать больше нет сил, я проверяю время на телефоне. Десять минут второго. Упс. Я лечу к кафе «Люциус», вспотевшая и со сбившимся дыханием, так быстро, как могу. Замечаю бабушку и Пич за одним из столиков, стоящих на тротуаре снаружи кафе. Сегодня, должно быть, градусов тридцать, но, приближаясь, я замечаю, что Пич держит зонтик над бабушкиной головой, а свободной легонько мне машет.

— Ох, ты здесь! — произносит бабушка, когда я опускаюсь на железный плетеный стул рядом с ними, пытаюсь восстановить дыхание. — И жутко вспотевшая. Не страшно, главное, ты здесь. Также, Джессика, тебе следует запомнить, что опаздывать никогда не было залогом стиля. — Она одаривает меня многозначительной улыбкой.

— Зачем зонтик? — спрашиваю я, снимая обмотанные вокруг шеи наушники и оставляя их на столе.

— Зонт защищает миссис Бим от вредящих лучей солнца, — поясняет Пич, как будто для нее в порядке вещей держать чертов зонтик над чьей бы то ни было головой. Интересно, сколько уже она его держит? Ее рука наверняка убийственно болит.

— Верно, кожа Достойной Женщины должна быть увлажненной, свежей на вид и гладкой, — продолжает бабушка. — Идеального мужчину оттолкнет нездоровый цвет лица.

Я фыркаю.

— Тип, который отвергнет тебя из-за пары прыщиков? Как по мне, такой парень — придурок. Мне нравится солнце, очень. — Я закрываю глаза, раскидываю руки в стороны и счастливо вздыхаю, греясь в солнечных лучах теплого, золотистого светила. — Да и сегодня у нас есть волшебная светоотражающая тональная основа, созданная учеными, знаешь ли.

Скрывает абсолютно все.

— Естественная чистая кожа — лучшая основа, — настаивает бабушка. — Столькому учить, — бормочет она тихо.

— Это всего лишь кожа. — Я закатываю глаза и снимаю очки, протирая их жесткой льняной салфеткой со стола. — Не знаю, чего ты так бесишься, прям «*положи лосьон в корзину!*»²⁹

— Ах да, лосьон — это отличная идея. — Бабушка одобрительно кивает, не обращая внимания на сам характер реплики. — Мы должны увлажнить тебя, как только вернемся домой.

Мы? Увлажнение меня должно быть каким-то групповым действием? Не думаю, что соглашусь на подобное.

Не успеваю я уточнить планы бабушки, как из кафе через дверь, оформленную виноградной лозой, к нам выходит официантка с тонкими меню кремового цвета.

— О, да, винная карта, — светится бабушка. — Думаю, закажу бутылку любимого винтажного шампанского. Радостные моменты всегда нужно отмечать. — Затем она взглядом сканирует страницы, и ее ноздри раздуваются.

Я смотрю в свою копию винной карты. Черт подери, как все дорого! Если верить словам Пич, бабушка не может себе это позволить, чек от Валентины не будет действительным еще несколько дней, и даже тогда ей в первую очередь придется покрыть месячную оплату по закладной. Ее щеки слегка розовеют.

— Боже, как же я ненавижу шампанское, — вклиниваюсь я, возвращая меню официантке. — Вы не возражаете, если мы не станем брать ничего из списка?

— Я тоже так думаю, — горячо соглашается со мной Пич. — Но мне бы хотелось какого-нибудь домашнего лимонада, пожалуйста.

Губы бабушки дрожат. Прежде чем захлопнуть меню, она мгновение пристально смотрит на стол.

— Ох, само собой, я не стану брать целую бутылку для одной меня. Мне, похоже, тоже лимонада, пожалуйста.

— Будете что-то есть? — спрашивает официантка, держа карандаш наготове.

Все мы заказываем самые дешевые блюда — зеленый салат для бабушки и Пич, и, отдельным заказом, нарезанную вручную жареную картошку — мне. Официантка окидывает нас сердитым взглядом и только после этого возвращается в кафе.

Бабушка резко вздыхает и тут же лезет в свою сумочку — настоящую модель от «Шанель», если смотреть по золотым застежкам — и вытаскивает из нее маленький кожаный блокнот с серебряной ручкой.

— Давайте поторопимся, нам нужно начинать, — говорит она оживленно. — Пич, тебе нужно позвонить секретарю мистера Фроста, чтобы узнать его расписание. Нам нужно знать, куда он пойдет, чтобы устроить их с Джессикой *случайную* встречу.

— Ой, об этом не беспокойся. — Я пальцем стучу по своему айфону. — Он есть в «Твиттере», я могу узнать о его передвижениях прямо сейчас.

— В «Твиттере»? — хмурится бабушка. — Это телефонный справочник?

— Нет, — посмеиваюсь я, показывая ей мобильный. — «Твиттер» — это социальная сеть. Смотри! Люди каждые несколько часов загружают сюда свои мысли, которыми хотят поделиться с миром: их планы, чем они завтракали, фотографии понравившихся им животных.

Она качает головой в недоумении.

— Какое кошмарное самолюбование.

— Сеть и правда очень популярна, миссис Бим, — подтверждает Пич, когда официантка приносит лимонад. — Знаете, Марта Стюарт тоже в «Твиттере».

— Дражайшая Марта в «Твиттере»? — Бабушка, похоже, в смятении. — Для чего?

Я пожимаю плечами.

— Сложно пояснить, почему это так хорошо. Но это гениально, поверь мне. Ага! Вот и он. Лео Фрост, видишь?

Я кликаю по его странице и замечаю, что на аватарке у него профессионально сделанный снимок. Черно-белое фото, обработанное одним из этих гипер-контрастных фильтров, как в «Инстаграм». На снимке Лео Фрост курит сигару в стильном черном костюме. За его спиной виднеется линия небоскребов Манхэттена.

— Очень привлекательный парень, — кивает бабушка одобрительно.

Пич попискивает.

— Боже мой, какой красивый мужчина. Он похож на Тома Хиддлстона.

— Да не похож. Ни капельки. Неважно, все равно он идиот.

Волна отвращения пронзает мое тело, когда я читаю его биографию в «Твиттере»: «*Лео Фрост. Рекламное агентство «Вулф Фрост». Художник. Мыслитель. Человек.»*

Буэ. Ну что за остолоп. Поверить не могу, что собираюсь проводить время с этим пустозвоном и, что хуже всего, притворяться, будто он мне *нравится*.

— Фу, — шиплю я на экран.

Пролистывая вниз все гиперссылки, беседы и комплименты в его адрес, что он перепостил на свою страницу, я нахожу пост четырехдневной давности.

— *Есть*, — говорю я на манер агентов ФБР, обнаруживших местонахождение преступника. — Завтра вечером Лео Фрост появится на ярмарке. Это летняя ретро-ярмарка в Риджентс-парке. Вечер организует крупный клиент, с которым он работает. — Я гуглю, как настоящий профессионал. — Мероприятие завтра, и Лео Фрост — VIP-гость.

— Замечательно. Ярмарка это идеальное место, чтобы столкнуться с Лео Фростом в первый раз, особенно таким теплым летним вечером. Аромат сладкой ваты, звонкий смех молодых людей... — Бабушка вздыхает и устремляет взгляд в пространство. — Моя ласковая Роуз *обожала* ярмарки, когда была маленькой. Она так любила карусель... — Она уносится в воспоминания.

Я моргаю. Маме нравились ярмарки? Вспоминаю ее лицо, вытянутое и всегда уставшее. Не могу представить ее даже рядом с ярмаркой. Скорее, у доктора, в управлении по выплате пособий, плачущей в кровати, у Моррисонов, в конце концов. Никак не на ярмарке. Это противопоставляющиеся друг другу явления. А как бабушка описывает ее счастливой? Мама была диаметральной *противоположностью* счастья.

Я прикусываю губу, изучая бабушку, пока она что-то пишет в своем блокноте. Меня поражает мысль, что до моего появления у мамы была совершенно другая жизнь. Длинная, полная событий и ярмарок жизнь, о которой я была ни сном ни духом. Для меня она была просто мамой, человеком, отведившим меня в школу (в хорошие дни). Покупавшим мне книги на благотворительных распродажах и заворачивавшим их в подарочную бумагу, даже если это не были ни день рождения, ни Рождество. Женщиной, которую я любила очень сильно, и которую хотела рассмешить, заставить улыбнуться, снова сделать счастливой. Хотя, я даже не приблизилась к своей цели.

— Почему ты не пришла на ее похороны? — выпаливаю я, не контролируя себя.

Бабушка тут же отрывает взгляд от блокнота. Прядь ее вьющихся седых волос выпадает из шиньона. Она быстро моргает, смотря через красные очки, и открывает рот, словно хочет что-то сказать, но потом закрывает его. Глядя на окружающие нас столы, она внезапно открывает свой рот снова.

— У меня... была жуткая... грудная инфекция, — отвечает она медленно. — К несчастью, я слишком неважно себя чувствовала, чтобы пойти. — Я замечаю, что ее руки слегка дрожат. Она видит, что я заметила ее дрожь, и убирает руки на колени под стол. — Джессика, это неподходящее место, чтобы обсуждать подобное. — Она поджимает губы. — Нам предстоит много работы, и у нас на это слишком мало времени.

Какой странный ответ. Я хмурюсь, не отводя глаз от бабушки. Она с непроницаемым выражением лица отвечает на мой взгляд всего мгновение, а после возвращается к записям в блокноте.

Я делаю долгий глоток лимонада и пытаюсь прояснить мысли. Мне не нравится думать о маме. Из-за этого у меня болит голова, да и все внутри.

Интересно, слишком рано для грушевого сидра?

Чего это я спрашиваю? *Никогда* не рано для грушевого сидра. Я подаю сигнал официантке.

Дневник Роуз Бим

26 апреля 1985

Что за ночь! Важнее всего этим вечером то, что мы с Томом Труманом поцеловались! И это было даже лучше, чем я себе представляла. У него была щетина, а ухажеров щетиной у меня раньше не было. Из-за нее все казалось таким взрослым. Прежде чем поцеловать меня, он смотрел на мой рот, наверное, всего несколько секунд, но мне показалось, что целый год. Ого. Перед поцелуем я смотрела на его игру в «Олд Вике». Он был прекрасен. Гораздо более глубоким, чем растяпа, исполнявший роль Ромео. После мы с Викторией и другом Тома, Джоном (неподражаемым Меркуцио), пошли в паб. Конечно, я посещала многие пабы, пока училась в университете, но этот был другим. Он был в небольшом переулке, и на входе стоял коренастый мужчина. Внутри, казалось, все знали Тома. И не просто знали, а любили! У меня сложилось впечатление, что не все они были фанатами Шекспира, так что дело, должно быть, в его харизме, которой он очаровывал все светское общество. Благодаря этому и я тоже стала там популярной, и люди были со мной очень дружелюбны. Том не отходил от меня всю ночь, проверяя, чтобы мне было уютно, и чтобы мой бокал не пустел. Позже несколько людей переместилось в комнату поиграть в карты. Игра была серьезной и напряженной, и во мне одновременно кипели нервозность и возбуждение. Том выиграл и тогда-то меня и поцеловал. Он сказал, что я — его удача. Думаю, и он мог бы стать моей.

Р х

Глава четырнадцатая

Достойная Женщина не потворствует сексуальным отношениям до тех пор, пока на ее пальце не окажется обручальное кольцо. Ведь зачем покупать корову, если можно получать молоко бесплатно?

Матильда Бим, руководство «Любовь и отношения», 1955

После моего несвоевременного комментария о похоронах остаток обеда мы провели в неловком молчании. Поели, не проронив ни слова, и как только вернулись домой, бабушка поторопилась в свою спальню для послеобеденного сна. Пич была отправлена в город за необходимыми для проекта вещами, а мне было дано указание прочитать две первые главы руководства Матильды Бим «*Любовь и отношения*», уделив особое внимание главе под названием «*Заводим новые знакомства с мужчинами*».

Я поднимаюсь по лестнице в комнату, вытаскиваю кресло на балкон, сажусь в него, согреваемая солнцем, чтобы приступить к первому руководству, и пролистываю несколько страниц до нужной главы. Я бегло знакомлюсь с текстом и в местах с самыми смешотворными советами не могу удержаться, чтобы не фыркнуть.

«Завладейте вниманием Достойного Мужчины, «случайно» уронив перчатку и позволив ему подать ее вам».

«Никогда не заговаривайте с Достойным Мужчиной об одежде — его не интересует ваше новое платье. Выясните, чем интересуется он, и говорите только об этом».

«Общайтесь с вашим собеседником нежно, с мягкими интонациями, как если бы вы делились пикантным секретом».

Я не могла решить, смеяться мне или от ярости бросить книгу в стену. Что за бред сивой кобылы? С тем же успехом достаточно запомнить, что вести себя нужно как тряпка и дело в шляпе. Я убираю руководство в сторону и, плотно закрыв глаза, подставляю лицо солнечным лучам. Я правда стараюсь выбросить это из головы, но не могу не думать о том, почему бабашка не пришла на похороны мамы. Может, я так накидалась текилой, что едва помню, что там происходило, и приволочь меня туда могла Саммер, но я пришла. Вы не пропускаете похороны. Во всяком случае, не из-за грудной инфекции. Из головы не идет, что бабушка что-то скрывает. Она была такой неразговорчивой и сердитой. Но зачем ей что-то скрывать? И, если подумать, раз она была так рада меня видеть, то почему не пыталась связаться со мной? И почему — раз уж мы в настроении подозревать — она считает разумным хранить фарфоровых кукол в ее возрасте?

Я мысленно ставлю себе напоминание спросить ее об этом. Не так неосторожно, как я это сделала в кафе — было настолько неловко, что она закрылась, словно моллюск, — а аккуратно, ненапористо, когда она будет в настроении. Несмотря на то, что сама мысль о подобном глубоком разговоре вызывает у меня сильнейшую головную боль, я обнаруживаю, что любопытство касательно мамы и бабушки на самом деле будоражит.

Я снимаю очки и закидываю ноги на перила балкона. Вернусь к этой глупой главе через секундочку. Сейчас же солнышко такое ласковое. Я могла бы уже быть далеко отсюда. Если бы...

— Джессика? Ты в порядке? Джессика?

Я пробуждаюсь. У меня был прелестный, практически гипнотический сон о возможном экзотическом путешествии, которое будет, когда я покончу со всей этой хренью. Я открываю глаза и вижу загораживающую солнце и тревожно качающую головой Пич. Я вытираю слюну у уголка своего рта.

— Привет, Пич, — приветствую я ее сонно. — Как дела?

— Я принесла тебе контактные линзы, как ты просила, — отвечает она, протягивая мне коробочку «Спиксейверс».

— Круто, спасибо. Кажется, я закемарилла. Который час?

— Четыре.

— Уже? Ты была в городе целую вечность!

— У Матильды длинный список.

Она следует за мной, пока я тащу кресло обратно в спальню. Моим глазам нужно время, чтобы избавиться от солнечных зайчиков. Я с зевотой снова заваливаюсь в кресло. Пич показывает на край кровати.

— Могу я присесть?

— Конечно, тебе не нужно спрашивать. Как ты?

Пич пялится на свою футболку и теребит ее края.

— Я тут думала.

— Хорошо.

— Я думала с тех самых пор, как ты здесь, и ты сказала, что твои друзья бросили тебя, а у меня в Алабаме никогда не было много друзей, да и тут мне не удается их найти... Я немного стеснительная, как ты видишь...

— Это точно.

— Я надеялась...

— Что?

— Ну, я подумала, что, м-может, мы могли бы быть друзьями?

— Ох, — отвечаю я. — Конечно. Хорошая идея. Теперь мы друзья.

— Правда?

— Ну да, а почему нет? Друзья. Официально.

Щеки Пич покрываются розовыми пятнами, когда она встает с края кровати и пятится к двери.

— Это замечательно. Я очень довольна. Не беспокойся ни о чем, Джесс, я *все* организую.

Она покидает комнату, пышущая энтузиазмом.

Стойте. *Все организует?* О чем это она?

— Организуешь что? — кричу я ей вслед, но ответа нет. — Пич?.. Пич?.. *Пич?!*

Неа. Она ушла.

Почему все тут все время такие странные?

Вечером во время ужина Пич бросает на меня странные, буравящие и конспиративные взгляды, а я отвечаю ей неопределенной улыбкой. Бабушка же, похоже, в куда лучшем расположении духа после своего дневного сна, потому что пичкает нас очень длинными и пространными историями о своей молодости: ее дебюте в Нью-Йоркском обществе, о танцах, на которые она ходила, и одежде, которую носила, и что каждый мужчина, хоть раз бросавший на нее взгляд, хотел жениться на ней и был от нее без ума, и сколько мне нужно научиться, чтобы хотя бы приблизиться к потрясающему примеру для подражания — Матильде Бим. Вот честно. Мне-то казалось, это у Саммер самомнение выше крыши, но бабушка ее переплюнула. Она излишне сентиментально рассказывала о времени, когда они с

дедушкой Джеком обновили клятвы, и это дико, потому что я не знала никого, о ком она говорила, несмотря на то, что это все, очевидно, были мои родственники. Я пытаюсь не отвлекаться и быть внимательной, но все равно отключаюсь, и когда срабатывает звонок у главной входной двери, я быстро хватаюсь за возможность сбежать и соскакиваю со стула.

— Я подойду!

Я стремительно спускаюсь по лестнице к входной двери и вижу там доктора Джейми, с которым была прошлой ночью (и этим утром тоже, хе), который ждет меня, убрав руки в карманы белого халата, и переступает с ноги на ногу.

— Здравствуй, — произносит он, выделяя букву «р» на шотландский манер. — Я же сказал, что позову тебя. Вот я здесь. Зову тебя.

Я улыбаюсь. Он даже милее, чем я помню. Но, может, это все из-за прошлой ночи и того, что он заставил меня кончить три раза? Хм-м-м. Я бы не прочь повторить... Да и не похоже, чтобы у меня были какие-то другие планы на сегодня, кроме увеселительного времяпрепровождения с близняшками.

— Мы можем снова спуститься в клинику? — спрашиваю я без предисловий.

— Боюсь, нет, — отвечает он, проводя рукой по щетине. — Доктор Куреши все еще там. Он работает до позднего вечера. Я подумал, мы могли бы пойти перекусить. Я знаю чудесный греческий ресторан недалеко отсюда.

Я гримасничаю. Это вроде как свидание. Я не хожу на свидания. Свидания ведут к отношениям, отношения к любви, а, как всегда говорила моя мама, любовь ведет к ожесточению сердец, и я не планирую ввязываться в эту аферу.

— Я только что поела. — Я пожимаю плечами.

— Тогда пройдемся? — спрашивает он, улыбаясь. — По площади Кенсингтон?

— Вот что я тебе скажу... — Я понижаю голос. — Ты сходишь в магазин и купишь выпивки, у бабушки есть только херес, а он, мне кажется, устарел. Да и противно это! В общем, потом встречай меня на балконе. Не на большом, потому что он ведет в гостиную комнату, а на том, что выше и левее. Этот ведет в мою спальню.

— Как я поднимусь туда?

— Не знаю. Взберешься? Там не высоко. Тот, что слева, хорошо?

— Звучит опасно. Могу я пройти нормально, то есть через дверь?

— Ты знаешь мою бабушку, док?

— Эм, не очень. Мы изредка здороваемся друг с другом, пересекаясь в коридоре.

— Ясно, а исходя из ваших кратковременных взаимодействий, она произвела на тебя впечатление женщины, способной впустить парня в свой дом, чтобы тот покувыркался с ее внучкой?

— Она кажется немного старомодной...

Я фыркаю, когда до него доходит. Джейми выглядит неуверенным.

— Даже если так, залезать так высоко все равно немного...

— Не будь таким неудачником. Я буду как Рапунцель. Ну или, на крайний случай, как героиня *«Красотки»*.

— Прекрати перечислять все связанное с балконами.

— Или как в *«Ромео и Джульетте»*...

— Ладно. А затем мы чем займемся?

Я шевелю бровями, надеясь, что получается сексуально. Он резко кивает.

— Я буду через десять минут.

Я быстро возвращаюсь в обеденный зал и, извиняясь, сажусь за стол.

— Боже, я объелась! — восклицаю я, похлопывая себя по животу. — И очень хочу спать.

Жутко устала после всех сегодняшних... потрясений. Думаю, мне пора в кровать.

— Но сейчас только восемь, — удивляется Пич, изгибая рыжеватые брови. — Я думала, мы сможем... пообщаться. Я... я надеялась, мы выпьем охлажденного чая в моей комнате.

— Может, завтра? Я вымоталась.

— Ох, конечно. Хорошо, — бормочет она, уставившись в стол.

— Кто был у двери? — спрашивает бабушка, складывая нож и вилку на тарелке и устремляя на меня пристальный взгляд.

— Ой, эм... свидетели Иеговы.

— В такой час? — Она глядит на висящие в обеденном зале дедушкины часы, кстати, единственные, что работают, как я заметила.

— Время не имеет значения, когда миллионы душ нуждаются в спасении, — произношу я молитвенно.

— Ну надо же! Тогда отдыхай, Джесс. Крепкий сон — неотъемлемая часть жизни Достойной Женщины!

— Конечно, безусловно, я полностью согласна! — отвечаю я воодушевленно. — Пока!

Открывая дверь балкона для доктора Джейми, я прямо-таки разрываюсь от смеха, когда слышу его проблемное вскарабкивание наверх по стене. Я выхожу в окрашенный золотистым сиянием вечер и с удовольствием наблюдаю, как он взбирается по балконным перилам с полосатым полиэтиленовым пакетом, висящим на его запястье, и с выражением откровенного ужаса на лице.

— Ох, блин, — выдыхает он, наконец перекидывая ногу через последнюю перекладину, и с глухим ударом падает на балкон.

— Без сучка и задоринки. Это точно, — дразню я его.

— Это было невероятно опасно, — огрызается он с покрасневшим лицом. — На мне броги. Парням не полагается куда-либо взбираться в брогах.

— Не уверена, что парням что-либо полагается делать в *брогах*.

— Эй, отстать от моих брогов. Ты собираешься меня впустить?

— Ну, заходи, юная Джоуи Поттер³⁰, — посмеиваюсь я, уводя его с балкона в спальню.

Он снимает пакет с руки и протягивает его мне.

— Держи, Доусон. Привет, котик.

Он нагибается к мистеру Белдингу, трущемуся своим пушистым телом о его ноги, и нежно чешет его за ушком. Я забираюсь на кровать и залезаю в пакет, доставая бутылку красного вина, которую открываю мини-штопором, прикрепленным к чему-то типа канцелярского ножа, прицепленного к ключам доктора Джейми.

Джейми развязывает шнурки, сбрасывает броги и присоединяется ко мне, вздрагивая, когда замечает фарфоровых кукол.

— Христос всемогущий, такое впечатление, будто здесь книга «Суть ужаса»³¹.

— Жутко, да? — Я делаю глоток из бутылки.

— Их здесь так много. Они... смотрят на меня.

— Смотрят. Полагаю, обдумывают зловещий план.

Поворачиваясь к куклам спиной, Джейми достает телефон и что-то делает с ним, пока из него не начинает литься какая-то кошмарная писклявая музыка.

Я хмурюсь.

— Что ты делаешь?

— Это список в «Спотифай» по запросу «Звуки саксофона», — улыбается он. — Чтобы создать настроение.

— По-твоему это что, «Дневники “Красной туфельки”»³²?

Он пожимает плечами и тянет воротник футболки.

— Мне нравится.

— Ладно, хорошо. Только сделай тише. — Я бросаю взгляд на дверь. — Бабушке и правда нельзя знать, что ты здесь. Мы вместе работаем над одним секретным проектом и мне нужно заниматься «крепким сном». Если она нас услышит, то, как известно, у нее снесет крышу.

— Секретный проект? — Он изгибает темную бровь. — Интригует.

Хм-м-м. Стоит ли рассказывать ему? Могу я ему доверять? Что если он кому-то проболтается?

Ой, да о чем я беспокоюсь? Он просто доктор-заучка, одержимый сердцами и брогами. Ну правда, кому он проболтается?

— Хорошо, я расскажу тебе.

И я делюсь с ним деталями проекта: о Валентине Смит и руководствах, о Лео Фросте и как бабушка собирается обратиться к своим советам, чтобы заставить его влюбиться в меня. Когда я заканчиваю, лицо Джейми вытягивается.

— Это бредовая идея, разве нет? — посмеиваюсь я. — Умора, серьезно.

— Ага, похоже на безумство. Кажется, это немного жестоко по отношению к тому парню. Фросту. — В его голосе слышится неодобрение.

— Ох, не волнуйся о нем. — Что касается Лео Фроста, я отмахиваюсь от любых принципов в отношении него. — Он жирный хрен. Он заслуживает того, что с ним случится, поверь мне.

— Хм-м-м. — Джейми размышляет, затем забирает у меня бутылку и пьет из нее. — Что, если он на самом деле, ну, влюбится в тебя? Он будет уничтожен, когда узнает, что ты не та, за кого себя выдавала. Что все это ради циничного эксперимента для книжки про свидания. Кажется, это несколько бессердечно.

— Господи, он не *влюбится* в меня! — смеюсь я. — Это не сработает *на самом деле*, док. Я согласилась на это только потому, что при любом исходе получу две с половиной тысяч фунтов, а я не в том положении, чтобы отказываться. Он из разряда соблазнительей, к тому же вечный холостяк. Это он бессердечный. Seriously, не беспокойся о Лео Фросте!

Джейми холодно пожимает плечами.

— Как скажешь.

Я чувствую легкое раздражение. Пф. С чего это я оправдываюсь перед абсолютным незнакомцем?

Наступает неловкая тишина. Меня не заботит неловкое молчание, но у нас не так много времени.

Чтобы сломить лед, я снимаю топ. Это срабатывает. Джейми запрыгивает на меня.

Моя жизнь сейчас может быть странной и запутанной, но у меня реально отличный секс, и за это мои благодарения небесам. Доктор Джейми привязал мои руки к огромному столбику кровати ремнем от своих вельветовых штанов и одну мою ногу закинул себе на плечо. Это очень-очень эффективно. И, вообще-то, так приятно, что мне не удается сдержать писк удовольствия, вырвавшийся из моего рта.

— Боже, Джесс, — гортанно хрипит Джейми, прикусывая внутреннюю часть моего бедра, двигаясь, сосредоточившись на процессе. — Господь Всемогуший.

Он опускает мою ногу, руками скользит под мои ягодицы и приподнимает меня к своему торсу, чтобы углубить проникновение.

Боже мой!

Я не хотела выкрикивать это. Но выкрикнула. Очень громко. И к моему ужасу дверь комнаты отворяется, являя на пороге бабушку. В одной руке у нее тубик с кремом для увлажнения, а в другой стакан молока, ее рот широко открыт от испуга. Хуже всего, что так достойно рукоплескания — Джейми не замечает ее! Я верчусь, чтобы выбраться из кровати, но мои руки в буквальном смысле слова связаны. Джейми все продолжает и продолжает двигаться с энергией полудикого жеребца. Бабушка стремительно вылетает из комнаты и закрывает за собой дверь.

— Джейми, слезь!

Он прекращает вколачиваться в меня и перекатывает меня на край кровати.

— В чем дело? Ты в порядке? Я... я слишком... большой?

Я одариваю его испепеляющим взглядом.

— Только что заходила бабушка. Развяжи меня!

Он неуклюже отвязывает ремень. Я соскакиваю с постели и прикрываюсь пуховым одеялом.

— Что? Старая леди Бим видела мой зад?

— Она видела *все*! Бубенцы, булки, буфера. Все на букву «Б». *Вообще все!*

— Точно. Ох, черт.

— Дерьмо.

Я опускаю голову на руки. Не думала, что когда-то испытаю такую сильную эмоцию как настоящий, глубинный стыд, ведь прежде такого со мной не бывало. Но, само собой, раньше семидесятилетней родственница не наблюдала меня в легком бондаже³³. Ощущения крайне неприятные.

Мне слышится странный звук, и я убираю руки от лица.

Эти странные звуки издает Джейми. Он все еще голый, и стоит перед огромным шкафом, его лицо помидорно-красного цвета, а плечи трясутся, то поднимаясь, то опадая. Он, черт его дери, смеется!

— Прекрати смеяться! — шиплю я. — Ты же доктор. Ты должен быть сопереживающим. Поверить не могу, что она вошла. Она, похоже, принесла мне молока. Ох, боже мой!

— Прости. — Джейми брызгает слюней, извиняясь между взрывами хохота, и подбирает с пола серые хлопковые боксеры, натягивая их, громко гогоча. — Я... ха-ха-ха... я правда сожалею, но ты не можешь отрицать, что однажды это может... ха-ха-ха... стать отличным анекдотом из разряда «Как вы стали встречаться». Ха-ха-ха!

Анекдотом про «стали встречаться»?

Эм, что, по мнению доктора Джейми, здесь происходит? Я думала, что создала совершенно определенную атмосферу... Разве нет?

Я пригвождаю его взглядом.

— Эм, не хочу портить настроение, но ты же в курсе, что *все* между нами — это просто общение без обязательств, так?

Он задерживает дыхание, шутливо закрывая рот рукой.

— Ты хочешь сказать... что используешь меня из-за моего тела?

— В общем-то, по большому счету, да. Сексуальные привилегии, избавление от стресса и тому подобное. Ничего больше. Само собой, против тебя я ничего не имею, ты кажешься изумительно милым, и я не могу отрицать, что у тебя есть... способности. Просто я не заинтересована ни в чем большем... никакой *эмоциональной* чепухи, понимаешь? Я не из таких девушек. Так что, тебе лучше это знать, если мы собираемся видеться, ну или что-то типа того.

— Я пошутил, Джесс, — отрезает Джейми, вокруг его рта появляются мелкие морщинки. — Просто дурачился. Никаких обязательств, я понял.

— Хорошо. — Я мягко киваю. — Тогда все в порядке.

Глава пятнадцатая

Молодой человек вашей мечты оценит изящный изгиб вашей талии, когда он будет вас приобнимать. Обхват вашей груди должен быть примерно равен обхвату ваших бедер, а талия должна быть по крайней мере на десять дюймов меньше того и другого!

Матильда Бим, руководство «Любовь и отношения», 1955

На следующий день Матильда не упоминала о прошлой ночи, хотя и избегала встречаться со мной взглядом, а учитывая, что она могла видеть мою вагину, такое положение дел меня полностью устраивало. Сегодня вечером будет ретро-ярмарка в Риджентс-парке, и там я, нарядившись в стиле пятидесятых, должна познакомиться с Лео Фростом, предприняв попытку очаровать его настолько, чтобы он позвал меня на свидание. Мне давно ничего так не хотелось делать, собственно, с февраля, когда я вынуждена была размораживать морозильную камеру.

Бабушка решила потратить весь день, чтобы преобразить меня. Вообще, я люблю преобразования, особенно в молодежных фильмах восьмидесятых, когда смена образа включает в себя перманент, но сейчас я встревожена. Мне не хочется меняться, в моей внешности и так все прекрасно, ну, я так полагаю. Но это необходимость, потому я соглашаюсь принять изменения, как женщина.

Мою трансформацию мы начинаем с того, что бабушка по-доброму обозвала «бардаком на голове», то есть с волос. Они с Пич затаскивают меня в огромную бабушкину ванную комнату с громадным голливудским зеркалом, на раме которого красуются круглые лампочки, и на нас падает их яркий будуарный свет. Я смотрю на свои длинные накладные пряди платинового цвета и чувствую, как сердце обливается кровью. Мне нравятся мои настолько-белые-что-почти-отдают-голубизной волосы: люди без проблем находят меня в

толпе, а солнце, отражающееся от моих прядей, создает вокруг меня некое сияние. Я буду скучать по этому. Но как бы то ни было, впадать в бешенство я не стану. Ни одна участница «*Топ-модель по-американски*», вышедшая из себя в день преобразования, не выиграла шоу. Тайра³⁴ никогда не забывает подобных выходов.

Пич роется в пакете с покупками и выуживает из одного набор для домашнего окрашивания. После вчерашних дебатов мы пришли к решению превратить меня в «клубничную блондинку». Бабушка боролась за возможность сделать из меня брюнетку, потому что в молодости у нее был именно такой цвет волос, и ей казалось, что так я бы приобрела классическую внешность (что бы это ни значило), но я отказалась. Я не была брюнеткой с тех пор, как мне было семнадцать, и ни в коем случае не собиралась возвращаться к той жизни. Ни за что. Так что, «клубничный блонд» стал неким компромиссом и достаточной сменой имиджа, чтобы замаскировать меня от Лео Фроста.

Втроем мы начинаем избавляться от моих нарощенных волос, размягчая фиксирующие крепления ацетоновым раствором, купленным Пич в городе. Мне грустно смотреть, как мои волосы оказываются в мусорном ведре. Я потратила на эти великолепные пряди какой-то незнакомки зарплату за несколько месяцев. Когда Пич и бабушка закончили, на их лицах появилось выражение отвращения, к их пальцам прилипли капсулы с клеем. Должна признать, это довольно противное зрелище, но никто не должен был видеть этот процесс. Нарощенные волосы — дело личное.

Они обе суетятся, натягивают плотные резиновые перчатки и смешивают краску. Аккуратно наносят смесь мне на голову и растирают ее. Я смотрю на наши отражения и задаюсь вопросом, как меня угораздило очутиться в такой странной ситуации с этими чудными людьми, трущими мою голову с таким энтузиазмом? Это сколько же раз я повернула не туда, чтобы дойти до такого?

— Думаю, ты глянула главу о том, как заводить знакомства с мужчинами? — мягко спрашивает бабушка, избегая моего взгляда в отражении зеркала.

Если глянуть означает бегло пролистнуть, чтобы продемонстрировать книгу Джейми и отбросить ее подальше, прежде чем тот заберется на меня, то да. Глянула.

Я киваю.

— Хорошо. Хотя бы это хорошо.

Бабушка улыбается, и острое чувство вины пронизывает мою грудь. Нужно запомнить прочитать эту главу перед выходом. В обычной ситуации я бы написала напоминание на руке, но рядом нет ручки. Я хватаю айфон из кармана халата, открываю приложение «Заметки» и создаю новый документ под названием «ФРОСТ». В нем я пишу «*НАПОМИНАНИЕ ДЛЯ ДЖЕСС: Прочти главу о знакомствах с мужчинами*».

Краска смыта, атмосфера в ванной накалена из-за предвкушения. Пич сушит мои волосы старым серовато-зеленым феном, и я смотрюсь в зеркало. Я рыжая как никогда. Цвет не яркий, золотисто-оранжевый. Он выгодно подчеркивает мои карие глаза и подходит моему фальшивому загару. Мне нравится.

Бабушка поворачивается к Пич.

— Скорее всего, загар нужно смыть.

Что?

— *He-e-e-e-e-em!* — кричу я с шотландским акцентом. — Ты можешь отнять мою свободу, можешь отнять мои волосы, но ты не отнимешь мой загар!

Пич тихонько посмеивается, пока бабушка неодобрительно качает головой, ее глаза

широко распахнуты, а рот приоткрыт.

— Вот дела, — ворчит она. — Своеобразная девчонка.

Они не могут отнять мой загар! Загар делает меня *мной*. Если вы попросите кого-то описать меня одним словом, вам ответят: «Одного слова недостаточно! У меня есть три слова, и это Гребаный Золотисто-Коричневый».

Я строю грустное лицо, пока Пич уносится из ванной, чтобы вернуться с упаковкой лимонов, размахивая ею как оружием. Я все знаю о лимонах. Они убийцы загара.

— Пожалуйста, разоблачись, Джессика, — командует бабушка, прося меня раздеться.

Я угрюмо пожимаю плечами, сбрасываю халат и откровенно игнорирую резкий вздох бабушки, когда та видит мой серебристого цвета лифчик и бирюзовые трусики из другого комплекта, на которых лиловыми стразами на заднице выведено слово «Сочная».

Я улыбаюсь ее впечатлительности. Она стремительно отводит взгляд и торопится покинуть комнату, бормоча себе под нос что-то о сочетающемся нижнем белье.

Пич выжимает лимонный сок на мочалку и начинает тереть ею мои ноги и руки. Ай. Участок за участком мой волшебный загар исчезает на глазах. Прощай, безупречный загар. Я претерпеваю лишения.

— Я-то думала, что мы станем подругами, — шиплю я Пич, пока она своим дурацким лимоном делает меня все более и более прозрачной.

— Ты будешь выглядеть прекрасно, подожди и увидишь, — пищит она, оттирая мои лодыжки. — И, Джесс... говоря о дружбе... — Она прекращает натирание и смущенно поднимает взгляд. — Во многих фильмах я видела, как девушки часто проводили время вместе, смотря фильмы, чтобы сблизиться. Они ели попкорн, пили вино, делали маски и все в таком духе. Я тут подумала, что, когда ты вернешься, мы могли бы вместе посмотреть диск...

— Конечно. — Я пожимаю плечами. — Звучит круто. Я люблю смотреть фильмы.

Пич улыбается и краснеет, протягивая мне полотенце, чтобы я стерла кусочки лимона, оставшиеся на теле. Бабушка возвращается с тремя кусками ткани и чехлом для одежды.

Я подхожу поближе и замечаю, что ткань в некотором роде похожа на нижнее белье.

— Белье? Какого лешего? — Я хватаюсь за ягодицы, сжимая свои супер-крутые «Сочные» трусы. — Разве смысл не в том, чтобы я была скромной? Лео Фрост никогда не должен видеть мои трусики!

— Джессика, — произносит бабушка успокаивающим тоном, будто собираясь предложить мне великолепную сделку. — Нижнее белье — это мода *под* модой. Они рисуют твой силуэт.

— Мой силуэт? А что с ним не так?

Бабушка окидывает меня взглядом и поджимает губы.

— Ты немного *крепкая*. Думаю, все из-за бега. Мне бы хотелось, чтобы твои изгибы стали мягче, округлее. Это... — она поднимает эластичную кремовую вещь, похожую на утягивающую юбку, — корсет «Спирелла 206». Он сгладит твои формы и подтянет ягодицы. А это... — она протягивает мне что-то, похожее на очень широкий пояс, — утягивающий корсет. Он создаст *иллюзию* выраженных изгибов, сделав твою талию шестидесятисантиметровой. — Бабушка говорит все это так просто, будто не предполагает нечто анатомически невозможное. — У меня в день свадьбы талия была шестьдесят сантиметров, — добавляет она гордо.

— Ага, ну, у Кайли Миноуг талия *пятьдесят восемь с половиной сантиметров*, —

парирую я. Так-то.

— Вообще-то, шестьдесят один, — сразу же отвечает бабушка.

Вот откуда она это знает?

Я надеваю утягивающую юбку и обреченно наблюдаю за тем, как Пич и бабушка с явным усилием натягивают ее на мои бедра. Когда она наконец оказывается на месте, бабушка берет корсет и обхватывает им мою талию.

На самом деле, немного туго. То есть очень туго.

— Твою мать! — воплю я, когда они дергают корсет, и я понимаю, что у меня против воли отобрали возможность дышать. — Мне казалось, ты сказала, что мне нужна иллюзия *более выразительных* изгибов, — возмущаюсь я, преодолевая боль. — Он их крадет!

— Достоянная женщина не использует вульгарные слова, Джессика, — обращается бабушка ко мне терпеливо, утягивая корсет. — Тебе придется привыкнуть. Оно будет того стоить. Красота часто требует жертв.

При других обстоятельствах я бы согласилась — клей для накладных ресниц попал мне в глаза больше, чем один раз, — но сейчас мне кажется, что это неправильно.

— Теперь мы закрепим его сверху, — говорит бабушка, задыхаясь и силясь дернуть и затянуть корсет сильнее. — Пич, мне понадобится твоя помощь. Нужно немного туже.

— Закрепите? Туже? Он еще не застегнут? Ох, господи.

— Если бы у нас было больше времени, ты бы попрактиковалась, чтобы твои ребра привыкли к давлению.

— Ух. Вот именно такого рода дерьмовые ограничения много говорят о том, почему я так рада быть современной женщиной. Мне не нужно носить *что-либо*, к чему моим ребрам приходилось бы привыкать.

Я чувствую, как бледнею, когда бабушка и Пич утягивают и застегивают корсет, придавая моему телу форму, которой у него не должно быть.

— И лифчик тоже? — раздражаюсь я, когда бабушка протягивает мне последний кусок ткани — странный, вроде как заостренный лифчик. — Естественно, он ни за что не будет таким же удобным, как мой? — Я имею в виду мой чудесный бюстгальтер с пуш-апом, благодаря которому создается впечатление, будто приподнятый холмик Гарри и его брат-близнец уютно устроены в чашках.

— Это не просто лифчик, — отвечает бабушка, и я ее слышу нечетко, как женщину, что озвучивает рекламу магазина «Маркс и Спенсер». — Это оригинальный заостренный бюстгальтер фирмы «Дилайтекс».

— Звучит опасно, — ворчу я, все еще вертясь из-за боли в ребрах.

— Он прослужил мне много лет, — говорит бабушка, и на ее морщинистом лице мелькает счастливое ностальгическое выражение.

Это лифчик *бабушки*? Фу. Нет. Я так не могу.

— Ты даже не знаешь, подойдет ли он! — протестую я, пожирая глазами странный конусообразный лифчик с ужасом.

— 36С, — докладывает бабушка с уверенностью. — У всех женщин Бим этот размер.

Она права. У меня *и правда* 36С. Боже, пожалуйста, нет. Это так неправильно.

Я с неохотой расстёгиваю любимый серебристый бюстгальтер, и бабушка с Пич отворачиваются, думая, будто я обладаю скромностью, которой у меня никогда не было, и в которой я никогда не нуждалась. Я надеваю странный острый лифчик и застегиваю его на спине. Похоже, меня покинуло пространственное самоощущение, особенно ощущение

размера собственного бюста, потому что, поворачиваясь, я отталкиваю Пич к стене левой грудью.

— О, мой бог.

— Черт, прости, Пич. Я вся непропорциональная! Дайте посмотреть, мне нужно видеть.

Уверена, я выгляжу как участник циркового шоу. Сиськи похожи на дорожные конусы, а талия значительно меньше бедер.

— Еще немного, дорогая Джессика. Ты должна выглядеть идеально. Достойная женщина *терпелива*.

Бабушка вытаскивает из большого шкафа пояс для чулок и застегивает его на моей талии. Боже, я завернута во столько вещей, и ведь даже еще не одета! Бабушка расстегивает чехол для одежды и вынимает из него белое в голубой горошек хлопковое летнее платье. Юбка просто огромная — вся в складку и жутко пышная.

— Это мое любимое платье от Виктора Джосселин³⁵. Я надевала его на свой первый летний пикник с Джеком. Оно *идеально* подходит для ярмарки. Это платье продемонстрирует твою фигуру, будучи легким, соответствующим сезону и одновременно скромным.

Я подхожу к этому платью. От него пахнет едва уловимыми духами «Шанель № 5», парфюмом, которым пользовалась мама. От запаха у меня начинается легкое головокружение. *Просто не думай об этом, Джесс*.

Делаю глубокий вдох и прихожу в себя, после чего поднимаю руки в воздух, чтобы Пич с бабушкой смогли натянуть на меня наряд через голову.

Как только они застегивают бесконечное количество пуговиц, находящихся сзади, бабушка скользит вокруг меня подобно акуле и, щурясь, окидывает оценивающим взглядом.

— Теперь я могу взглянуть? — возмущаюсь я, вытягивая руки вперед.

Бабушка кивает и указывает на зеркало.

— Вперед.

Я с опасением приближаюсь к огромному зеркалу, висящему в ванной, пытаюсь не накручивать себя слишком сильно, потому что в этом смехотворном убранстве даже часто дышать довольно опасно. Спорим, я выгляжу сме...

Ох.

Ого.

Вот и я.

То, что я вижу перед собой, не уродство, а вроде как более элегантная версия Джессики Рэббит³⁶. Талия крошечная, но не кажется неестественной, просто визуально увеличивает бедра и грудь — само воплощение фигуры «песочные часы». Длинные и узкие бретельки открывают мои теперь уже кремовые плечи и зону декольте, и, несмотря на то, что моя грудь практически полностью скрыта, она все равно выглядит сногшибательно, а в каком-то смысле даже буквально сшибает с ног.

— Признаю, — говорю я наконец. — Может, насчет внешнего вида ты была права.

— Ну, конечно, я была права, дорогая Джессика. — Бабушка безразлично пожимает плечами, аккуратно поправляя на носу красные очки. — Я же Матильда Бим.

Дневник Роуз Бим

5 мая 1985

На этой неделе я каждый день была с Томом. Мама с папой думают, что я занимаюсь

дополнительной работой в галерее, но на самом деле я навещаю Тома в его квартире у театра. Он живет с тремя другими актерами, и жизнь у него не сахар. На окнах нет штор, а пепельницы будто месяц никто не опустошал. Но присутствует в ней какая-то атмосфера своевольности. На стенах много экспрессивных работ, и всегда играет модная музыка. Комната Тома под самой крышей дома. Чаще всего мы лежим в постели, пьем красное вино и говорим о надеждах. Он приехал из Манчестера и всегда мечтал быть голливудским актером. Должна заметить, мне бы тоже этого хотелось. Возможно, однажды мы объединимся и станем кинозвездами! Невозможно, я знаю, но так приятно помечтать, да? В четверг вечером я сказала маме, что с Клэр-Мари иду на концерт Баха, но вместо этого Том повел меня в казино. Прежде я не бывала в казино. Было невероятно весело, пока Том не проиграл сотню фунтов на рулетке. К счастью, у меня в банке денег было более чем достаточно, чтобы помочь ему выкарабкаться. Само собой, ему не нравилась мысль о том, чтобы брать у меня деньги, но свои он потерял лишь потому, что пытался показать мне, как веселиться, и я знаю, что он все мне вернет. Когда ты влюблен, деньги не имеют значения.

Рх

Глава шестнадцатая

Используйте пудру щедро. Наносите ее настолько плотно, насколько это возможно, а излишки уберите ватой. Какой же гладкой и сияющей будет казаться ваша кожа!

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

Полдень пронесется за маниакальной примеркой платья, нанесением лака на ногти (бледно-розового, так удачно названного «Гармонично-конфетный») и завивкой волос. Корсет мне запрещено снимать до конца дня, и по этой причине приходится привыкать к тому, что пока я *практически* не двигаюсь и не дышу слишком глубоко, то, в общем, не рискую умереть. К четырем часам Пич неохотно покидает нас, чтобы сделать всю работу по дому, а бабушка приступает к вечернему макияжу.

Бабушка смотрит на меня в отражении зеркала своими голубыми слезящимися глазами первый раз за сутки, но не раньше, чем наносит на мою кожу толстый слой попахивающего плесенью тонального крема.

— Джессика, дорогуша, теперь, когда Пич отвлечена другими важными делами, и остались только ты и я, я бы хотела перемолвиться с тобой о прошлой ночи.

Ох, черт, я-то надеялась, что она хотя бы на сегодня забудет о том, что поймала меня на месте преступления, ну или решит, что весь тот вечер носил слишком унижительную окраску, чтобы вспоминать о нем.

— Мне, эм, мне жутко жаль, что тебе пришлось видеть это, — извиняюсь я убедительно. — В следующий раз я подопру чем-нибудь дверь. Ну, или могу поставить замок. Могу взять один в «Би энд Кью» на этой неделе.

Бабушка ловко и уверенно распределяет тональный крем по моему лицу.

Она шмыгает.

— Не думаю, что тебе стоит видеться с тем молодым человеком, Джессика.

Э, не поняла, что?

— Прости? — взвизгиваю я, глядя на ее отражение. — Ты шутишь?

Она качает головой.

— Я не из тех леди, что *шутят*. Мне просто кажется, что если мы приступили к этому проекту, то ему нужно уделить все свое внимание. По-моему, это ужасная идея — встречаться с новым мужчиной, когда ты уже согласилась посвящать свое время поиску расположения мистера Фроста.

— Мы с Джейми не *встречаемся*. Это просто секс. Никаких привязанностей. Тебе не о чем беспокоиться, правда, я могу сфокусироваться на проекте без проблем.

Глаза бабушки расширились.

— Но Достойная Женщина должна воздерживаться от связей до брака, — задыхаясь, возмущается она.

Я фыркаю.

— Немного поздновато.

Бабушка поджимает губы.

— Джессика, если ты не будешь такой импульсивной, это даст положительные плоды. Не потакай своим сиюминутным желаниям, ведь это верный способ втянуть себя в неприятности.

Я знаю эту женщину меньше трех полных дней, и она уже пытается указывать мне, с кем мне спать, а с кем — нет? Какого хрена? Я делаю глубокий вдох и пытаюсь быть терпеливой, но у меня не очень-то получается.

— Я взрослая женщина, понятно? Давай просто остановимся на том, что моя комната — это моя комната, и мое свободное время — мое время, и пока я подчиняюсь тебе во всем, что касается «*Как заполучить мужчину методами 1955 года*», это единственное, о чем тебе стоит волноваться. Прости, но это правда не твое дело, с кем я провожу время. Господи.

В ответ на мою отповедь бабушка немедленно роняет тубик с тональным кремом на столик и начинает плакать.

Ох, боже.

Ну твою мать.

Не выношу, когда люди ноют в моем присутствии. Мама делала это очень часто, и я никогда не знала, как исправить ситуацию. Что мне делать? В груди щемит.

— Матильда? — Я запинаюсь. — В чем дело? Почему ты плачешь? Может, мне, эм, стоит позвать Пич?

Ее огромные глаза блестят от слез, которые за толстенными линзами ее очков кажутся еще больше.

— Я лишь хочу помочь тебе, Джессика. Теперь ты здесь, и мы *семья*. Я *переживаю*. — Она корчит гримасу, на ее лице на мгновение появляется виноватое выражение. — Твоя... Твоя мама была такой же импульсивной, как и ты, она слепо следовала за своими страстями, не думая ни о чем, и посмотри, к чему это ее привело. Если бы я смогла заставить ее прислушаться ко мне, если бы она позволила мне направлять ее с помощью моих знаний, как должна вести себя женщина, тогда, может... — Она замолкает, громко выдохнув.

— Что? — спрашиваю я, пока мой желудок сжимается. — Может, она бы не покончила с собой?

Бабушка резко вдыхает. Мое сердце бьется.

— Слушай... Не похоже, чтобы виновата была ты, так ведь? — утешаю я ее, смущенно растирая ее тонкую руку. — Она всегда была мега-расстроенной из-за разбитого сердца. Из-

за того, что мой отец бросил ее, а она не смогла это пережить. Из-за того, что влюбилась не в того человека. Это никоим образом не связано с тобой.

Бабушка шмыгает, из кармана блузки достает хлопковый носовой платок с вышивкой и элегантно вытирает нос.

— Джессика... ты не знаешь...

Она трясущимися руками теревит кружевную отделку платка.

— Не знаю чего?

Кажется, будто бабушку одолевает внутренняя борьба, но в итоге она тяжело выдыхает.

— Ты не знаешь... как я рада, что ты здесь. Просто скажи мне, что не будешь видеться с молодым доктором Абернати. По крайней мере, пока мы не закончим работу. Это *невероятный* шанс для нас обеих. Нам нужно быть сосредоточенными. Достойная женщина всегда собрана.

Я совершенно не согласна.

Но сейчас бабушка определенно в несколько нестабильном состоянии.

Хм-м-м... полагаю, я всегда могу устроить тайную секс-встречу с Джейми. То есть, о чем бабушка не знает, то ее не расстраивает, и если это единственный способ вынудить ее прекратить рыдать, расхаживая по всему дому, то так тому и быть.

— Хорошо, ба. Я не буду с ним видеться.

Бабушка с облегчением вздыхает.

— Ты хорошая девочка, Джессика.

Бабушка продолжает красить меня, периодически говоря что-то вроде: «Цвет лица должен быть розовато-кремовым», «"Фламенко" от Элизабет Арден прекрасно подойдет "клубничной блондинке" в летнее время». И самое лучшее: «Наноси тени для глаз легкими прикосновениями, похожими на прикосновения крыла бабочки». Все фразы она проговаривает странным певучим голосом, словно записывает каждый совет в голове по мере действий. Закончив, она протягивает мне пару уродливых белых перчаток, по краям обшитых крошечными жемчужинами. Они мне не нравятся. Ну вот ни капельки не нравятся.

— Эти прекрасные перчатки дарили мне удачу годами. Мать вручила мне их в ночь моего дебюта. Мне очень важно увидеть, как их носишь ты. — Бабушка улыбается мне с надеждой. Что будет, если я откажусь их надевать? Она снова начнет плакать?

Я хмыкаю и натягиваю перчатки. Внизу, в холле, мы встречаем прислонившуюся к перилам Пич, на руках у которой уютно устроился мистер Белдинг. Увидев мой законченный образ, она визжит.

— Ты похожа на Риту Хейворт³⁷!

— Разве? — Я обхожу старый кинопроектор, кипу журналов «Хорошая домохозяйка» и встаю перед находящимся у входной двери зеркалом с позолоченной рамой и высотой в полный рост.

Вот это да. Она права. Должна признать, что, если собрать все воедино — созданную под летним платьем фигуру «песочные часы», светлые рыжеватые волосы с четким пробором и широкими волнами (совершенно неподвижными благодаря суперфиксирующему лаку для волос), одновременно изысканный и преобразующий макияж: розовую помаду, длинные завитые ресницы и сияющие, цвета розы, щеки, — эффект получается поразительный.

Абсолютно не похоже на меня.

Если бы не тот факт, что мне нужно встретиться с пенисовым принцем, я могла бы радоваться перспективе посетить ярмарку летним вечером.

— Помни, дорогая, будь краткой, — инструктирует меня бабушка, когда я выхожу из дома. — Цель этого вечера — просто очаровать мистера Фроста, чтобы он захотел взять твой номер. Ничего больше. Никаких продолжительных разговоров, Джессика. Нам нужно потренироваться, чтобы многому тебя научить. Пока же просто будь красивой, обольстительной и загадочной. Вызови в нем интерес, чтобы ему захотелось узнать о тебе больше.

— Да, да. Держать рот на замке и быть милашкой. Слово феминизма никогда и не было. Поняла. Прекрати суетиться.

— Все есть в главе, которую ты прочитала, так что, уверена, ты справишься.

Твою мать, глава.

Так и знала, что должна была что-то сделать.

Глава семнадцатая

Леди никогда не должна быть самоуверенной или дерзкой при первой встрече с джентльменом. В идеале, она должна быть представлена, но если этого не произошло, то леди должна завести разговор о погоде в приемлемой форме и перевести его в приятную беседу.

Матильда Бим, руководство «Любовь и отношения», 1955

В метро я замечаю группу круто выглядящих ребят примерно лет двадцати в детально продуманных нарядах. Сексапильный блондин, одетый, как охотник на привидений, машет мне, словно я направляюсь на ту же костюмированную вечеринку, что и он. *Если бы*. Он делает вид, будто засасывает меня в свой протонный рюкзак и сексуально подмигивает. Хмм. Могу ли я просто забить на Лео Фроста, подружиться с этой компанией и оторваться с ними, на какую бы тусовку они ни ехали? Это был бы куда более веселый и здоровый способ провести вечер...

Нет.

Я не могу.

Сама подписалась на это. И нам *очень нужны* эти деньги. Не только мне для побега, но и Матильде — вчера, когда я выходила из дома, в куче неоткрытых писем я заметила небольшую стопку счетов с пометкой «последнее напоминание». Матильда обратила внимание на то, что я их заметила, и ее губы тут же задрожали.

Одарив причудливо разодетую компанию вымученной улыбкой, я вышла из вагона, чтобы пересечь на линию Пикадилли. Когда я добралась до Риджентс-парка, небо все еще было голубым, хотя солнце уже садилось, став малиново-розовым. Легкий ветерок доносил до моего носа потрясающий запах сладкой ваты.

Я ступаю на хрустящую, выжженную траву и иду в самый эпицентр ярмарки, сопровождаемая звуками танцевальной музыки, легкомысленным смехом и звоном аркадных игр. Я замечаю Лео Фроста практически сразу же. Его статная фигура выделяется в толпе.

его гладкая медная челка сверкает, как какой-то маяк. На нем бледно-серый костюм, а из переднего кармана пиджака торчит щеголеватый платок бордового цвета. Брюки облегают его довольно плотно. Черт подери, нереально плотно.

Лео Фрост. Художник. Мыслитель. Человек. Тесные брюки.

Он окружен людьми в костюмах. Ясное дело, шишки из компании, организовавшей вечер, здесь только для того, чтобы провести ему экскурсию по ярмарке.

Одно только его лицо, освещенное разноцветными ярмарочными огнями, вызывает во мне жгучую неприязнь. Даже то, как он стоит — задрав нос кверху, выпятив грудь, — действует мне на нервы. Он о себе слишком высокого мнения. Если бы на вечере Артура Дэвиса Монблана он не был тотальным придурком, Саммер, может, не прогнала бы меня и не выставила из квартиры, ничего бы не изменилось, и я бы не оказалась сейчас в этой чертовой абсурдной ситуации. На то, чтобы не демонстрировать, насколько же раздражает само его присутствие, уходят все мои силы, пускай все думают, что я *запала* на него.

Так. Сфокусируйся, Джесс. Бабушка сказала, что мне нужно, чтобы Лео Фрост попросил мой номер. Мне всего-то нужно привлечь его внимание, как это сделала бы милая леди. И инструкции о том, *как именно* это сделать, даны в первой главе книги «*Любовь и Отношения*» Матильды Бим.

Которую я прочитала только мельком.

Вообще, единственное, что я помню из книги, это что-то о падающей перчатке, которая должна привлечь внимание чувака. Казалось, это очень важно...

Пока Лео Фрост прогуливается по ярмарке с организаторами, я, скрываясь, слеую за ним, отставая по крайней мере на несколько метров, чтобы не вызвать подозрений. Пригладив уложенные лаком волны, я снимаю мягкие хлопковые перчатки, и наслаждаюсь ощущением ветра на вспотевших руках.

Группа мужчин останавливается у аттракциона «Сбей кокос», и организаторы разражаются хохотом в ответ на какую-то реплику Фроста. Пф. Как будто что-то из того, что он говорит, может быть *настолько* смешным.

Ладно, Джесс. Время выполнить задание и покончить с этим.

Делаю глубокий вдох, приподнимаю подбородок и направляюсь к аттракциону, покачивая бедрами. Проходя мимо Лео, я как ни в чем ни бывало роняю перчатку на землю и продолжаю путь, будто не замечая потери.

Меньше чем через пять секунд после выбрасывания перчатки я ощущаю постукивание по плечу.

Да-а-а-а! Сработало. *Потрясающе.* Бабушка и правда гений.

Я оборачиваюсь, готовая очаровать Лео Фроста сдержанной, но соблазнительной улыбкой.

Ох.

Перчатку-то *подняли*, но сделал это не Лео Фрост. Подобрал ее коренастый мужчина средних лет, обладатель пышной черной бороды. В руке у него веревка, а к той привязан ярмарочный осел. И оба они, честно говоря, пованивают навозом.

— Ой-ёй, лепесточек, ты уронила свою перчатку. — Протягивая ее мне, мужчина улыбается. — Вот же ш она.

Ну, получилось. Совет работает. *Бабушка, знакомься с моим новым ухажером, мужчиной-ослом.*

Вежливо улыбнувшись, я благодарю его и забираю перчатку, замечая на ней маленькое

коричневое пятно. Я пытаюсь убедить себя в том, что это не ослиное дерьмо, но сердцем чувую, что оно.

Я поворачиваюсь и вижу, что Лео Фрост и его дружки оставили аттракцион «Сбей кокос», предпочтя тому небольшой тир за каруселью, где Лео получает игрушечный пистолет и задание. Он попадает во все три мишени. Конечно же, черт подери.

Шаг за шагом я пробираюсь через толпу, ближе к тиру, и терпеливо жду затишья в их разговоре. Затем еще раз проскальзываю мимо Лео и роняю перчатку.

Которая приземляется на колесо палатки с пончиками.

Не-е-е-ет!

Я нагибаюсь настолько незаметно, насколько только могу, — а незаметно я никак не могу, учитывая мой наряд, — и подцепляю злосчастный кусок материи, который теперь украшен пятнами от травы и каким-то маслом! Изучая перчатку, я слышу речь Лео Фроста.

— ...ага, она была проще пазла из двух деталей, а таких изгибов вы еще не видели. Откровенно говоря, какой у меня был выбор? Я испытал ее до того, как Мартин отвез ее домой.

Все мужчины засмеялись, а один даже хлопнул Лео по спине.

Фу. Ну кто так говорит о женщинах? Что за мерзкий сексист. Поверить не могу, что Валентина была с этим болваном.

Я отмечаю сильное желание забыть об этом проекте и просто врезать Фросту по голени посильнее. Вместо этого концентрируюсь на финальной попытке «уронить перчатку».

Закрывая один глаз, я аккуратно целюсь, потому что перчатка просто *обязана* упасть в поле его зрения, чтобы он ее заметил, но прежде, чем успеваю ее уронить, в мою руку врезаются два нескладных подростка, проносящихся мимо. Перчатка вылетает и приземляется прямо на плечо Лео Фроста, на его симпатичный серый костюм.

Все идет не та-а-а-а-а-к!

Пока никто не понял, кто метатель грязной перчатки, я быстро прячусь за палаткой со сладкой ватой, с глаз долой и с места преступления вон.

Лео Фрост и организаторы вечера в ужасе. Оглядываясь и недоумевая, Лео хватается перчатку указательным и большим пальцами и, натянуто улыбаясь организаторам, бросает ее в ближайший мусорный бак. Достает из кармана пиджака свой бордовый платок и протирает им плечо.

Блеск. Ну, операция «Уронить перчатку» с успехом провалена. Кошмар. Кошмар! Бабушка сказала, что эти перчатки ей дала ее мама, моя прабабушка, и сейчас одна из них в мусорном ведре! Твою мать. Необходимо *спасти* ее, но пока я не могу этого сделать. Лео Фрост вряд ли будет очарован мной, если обнаружит копающуюся в мусоре.

И какого хрена я должна делать? Единственное, что я еще помню из этой книжки, так это что-то о мягком голосе. Говорить с женщиной мягким, низким голосом? Так там было? Дурдом. Да и как мне вообще заговорить с ним, если он все время окружен организаторами ярмарки?

Ага!

Словно в ответ на мои молитвы я замечаю, как Лео важно шествует к большому аттракциону «Машинки» в центре ярмарки. Он протягивает оператору билет и взволнованно забирается в машинку цвета лайма, вынужденный из-за высокого роста сложиться едва ли не пополам. Понимая, что это, возможно, мой единственный шанс поговорить с ним с глазу на глаз, я беру разбег, что невероятно сложно в корсете, и на самом деле больше похоже на

быструю ходьбу вперевалку, расталкиваю очередь, несусь мимо оператора и прежде чем кто-то другой успевает присоединиться к Фросту, забираюсь к нему в машинку, устраиваясь на водительском сидении рядом с ним.

Он подпрыгивает от шока и пялится на меня так, будто я мираж.

Я смотрю на него из-под ресниц и надеюсь, что он не узнает во мне ту девушку с книжной презентации. Да и не должен, ведь на мне нет очков и пижамы, а волосы и макияж *абсолютно* другие. Я совершенно не похожа на себя. Но все же... *пожа-а-а-алуиста*, пускай он меня не узнает.

Задерживаю дыхание.

Никаких криков ужаса. Не зовет охрану.

Фух.

Я выдыхаю от облегчения и протягиваю ему руку, устремляя на Лео Фроста, как мне кажется, загадочный взгляд. Но времени на то, чтобы он ее пожал, не остается, потому что каток начинает светиться мигающими огнями, подавая сигнал к началу поездки. Внезапно из огромных колонок, окружающих каток, раздается песня «*Driving in my car*» (Букв.: «*Еду в своей машине*») группы «Madness».

Хороший выбор! Ладно, я справлюсь.

Я аккуратно надавливаю на педаль, и мы медленно трогаемся с места.

— Приве-е-е-ет, — обращаюсь я к Лео милым, низким и вроде как успокаивающим голосом. — Я...

Черт! Кто я? Я не могу раскрывать *настоящее* имя. Хоть он и видел меня всего раз, но у него может быть потрясающая память, ведь, в конце концов, я облила его шампанским с ног до головы. Твою дивизию, вот почему мы не продумали этот момент? Придется придумать новое фальшивое имя, и быстро. Я молниеносно оглядываю ярмарку в поисках вдохновения. *Чертово колесо, гадалка, надувной замок, биотуалет, валун... лун... лу...*

— Лу, эм, то есть... Люсиль, — заканчиваю я низким голосом. — Я Люсиль. — Я замечаю небольшую деревянную тележку с едой, на которой написано: «*Жареные каштаны от Дарлинга!*». — Дарлинг! Люсиль Дарлинг. Рада встрече с вами.

— Ага, привет, Люсиль, — отвечает Лео Фрост рассеянно. Я пытаюсь установить зрительный контакт, чтобы понять, очаровала ли я его. Его же взгляд устремлен на мою грудь, заостренную настолько, что та почти касается руля. Остроконечная грудь во имя победы.

Так. Время завязать светскую беседу. Я прочищаю горло.

— *Прелестная* ярмарка, не так ли? Мне так нравится...

БАБАМ!

Сзади в нас врезается другая машинка. Мы с Лео резко дергаемся вперед.

— Су-у-у-у... — инстинктивно кричу я, но, к счастью, вовремя останавливаюсь и исправляюсь. — Суший ад! — И легко пожимаю плечами. От вида моейдвигающейся груди глаза Лео расширяются.

Я верчу головой, чтобы одарить испепеляющим взглядом того, кто с такой силой врезался в нашу машинку. Это те чертовы подростки, которые толкнули меня, когда я пыталась уронить перчатку. Один из них, тощий тупица в жилете без рукавов, чтобы была видна его дерьмовая татуировка в виде колючей проволоки, не сводит с меня глаз и делает жест, будто онанирует. Тотальный придурок! Они смеются, видя мое разгневанное выражение лица. Я жутко хочу показать им средний палец, но что-то мне подсказывает, что

такой инструкции в бабушкиных книгах нет.

Глубоко вздохнув и успокоившись, я делаю очередной круг по катку. Повернувшись, простодушно улыбаюсь Лео, и тут звонит его телефон. Посмотрев на номер, он отвечает. Как грубо. Он отворачивается от меня и ведет разговор. Мне слышатся слова «машинки», «счет» и «хорошее шоу», но из-за восторженных воплей других водителей и пронзительной ярмарочной музыки, играющей со всех сторон, сложно что-то разобрать.

БАМ!

По вине этих подростков я снова резко подаюсь вперед, и на этот раз моя левая грудь на самом деле ударяется о руль.

Ай. Твою мать.

Ладно, хватит с меня!

Я оглядываюсь на Лео — он полностью сосредоточен на телефонном разговоре и не обращает внимания ни на что. Разворачиваю машинку самым деликатным и изящным образом, и *сама* начинаю преследовать тупых подростков.

— Она жирная корова. И старая, — слышу я голос Лео рядом со мной. — Она непригодна для использования. Избавься от нее, она свое отслужила.

Какого, мать его, черта? Не могу поверить своим ушам. Он советует отшить кого-то, потому что девушка повзрослела и могла набрать несколько фунтов? О-о-ох!

В груди вспыхивает пламя черной ярости, и оно побуждает меня надавить на педаль чуть сильнее необходимого. Я игнорирую крик ужаса Лео Фроста и преследую ужасных подростков.

ТАРАРАХ!

Я врезаюсь в бок их машинки, ликуя. Парней охватывает страх.

— Так вам и надо, мелкие засранцы! — *хочется* мне сказать. Но Достоянная Женщина такого бы не произнесла. Потому я говорю взглядом. И говорю достаточно отчетливо.

Подростки едва дышат. О, да. Странно одетая тетка с невозможно тонкой талией покажет вам, что случается, когда связываешься с Бим.

Я разворачиваю машинку со свистом, делаю еще один круг — Лео все еще занят своим сексистским телефонным разговором — и снова врезаюсь в машинку парней. Обожаю машинки! Ничего не могу с собой поделать и от удовольствия хихикаю. Подозреваю, что немного похожа на маньячку.

Один из парней заныл:

— Ма-а-а-а-а-ам.

Ладно. Думаю, этого достаточно. Полагаю, они усвоили урок. Болваны больше меня не трогают и держатся на почтительном расстоянии до самого конца сеанса, и только когда машинка замедляется, Лео, наконец, завершает разговор, убирая телефон обратно во внутренний карман пиджака. Краем глаза замечаю приближение организаторов, готовых продолжить нескончаемый тур по ярмарке. Блин. Я совсем забыла о своей миссии очаровать его. Твою мать.

— Люсиль, так?

Я, удивившись, поднимаю взгляд и вижу самодовольное лицо Лео, уставившегося на меня.

— Эм, да. Люсиль. Люсиль Дарлинг, — повторяю я спокойно, но с придыханием.

— Я Лео. Должен сказать, это была довольно крутая поездка, — он усмехается и изгибает бровь. — Ты без сомнения показала этим двум кретинам, что к чему. Хотя мне и

поступил важный звонок, внутри я *болел* за тебя.

Я расхохоталась против своей воли.

— Они были *грубыми мальчишками*, — сказала я, фальшиво смущаясь и поправляя идеальную прическу.

— Ну да, и, само собой, у одного из них была татушка в виде колючей проволоки, что уже немалый повод для твоей ярости.

Он протягивает руку, чтобы помочь мне выбраться из машинки. Я принимаю ее и, когда ступаю на землю, замечаю, что Лео пялится на мой зад, прилично приподнятый специальным бельем. Я улыбаюсь Фросту так, словно я загадочная, интересная, Достойная, утонченная, сексуальная, соблазнительная и, возможно, та, в которую он мог бы влюбиться. Это совсем непростая улыбка. Она работает или я выгляжу немного безумной? Думаю, сработала. Лео Фрост в ответ посылает мне полуулыбку, а в его зеленые глаза искрятся удовольствием.

— Это немного необычно, но... хочешь прокатиться со мной на чертовом колесе? — вдруг выпаливает он, глядя на свои крутые часы. — Может, даже выпить? У меня есть кое-какие дела, но потом я буду свободен, чтобы... повеселиться.

Какого хрена? Это работает? У меня получилось? Должно быть, дело в сиськах и талии. Или дело в успокаивающем голосе? Как бы то ни было, он *заинтересован*.

Я припоминаю слова бабушки, сказанные ею мне на прощание: *«Помни, дорогая, будь краткой. Цель этого вечера — просто очаровать мистера Фроста, чтобы он захотел взять твой номер. Ничего больше»*.

— Мне так жаль, но на сегодняшний вечер у меня важные планы, — отвечаю я, словно и правда расстроена сегодняшними выдуманно важными делами. — Но вы можете взять мой номер телефона, чтобы договориться о свидании, когда вам будет удобно. — Я хлопаю ресницами и наклоняю голову на бок.

Договориться о свидании, когда вам будет удобно? Откуда это, черт подери, взялось?

Лео усмехается.

— Прости, что?

Я убираю за ухо несуществующую прядь волос и прикусываю нижнюю губу.

— Не хотели бы вы *взять* мой номер, мистер Фрост?

Он изумленно моргает, в его глазах появляется интерес, он взглядом изучает мое тело, особое внимание уделяя груди, и, наконец, смотрит мне в лицо. Фу. Я пытаюсь скрыть гримасу отвращения.

Лео, прищурившись, протягивает мне свой телефон так, словно не уверен в своих действиях.

— Ладно. Вбивай его, — говорит он. — Я тебе как-нибудь позвоню.

— Замечательно! Буду ждать, — хихикаю я. Хихиканье получается глупым и громким. Ненавижу его.

Лео одаривает меня широкой ухмылкой, демонстрируя свои белоснежные ровные зубы с маленькой щелью между двумя центральными резцами. Должна признать, улыбка Фроста впечатляет. Мне в некотором роде становится ясно, почему так много умных и еще больше глупых женщин соблазняются ею.

Я вбиваю свой номер, глядя на него с невозмутимым выражением лица.

Лео Фрост, тебя та-а-а-ак разыграют.

18 мая 1985

Сегодня мы с Томом в первый раз занимались любовью. Это слишком личное, чтобы рассказывать тебе об этом, но скажу вот что: это было идеально. Если раньше у меня и были сомнения, является ли Том тем мужчиной, с которым мне следует планировать жизнь, то сегодняшняя ночь изменила все. После мы оба плакали и признавались друг другу, что влюблены. Том сказал, что когда он во мне, то чувствует, будто кто-то выкручивает яркость его жизни на максимум. Мне это нравится.

Он попросил познакомить его с мамой и папой. Я сказала, что для наших отношений это слишком рано, хотя настоящая проблема совсем не в этом. Мои родители возненавидят его лишь за то, откуда он и чем занимается. Мне стыдно за их снобизм. Нельзя все испортить.

Р х

Глава восемнадцатая

Телефонные разговоры не должны быть долгими — вы же не хотите наскучить мужчине, болтая без остановки. Говорите коротко и по делу. Ваш голос должен звучать мягко, соблазнительно и заинтересованно.

Матильда Бим, «Как быть Достойной Женщиной», 1959

Я возвращаюсь в Кенсингтон, когда Лондон освещают последние лучи темно-розового солнца, и удовлетворение от достижения цели ускоряет мой шаг. Может, я напортачила с перчаткой (которую позже нашла в мусорном ведре, заляпанную соком ход-дога и кетчупом) и возненавидела каждую минуту общения с этим самодовольным сексистом Лео Фростом, но я выполнила то, о чем меня просили: осталась неузнанной и вынудила его взять мой номер телефона. Плюс, мне даже не пришлось читать всю главу бабушкиной книги! Ай да я!

Прибыв в Бонэм Сквер, у входной двери я замечаю Джейми, говорящего по мобильному телефону с непередаваемым воодушевлением. Его докторский халат висит на руке, а сам он одет в блеклую футболку цвета хаки, на которой над рисунком баржи написано «Центр Абернати Канал».

Когда я подхожу ближе, он насмешливо приглядывается к моему наряду и показывает, что скоро закончит разговор.

— Хорошо, соплежуй, — он улыбается телефону. — Люблю тебя больше всех на свете. Скоро увидимся.

— Соплежуй?

— Мой племянник Чарли. Ему семь. — Темные глаза Джейми сияют. — Смотри. — Он передает мне телефон, на котором открыта фотография худощавого парнишки в футбольной форме «Лидс Юнайтед». — Он придет на этих выходных, чтобы повидаться. Чудесный мелкий засранец, да?

— Какая прелесть, — киваю я согласно, хотя, как по мне, Чарли выглядит так же, как любой другой семилетний парень на планете.

— Он охренеть как одержим наукой, — с гордостью посмеивается Джейми. — Я купил ему детский набор химика на прошлый день рождения, и он обожает его больше всего! Ну,

после «Ви-и». И пердежа.

— Вот как. Круто.

Улыбка Джейми тускнеет. Не скажу, что не хочу слушать о его племяннике. Ладно, вообще-то, не хочу. Просто... какой смысл? Разговоры о семье для людей в отношениях, благодаря этим разговорам они раскрывают интимные детали их жизней и делятся пережитым. А у нас не та ситуация.

— Милый наряд. — Джейми одаривает меня многозначительным взглядом.

Я легкомысленно верчусь.

— Это для проекта бабушки. Глу-упо, знаю. На мне чертов *корсет!*

— Корсет, серьезно? Ну да, это смешно. А еще... вроде как чертовски сексуально. — Он делает шаг ко мне, и нас разделяют всего сантиметры.

— Вообще-то, это адская боль, — огрызаюсь я. — Неважно, доктор, нам все равно не следует связываться. Бабушка запретила мне видеться с тобой... — Он слегка хмурится. Я ухмыляюсь. — Но... Я решила, что ей не навредит то, чего она не знает.

— Ага. — Джейми подходит еще ближе и руками обхватывает мою узкую талию. — Предлагаешь нам встречаться тайно? Завести... запретную интрижку?

— Что-то типа того... — Я шевелю бровями. — Может быть сексуально...

— Не хочешь начать прямо сейчас? — Он проводит теплой рукой по моей спине, посылая дрожь вниз живота. — Клиника пуста. Мы можем снять твой корсет, если хочешь.

— Боже мой, да, пожалуйста. — Я тру живот, с нетерпением ожидая мгновения, когда снова смогу полноценно дышать.

— Тогда идем, — шепчет Джейми, протягивая руку и оглядывая улицу со слишком обеспокоенным выражением лица. — Пока нас кто-нибудь не заметил.

Какой же он дуралей. Я хохочу и беру его за руку, затаскивая в клинику.

Неся в руках изобилие винтажного белья (включая чулки, которые Джейми яростно срывал с меня и в итоге разорвал), я проскальзываю в дом бабушки в полночь и двигаюсь украдкой, чтобы никого не разбудить. В доме стоит сильный запах попкорна. Это странно. Я слишком измотана, чтобы смывать макияж, потому что просто валяюсь на кровать прямо в одежде, где и отключаюсь за считанные секунды.

Кажется, я закрыла глаза всего несколько минут назад, и вот уже меня будит легкий стук в дверь спальни.

Уже утро?

Не-е-е-ет.

Из коридора доносится радостный и бодрый голос бабушки.

— Джессика, дорогая, проснись и пой! Нам уже невмоготу, мы так хотим послушать о вчерашнем вечере! Завтрак готов. Мы с Пич будем ждать внизу. Поторопись!

— Мм-мгм-м. — Я поворачиваюсь к свернувшемуся рядом клубком Мистеру Белдингу, мурлыкающему так, словно ему начхать на то, который сейчас час. — Спустишься вниз, извинишься за меня, Мистер Белдинг? — спрашиваю я его. — Один за всех, а?

В ответ он утыкается своим холодным носом в мой и выпускает когти, вонзая их в мое лицо.

Боже мой, ну почему никто не может дать мне просто поваляться? Почему? ПОЧЕМУ?

Вздыхая, я неохотно выбираюсь из кровати, переодеваюсь в спортивные штаны и

голубую хлопковую майку и с трудом тащусь вниз. Я сонно бреду на кухню, плюхаюсь за огромный дубовый стол и из чайника наливаю себе черный кофе.

— Как прошло?

— Мистер Фрост был очарован и околдован тобой?

— Он взял твой номер?

— Где мои перчатки?

Меня забросали вопросами. Я делаю большой глоток кофе и тру глаза. Затем очень долго потягиваюсь и широко зеваю, просто чтобы подразнить их.

— Что было, Джесс?

— Расскажи нам, ради всего святого!

Я изогнула бровь.

— Ой, знаете, — говорю я невозмутимо, ставя чашку с кофе на стол. — Дала ему номерок, ай да я, да?

Пич изумленно смеется. Бабушка же пытается выглядеть не удивленной и совершенно спокойной, но ей это не удается. Ее глаза начинают светиться от восторга, а на ее бледных с высокими скулами щеках появляется два розовых круга.

— Который из советов для «Достойной Женщины» это был, Джессика? — хочет знать она. — Который сработал?

Я прикусываю губу. Я, черт подери, не могу сказать ей, что с треском провалила миссию «уронить перчатку». Она, наверное, снова заплачет. Вместо этого я заявляю:

— Перчатка! Я уронила ее и не спеша прошла мимо Лео, как и было написано в книге, и он подошел ко мне. Это было похоже на, э-э, магию.

Бабушка складывает ладони вместе.

— И у тебя получилось не сквернословить?

— Даже ни разу «черт» не сказала. Я была самым воплощением сдержанной женщины.

Я рассказала им подробности вечера: как назвалась Люсиль Дарлинг, и как Лео позвал меня выпить с ним, и что я отговорила «важными делами». Я деликатно упустила момент, что чуть все не испортила, и тот факт, что мой номер он взял, скорее всего, по случайности, которая не имела ничего общего с бабушкиными советами, а, вероятно, имела место благодаря моей выразительной груди и выдающемуся вождению на аттракционной машинке.

— Надеюсь, он скоро позвонит, — бормочет Пич, кладя в рот ложку с кукурузными хлопьями «Вэлью Теско».

— Ох, позвонит, — отвечает уверенно бабушка. — Хотя, нам, наверное, придется подождать несколько дней. — Она понимающе усмехается. — Мужчинам *не нравится* умять свою важность, звоня леди сразу же, у них должно появиться желание позвонить.

Как оказалось, в этом Матильда Бим абсолютно не права. Потому что двадцать минут спустя зазвонил мой телефон. Звонит Лео Фрост.

Когда я нажимаю на айфоне «ответить», бабушка и Пич спешат к дивану, чтобы присоединиться ко мне.

— Алло?

— Доброе утро, Люсиль. Говорит Лео Фрост.

Лео Фрост. Художник. Мыслитель. Человек. На телефоне.

— Здравствуйте, Лео, — отвечаю я низким, успокаивающим голосом. — Как *радостно*

вас слышать. Надеюсь, вы насладились ярмаркой прошлым...

Я резко прекращаю говорить, когда замечаю, что бабушка и Пич смотрят на меня с ужасом. Они яростно жестикулируют, машут руками вверх и вниз, как сумасшедшие. Что не так? Что они пытаются сказать?

— Простите, Лео, прошу, подождите минуточку.

Я нажимаю кнопку удерживания звонка.

— Что вы делаете?

— Твой голос! Что, милостивый боже, стало с твоим голосом? — Подбородок бабушки дрожит.

— Эм... это успокаивающий голос. Как ты и говорила. Горловой и все в таком духе.

— Он слишком глубокий! Успокаивающий голос должен быть мягким и заманчивым!

— А у меня какой?

Пич гримасничает, не встречаясь со мной взглядом.

— Будто демонический. Словно ты планируешь убить его.

Бабушка поглаживает мои колени.

— Смягчи немного голос, дорогая. Говори с ним так, словно хранишь *восхитительный* секрет.

Я киваю, прочищаю горло и предпринимаю новую попытку, смягчая голос, делая его выше и мелодичнее. Звучу как прошмартоска.

— Простите за это, Лео, — с придыханием говорю я, включая на телефоне динамик. Бабушка показывает большие пальцы. — Что я могу сделать для вас?

— Эм, думаю, мы могли бы встретиться. Вечером у меня деловой ужин, но после я свободен как птица. Как насчет кофе у меня? Часов в одиннадцать?

О. Мой. Бог. Я постигла искусство звонков с намеком в совершенстве и могу с уверенностью сказать, что это определено *звонок с намеком*. Вчера вечером я не подавала моих обычных сигналов, это точно. Должно быть, специфическое сообщение посылали сиськи. Не знаю даже, почему удивлена, ведь, учитывая слова Валентины, это фирменный почерк Лео Фроста.

— Минуту, я посмотрю в ежедневнике. — Я снова нажимаю кнопку удержания звонка. — Это звонок с намеком, — шиплю я бабушке и Пич.

— *Звонок с намеком*? — косится бабушка. — Боюсь, я не понимаю.

Хм-м-м. Как объяснить, что такое «звонок с намеком» семидесятисемилетней женщине, все еще смотрящей фильмы на видеокассетах?

— Эм... он зовет меня не совсем на свидание. Полагаю, он хочет отвести меня к себе, чтобы... ну, *знаешь*...

— Нет, не знаю.

— Ох, ну, скажу просто, что он хочет сделать со мной то, что егерь Оливер делал с леди Чаттерлей.

У бабушки непроизвольно открывается рот. Она вырывает телефон у меня из руки и костлявым пальцем жмет на «отмену».

— Что ты наделала?! — кричу я, выхватывая мобильный. — Ты повесила трубку!

— Он грубиян, дорогая, — докладывает бабушка, спокойно поправляя красные очки на носу. — Очень привлекательный, довольно состоятельный и очаровательный грубиян. Говоря с такими, женщины не бросают трубку, и тот факт, что ты это сделала, заинтригует его, поверь мне. Когда он перезвонит, сообщи ему, что с радостью сходишь с ним завтра на

ранний ужин, а он не поправит тебя, напомнив о своих позорных намерениях, потому что для этого у него слишком изысканные манеры.

— Он не станет, блин, перезванивать! — Я закатываю глаза. — Сейчас не как раньше, ба. Когда ты бросаешь трубку, это не мило, не интригующе и даже не флирт. Людей это просто бесит.

Телефон снова звонит.

Это он.

Я пялюсь на телефон, а затем на бабушку — с восторгом. Она обыденно изучает свои идеально покрашенные ногти, словно ничего не произошло.

— Ого-о-о. — Пич глазеет на телефон.

Я отвечаю на звонок.

— Алло?

— Ох, Люсиль, нас, должно быть, разъединило, — говорит Лео глубоким, соблазнительным голосом.

— О, боже, мне так жаль. Я отвлеклась и совершенно забыла, что вы ждете на линии! — я добродушно хихикаю. Бабушка светится.

— Вот как, — он слегка покашливает. — Ясно.

— Теперь об ужине. Я свободна завтра рано вечером, надеюсь, это подходит? Уверена, что *джентльмен* вроде вас знает *самые* замечательные места, куда можно отвести девушку.

Я жду его объяснений о том, что он звал меня не совсем на свидание. Но не дожидаюсь. Бабушка оказалась права. Абсолютно права! Он слишком хорошо воспитан, чтобы открыто поправить мою «ошибку», принимая во внимание, что я назвала его джентльменом.

— Эм... да, наверное. Я не... Ладно, хорошо. Полагаю, ранний ужин... хорошая идея?

— Изумительно, — мурлычу я в трубку. — Уже жду не дождусь.

Просто. Раз. Плюнуть.

Благодаря хитроумной уловке, только что примененной к Фросту, Лео согласился завтра вечером отвести Люсиль Дарлинг на ранний ужин.

Я кладу трубку и вытягиваю ладонь, призывая бабушку «дать мне верхнее пять». Ей кажется, что я машу, потому с озадаченным выражением лица отвечает мне такими же махами. К счастью, ко мне наклоняется Пич и спасает «дай пять сверху». Фух.

Поехали. Игра началась.

Глава девятнадцатая

Леди не должна вникать в финансовые дела семьи, это забота мужчины. Всегда доверяйте суждениям вашего мужа.

Матильда Бим, «Как быть Достойной Домохозяйкой», 1957

Жизнерадостное настроение после звонка Лео Фроста улетучивается довольно скоро, когда раздается звонок в дверь.

— Я открою! — кричу я и несусь по коридору судьбы, чудом избегая смерти от набора японских ножей, который так опасно болтается на куче старых настольных игр. Раздражаясь, я кладу ножи на пол рядом с прочим мусором и отвечаю в интерком.

— Йоу.

— Доброе утро. Вам пришло письмо, за которое нужно расписаться.

Я нажимаю на кнопку, и входная дверь открывается. По лестнице тут же взбегает крепкий парниша в шортах и кепке почтальона. При виде меня на его молодом загорелом улыбчивом лице возникает выражение разочарования. Да господи боже. Я знаю, что по утрам выгляжу потрепано, но он мог хотя бы *попытаться* скрыть свое недовольство.

— А где Пич? — спрашивает он, протягивая мне письмо на имя Матильды. — Она... она бросила работу? Вы ее замена?

— О, нет, Пич, кажется, на кухне. Вы бы хотели поговорить с ней?

Он приспускает козырек своей кепки.

— Н-нет. Только если... думаете, она хочет поговорить со мной?

— Не знаю. Мы можем узнать это у нее. — Я поворачиваюсь, чтобы позвать Пич с кухни.

— Нет! Не нужно. — Он вытирает пот со лба. — Все нормально. Просто распишитесь пожалуйста. — Парень протягивает мне маленький аппарат и электронную ручку. Я вывожу загогулину и забираю письмо.

— Хочешь, чтобы я передала Пич от тебя привет? — я изгибаю бровь.

— Эм, нет. Мы увидимся завтра, — бормочет он, торопливо спускаясь по лестнице.

— Тогда пока! — кричу я ему дружелюбно вслед, но он уже ушел.

Станный какой.

Плетясь обратно в гостиную комнату, я разглядываю письмо для Матильды. Под просвечивающейся бумагой мне видны слова: «Владельческий иск: Бонэм Сквер».

Твою мать. Звучит серьезно! И пугающе. Даже жирный шрифт, который они использовали, выглядит грозно. Я отдаю письмо бабушке, обнаруживая ее в ее голубом кресле; рядом с ней стоит ящик со швейными принадлежностями, а сама она занимается серой юбкой-карандаш, потому что хочет, чтобы я надела ее на завтрашнее свидание с Лео.

— Это только что доставили тебе!

Она едва окидывает конверт взглядом.

— Благодарю, дорогая. Положи его, пожалуйста, на стол. Потом гляну.

Я представляю себе кипу нераспечатанных финальных извещений, что видела вчера вечером.

— Ну... Может, это тебе стоит открыть. Думаю, оно важное.

— Ага, обязательно... позже, — отвечает она неуверенно.

— Но...

Бабушка, демонстративно хмурясь, награждает меня тем же резким взглядом, каким награждала мама, когда я спрашивала, почему у меня нет отца, или когда я за день тратила карманные деньги, выданные на неделю. Я затыкаюсь и потираю шею. Почему я вообще впутываюсь в это? Это *не моя* проблема. Не мое дело. Примерно через две, ну или четыре недели я буду далеко отсюда, надеюсь, в другой стране.

Но... когда ты не обращаешь внимания на подобные письма, потом у твоей двери оказываются люди с недобрыми намерениями. А такое не должно происходить *ни с одним* пожилым человеком, независимо от того, кровный он родственник или нет. У меня внутренности сгущаются от одной лишь мысли о таком кошмарном сценарии.

Я вскрываю конверт.

Бабушка поднимает голову, отрываясь от шитья, и широко открывает рот.

— Ч-что ты такое себе позволяешь? Это личное! Незаконно вскрывать чужую почту!

Прекрати!

— Ты не вскрывала свою почту годы напролет, так что придется тебе смириться. — Я разворачиваю ярко-красное письмо и читаю его, улавливая угрожающие пассивно-агрессивные интонации в фразах «уведомление о владении», «существенная задолженность», «предложение графика выплат». Бабушка откладывает юбку в сторону и встает, чтобы дотянуться до меня и вырвать письмо.

Я без возражений отдаю ей его и с грустью наблюдаю за тем, как она его читает.

— О боже. Я... Я... — начинает она, но потом падает обратно в кресло и опускает голову.

Вот тебе и «О боже».

— Эй, мы справимся, ясно? — говорю я, тяжело сглатывая. — Не расстраивайся. Там говорится, ну, что им нужно, чтобы ты согласилась на график минимальных выплат. Если ты подпишешься, то они не вызовут тебя в суд.

Бабушка снимает очки и вздыхает, а ее глаза наполняются слезами.

— Как вообще дошло до такого? — бормочет она себе под нос, прежде чем встретиться со мной взглядом. — Я даже думать об этом не могу, Джессика. Я... Я надеялась, что, если не буду об этом думать, то проблема исчезнет сама собой. Говорила себе, что решу все, когда мои книги будут переизданы, но эти люди... — она трясущимися руками размахивает письмом, — невероятно нетерпеливы. И *крайне* грубы.

— Может, если бы ты просто позвонила им...

— Но финансовыми делами всегда занимался Джек! Это работа Достойного Мужа — решать подобные вопросы. *Сама я* не знаю, что делать. Как мне поступить?

Вот черт. Я тоже не особенно подкована в денежных вопросах, но моя старомодная бабушка вообще не имеет понятия, что делать. Как она может быть такой успешной писательницей и не иметь представления об обращении с деньгами и управлении задолженностями?

— Я могу устроиться на полставки, — предлагаю я.

Когда я путешествовала, то подрабатывала барменом. В Лондоне наверняка полно баров с вакансиями.

— Нет, — всхлипывает бабушка. — Нам нужно сосредоточиться на проекте для Валентины. Это лучшая возможность приличного заработка. Да и не могу я просить тебя платить за ошибки твоей бабушки. Просто не могу. Не когда это наша вина, что...

Тут из коридора доносится грохот, обозначая путь Пич, пролегающий через кучи находящегося там мусора.

— Со мной все в порядке! — кричит Пич. — Просто споткнулась о венчик!

Венчик? С какого перепуга там лежит... и внезапно в голове вспыхивает идея. Потрясающая идея.

— Бабушка, — говорю я, присаживаясь на диван напротив нее. — У меня идея. Может, мы могли бы продать что-то из твоих вещей?

— Прошу прощения?

— Я о том барахле, что захламляет коридор и чердак. Мы могли бы его продать, улавливаешь? Я клоню к тому, что ты же ничего из этого не используешь.

— Это все мои пожитки! У них... сентиментальная значимость. — Она хмурится так, будто я предложила отпилить и продать ее ногу.

Я закатываю глаза.

— Владение восьмью разными канделябрами не будет иметь значения, если ты будешь жить в парке.

— Ох, святой боже! — Бабушка расклеивается, ударяясь в слезы. Зараза. Я вытягиваю руку и хлопаю бабушку по плечу.

— Я шучу. — *Возможно.* — Но сентиментальность для неудачников. При данных обстоятельствах ты должна быть безжалостной. Ты правда хочешь сказать, что тебе *реально* нужны все эти вещи? У входной двери лежат два шара для боулинга. Когда ты в последний раз ходила в боулинг?

Бабушка утыкается взглядом в свои коленки.

— Думаю, в 1978. Но... Я как-то могу решить сходить еще раз. Когда-нибудь.

— Не решишь! Что насчет граммофона? Какой-нибудь фанат музыки отвалит за него целое состояние!

— У меня есть граммофон? — удивляется бабушка. — А я и не замечала!

— Видишь! Ты и о половине своего барахла не в курсе. Мы даже можем продать всех тех фарфоровых кукол из моей комнаты. Они довольно жу...

— Нет! — перебивает меня бабушка яростно. — Нет. Только не их. Они останутся. Даже не обсуждается, эти куклы должны бы...

— Ладно, хорошо, боже мой! Кукол не продаем. Только *ты* решаешь, что мы продадим, выставив на «Ибэй». Я в восторге от «Ибэй». В прошлом году я там написала такое описание к сапогам на платформе, что разразилась *грандиозная* торговая война, и в итоге обувь была продана за шестьдесят фунтов. При том, что в магазине я за них отдала всего пятнадцать, и было это в 2003 году!

— «Иибэй»? — фыркает бабушка. — Это благотворительная распродажа подержанных вещей? Где она находится? В первой зоне³⁸?

— Ох, тебе *столькому* нужно научиться, дорогая, — преувеличенно высокомерно пародирую я бабушку. — Но это правда. Я покажу тебе, как это работает. Все очень просто, да и может помочь держать на расстоянии судебных исполнителей, хотя бы до конца нашего проекта.

Бабушка делает глубокий, рваный вдох и опускает подбородок к груди.

— Я бы предпочла зарыться головой в песок.

Я пожимаю плечами.

— Не беспокойся, дерьмо случается — прости, — *неприятности* случаются. Но мы уже открыли письмо, и худшее позади. Мы со всем справимся, ясно? Все будет хорошо.

В ответ бабушка наклоняется ко мне, рукой, усыпанной темными пятнами, касается моей щеки и одаривает едва заметной улыбкой.

— Драгоценная Джессика. Благодарение небесам за тебя.

День пролетает за серией бабушкиных архаичных уроков по поведению. Из-за завтрашнего свидания с Лео и вероятности, что он может повести меня в невообразимо модное (читай: претенциозное) место, бабушка настаивает, что мне «следует научиться вести себя за столом». Согласно ее словам, я ем как «безумный пещерный человек». Что неправда. Я ем как взрослый человек. Который иногда плюется едой, вываливающейся ему на грудь. Но, по всей видимости, я должна класть в рот только крошечные кусочки еды, словно я какая-то печальная хрупкая птичка или француженка. Да это смешно. Когда мы

дошли до «правильного использования столовых приборов», я сказала бабушке, что смотрела «Красотку» миллиард раз и знаю о правиле «ножи и вилки использовать от внешнего края к внутреннему». Но она настояла, что нам нужно отталкиваться от рекомендаций, данных в ее руководстве, в котором, *конечно же*, говорилось, что «столовые приборы следует использовать, начиная с внешнего края и продвигаясь к внутреннему».

Некоторые абсурдные советы, которые мы усвоили, звучат так:

Потешьте гордость Достойного Мужчины, позволив ему самому оплатить счет.

Дождитесь, пока ваш компаньон либо официант помогут вам сесть. Достойная Женщина никогда не садится за стол самостоятельно.

Никогда не участвуйте в беседе с официантом. Не отводите взгляда от вашего мужчины и позвольте ему сделать заказ за вас.

Каждый из этих советов вызывал у меня громкий смех и яростное фырканье в равных дозах. Около пяти часов вечера бабушка, удостоверившись, что забила мою голову тоннами бесполезной информации о том, как за ужином влюбить в себя Лео Фроста (ведь, похоже, миссия будет выполнена, стоит мне только продемонстрировать ему свои впечатляющие знания о долбаном ложечном этикете), она сразу ускользнула, чтобы дошить юбку, а я поставила свой лэптоп на огромный кухонный стол.

Открыв новый текстовый документ, я печатаю название «*Как заполучить мужчину методами 1955 года*» и подчеркиваю его.

После чего плююсь на него.

Довольно долго.

Я больше двух лет не писала ничего, кроме постов к блогу «*Саммер в городе*». Путешествуя, я вела несвязные дневники, писала эссе и короткие истории чуть не по щелчку. Но написание рецептов для коктейлей, статей о роскошных отелях и рейтингов пяти любимых юбок Саммер и прочего в том же духе лишило меня практики написания чего-либо более, ну, *осмысленного*.

Если подумать, двадцать тысяч слов менее чем за четыре недели это довольно серьезное обязательство. Знаю ли я вообще двадцать тысяч слов? А что, если благодаря какому-то неведомому чуду мне действительно придется писать половину книги? Это, как минимум, еще шестьдесят тысяч слов. Сколько этот процесс займет времени? Мне придется остаться? Придется носить корсет, пока мои с каждым разом все уменьшающиеся ребра не исчезнут и это не приведет меня к смерти? Нужно будет жить с бабушкой, у которой глаза все время на мокром месте, и ее ворохом чувств? Быть напоминанием собственной матери? В желудке от нервов забурлило, и я задвинула все эти вопросы в дальний угол своего сознания.

Я меняю шрифт названия документа пять раз, в конце концов останавливаясь на старом добром «Таймс нью роман».

Очень медленно завариваю в чайничке чай.

Затем ради забавы пою как Шакира.

После некоторое время смотрю в окно и думаю о телевизионном шоу Саммер, размышляя, станет ли она новой Леной Данэм.

Пока я дрейфую по своим мыслям, на кухню заходит Пич, топя и прижимая Мистера Белдинга к груди. Маленькая голова кота удобно устроена прямо в вырезе ее широкой футболки. Пич глядит на кота и улыбается ему со всей любовью. Они привязались друг к другу. Мистер Белдинг будет расстроен, когда вернется в Манчестер к переодеваниям ради фотографии для Сети. Наверное, я могу не говорить Саммер, что стащила у нее кота, чуть

подольше...

— Привет, Джесс, — выдавливают Пич.

Я почти нападаю на нее, цепляясь за возможность не возвращаться к экрану компьютера.

— Привет, леди Пи. Что происходит вокруг? Рассказывай все сплетни. Абсолютно все. Хочешь чаю? Печенья? Чем занималась вчера вечером? — Я наполняю вторую чашку чаем.

Пич садится за стол и перекладывает Мистера Белдинга на колени.

— Я, эм, смотрела кино. Тебе должно быть стыдно, что ты не вернулась домой вовремя. Мне очень сильно хотелось посмотреть кино с тобой.

Чего? *Ой*. Я вчера сказала ей, что посмотрю с ней фильм. Вот почему я учуяла запах попкорна, когда вернулась домой. Готова спорить, она и маски для лица нам купила. Блин, совсем из головы вылетело! Надо было написать напоминание на руке.

— Твою дивизию, прости меня, Пич.

Она краснеет и отмахивается от моих извинений.

— Да ладно, не стоит переживать. Я знаю, как ты занята из-за этого проекта... Я надеялась, что хотя бы сегодня вечером ты свободна.

Она косится на текстовый документ, открытый на лэптопе.

— Хм-м-м... О чем ты думаешь?

— Не знаю, может, мы могли бы выпить по кофе? Как делали популярные герои из сериала «Друзья». Они вместе пили кофе литрами, и им всегда, казалось, было весело, они часто шутили.

Я пожимаю плечами.

— Хм-м-м, а как насчет того, чтобы перейти на следующий уровень? Может, нам пойти и немного выпить? Может, даже потанцевать. — Я двигаю плечами, изображая буги.

От такого плана в бледно-серых глазах Пич появляется блеск, но затем она качает головой.

— Звучит дорого.

— Мой чек от Валентины будет уже сегодня...

— Я не могу тебе этого позволить. Тебе нужны эти деньги.

— Нужны... Но, уверена, пара фунтов не сделают большой погоды. Это мой способ извиниться за то, что пропустила ночь кино. И я вроде как эксперт, когда хочется круто отдохнуть, а денег совсем нет.

— Когда идем?

Прищурившись, я долго взглядом сверлю лэптоп. После чего указательным пальцем аккуратно опускаю крышку.

— Что скажешь насчет сейчас?

Бабушка, должно быть, в добром расположении духа, потому что ни капельки не против, чтобы мы с Пич пошли танцевать.

— Сегодня ты поработала на славу, а каждая Достоянная Женщина время от времени заслуживает немного веселья. — Она доброжелательно смотрит на меня. — Танцы — это поистине *великолепный* способ проникнуться элегантно и женственной модой.

Мне интересно, на какие танцы мы, по ее мнению, идем? Наверное, на босса-нову или что-то такое же. Я ее не поправляю. Бабушка спокойно отнеслась к нашему выходу из дома,

но при двух условиях: во-первых, мы притворимся Золушками и вернемся к полуночи, чтобы я хорошенько выспалась перед завтрашним свиданием с Лео, и во-вторых, я надену винтажное белье, чтобы научиться «*двигаться грациознее*» в нем.

Пич помогает мне влезть в корсет, утягивающее белье и заостренный лифчик, и, хотя все тело охренительно болит, когда я натягиваю облегающие джинсы и узкую красную футболку с надписью «Рамоунз», мои изгибы выглядят просто непередаваемо сексуально. Пич переодевается в милую зеленую тунику, черные леггинсы и просвечивающуюся черную пашмину, и мы уходим из дома.

— Куда пойдем? — спрашиваю я ее, когда мы легкой походкой в предзакатных сумерках направляемся в сторону станции метро «Южный Кенсингтон». — Куда вся крутая лондонская молодежь нынче ходит?

Пич смотрит на меня так, словно я прошу ее объяснить, по какой конкретной причине канал «ITV» вообще выпустил в эфир шоу «*Всплеск!*³⁹».

— Откуда мне знать?

— Ну, ты же вроде работала в Лондоне по крайней мере пять лет, правильно? Разве ты никуда не ходила?

Она, смутившись, затягивает пашмину еще сильнее и глядит на меня.

— Обычно я просто вяжу или читаю в своей комнате. Не знаю, заметила ли ты, но я немного...

— Стеснительная? Да не может этого быть! Ты, должно быть, шутишь! — Я окидываю ее взглядом. Плечи ссутулены, голова опущена, копна непослушных тусклых кудряшек скрывает ее нежное, круглое лицо. — Пич... ты хоть *когда-нибудь* была в баре? Или в клубе?

Пич резко, едва заметно, отрицательно качает головой. Я чуть не задыхаюсь от удивления.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать шесть, — вздыхает Пич. — В свою защиту хочу сказать, что росла на ферме в Алабаме и покинула Штаты раньше, чем мне можно было легально посещать заведения, где подавался алкоголь. А потом я прилетела сюда, и ни с кем толком не познакомилась. Я ходила в паб только раз. Но только на завтрак пахаря⁴⁰.

Поверить не могу. Этой женщине двадцать шесть лет и она ни разу не была ни в баре, ни в клубе!

Словно сама судьба вела меня к этому моменту. Тусовка — моя *raison d'être*. (*с фр. смысл существования.*)

Веселье — моя цель. Пич может стать моей протеже. Она молода. У нее есть еще несколько лет, прежде чем она попадет на темную сторону с длительными отношениями, детишками, продолжительным контрактом на подключение кабельного и обсуждением оттенков красок фирмы «Фэрроу энд Болл». Я могу научить ее всему, что знаю сама, и таким образом сотворить себе лучшую подругу для вечеринок всех времен! По крайней мере, на следующие две или четыре недели.

Я взволнованно хватаю ее за пухлую руку и ускоряюсь, чтобы мы быстрее добрались до метро.

— Смотри и учись, крошка, — говорю я, безумно улыбаясь. — Смотри и учись.

Танец с джентльменом — это потрясающий способ завести разговор, демонстрируя лучшие танцевальные па. Достоянная Женщина двигается грациозно, по танцевальному залу она перемещается с изяществом. Она избегает сложных или чрезмерно размашистых элементов, и она всегда, без исключений, позволяет вести джентльмену.

Матильда Бим, руководство «Любовь и отношения», 1955

— За грушевый сидр! — Я поднимаю бутылку, произнося тост.

— И за Соединенные Штаты Америки! — добавляет Пич, радостно чокаясь своей бутылкой о мою.

Сначала мы вкусно и дешево отужинали закусками в забегаловке, потом прошились по пабам в Сохо и в итоге обосновались в кабинке в «Твистед Спин», модном подвальном клубе, о котором популярный блог «Люблю Лондон» отзывался как о «оригинальном лондонском месте для встреч с инди и роком». Музыка подобрана со вкусом и играет не настолько громко, чтобы невозможно было слышать ничего вокруг, цена на сидр вполне оправдана, а мрачноватая, сексуальная, индустриальная атмосфера полностью отсекает от внешнего мира со всеми его проблемами. Моя утопия.

Чтобы расшевелить Пич, понадобилось время: первый час наше общение было довольно нескладным, и основной темой была недавняя жара, после чего мы обсуждали, кому какая погода нравится, какая не нравится, и какая не вызывает никакого отклика. К счастью, когда мы добрались до третьего паба, пиво ее немного расслабило, и Пич, согласно моим надеждам, стала превращаться в потрясающего компаньона для тусовок, хоть и со своими *незначительными* странностями.

— Джесс! — перекрикивает она раздающуюся из колонок песню группы «Arcade Fire». — Может, нам надо придумать тебе прозвище?

— Чего? — кошусь я на нее.

— Как называть тебя. — Она заглушает отрывку. — Друзья так делают. В «Балбесах»⁴¹ у всех были прозвища, а они были лучшими друзьями. Чанк. Маус. Дата. Я леди Пи. Как ты хочешь, чтобы тебя звали?

До этого Пич призналась мне, что ей всегда было сложно знакомиться с людьми из-за тревоги, которую она ощущала в обществе, и стеснительности. Потому так сложилось, что все ее знания о дружбе были почерпнуты из сериалов и фильмов, а не из реальной жизни. Благодаря уверенности, вызванной пивом, и попыткам сблизиться с помощью информации «чем я живу», она засыпала меня вопросами. Спрашивала Пич о моем любимом цвете (зеленый), были ли у меня в детстве питомцы (не было — мама всегда говорила, что это слишком большая ответственность, которая нам была ни к чему), и что со мной случалось худшего и лучшего (этот вопрос я грациозно опустила, внезапно убежав по нужде). Теперь она хочет, чтобы мы придумали мне прозвище. Она сказочная чудила. Но, несмотря на странные вопросы и ссутуленные плечи, Пич кажется забавной, образованной и милой. Мне даже немного паршиво из-за того, что, скорее всего, я не пробуду здесь достаточно долго, чтобы создать с ней искренние дружеские взаимоотношения, к которым она так стремится. И даже если бы я хотела этого, — хотя не хочу, — то после случившегося с Саммер я не уверена в своей способности быть кем-то, кроме «супер-клевой и веселой» компаньонки. Но если Пич желает попрактиковаться в дружбе со мной, я не возражаю. Особенно, если это

подразумевает под собой приятное отвлечение от проекта «*Заполучить мужчину методами 1955 года*».

— Насчет прозвища даже не знаю, но подумаю об этом. Хотя, одно я знаю точно, Пич, — ухмыляюсь я, делая здоровенный глоток сидра. — Пришло время танцевать.

Не успеваю я закончить предложение, а Пич уже выбирается из кабинки и, качая широкими бедрами, устремляется на танцпол. Песня группы «Klaxons» звучит изо всех закутков клуба. Во время вступительного проигрыша Пич взмахивает своими густыми кудряшками и начинает барабанить воображаемыми палочками. Я кричу и визжу, впечатленная ее неожиданно потрясающими движениями, и присоединяюсь к Пич, после чего мы начинаем прыгать по клубу, на пару валяя дурака.

Так и знала, что у нее потенциал!

Мы танцуем целую вечность, и хотя во всем этом утягивающем обмундировании двигаться свободно достаточно сложно, иметь возможность расслабиться, хохотать до упаду, быть глупой и громкой без осуждающих взглядов — великолепно. Мы берем передышку, чтобы Пич сходила в уборную, а я покупаю нам по еще одной рюмке прекрасной пикантной водки. Я несущу напитки к столику у танцпола и чуть их не роняю, когда вижу, что в двух шагах, в компании гламурных модников, абсолютно не вписывающихся в обстановку этого клуба, стоит и мило общается Саммер.

Моя Саммер.

Какого, блин, хрена? Что она делает в «Твистед Спин»? Да и какого вообще черта она в Лондоне? Саммер замечает меня и окидывает взглядом с ног до головы, ее глаза расширены от шока так же, как, полагаю, и мои.

— Джесс? — Я ее не слышу, но вижу движение ее губ. В руке у нее мохито со льдом, на ней белый короткий комбинезон и бежевые лаковые туфли на высокой платформе и выглядит она сногшибательно. Она легко расталкивает собеседников и направляется прямо ко мне.

Блеск.

Я так чудесно проводила время. И что мне говорить? Могу я просто стукнуть ее, а не вести цивилизованную беседу? Потому что, по моему мнению, она это заслужила, поведя себя как настоящая сволочь.

Нет. Насилие не помощник.

Подойдя, Саммер целует воздух у моих щек, так она здороваётся с людьми, когда выпьет пару бокалов, и то только с теми, кого знает не очень хорошо. Раньше мы с ней приветствовали друг друга клевыми ударами кулаком о кулак.

— Не могу поверить, что ты здесь! Я та-а-а-а-а рада тебя видеть! — задорно выкрикивает она, покачивая своей почти победоносной задницей в такт музыке. Она ведет себя так, будто *не разрушала* мою жизнь, будто *не бросала* меня ради телевизионного шоу и не выгоняла из собственного дома. — Что ты делаешь в Лондоне? Давно ты здесь? Я приехала на встречу по поводу шоу, — она большими пальцами указывает на толпу сияющих людей, от которых ушла. — Эти ребята из производственной компании. Они *просто чудо*. То есть, они такие умные, и у них столько потрясающих идей для бренда СВГ.

— Ого, — отзываюсь я равнодушно, покачивая головой под музыку в надежде, что так я создаю впечатление человека, которому вообще насрать и который *не завидует* ни капельки.

— Ага, но не думаю, что стоило приводить их именно сюда. — Саммер кривится. — В «Люблю Лондон» говорилось, что «Твистед Спин» — самое оригинальное место 2014 года с инди и роком, но тебе не кажется, что оно немного похоже на забегаловку?

Я закатываю глаза.

— Так что мы, наверное, сядем в «Сохо Хаус». Ведь это там тусуются все знаменитости из кино и телевидения. Андерсон всегда говорил, что это его любимое место в Лондоне. Знаешь, он ведь сейчас в городе. Участвует в шоу Грэма Нортон⁴² на этой неделе, так что может быть там. Не то чтобы мне было до этого дело. *Совершенно же ясно*, что я с Холденом.

Зачем она рассказывает мне все это? Я гляжу на нее ничего не выражающим взглядом и выпиваю рюмку водки. И рюмку Пич.

— Ты выглядишь иначе, — заявляет Саммер, прищурившись и изучая мои волосы цвета «клубничный блонд» и крошечную талию, и в это время на ее милом личике я замечаю на мгновение проявившееся... раздражение?

— Это ради одного проекта, над которым я работаю, — отвечаю я холодно.

— Проекта? Какого проекта? — она кажется удивленной. А чего она ждала? Что без нее я буду валяться, забившись в угол?

Из колонок раздаются первые ноты песни «*Do I Wanna Know*» (Букв.: «*Хочу ли я знать?*») группы «Arctic Monkeys», и мы подстраиваем наши полутанцевальные-полустоячие движения под новый ритм.

— Да так, — говорю я. — Кое-что, связанное с писательством.

Как будто я скажу ей, что работаю с бабушкой. Ей бы это понравилось.

— Ох. *Рада за тебя*. Я очень рада, что ты нашла, чем заняться. — Энтузиазм в ее голосе насквозь фальшивый. — *Я на самом деле* беспокоилась за тебя. Ты взяла и ушла, не попрощавшись. Где же ты остановилась...

— Ага, я была потрясена твоим беспокойством, всеми этими звонками и сообщениями, ведь их было так много, почти *горы* сообщений. — Я качаю головой, от гнева скрипя зубами.

Почему она вообще разговаривает со мной? Неужели она не понимает, что поступила плохо? Как она смеет вести себя так, будто все в порядке?

— Слушай, Саммер, — начинаю я, награждая ее своим лучшим испепеляющим взглядом, на который способна в моем не самом трезвом состоянии. — Я тут отдыхаю с подругой, мы правда хорошо проводим время, так что я пойду...

— С кем? У тебя нет друзей.

Не бей ее. Не бей ее.

— Вообще-то, с новой подругой. Так что, понимаешь... пока. Удачи тебе с новым шоу. Прости, если не стану его смотреть. — Я поворачиваюсь на каблуках, готовая драматично уйти, как вдруг Саммер хватается меня за предплечье и разворачивает обратно.

— С шоу все вышло внезапно, Джесс, — объявляет она, широко раскрыв глаза. — Я его не планировала. Это был шанс, который пришел из ниоткуда, и я просто не могла отказаться. Думаю, тебе все равно не понравилось бы — это *огромная* ответственность. Не привлекая тебя, я оказала тебе услугу, вот серьезно. Почему ты после всего не можешь просто порадоваться за меня?

Я вырываю руку из ее хватки.

— Да ты лгунья! — шиплю я, негодуя. — Я *говорила* с Валентиной Смит. Я знаю, что ты отменила сделку на книгу. Ты встретила Сета Эстроу на том мероприятии и уже знала, как

поступишь. Ты меня кинула! Имей хотя бы гребаное достоинство признать это.

Саммер какое-то мгновение выглядит виноватой, но прежде чем она успевает что-то ответить, в нашу беседу, громко гогоча, вклинивается вернувшаяся из туалета Пич, не очень уверенно стоящая на ногах.

— Прости, что так долго! В туалете я встретила милую леди, и мы заговорились. У нее тоже есть котенок! — Пич слегка икает. — Она показала мне его фото на телефоне, но у него немного косят глаза, и он даже приблизительно не такой милый, как Мистер Белдинг.

Попалась.

— Прости, что ты сейчас сказала о Мистере Белдинге? — Саммер хмурится рассматривая Пич. — Ты кто такая?

— Я Пич Кармайкл, — отвечает Пич, светясь. — Лучшая подруга Джесс. Приятно познакомиться.

— Джесс? — Саммер бросает на меня взгляд. — Почему эта незнакомая, непонятно откуда взявшаяся девица говорит о Мистере Белдинге? Где он? Ты знаешь, куда он делся?

Теперь моя очередь выглядеть виноватой.

— Вообще-то, Саммер, Мистер Белдинг у меня, — отчитываюсь я, пыхтя. — Я.. забрала его, когда ушла.

— Чего? — Лицо Саммер искажается, становясь уродливой версией самого себя, вся ее искусственная вежливость исчезает в мгновение ока. — Ты забрала его? Забрала нашего кота? Кто так делает, Джесс? Кто, мать твою, крадет кота? — Саммер хихикает. — Это клиника, даже для тебя. Лучше тебе вернуть его. Посещаемость моего «Инстаграм» сильно снизилась после его исчезновения. Я почти перегнула Кэрл Вордерман по подписчикам, а теперь они улетают, как мухи.

Она невероятна.

— Ты даже не нравишься Мистеру Белдингу! — кричу я яростно. — Ты одеваешь его в шмотки, которые он ненавидит, и заставляешь позировать для фото часами напролет. Это не жизнь для котенка. Да это вообще не жизнь.

— Вот именно, — внезапно поддакивает Пич. — Он счастлив с нами!

Она права. Мистер Белдинг куда счастливее с нами, ну или по крайней мере с Пич. И мне вроде как нравится, когда он спит на подушке рядом. Очень нравится.

— Я так не думаю. — Саммер одаривает Пич ледяным взглядом. — Клевый новый друг. Джесс, — фыркает она.

Пич резко вдыхает, а ее пухлые щеки становятся ярко-красными.

Саммер смотрит на меня с едва заметной жалостливой улыбкой и с превосходством. Довольно знакомое выражение лица. В этот момент я осознала, что Саммер всегда смотрела на меня так. словно она лучше меня. Будто я ее забавная подружка, делающая за нее ее работу, на которую можно злиться, которой можно помыкать и потом чувствовать себя лучше.

Больше так не будет.

— Саммер, кто взял Мистера Белдинга из «Королевского общества защиты животных от жестокого обращения»? — спрашиваю я ее настолько спокойно, насколько могу.

— Какое это имеет значение? Он *принадлежит* нам обеим!

— Он мой. Его выбрала я. Ты была занята, тщательным образом прокрашивая свои волосы, если я правильно помню. Ты позвонила мне из парикмахерской и напомнила, чтобы я взяла самого фотогеничного.

— Это не значит ровным счетом ничего!

— Разве? Я не имею прав на «Саммер в городе», потому что ничего не подписывала, помнишь? Но я подписала бумаги, забирая Мистера Белдинга. Так что, *технически* — он мой. И... я дарю ему свободу.

Я задираю подбородок. Я, Джессика Бим — отважная и благородная спасительница котов из интернет-плена.

— Ты не можешь так поступить! — бормочет Саммер. — Просто... не можешь!

Я пожимаю плечами.

— Знаешь, что, Саммер? Кажется, я уже это сделала. — Я поворачиваюсь к Пич и беру ее под руку. — Идем, леди Пи. Давай... валим из этого притона!

Я никогда, ни разу прежде не говорила «*валим из этого притона*», но однажды слышала эту фразу в кино, и она показалась мне крутым выражением, которое бросают вот в такие моменты. Пич цепляется за мою руку с безразличным выражением лица. Именно так мы пересекаем клуб, оставляя Саммер, сверлящую наши спины гневным взглядом, позади.

Чтобы спасти вечер, мы с Пич отправляемся в ночной караоке-бар, где воем жизнеутверждающие песни восьмидесятых, пока не переваливает за полночь. Само собой, это помогает: нет ничего, что не была бы способна исправить спетая во все горло песня «Любовь — поле сражения». Когда мы, жующие взятый в сомнительной забегаловке шашлык и цитирующие любимые шутки из сериала «*Студия 30*»⁴³, добрались до Бонэм Сквер, комендантский час давно миновал.

Не желая разбудить бабушку даже попытками пробраться через коридор судьбы, мы взбираемся по подоконнику на балкон моей спальни, отчаянно цепляясь за железные ограждения. Джейми был прав. Это намного сложнее и опаснее, чем кажется. К счастью, благодаря своей невероятной силе девушки, выросшей на ферме, Пич затаскивает меня внутрь без особых усилий.

— Думаю, эт было лчшее врмя в моей жизни, — шепчет она, пока мы мыкаемся по тихой, темной спальне, пытаясь сдержать смех, как пара глупых подростков. Когда эхо от единственных работающих дедушкиных часов разносится по всему дому, отзванивая три раза, Пич хихикает еще сильнее. — Три часа ночи, — выдыхает она, не веря своим словам. — Я чствую себя ткой жвой! Будто могу все! Ну и ночь!

Я усмехаюсь ей. Принимая во внимание неожиданную и жесткую перебранку с Саммер, — а, может, и благодаря ей, — и, учитывая все обстоятельства, это была *чертовски* крутая ночь.

Пич пьяно валится на кровать, а я подхожу к полосатому креслу с округлой спинкой. Там, рядом с Фелисити, самой зловещей куклой на всем свете, лениво потягивается Мистер Белдинг, которого я беру на руки.

Я смотрю на него со счастливой улыбкой.

— Теперь ты мой кот, — сообщаю я ему, и, качаясь, перемещаю его на подушку, где тот спит. — И при свидетеле, Фелисити, обещаю тебе, Мистер Белдинг, что больше ты никогда и *ни за что* не будешь носить эту дерьмовую кошачью одежду. Я... — Глубокий вдох. — Я освобождаю тебя.

Мистер Белдинг даже не мурчит в ответ, но мне хочется думать, что на его пушистой мордочке на мгновение возникает выражение облегчения.

Как же я пьяна.

Глава двадцать первая

Достойная Женщина всегда должна быть полна энтузиазма. Даже в неприятной ситуации ее выражение лица всегда должно быть радостным.

Матильда Бим, руководство «Как быть достойно женщиной», 1959

На следующее утро до обидного бодрая бабушка настроена действовать и ждет, что Пич (с бледными щеками и, вероятно, еще под хмельком) и я (лишь пародия на женщину) возьмем с нее пример. Согласившись избавиться от кое-какого мусора, она хочет, чтобы мы занялись коридором судьбы *без промедления*, и нашли там как можно больше вещей, которые возможно продать на «Ибэй».

С одной стороны, это прекрасно, потому что значит, что вчера я до нее достучалась, и мы сможем держать судебных приставов на расстоянии немного подольше; с другой стороны, это хреново, потому что у нас с Пич та степень похмельного синдрома, когда прийти в себя можно только после длительного ничегонеделания и с помощью доброго самаритянина, поящего вас «Фантой» через трубочку и издающего сочувственные звуки.

Перед началом разбора я бы *очень* хотела отправиться на пробежку, потому что это второй лучший способ избавления от похмелья, но бабушка довольно настойчиво заявила, что бег, скорее всего, сделает мои икры крупными и мужественными, и что мне лучше заниматься легкой растяжкой. Что полный бред. Легкая растяжка для неудачников. Мне нравится бегать, и я не собираюсь прекращать ради чего-то или кого-то, насколько бы мускулистыми мои икры ни были. Однако я обещала, что пока буду занята проектом «*Как заполучить мужчину методами 1955 года*», я буду придерживаться бабушкиных правил, так что — как и секс с Джейми, — топтания по тротуару придется хранить в секрете.

К середине дня Пич дважды вырвало, я разок закемарила, но мы, несмотря ни на что, умудрились отсортировать, промаркировать и сфотографировать почти все, что было в коридоре. Мы обнаружили поистине потрясающие вещи: три великолепные медные кастрюли, набор антикварных Танбриджских⁴⁴ шахмат и кучу виниловых ретро-пластинок. Не считая серебряных карманных часов, принадлежавших Джеку (из-за которых бабушка рыдала двадцать пять минут кряду, сообщая, что заберет их с собой в могилу), она довольно стойчески перенесла избавление от своих пожитков. Я впечатлена тем, как решительно она подошла к делу. Мне только показалось немного странным, что среди коридорного мусора не нашлось ничего маминого — она, как-никак, жила здесь много лет. Я не стала задавать вопросов, учитывая бабушкину склонность к бесконтрольной слезливости, с которой мне и без чудовищной головной боли и слабого желудка справиться сложно.

Когда приходит время готовиться к свиданию с Лео, меня тошнит, я вся в пыли и, мягко говоря, разбита. Прежде мне не приходилось столько трудиться с похмелья. Было бы куда проще, если бы я могла отменить это «свидание» и вместо него взять тост к чаю, положить на него фасоль и расслабиться на диване с Пич и Мистером Белдингом. Понятия не имею как в таком жалком состоянии буду бодрой, даже если не принимать во внимание бесконечные советы для Достойной Женщины, которые бабушка пытается вдолбить мне в

голову. К счастью, Лео, мерзавцу с дырой в области сердца, по всей видимости, будет все равно, если я помолчу, ведь, похоже, он относится к тому типу мужчин, которым нравятся симпатичные и пассивные женщины. Полагаю, что пока я сексапильная, впечатлительная и заинтересованная всем, что бы он ни сказал, Лео не заметит, что я грубее барсучьего зада, и потому вечер пройдет без особых проблем.

Деловая лондонская улица Стрэнд кишит торопящимися уйти с работы людьми с ослабленными галстуками, взъерошенными волосами и перекинутыми через их плечи мятыми пиджаками. Я бы не могла выглядеть еще более не к месту: бабушка нарядила меня в экстра-обтягивающую угольного цвета юбку-карандаш и темно-розовую блузку, заправленную под юбку так, чтобы продемонстрировать мою утянутую талию максимально выгодно. Волосы завиты волнами в стиле роковой женщины, которые частично закрывают левый глаз, из-за чего жутко мешают. На шее у меня розово-фиолетовый вязаный шарф с витиеватым узором, а хуже всего то, что бабушка заставила меня надеть шляпу. Маленькую лиловую шляпку с пучком белого кружева спереди. Весь наряд в целом узкий, неудобный и очень жаркий (в температурном смысле, не в сексуальном).

Я подъезжаю к «Вулф Фрост» пораньше и, ворча от усталости и жалости к себе, толкаю двери высотного здания. Конторы агентств огромные и унаследованные — все с дубовой облицовкой, тусклыми лампами и уродливыми бордовыми мягкими диванами. Я направляюсь к стойке администратора, где юная секретарша собирает свои вещи, готовая уйти с работы. Ставлю на то, что она-то с друзьями идет развлекаться по полной программе так, как вечером пятницы развлекается нормальная девушка двадцати с чем-то лет.

— Я пришла на встречу с Лео Фростом, — поясняю я, подавляя очередную зевоту. — Я пришла пораньше.

Секретарша закатывает глаза.

— Третий этаж, вторая дверь налево, — выпаливает она так обыденно, словно сообщает эту инструкцию массе женщин, встречающих Лео Фроста после работы.

Мне не нравится, каким жалостливым взглядом она меня окидывает, и мне жутко хочется сказать ей, что *на самом деле* я не одна из его пассий, что я куда лучше той вереницы женщин, чьи сердца он уже пленил. Но вместо этого говорю:

— Благодарю.

Стоя у его кабинета, я глубоко вздыхаю, пытаюсь игнорировать нарастающее ощущение тошноты и натягиваю на лицо очаровательную улыбку. Время Люсиль. Вперед.

Несмело стучу в дверь.

Нет ответа.

Стучусь снова, на этот раз чуть сильнее.

По-прежнему без ответа.

Я открываю дверь и ступаю в просторный светлый офис. Стены завешаны рекламными изображениями в рамках, и все их я видела в журналах или на билбордах. На всех них виден отчетливый почерк Лео — гипертрофированная крутость, много теней, механические цвета и агрессивное оформление. Смехотворная работа «Управляй и оживай» занимает центральное место над дорогим ореховым столом, и женщина в бриллиантовом бикини, надувшись, смотрит на меня скучающим взглядом, будто задаваясь вопросом, как, черт подери, она могла забыть одеться. Сам Лео развернут к двери широкой спиной, а его темно-

рыжую высоко уложенную челку придавливает пара серебряных наушников «Бэнг и Олуфсен». Он яростно водит карандашом по бумаге и ногой по полу выстукивает ритм той музыки, что слушает. Лео и понятия не имеет, что я здесь.

— Приве-е-е-ет, — говорю я максимально громко, пытаюсь сделать так, чтобы голос оставался мягким и спокойным.

Конечно же, он меня не слышит. Я направляюсь к нему и, когда вижу, что он рисует, моему удивлению нет предела. Это набросок старика в ветхой рыбацкой лодке, рукой устало подпирающего склоненную голову.

Вот это да.

Вынуждена признать, что это прекрасный рисунок, он совершенно отличается от бредятины в рамках на стенах.

Хм-м-м. Может, стоит-таки дать Лео знать о своем присутствии, прежде чем он развернется и увидит меня в этой шляпе и поймает на молчаливом наблюдении за ним?

— Здравствуйте, Лео. — Я легонько хлопаю его по плечу.

Вырванный из своих грез, он подпрыгивает от моего прикосновения и роняет карандаш, который падает на деревянный пол с отчетливым стуком.

— *Чтоб меня!* Ох... да, Люсиль. Привет. — Он тут же исправляется, стянув наушники с головы и сменив испуг и изумление на убийственную уверенность. Он окидывает мой наряд с легким сомнением и явной похотью во взгляде. Гадость.

— Простите за то, что прервала рабочий процесс, — воркую я. — Я пришла пораньше, и секретарь сказала мне подняться. Надеюсь, вы не возражаете.

— Ни капельки, — отвечает он мягко, отмахиваясь от моих извинений. — Не хотели бы выпить перед ужином?

— М-м-м, да, пожалуйста, — отвечаю я с энтузиазмом.

Не уверена, что бабушка была бы довольна тем, что я выпиваю перед ужином, но я чувствую жуткую слабость, и легкое опохмеление может ободрить меня и облегчить нарастающее болезненное ощущение в животе.

Лео идет к стеклянной барной тележке, точной копии той, что была у Дона Дрэйпера в «*Безумцах*». Вероятно, потому он ее и купил, позер. Он без заминки смешивает два вида мартини и протягивает мне стакан. Я беру напиток, и мы вместе опускаемся на темно-зеленый мягкий диван.

Я хлопаю ресницами, глядя на Лео, и улыбаюсь.

Лео улыбается в ответ.

Я улыбаюсь еще шире.

Мы выпиваем и улыбаемся друг другу, как пара идиотов.

Лео пододвигается ко мне, взглядом путешествуя по каждому сантиметру моего лица, словно заморожен им. Что за игру он ведет? Это *мне* полагается делать заинтересованный вид. Он нагло пялится на меня, и, хотя я королева гляделок — я могу не моргать целых две минуты, — бабушка хотела бы, чтобы я поддалась. Потому я смущаюсь и отвожу взгляд первой.

Вся эта ситуация со зрительным контактом и молчанием создает напряжение, которое кажется мне неудобным.

Готова спорить, это одна из его «фишек». Также готова спорить, что он считает, будто он тут создает сексуальное напряжение. Но это *не* так. Просто я не знаю, что говорить. Нужно сказать хоть *что-то*, начать общение на случай, если ему покажется, будто это

свидание не что иное как предлог к сексу. Но я и понятия не имею, о чем говорить — бабушка не уделяла внимания вербальному содержанию, только давала указание быть воодушевленной и заинтересованной всем, что бы ему ни нравилось. Хотя она упоминала о погоде, как о способе завязать разговор...

Ладно.

— Матерь божья, как же жарко... — начинаю я.

Меня перебивает распахивающаяся и громко ударяющаяся о стену дверь, становящаяся причиной легкой тряски комнаты. Несколько капель мартини выплескивается из стакана, намочив мою руку. Высокий, седой и предстательно выглядящий мужчина врывается в офис Лео. На нем элегантный темно-синий пиджак, темно-коричневые брюки, а его знаменитое лицо искажено раздражением.

— Леонардо, ради всего святого, чертова Саша снова поставила меня в копию о чертовом концепте бренда «Лонгчамп». Ты уже закончил с... — Мужчина прекращает свою речь, как только замечает меня. — О. Не знал, что у тебя гости.

Он глядит на меня таким же похотливым взглядом, каким наградил меня Лео, когда мы встретились на ярмарке.

Аж тошнит.

— Это Люсиль Дарлинг, — сообщает Лео холодно, сев прямее. — Люсиль, это мой отец, Руфус Фрост.

Великий и могущественный Руфус Фрост, владелец «Вулф Фрост».

— Боже, я так рада познакомиться с вами. — Я глупо ухмыляюсь и вежливо протягиваю руку для рукопожатия.

— Так, так, а вы настоящая юная искусительница, верно? — манерно произносит он, вместо рукопожатия прижимаясь к руке старомодным влажным поцелуем. Он пахнет сигарами. Теперь и моя рука, вероятно, пахнет ими. Блии-и-ин. — И довольно приятный экземпляр, — завершает он свое приветствие, оглядывая меня с ног до головы и одобрительно кивая, словно я какая-то долбаная ваза, которую он решил приобрести.

Это город уродов или как? Отец Лео хуже него в разы! Как будто меня и так не тошнит.

Я собираю все свое самообладание, чтобы не ударить этого мужика по шарам, и «льстиво» хихикаю. Это очень тяжело. Я делаю глоток мартини.

Лео откашливается:

— Мои извинения, отец, я отправлю концепт Саше завтра в полдень, хорошо?

Руфус не отвечает, потому что замечает на доске рисунок Лео и поднимает лист с самодовольной усмешкой.

— Ох, я смотрю, ты снова *калякаешь*! — Он, самодовольно ухмыляясь уже мне, качает головой и зажимает набросок указательным и большим пальцами. — Что скажете, юная мисс Дарлинг? Мужчина в лодке! Уж не Рембрандт⁴⁵, верно?

Ого, вот это холодность!

— Нам, наверное, стоит идти, Люсиль, — произносит Лео, потирая шею.

— Вы ошибаетесь, мистер Фрост, — сердито выпаливаю я, не успевая придержать язык за зубами. — Думаю, набросок первоклассный.

Упс. Достойная Женщина наверняка ничего не выпаливает. Да и, думаю, она не говорит «первоклассный».

Мистер Фрост хмыкает, едва заметно вздрогнув.

— Ну да, полагаю, не профессионал может быть одурачен. Приятно познакомиться,

дорогая, приятного вечера. — Он награждает меня пренебрежительной улыбкой и, нахмуренный, поворачивается к Лео. — До завтра, сын. — Руфус указывает на набросок лодки. — Компания не станет платить тебе за безделье.

Руфус пронесется через комнату, а я пытаюсь скрыть от Лео свой испуг. То есть, Лео мне *тоже* не нравится, но все это было *tres*⁴⁶ неудобно.

Лео допивает свой напиток и ставит бокал на барную тележку с характерным звоном.

— Идем же на ужин, верно? — уточняет он с раздутыми ноздрями, проводя рукой по челке. — Мы можем поймать такси на Стрэнд.

— Ага, — соглашаюсь я, следуя за ним из его кабинета. — Звучит как *супер* идея.

— Не обижайся на отца, — напряженно говорит Лео, как только мы выходим на улицу, и он начинает ловить машину. — Он может быть немного...

...скотиной?

— Жестким, — заканчивает Лео с безрадостной улыбкой. — Но, полагаю, именно поэтому он владеет самым уважаемым рекламным агентством в Лондоне. Он не негодяй. Просто немного тираничный.

— Ох, конечно, я понимаю. — Я яростно киваю, как болванчик.

— Не часто с ним кто-то не соглашается...

— Может, просто *не в лицо*, — бормочу я, закатывая глаза.

Твою мать. Это просто вырвалось. Что со мной сегодня не так? Это похмелье выводит меня из игры. Я бросаю взгляд на Лео, готовая извиниться, но вижу, как он усмехается, а его глаза блестят от удовольствия.

— Итак... тебе правда понравился мой набросок? — спрашивает он мягко.

— Правда, — подтверждаю я, закрепляя ответ проникновенным взглядом, старательно делая вид, что впечатлена.

— Почему?

Хм-м-м... Что-то подсказывает, что «мне просто понравилось, ладно?» не хватит. Потому я думаю, почему же мне понравился набросок.

— Он был... искренним, — даю я ответ после секундного размышления, пожимая плечом.

Лео мгновение глядит на меня, и на его высокомерном лице выражение, не поддающееся расшифровке. После он смотрит на свои часы «Таг Хоер», которые, вероятно, стоили столько же, сколько и машина.

— Тебе нравится кофе, Люсиль? — спрашивает он внезапно, устремляя взгляд в небо, словно обдумывая идею, и поглаживает слегка заросший щетиной подбородок.

— Еще как! — отвечаю я радостно. *Достойная Женщина должна быть полна энтузиазма.*

— Ну, значит, решено. — Кивает он и, к моему удивлению, прекращает ловить такси. Вместо этого мы идем по улице.

Куда мы направляемся? Я думала, мы ловим такси до ресторана. Мы пересекаем забитую дорогу и проходим немного дальше, пока не останавливаемся у маленькой кофейни. Голубая неоновая вывеска на окне вспыхивает словами «*Яванский кофе Маленького Джо*»... «*Яванский кофе Маленького Джо*».

— Вот мы и пришли, — объявляет Лео, сияя.

Чего? Это не потрясающий дорогой ресторан. Где потрясающий дорогой ресторан, в который он должен меня отвести?

— Сюда? — спрашиваю я неуверенно.

Лео усмехается, ослабляет узел галстука, одной рукой отточенным движением расстегивает верхнюю пуговицу рубашки и делает шаг вперед, открывая для меня дверь.

Я мгновение не схожу с тротуара. Бабушка говорила, что он отведет меня в ресторан. Я выучила всю чушь о том, как Достойная Женщина должна вести себя за столом! И *совсем ничего* не знаю о том, как Достойная Женщина должна вести себя в кофейне!

Сбитая с толку, я следую за Лео внутрь, где меня сражает слишком насыщенный аромат жарящихся кофейных зерен, который в любой другой день я бы отнесла к числу любимых запахов, но сегодня, учитывая неприятные ощущения в животе, он не доставляет мне удовольствия.

Кофейня *«Яванский кофе Маленького Джозо»* маленькая, уютная и заполненная людьми до предела. Повсюду виднеются безвкусные низкие бархатные диваны и набитые потрепанные мешки из-под зерен, а на них, прижатые друг к другу, восседают необычного вида творческие личности. Все смотрят на освещенную софитом маленькую сцену в другом конце помещения. Я следую за их взглядами и вижу мужчину с редкими взъерошенными волосами длиной до подбородка, одетого в водолазку и говорящего в микрофон. Он... декламирует *стихи*?

— Мне нравится здешний поэтический открытый микрофон. — Лео ухмыляется, пока мы держим наш путь к крошечному свободному столу в углу. Он выдвигает для меня стул и подзывает официанта.

Лео Фрост. Художник. Мыслитель. Человек. Поэт?

— Эм, изумительно. — Я пытаюсь казаться взволнованной. — Я... обожаю стихи. Безмерно.

Какая же я лгунья. Нет ничего *хуже* стихов, и это говорит человек, получивший степень по английской литературе. Почему он привел меня сюда? Уф. Мне на самом деле паршиво, и аромат кофе только ухудшает ситуацию. Сегодня все идет совсем не так, как говорила бабушка.

Как только официант приносит заказанные напитки, мой телефон оповещает о получении сообщения. Оно от Пич.

«Мне плохо как никогда! Как думаешь, дело может быть в том шашлыке? Надеюсь, ты в порядке. С любовью, Леди Пи. х»

Шашлык! Твою мать, это потому мне так хреново? То есть, наверняка именно поэтому, ведь прежде мне никогда не было так плохо после ночных гуляний.

Как будто в ответ в животе чудовищно бурлит.

О, нет.

Глава двадцать вторая

Создайте связь с вашим спутником, интересуясь его увлечениями. Может получаться неестественно, но со временем вы научитесь любить его хобби так, как если бы они были вашими.

Следующие сорок пять минут я тихонечко потягиваю воду, противясь рвотным позывам и пытаюсь казаться невероятно заинтересованной в поэтическом открытом микрофоне. Все посетители «*Яванского кофе Маленького Джо*» безумно рады быть здесь, и Лео рад больше всех. Ему на самом деле это нравится, он энергично аплодирует после каждого выступления и кивает так, словно *понимает*, о чем на сцене декламируют. Почему Валентина не рассказала мне о его увлечении? А она вообще знала? Я ожидала от него совсем не этого. Вообще, высокомерный рекламщик-сексист не вызывает ассоциаций с чувственными набросками и поэзией. Я в смятении.

Когда (слава Господу Богу) наступает перерыв, я наклоняюсь к Лео.

— Итак, как долго ты сюда ходишь? — спрашиваю я заинтересованно.

— Давненько, — отвечает он, делая глоток эспрессо. — Хотя, с девушкой никогда, задумайся об этом.

И чем я заслужила такой ад?

Я кладу руку себе на грудь.

— И почему мне так повезло?

Лео задумчиво глядит на меня.

— Не могу точно сказать. Наверное, ты кажешься немного... *отличающейся* от девушек, с которыми я обычно вижусь... Немного необычной. — Он бросает взгляд на кружевной пучок на шляпке, после чего переводит его на мое напудренное лицо. — Я подумал, тебе может понравиться более нетрадиционное место.

Ему кажется, что я необычная? Цель была не такой. Тупая смешная шляпа. Я пытаюсь скрыть замешательство и демонстрирую энтузиазм настолько рьяно, насколько могу.

— О, да, мне *нравится*, — мурлычу я, оглядывая кофейню так, словно ни в одном месте в мире не хотела бы быть больше, чем здесь. — Открытый поэтический микрофон — это *замечательно*. Я... я прихожу в такие места постоянно. Я безумно рада, что ты привел меня сюда. Рада с большой буквы Р. — Я гляжу на него поверх ресниц. Похоже, ему нравится мое фальшивое возбуждение, потому я продолжаю. — Ах, если бы я знала, что мы пойдем на такое мероприятие, то, эм, записалась бы в очередь! Это так... смело и, эм... экспрессивно — делиться на сцене тем, *что на душе*. Чтобы, эм, обрести связь с незнакомцами. Это так... эм... — Что они в университете всегда говорили про поэзию на лекциях? — Так авангардно!

Лео медленно кивает, будто я только что сказала нечто проникновенное. Он обнимает меня за талию, прижимает ладонь к ребрам и большим пальцем начинает медленно выводить круги, на что мое тело, к несчастью, не отвечает сиюсекундным отвращением.

— Люсиль Дарлинг, — произносит он, глядя на меня странно и оценивающе. — Ну разве ты не неожиданная прелесть?

— Я такая, — отвечаю я, посмеиваясь гортанно и соблазнительно. — Я... такая.

Лео притягивает меня ближе, а на сцену тем временем поднимается очередной поэт-любитель.

Невзирая на тотальную безрадостность, абсолютную неготовность и нахождение на грани того, чтобы проблеваться как лохушка, я каким-то образом, в самых неблагоприятных обстоятельствах, вызвала интерес Лео Фроста.

Свидание проходит достаточно неплохо. Благодаря формату вечера нам почти не приходится общаться, так что я стараюсь дистанцироваться, потягивать воду, глубоко дышать и дожидаться, когда все закончится и когда я смогу скользнуть в свою кровать, чтобы погладить живот. Но как только мне кажется, что я смогу вынести этот вечер, в меня летит крученный мяч.

И хочу сказать — огромный.

— А теперь, слушайте все, сегодня мы решили привнести в наш вечер поэзии импровизации, — говорит в микрофон похожий на козлика ведущий. Толпа в ответ охает. — В этой части вечера случайные люди из зрителей поднимутся на сцену, чтобы продекламировать что-нибудь экспромтом.

Да боже ты мой, *еще?! Мы ведь услышали уже так много стихов! Я оглядываю толпу с отвращением, пытаясь так осторожно, как могу. Эти люди прямо-таки одержимы стихами. Им все время мало. Выхода нет. Я в поэтическом чистилище.*

Ведущий достает клочок бумаги из шляпы.

— Ладно, ребята, первым, кто будет импровизировать для нас... Люсиль Дарлинг.

И только потому, что Люсиль Дарлинг не мое настоящее имя, у меня уходит секунда на то, чтобы понять.

Какого. Мать его. Хрена?

Нет.

Я поворачиваюсь к Лео в ужасе. Он широко улыбается.

— Я положил твое имя, когда ты ходила в уборную. Ты говорила, что если бы знала, что мы пойдем сюда, то сама бы поднялась. Так вот, теперь у тебя есть такая возможность. — Он кажется таким довольным собой. Словно оказывает мне услугу. Вот придурок!

Лео Фрост. Художник. Мыслитель. Человек. Придурок.

Как поступить? Я бросаю взгляд на дверь. Едва ли я смогу сбежать, да? Тем более, когда я смогла зайти так далеко, и когда все силы ушли на то, чтобы не показать, как плохо мне на самом деле. Если я сбегу сейчас, то все старания были напрасными. Вообще все было зря. Вот дерьмо.

Лео поднимается и указывает на зрителей так, как делал на презентации «Пчеловода», когда все медленно аплодировали его нелестному высказыванию обо мне.

— Давайте же поаплодируем Люсиль! — выкрикивает он уверенным, глубоким баритоном.

— Я не...

— Просто закрой глаза, Люсиль, — говорит он убедительно. — Выплесни все, ты прекрасно справишься.

Бляха муха.

Зрители сердечно хлопают и щелкают пальцами.

Никто бы никогда не назвал меня стеснительной, но сейчас мои колени трясутся как никогда. Лео, кажется, проникся идеей отправления меня на сцену. А бабушка говорила, что я должна продемонстрировать энтузиазм изо всех сил...

Перестань быть неудачницей, Джесс. Просто действуй.

Я медленно встаю из-за стола и поправляю юбку-карандаш, пытаюсь игнорировать болезненное бурление в животе. Затем неуверенной походкой направляюсь к сцене и протягиваю ведущему руку, чтобы тот помог мне подняться.

Беру микрофон и щурюсь, когда софит бьет по глазам.

Ладно. Это всего лишь стих. Крошечный стишок. Мне просто нужно соединить вместе случайные слова и притвориться, будто они что-то для меня значат. И потом я смогу пойти домой, в кроватку, где мне и место. Итак. Случайные слова...

Я глубоко вздыхаю и пытаюсь сосредоточиться.

— Эм... Сокс⁴⁷, — шепчу я в микрофон.

Твою мать. Нет. Эти слова Фреди Принц-младший сказал в фильме «*Это все она*». Мои стихи не могут быть тоже о *соксе*. Зрители считают, что это остроумная ироническая шутка и заливаются смехом.

— Ха-ха, — соглашаюсь я.

Хорошо. Время стиха.

— *Пропитанное дождем небо*, — хрипло выдавливаю я, ведь мое горло внезапно пересыхает и становится жестким. Лео улыбается мне и кивает, чтобы подбодрить, его рыжие волосы светятся в толпе.

— *Ох, почему... Ох, отчего. Как ты дало ей... улететь?*

Что я вообще несу? Я моргаю, глядя на зрителей. Они не выглядят впечатленными. Я их не виню. Это отстой.

Я решаю последовать совету Лео и закрываю глаза.

Эм...

— *Лишь пустота*, — продолжаю я. — *И тишина, не видно лиц. Хватит стонать. Дай сну настать.*

Я откашливаюсь.

— *Этот... э, пазл, не постичь. Мне не узнать, лишь отпустить. Теперь... ты бросила меня одну... Моя Роуз.*

Роуз. Мама. Я тут же распахиваю глаза. Тяжело сглатываю. Откуда это, черт возьми, взялось?

Зал, почувствовав, что я закончила, взрывается громкими аплодисментами.

Чувствую себя паршиво.

Здесь слишком жарко.

Прошлой ночью я выпила слишком много.

Шашлык был гипержирным.

Головная боль убивает меня. Аромат кофе слишком сильный.

Думаю, мне нужно...

— Вырвать, — шепчу я.

Откладывая микрофон, я соскакиваю со сцены и бегу в дамскую комнату прямо мимо пораженного Лео Фроста. Я успеваю добежать до туалета как раз вовремя, чтобы извергнуть рвотную массу так, как не делала еще никогда за всю жизнь. Я блюю просто как чемпион.

Я слышу глубокий голос Лео из-за стенки кабинки.

— Люсиль?

Чтоб тебя!

Я хватаю туалетную бумагу и легко промокаю ею рот, стараясь не размазать розовую помаду, которую бабушка наносила с таким усердием. Как же погано я себя чувствую. Никогда не стану пить столько пряной водки и никогда больше не стану есть сомнительные шашлыки.

— Я в порядке, — говорю я настолько задорно, насколько могу, то есть никак. — Съела что-то не то. — Мой голос дрожит. Интересно, Лео Фрост слышал, как меня тошнило?

Я встаю, трясущимися руками приоткрываю дверь и выглядываю из-за нее. Он ухмыляется. Ага. Он совершенно точно был свидетелем моей тошноты.

Твою мать. *Твою мать.*

Ну, теперь-то я точно все испортила. Я, черт подери, почти на сто процентов уверена, что Достойная Женщина ни при каких обстоятельствах не должна прочищать желудок неподалеку от своего суженого.

Все кончено. Проект завершен. Из подобной ситуации выхода нет.

Я сдергиваю смехотворную шляпку бабушки и вздыхаю, потирая лицо.

— Слушай... Лео, ты можешь, ну, уйти. Я пойму. — Я тяжело вздыхаю и сбрасываю маску притворства. Какой смысл? Я это к тому, что вряд ли он захочет видеть меня снова после того, как на сцене я изображала правильную девицу, а потом экстравагантно блевала в его присутствии.

Господи, как же мне плохо.

Лео Фрост делает шаг ко мне, и его силуэт заполняет крошечную кабинку женского туалета. Он садится на корточки и развязывает тугой розово-фиолетовый шарф, чтобы снять его с меня и, сложив, убрать в карман рубашки.

— Это может мешать, — говорит он спокойно.

Не успеваю я ответить, как мой желудок снова заводит свою кошмарную песню. Я разворачиваюсь обратно к унитазу и продолжаю освобождать желудок. Боже, это худшее фальшивое свидание за всю историю вселенной.

Но затем происходит самое странное. Лео наклоняется, собирает мои волосы и аккуратно убирает их от моего лица и подальше от унитаза. И терпеливо держит их, пока я не заканчиваю.

Когда содержимое моего желудка смыто прочь, я спиной упираюсь в стену кабинки и делаю глубокий, успокаивающий вдох. Не говоря ни слова, Лео быстро выбегает, чтобы принести мне стакан холодной воды. Когда он возвращается, то подтягивает дорогие брюки и садится на пол рядом со мной.

Я поглаживаю живот и выдыхаю, надувая щеки, беру у Лео стакан воды и бормочу благодарности.

— *Невозможно*, чтобы осталось что-то еще.

Бабушка была бы в ужасе, если бы увидела, что мое первое свидание с Лео закончилось на чертовом полу уборной. Она бы разрыдалась, зуб даю.

— Нам следует отвезти тебя домой, — предлагает Лео низким голосом. — Если ты останешься в туалете кофейни, к следующему свиданию тебе точно не станет лучше. Хотя, если подумать, это не самая ужасная уборная. Да и вообще, здесь неплохой выбор материалов для чтения.

Лео указывает на разрисованную граффити стену кабинки.

Стойте... Он только что говорил про *следующее свидание*?

Что-о-о? После всего произошедшего он все еще заинтересован?

Не понимаю...

Разве что... Боже, дело, должно быть, в том, с каким энтузиазмом я говорила о поэзии. Похоже, бабушка была права. Притворяясь заинтересованной в том, что интересно *ему*, я смогла зацепить его. Я зацепила его так сильно, что он не обратил внимания на рвоту. Ого-го. Матильда Бим, вероятно, волшебница.

Я моргаю в изумлении. Итак... Проект *не* завершен?

Я прочищаю горло и устремляю взгляд на Лео.

— Ох, Лео, — тихонько напеваю я голосом Люсиль. — Ты тако-о-ой заботливый.

И мы снова в игре.

Лео заказывает машину компании «Вулф Фрост», чтобы доставить меня до Бонэм Сквер, и когда я оказываюсь дома, бабушка с нетерпением ждет моего возвращения.

Когда я вхожу в гостиную комнату, она так резко поднимается с кресла, что «*Любовник Леди Чаттерлей*» падает на пол. Ага. Она сладко проводит время именно с этой книжкой. Интересно, она, как и я, просто перечитывает пикантные моменты?

— Как прошло, дорогая? — спрашивает она, не справляясь с чувствами. — Что случилось? Я ждала твоего возвращения!

Я падаю на диван и расслабляюсь, лишившись остатков энергии.

— Фрост отвел меня в кофейню.

Бабушка изумленно моргает.

— Не на ужин? Как... необычно.

— На вечер поэзии.

— Поэзии? — Лицо бабушки вытягивается. — Бедняжка.

Если бы мне не было так паршиво, я бы рассмеялась.

— Он пытался поцеловать тебя? — спрашивает она с надеждой в голосе.

Хм-м. Думаю, он мог бы, если бы меня не стошнило. Но бабушке об этом знать необязательно, это подкосит ее.

— Пытался, — лгу я. — Но я отвернулась, так что он поцеловал меня лишь в щеку, как и сказано в руководстве. Он позвал меня на второе свидание в четверг.

— Ох, как замечательно! — Бабушка складывает ладони вместе. — Я так рада, Джессика. Ты хорошо справляешься. Очень хорошо. Помни, все произошедшее ты должна описать в книге. Чем раньше у нас будет что-то для Валентины, тем лучше.

Ах да. Первые двадцать тысяч слов. А я и забыла. Буэ.

Бабушка вперивается в меня взглядом сквозь свои огромные красные очки.

— С тобой все в порядке? Ты бледновата. — Она тянется ко мне и тыльной стороной ладони касается моего лба.

— Я чувствую себя неважно. — Преуменьшение века. — Не о чем беспокоиться. Просто крутит живот.

— Хм-м, — бормочет бабушка. — Пич тоже неважно себя чувствовала. Вероятно, какая-то инфекция. — Она хлопает меня по колену. — Отправляйся в постель, дорогая. Уверена, вам обоим утром станет *гораздо* лучше. Утром *все* кажется лучше.

Дневник Роуз Бим

8 июня 1985

Не знаю, упоминала ли, что отец с матерью обновляют клятвы?.. Неважно, они их обновляют, и с приближением даты мероприятия мама все больше перевоплощается в стопроцентную Достойную Женщину. Кто бы мог подумать, что ей мало забот с Женским Институтом Матильды Бим и бесконечным вмешательством в МОЮ жизнь? Но как бы меня ни раздражала ее суетливость, ничего не могу с собой поделать, но уже предвкушаю.

Они любят друг друга невероятно сильно, и сомнений быть не может, что это будет самый стильный вечер из тех, что проводились в Лондоне за последнее время. Если чего я и не могу отрицать, так того, что моя мама знает, как устраивать грандиозные вечеринки. Они соберут всех сумеречным летним вечером в собственном саду перед домом. Папа сегодня примерял свой новый костюм, он выглядел великолепно и был взбудоражен. Хотелось бы мне рассказать им о Томе, но чувствую, что еще слишком рано, и они наверняка бурно отреагируют. Я знаю, что они не могут мне запретить с кем-то видаться, я же, как-никак, взрослая. Но я не вынесу, если они будут огорчены из-за меня. Несмотря на мои причитания, они души во мне не чают. Может, я их недооцениваю. Может, они увидят, какой счастливой меня делает Том, и поймут, что наше решение быть вместе — верное.

Глава двадцать третья

Нет практически ничего, чего бы не исправил здоровый сон. Утром жизнь всегда кажется лучше!

Матильда Бим, «Как быть достойной матерью», 1959

Бабушка ошиблась насчет того, что утром будет лучше. Ни за что бы не поверила, что можно чувствовать себя хуже, чем вчера, но что есть, того не отнять. Я почти всю ночь не спала из-за боли в животе, а сейчас валяюсь в кровати и стону, пока бабушка суетится, измеряя мою температуру и ежечасно принося какие-то порошки.

Пич тоже намного хуже. Мы пишем друг другу сообщения, не вставая с наших постелей, и желаем владельцу забегаловки с сомнительными шашлыками зла. Если конкретнее: чтобы он подавился одним из своих чертовых шашлыков.

Ненавижу плохое самочувствие. Когда тебе плохо, то приходится лежать. А когда ты лежишь, то нет отвлекающих факторов, и все, о чем так не хотелось думать, начинает пробуждаться и выплывать наружу. Взрослея, я никогда не болела. Просто потому, что когда есть болеющая мать, за которой нужно приглядывать, на свои недуги времени нет.

Я пытаюсь отвлечься, выйдя в Интернет. Открываю приложение «Фейсбук», чтобы посмотреть, поинтересовался ли хоть кто-нибудь тем, куда я пропала, как я или чем занимаюсь. Но сообщений или постов, обращенных ко мне, нет, только запрос в друзья от Пич Кармайкл, который я принимаю. Перехожу к новостям. Вот статус от Бетти из Дидсбери — она планирует вечеринку по случаю дня рождения Генри. И, ох, несколько фото от Эми Кипласс — их новые покрашенные плитуса. Я листаю новости дальше и вижу, что Саммер несколько раз обновляла статус, оставляя пассивно-агрессивные узконаправленные сообщения.

Саммер Спенсер

Наглость некоторых людей поражает. #злюсь

Саммер Спенсер

Ты отдаешь и отдаешь, а некоторые люди только берут. Я вынесла урок. #идудальше #озарение

Саммер Спенсер

Думаю, определенные люди получают то, чего заслуживают.

Карма — сучка, народ. #безсожалений #переменчиваякарма #котенокмой

Сердито закатывая глаза, я выхожу из «Фейсбука» и лезу в «Гугл», куда лениво вбиваю запрос «Лео Фрост». Я немного напугана произошедшим прошлым вечером. Лео был лучше вопреки моим ожиданиям. Да весь вечер был неожиданно приятным. Да, в целом он позер — он был снобом на презентации «Пчеловода», и я слышала его сексистские выражения на ретро-ярмарке, — но момент с поэзией и то, что он не повел себя как придурок, когда меня тошнило, его стычка с отцом и тот великолепный набросок... Я, как бы сказать, *не ненавидела* его.

«Гугл» выдает несколько статей о Лео Фросте, вундеркинде рекламы, его подъеме на вершину под руководством влиятельного и безжалостного Руфуса Фроста и о том, что он получил номинацию на премию лондонской рекламной ассоциации — благодаря чему стал самым молодым номинантом на эту премию. Я уже прочитала все это, изучая его несколько дней назад, потому минуя эти статьи и просматриваю бесчисленные сайты со слухами, которые регулярно ловят Лео в крутых барах, на модных вечерах и во время отдыха со знаменитостями. Я переключаюсь на картинки «Гугл». Среди них есть фото его рекламных рисунков — пустых и холодных работ для рекламы машин, гольф-клубов, пива и прочих мужских штук, — но основную массу составляют снимки папарацци, на которых Лео запечатлен с моделями в его объятиях. О, а вот он с Валентиной. Они уходят из клуба, она целует его в щеку, а он высокомерно лыбится в камеру.

Судя по тому, как на фото изогнуты его губы, его Купидон летает чуть выше и ухмыляется... Прошлой ночью он был совсем другим.

Может, у него есть злой близнец.

Может, и нет — это же не «*Любовь и тайны Сансет Бич*»⁴⁸.

Запутавшаяся, я захожу в телефонную книгу и набираю номер Валентины.

Она отвечает после трех гудков.

— Джесс? Это ты?

— Я. — Я сажусь в кровати, поправляю подушку за спиной и делаю глоток воды.

— Джесс, моя ясная сладость, как ты там? Как продвигается мой любимый проект? Я так взволнована.

— Эм, думаю, все хорошо... Вообще-то, я звоню, потому что вчера мы с Лео сходили на первое свидание.

— Подожди, я на ланче, здесь шумно, давай, я выйду.

Я слышу ее извинения перед тем, с кем у нее встреча, а потом цокот каблучков по деревянному полу.

— Я здесь. Продолжай. Рассказывай. Как прошло? Он гребанный террорист, да? Такой очаровательный. И такой придурок.

— В общем, потому я и звоню, Валентина. Лео Фрост, несомненно, недостойный болван, тут и думать нечего, но он не был, ну, не был полным придурком. Он был совсем не таким, как я ждала...

— Он очаровал тебя роскошным ужином и дорогими винами, верно? Вручал экстравагантные подарки? Экзотические цветы? Шоколад ручной работы «Артизан»? Говорил, что твое лицо слаще нектара? Очень легко попасться на эти уловки, но...

— Эм, нет, в том-то и дело. Он не сделал ничего из перечисленного. Он не повел меня на ужин. Казалось, будто он хотел, но потом передумал и отвел меня на поэтический вечер. В какую-то маленькую кофейню.

На том конце телефона лишь тишина.

— Поэзия? Боже.

— И я о том же, понимаешь?

— Хм-м-м. — Я слышу, как она длинным ногтем стучит по трубке. — Когда мы виделись, он никогда не говорил о поэзии. Он, само собой, пытался затащить тебя в постель?

— Эм, нет. Фу. Но я источала энергетические волны «не такой девушки», как велела бабушка.

— Господи... Должно быть, он пробует новые стратегии. Наверное, все дело в этом. Лео — акула, и что касается женщин, то единственное, чего он хочет — это затащить их в койку, а потом, когда станет скучно или когда он почувствует давление, бессердечно бросить. Должно быть, он меняет стиль... Любопытно. Не теряй головы, милая, наивная Джессика. У тебя должно быть превосходство над ним. Следуй бабушкиным советам и помни, с кем имеешь дело. Держи меня в курсе дела, хорошо? Мне нужно возвращаться на ланч, но скоро еще пообщаемся, и, Джессика, помни... Лео Фросту нельзя верить.

Она говорит так, словно я иду на войну. Ого. Бедная Валентина. Он и правда сделал ей больно.

Я прощаюсь и нажимаю на кнопку завершения вызова.

Лео Фрост. Художник. Мыслитель. Человек. Нельзя верить.

То есть, все было игрой? Он думал, что таким я хочу его видеть и потому вел себя подобным образом? Чтобы просто затащить в постель? Похоже на то, что с ним делаю я...

Я вспоминаю, как Лео аккуратно снимал шарф с моей шеи, как придерживал мои волосы. Вообще весь вечер и его сентиментальность. Как он советовал закрыть глаза и просто «выплеснуть все» перед моим выходом на сцену. *И ведь я так, черт подери, и поступила.*

Ох, он хорош. Он охренительно хорош.

Ближе к пяти часам я чувствую улучшение и, судя по сообщениям, Пич тоже. Бабушка носится из моей комнаты в комнату Пич и обратно, чтобы принести нам воды и успокоить банальностями. Я же между забегами в туалет и накатывающей жалостью к себе смотрю на айфоне шоу «Вас сняли»⁴⁹.

Когда раздается очередной стук в дверь, я думаю, что это бабушка принесла очередной порошок для восстановления жидкостного баланса, но ошибаюсь. Это Джейми. Он вливается в комнату, а за ним следует мальчик в футбольной форме с логотипом «Лидс Юнайтед» и с футбольным мячом в руке. За ними вбегает бабушка, чтобы как можно скорее измерить мою температуру в миллиардный раз.

— Джессика, дорогая, хирургическое отделение по субботам не работает, потому я взяла на себя смелость позвонить доктору Куреши. К несчастью, его не было, потому здесь доктор Абернати... — произносит она его имя, сморщив нос, но ее можно понять, ведь она видела его шары. — Он согласился взглянуть на вас с Пич, чтобы отместить серьезные опасения. Наверное, гм, следует ее предоставить вам, доктор Абернати.

Ее подбородок начинает легко подрагивать, и бабушка стремительно вылетает из

комнаты.

Господи.

— Эм... привет, — здороваюсь я, вздыхая. — Я в порядке, правда. Прости, что она позвонила тебе, мы всего-то сутки тому назад съели несвежий шашлык, вот и все. Она слишком волнуется.

Мальчишка подбегает к двери балкона и глядит в окно на большой парк напротив Бонэм Сквер.

— Ого-го, отсюда столько видно! — кричит он восторженно.

— Это Чарли, мой племянник, — усмехается Джейми горделиво.

Ох, да. Он говорил о том, что к нему на выходные приедет погостить племянник.

— Я показывал ему клинику, когда Старая Леди, ой, миссис Бим позвонила и сказала, что тебе нездоровится. Поздоровайся с Джесс, Чарли.

— Здравствуйте, Джесс, — произносит Чарли смущенно, отступая от балкона, чтобы получше рассмотреть меня во всей моей тошнотворной красоте. — За какую команду вы болеете?

— Ой, хм. Ну, не знаю... — Я смотрю на его футболку. — «Лидс Юнайтед?»

Правильный ответ. Чарли вскидывает кулак в воздух, а Джейми смеется моей находчивости.

— О, круто, кот! — Чарли несется к креслу, где рядом с куклой Фелисити расслабленно лежит Мистер Беддинг. Чарли опускается на колени на ковер и в свою крохотную руку бережно берет лапу Мистера Белдинга.

— Играй с котом аккуратно, Чарли, — просит Джейми, легко картавя. — Я только проверю Джессику, чтобы мы могли помочь ей.

Чарли серьезно кивает.

— Да все в порядке, честно. — Я закатываю глаза. — Тебе не нужно...

Джейми садится на кровать рядом со мной и затыкает меня, запихивая градусник мне в рот. Он берет стетоскоп, висящий у него на шее, и проскальзывает холодным металлом под ночнушку. Это странно.

— Ладно, пульс чуть выше нормы, но не слабый, так что ты, вероятно, не обезвожена.

Он достает градусник и изучает его.

— Жара нет.

Легким толчком в плечо он вынуждает меня лечь и кладет свою ладонь на мой живот, вызывая приятные ощущения. В голове всплывает картина последнего раза, когда его рука была в той области. И я уношусь в еще более сладостное воспоминание.

— Как дела со стулом? — спрашивает Джейми бодро.

И я рухнула обратно на землю.

— Уходи! — я сажусь и отталкиваю его. — Я в норме. *Сказала же* — это был шашлык и слишком много пива.

Он смеется, рукой проводит по щетине и поднимается.

— Хорошо, ты и правда в порядке. Как ты и сказала, обычное пищевое отравление. Пей много жидкости, ладно? И пока не перестанешь блевать, ешь только сухие хлебцы.

Я качаю головой.

— Милая терминология, док. Хорошо. Поняла. Предписание получено.

Джейми наклоняется ко мне и целует в щеку.

— Отстань. — Я верчусь на месте, отпихивая его. — Я противная.

— Поправляйся. Скоро увидимся... тайно, — шепчет он, многозначительно ухмыляясь.

Затем продолжает нормальным голосом: — Вперед, Чарли. Наш следующий пациент ждет.

Чарли быстро встает с пола, пугает Мистера Белдинга, кот начинает царапать воздух и сталкивает Фелисити с кресла на пол, отчего ее фарфоровое лицо с грохотом разлетается на три острых осколка. Из-за шума Чарли раздражается рыданиями. Очень громкими.

Я взволнованно спрыгиваю с кровати. Джейми торопится к Чарли.

— Ого, смотри под ноги, приятель! — предупреждает он, поднимая ребенка на руки и глядя на него с нежностью, и от этого взгляда у меня по шее бегут мурашки.

— Мне жаль, — меняясь в лице, говорит Джейми, когда Чарли наконец успокаивается: после долгих объятий и утешений. — Дети, сама понимаешь.

Нет, не понимаю.

— Ой, да не беспокойся ты об этом. — Я легкомысленно отмахиваюсь, выталкивая его и устраивая взбешенного Мистера Белдинга на коленях. — Я приберусь здесь. Тебе нужно осмотреть Пич. Спасибо, что пришел. Это *совсем* не неловко.

Джейми колеблется, стоя у двери, и беспокойно смотрит на разбитую куклу.

— Иди! Все в порядке. Это просто кукла! — успокаиваю я его, пожимая плечом. — Правда, она не такая уж и важная.

Ох, но она важная. По всей вероятности, она *безумно* важная. Обнаружив разбитую Фелисити на полу, бабушка сама едва не падает там же. Мне казалось, я видела ее в чудовищнейшем раздрае, но я ошибалась. Такого я не видела.

— Блин, я все уберу, хорошо? — Я стремительно отползаю обратно к кровати в ужасе. — Я просто, ну, знаешь, подожду нового всплеска энергии. Нет! Не плачь! Это был самый настоящий несчастный случай.

Бабушка берет фигурку куклы в руки, прижимает ее к груди и вопит. Она даже не заметила, что я сказала «блин».

Твою мать.

— Мы купим новую, — пытаюсь я достучаться. — Я заплачу за нее. Ее привезут сегодня же.

Бабушка медленно садится на кресло. Она несколько раз рвано вдыхает.

— Новых *нет*, — бормочет она, аккуратно поправляя передник Фелисити.

— Я уверена, они продаются в «Аргос»⁵⁰, — говорю я бодро. В «Аргос» всегда продается подобное барахло. — Я посмотрю, хочешь? — Я хватаю телефон с края стола и открываю браузер.

— Ты не понимаешь. Это была кукла Роуз.

— Что? — Я роняю телефон на одеяло. Это мамины куклы? Я знала, что она была не в себе, но... фарфоровые куклы?

— *Все* эти куклы — ее, — шмыгает бабушка, указывая на кучу жутких фарфоровых кукол, расставленных по всей комнате. — Мы с Джеком дарили ей по кукле на каждый ее день рождения, включая самый первый. Эта — последняя, ее мы подарили перед тем, как...

Бабушка ударяется в слезы.

— Перед чем?

— Перед тем, как она ушла. А теперь куклы нет. Сломана, и ее не починить. Я никогда не смогу все исправить.

Я взглядом сканирую комнату, считая кукол. Включая Фелисити, здесь двадцать пять штук. По одной в год на протяжении двадцати пяти лет.

Маме было двадцать пять, когда она забеременела мной.

Это не может быть совпадением. Твою мать, это я была причиной, почему она ушла от Матильды и Джека?

Не думаю, что хочу знать ответ. Копание в прошлом не заканчивается добром. Но мне вдруг становится невыносимо любопытно.

— Эм, почему... почему мама ушла? — спрашиваю я мягко, ощущая, будто по голове ползут мурашки. Я сжимаю кулаки и игнорирую это ощущение. — Я к тому, что она никогда не говорила о своей жизни здесь, о тебе или дедушке Джеке. Это было... — Мой голос непривычно сдавленный. Я сплываю. — Это из-за меня? По моей вине она ушла? Потому что, ну, понимаешь, она была беременна мной.

Мы с бабушкой встречаемся взглядами, и она моргает так часто, будто мгновение тому назад не помнила о моем присутствии в комнате. Она резко вдыхает, снимает очки и яростно вытирает слезы вышитым платком.

— Естественно, нет, Джессика, — говорит она, быстро стуча пальцем по носу, и пытается казаться оживленной. — Твоя мама ушла из дома, потому что она... хотела быть независимой. Ты там *ни при чем*, дорогая. Совсем ни при чем. Даже не думай так.

Я хмурюсь. Не хочу давить на нее, да и не хочу, чтобы она снова расплакалась, но... что-то не сходится.

— Но... если она ушла из дома, потому что хотела быть независимой, то почему вы не общались? Почему *мы* познакомились только сейчас? Почему...

Бабушка перебивает меня резким вздохом.

— Боже мой, это Пич? Она... Она звала меня?

Я тру лицо. И ничего не слышу.

— Да. Точно, так и есть, я слышу Пич. — Бабушка поднимает осколки Фелисити и прижимает их к груди. — Должно быть, ей очень плохо. Мне нужно сходить и проверить ее прямо сейчас.

— Стой...

Бабушка игнорирует меня и стремительно вылетает из комнаты. Она кричит на весь коридор:

— Отдыхай, дорогая. У нас впереди плотная неделя. Дел навалом!

Если раньше я не была уверена, что бабушка скрывает что-то о маме, то сейчас готова дать руку на отсечение.

И я выясню, в чем дело.

Дневник Роуз

12 Июня 1985

Мама пригласила Пембертонов заглянуть на возобновление клятв в субботу. Я знаю, что она намеревается расхвалить меня, как какую-то призовую корову на распродаже — даже дала мне пару перчаток, которые сама носила на каком-то бестолковом дебюте сотню лет назад. Перчатки летом. Господи. Я даже не могу выйти из себя, ведь она так ждет этот вечер, а я не хочу портить ей настроение. Между мной и Найджелом никогда ничего не будет. Я пыталась сказать ей об этом миллион раз, но она настаивает, чтобы я

дала Найджелу шанс, ведь он «безупречный джентльмен», а любовь с первого взгляда — просто глупость. Ну, я-то знаю, что не глупость, ведь я полюбила Тома с первого мгновения, как увидела его, и у него так же. Я сердцем чувствую, что нам суждено быть вместе. И именно потому я пригласила его на возобновление клятв в качестве гостя. Все происходит раньше, чем мне хотелось бы, но у меня нет выбора. Полагаю, это самый простой сценарий его знакомства с моими родителями. На таком важном вечере они не станут устраивать сцену. Они будут достаточно вежливы, чтобы встретить его как подобает. Том нервничает, храни его Господь. Я хотела ему сказать, что для переживаний нет причин, но это была бы ложь. Я тоже нервничаю.

Глава двадцать четвертая

Мужчине необходимо чувствовать, что он может поделиться со своей подругой самыми сокровенными мыслями и желаниями. Проявите ваше участие, расположив джентльмена к разговору о нем. Будьте внимательны к его эмоциональным потребностям, и он увидит в вас великолепнейшую спутницу жизни быстрее, чем вы произнесете «бриллиантовое кольцо».

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

Все последующие дни я пытаюсь поговорить с бабушкой о маме. В полдень воскресенья я за кухонным столом показываю ей, как на «Ибэй» вывешивать товары, и тогда же, как ни в чем не бывало, снова спрашиваю ее, почему они с мамой все это время не общались. Бабушка избегает ответа, симулируя внезапную кошмарную головную боль, которую «должно быть, вызвал бледный свет экрана компьютера». В понедельник в то же время я пытаюсь застать ее врасплох после дневного сна. Я терпеливо жду за дверью, и когда сонная бабушка выходит из комнаты, то сразу загоняю ее в угол, чтобы узнать, что все-таки произошло, и почему мама ушла. Широко распахнув глаза, бабушка с примятыми после сна волосами, запинаясь, утверждает, что уже и не помнит, и вообще тогда были плохие времена, да и у меня причин для беспокойства нет, а потом она заявляет, что чего-то устала и, если подумать, то ей «нужен второй послеобеденный сон»! После чего, часто моргая, бабушка стремительно удаляется в спальню, захлопнув за собой дверь.

Я пытаюсь задвинуть вопросы без ответов подальше — обычно у меня неплохо получается переключить мозг, — но они продолжают носиться в голове, как дешевые блестки в стеклянном снежном шаре. В понедельник вечером, когда все отправляются по кроватям, я крадусь вниз, чтобы обыскать дом. Я перерываю содержимое ящиков, полок, буфетов, стальных шкафов, чтобы обнаружить хотя бы старое письмо или фото, любое свидетельство маминого пребывания в этом доме и намек на то, что такого с ней стряслось, что оторвало ее от родителей. Но кроме кукол и единственного снимка в рамке, где мама — подросток в скромном праздничном платье, мне не удастся найти, черт возьми, ничего. Я в очередной раз ловлю себя на мысли, что следовало поспрашивать маму о ее жизни, когда была возможность. Может, если бы мне было известно больше, я бы заставила ее рассказать, что случилось, помогла бы все исправить, могла бы не допустить ухудшения ее состояния.

В среду я решаю приостановить свое секретное расследование, потому что дел и без

того хватает, да и, честно говоря, я рада отвлечься от расстраивающих мыслей о маме. Как только весь хлам из коридора выложен на «Ибэй», нас (благодаря моим превосходным описаниям) заваливают предложениями цены, так что между ранними подъемами на тайную пробежку и поздними вылазками в клинику на секс-свидания с доктором Джейми большую часть времени я провожу за организацией аукционов, просьбами отзывов и упаковкой товаров, которые Пич относит на почту. Когда могу, я читаю руководство «*Любовь и Отношения*», с Пич смотрю фильмы с Грейс Келли⁵¹ и под неусыпным надзором бабушки учусь ходить как леди: отставив плечи назад, поджав зад, задрвав нос и делая короткие шаги, легко качая бедрами. В общем, как потаскуха.

Я честно пытаюсь написать хоть пару слов для книги «*Как заполучить мужчину методами 1955 года*», но время, кажется, ускользает от меня, и меня не хватает больше ни на что, кроме как открыть текстовый документ.

Но я напишу.

Точно-точно.

Дни летят, и наступает четверг — день второго свидания с Лео. Несмотря на мои вопросы, он отказался хотя бы намекнуть на то, чем мы займемся, но сказал, чтобы я встретила с ним на Трафальгарской площади у четвертого постамента⁵² в шесть часов. Учитывая, что на прошлом свидании я ни единого чертового понятия не имела, о чем говорить с Лео, то к этому решила попросить бабушку подготовить меня.

— Само собой, цель этого вечера — расположить мистера Фроста к тому, чтобы он раскрылся тебе, — сообщает бабушка, закручивая мою бледно-рыжую прядь в кудряшку, которую, как и все предыдущие, закрепляет отдельной зубчатой заколкой. — Он как можно раньше должен увидеть в тебе того, с кем может поделиться своими надеждами и мечтами. Подругу. Спутницу!

Надеждами и долбаными мечтами? Ого. Звучит супер-сложно. Я не много знаю с вторых свиданиях, потому что за всю свою жизнь не была ни на одном, но мне кажется, что это темы для серьезного разговора. Разве мы не должны говорить о шоу «*Британское меню*»⁵³ или, не знаю, о любимых игрушках из детства?

Я хмуро гляжу на бабушку в отражении обрамленного лампочками зеркала.

— Не слишком ли это напористо? Разве я его не спугну?

Бабушка громко смеется, не отрывая руку от моей головы.

— Достоянная Женщина время от времени и *должна* быть напористой, дорогая. Мужчины не знают ни чего они хотят, ни что им нужно. Это и есть наша забота — указать им. Искусно, разумеется, — добродушно смотрит на меня бабушка. — Людям нравится говорить о себе, Джессика. На самом деле все только того и хотят, чтобы их выслушали.

Но... Это не моя стихия. Что касается эмоциональности, выслушивания и серьезности — это не ко мне. Мне эти области никогда не давались. Когда люди рассказывают что-то личное, они ждут, что ты поведаешь им что-то личное *о себе*. Они называют это «делиться». И потом тебе приходится думать об эмоциональном дерьме и прочих грустных и сложных вещах.

— Ну а если подумать, не могу ли я и дальше притворяться заинтересованной? — пытаюсь я найти альтернативу. — Ему, кажется, понравилось.

Бабушка убирает тонкую прядь седых волос за ухо и, посмеиваясь, грациозно качает головой.

— Конечно, ему понравилось. Но, боюсь, у нас мало времени, и сегодня нам нужно

углубить ваши отношения. Ты должна побудить его раскрыться тебе, Джессика. Задавай ему побольше вопросов о нем. Подтолкни его к тому, чтобы он поведал тебе тайные желания. Будь чутким слушателем, и он увидит в тебе серьезного претендента.

У меня вытягивается лицо.

— Претендента? На что?

— На *любовь*, на что же еще? Доверься мне. — Бабушка хлопает меня по плечу и берет со стола колд-крем «Понд», чтобы увлажнить мое лицо вот уже в сотый раз на этой неделе. — Миллионы женщин следовали моим подсказкам, как влюбить в себя мужчину. Я на *сто процентов* знаю, что делаю.

Я скрещиваю руки на груди и ворчу, глядя в зеркало. Целью всего вечера будет изучение надежд и мечтаний Лео Фроста. Потрясающе!

Нет.

— Ого.

Лео широко улыбается, пока я своей новой плавной походкой «леди» иду к нашему месту встречи, четвертому постаменту, на котором в данный момент мостится ненормальная скульптура кукарекающего на солнце петуха ультрамаринового цвета.

— *O-go*, — повторяет он, разбивая слово на два слова, зелеными глазами изучая каждый дюйм моего тела с неприкрытой похотью. Откровенно говоря, сегодня бабушка справилась со своей задачей великолепно. На мне очередной сарафан, на этот раз насыщенного кораллово-розового цвета, тоже узкий в талии, только вместо тонких бретелек короткие рукава-«крылышки». Ноги втиснуты в бирюзовые туфли на высоком каблуке «Мэри Джейн», а на носу балансируют огромные солнечные очки «Шанель» в черепаховой оправе «кошачий глаз». А с кудряшками в стиле «пин-ап», элегантно обрамляющими искусно накрашенное лицо, я определенно «бомба» из пятидесятых — чуть меньше от невинной Дорис Дэй⁵⁴, чуть больше от чертовски сексапильной Авы Гарднер⁵⁵.

— Ты тоже неплохо выглядишь, — мурлычу я, не торопясь сдвигая очки указательным пальцем. И это правда.

На Лео облегающая темно-синяя рубашка-поло, подчеркивающая его широкие плечи, и темно-коричневые брюки, которые, признаю, демонстрируют его отличную задницу. Его челка как всегда уложена идеально и по-пижонски, но, несмотря на щегольский наряд, он выглядит иначе. Не таким... пижоном.

Я в памяти держу предупреждение Валентины. Лео Фрост *нельзя* верить. Наверняка он так разоделся, потому что *знает*, как хорошо в этом выглядит. Меня не проведешь, и кто теперь неудачник?

Лео Фрост. Художник. Мыслитель. Человек. Неудачник.

— У меня для тебя подарок, — усмехается он, потянувшись к заднему карману брюк.

Ага! Валентина говорила об этом. Вручит мне экстравагантный подарок, чтобы затащить меня в постель. Это, должно быть, что-то маленькое, ведь оно поместилось в задний карман брюк. Украшение? Билет на «Евростар» до Парижа с туром по местам отдыха геев? Маленькое оригами в виде сердца, которое он сделал сам?

Лео вытягивает руку из кармана и протягивает мне... небольшой белый бумажный пакет.

Я осторожно беру его и открывают. Внутри ничего нет. Он дал мне пустой бумажный

пакет.

Чего?

Ох!

Теперь-то я поняла шутку. Это бумажный пакет из самолета. Это совсем не экстравагантный подарок. Лео Фрост подарил мне бумажный пакет на случай рвоты! Я, удивившись, громко хохочу и, продолжая игру, аккуратно убираю пакет в сумочку. *Отлично придумано*, с подозрением размышляю я. Лео смеется в ответ и предлагает мне руку.

— Итак, куда мы сегодня отправимся? — спрашиваю я, мягко беря его под руку, пока мы идем по аллее мимо фонтанов. — Я всю неделю ждала этого вечера.

Лео указывает на Национальную Галерею.

— Туда, — отвечает он, настойчиво ведя меня к ступенькам. — Там закрытая выставка работ Ван Гога⁵⁶, выставлены новые картины, и у меня есть билеты.

Ван Гог?

Твою мать.

Если и есть что-то, в чем я смыслю меньше, чем в поэзии, так это в искусстве.

Боже, ну почему он не может просто отвести меня на ужин, как нормальный человек? Или на рок-концерт. Я эксперт в рок-концертах — я могу отрываться, как никому и не снилось. Ну, не считая одного раза, когда я пыталась проехаться на толпе, но та оказалась немного рассредоточенной и, по большому счету, в воздухе меня держал один плотный парниша.

Я незаметно хмурюсь. Искусство. Лео Фрост выкинул очередную странную карту. Я еле вынесла вечер стихов, не давая спастись маскировке, прячущей настоящую Джесс.

Как, черт подери, мне пережить еще и это?

Глава двадцать пятая

Достойная Женщина утонченная и образованная. Научитесь разбираться в искусстве, классической музыке и литературе. Достойный джентльмен оценит, если его спутница будет не только слушать его мысли о мире, но и понимать их.

Матильда Бим, «Как быть хорошей домохозяйкой», 1957

Я совершенно не в своей тарелке. На выставке полно богатых претенциозных людей, они потягивают винтажное шампанское и обсуждают картины Ван Гога. Они используют такие слова как «мощные», «ритмичные» и «пронзительные», чтобы описать их. Картины великолепны, признаю, но эти люди ведут себя так, словно у них множественные оргазмы. Думаю, та женщина с розовыми щеками, стоящая у «*Подсолнухов*», только что получила еще один. Я сюда не вписываюсь.

Пока мы ходим от одной работы к другой, я пытаюсь узнать о Лео что-нибудь личное, как меня инструктировала бабушка. Но при каждой попытке нас перебивает кто-то из знакомых Лео: клиенты «Вулф Фрост», куча женщин — часть из которых явно влюблена в него, а часть люто ненавидит, но все, без исключения, до смешного красивые — и даже журналист из «*Телеграфа*», обзвещающий мероприятие и крайне заинтересованный в том, чтобы сфотографировать нас с Лео счастливыми до безобразия.

— Не-е-ет! — кричу я, когда фотограф направляет большой фотоаппарат на меня.

Если мое фото появится в национальной газете, меня кто-нибудь обязательно узнает.

Они могут раскрыть меня, и проект будет в опасности. Я не могу рисковать. Не сейчас.

Но моя мольба вырывается слишком поздно, фотограф успевает заснять нас. Блин. Бабушкины старания могут одурачить Лео Фроста, но что насчет людей дома? Людей, которые знают меня в реальной жизни. Они-то за прической, линзами, одеждой и остроконечной грудью узнают меня через секунду.

Лео приподнимает брови.

— Тебе не нравится светиться в прессе?

Я поправляю воротничок платья.

— Эм, нет. Я... не люблю.

Он прищуривается и одобрительно улыбается.

— Как свежо.

Схватив еще два бокала шампанского у проходящего мимо официанта, Лео протягивает один мне. Я притворяюсь частью шампанского заговора и смиренно делаю глоток. Светловолосый мужчина в ярких красных брюках с другого конца зала замечает Лео и начинает яростно махать ему, пробираясь через толпу к нам. Чтобы Лео не заметил его и мне не пришлось изображать из себя красивую картинку, слушая очередной разговор о гольфе, рекламных разворотах и его отце козле, я вынуждена встать прямо перед ним и одарить взглядом из-под ресниц.

— Здесь жарко и людно, не находишь? Не возражаешь, если мы пойдем куда-нибудь, где немного... тише? — Я прикусываю губу. — Я была бы очень благодарна.

Лео смотрит на меня с беспокойством.

— Конечно. Ты в порядке? Наверху должно быть пусто. Идем.

Он берет меня за руку, и мы, незаметно проскальзывая мимо приглашенных, уходим из зала с выставкой работ Ван Гога, чтобы направиться к лифтам. Как только двери закрываются, Лео говорит:

— Убраться подальше от этого шума было хорошей идеей. Хотела бы увидеть картины какого-то конкретного художника? Здесь отличная коллекция.

Мой мозг пуст.

Я *никого* не могу вспомнить. Ни единого чертового художника!

Я их знаю, но сейчас, когда он спросил, я не могу вспомнить ни одного имени. Кроме, разве что Ван Гога, которого мы только что видели.

Напрягаясь, я пальцем стучу по подбородку.

— Хм-м-м, дай-ка подумать...

И тогда, когда мне почти удается выставить себя полной дурой, на меня снисходит озарение. «Черепашки ниндзя». «*Черепашки ниндзя*»! Разве их назвали не в честь превосходных художников?

— Донателло! — едва не кричу я от облегчения.

Сила черепашек.

— Ох, не думаю, что сейчас здесь есть что-то из его работ, — отвечает Лео.

Я потираю лицо.

— Какая жалость. Ну, что ж, тогда Леонардо.

Лео усмехается, тут же нажимая кнопку, и мы поднимаемся на второй уровень крыла Сейнсбери.

— Да Винчи, мой тезка. Хороший выбор. В Национальной Галерее собраны отличные работы эпохи Ренессанса.

— Супер, — выдыхаю я. — *Просто супер.* Эпоха Ренессанса — моя любимая эпоха.

Глаза Лео расширяются от удовольствия.

— И моя тоже!

Когда двери лифта открываются, нас перехватывает мужчина с вытянутым, умным лицом, в костюме и в очках. Думаю, он вышибала версии мира искусства.

— Здравствуй, Теренс, — здоровается Лео, сердечно пожимая мужчине руку. — Всего лишь я. Решил, что нам нужно немного отдохнуть от того, что внизу.

— Вы когда-нибудь уходите домой, юноша? — Теренс подмигивает. Лео подмигивает ему в ответ.

Поверить не могу такой наглости! Мне следовало догадаться. Само собой, Лео приводит сюда всех женщин, с которыми встречается, совершенствуя свою чувственную, артистичную сторону, пока какая-нибудь дурочка не влюбится в него. Ну так вот, я этой дурочкой не стану! Он теряет время и даже не знает об этом.

Теренс ведет нас сквозь огромную арку в зал с высокими белыми стенами, завешанными картинами в позолоченных рамах. Он бросает взгляд на часы.

— Сегодня могу предоставить вам лишь пятнадцать минут, шеф. Этим вечером здесь только я.

Теренс оставляет нас, и Лео тут же подводит меня к картинам. Он идет, ступая по полу широкими, уверенными шагами, а мне в моих «Мэри Джейн», чтобы успевать за ним, остается только быстро семенить. Скучаю по своим кроссовкам.

Ладно. По крайней мере, мы одни. Никто нас не потревожит. Целых пятнадцать минут. Мне нужно справиться как можно скорее.

Время надежд и мечтаний. Разузнай.

Но... Я же не могу просто выпалить этот вопрос? *Эй, Лео, какие у тебя надежды, сокровенные мечты?* Это было бы слишком очевидно. И жутко.

Я легонько приступаю.

— Итак, Лео, — произношу я мягким голосом. — Прощу, расскажи мне больше о своей работе. Я знаю, что ты в рекламном бизнесе, но чем конкретно ты занимаешься в «Вулф Фрост»?

— Ну, я арт-директор, — бодро отвечает Лео, его голос эхом разносится по огромному пустому пространству. — Так красивее звучит работа с копирайтерами и художниками, чтобы быстро и профессионально создавать концепты для клиентов. Моя специальность — печатные медиа. Сейчас это не так популярно, как было когда-то, но мне нравится работать с осязаемыми страницами.

Я понимающе киваю, как показывала бабушка. О-о-очень интересно.

Лео Фрост. Художник. Мыслитель. Человек. О-о-очень интересный.

— Долго ты там работаешь? — продолжаю я, попивая шампанское. Буэ.

— Боже, годы. Я начал сразу после университета Святого Эндрюса. Вообще-то, компанией владеет мой отец, так что у меня был «пропуск». — Он легонько задирает подбородок. — Но свое повышение я заслужил и возглавил кампанию «Мерседеса». *«Управляй и оживай».*

Управляй и оживай. Снова этот дерьмовый лозунг. Фу.

Когда я не отвечаю, Лео подталкивает меня:

— Знаешь ее? Рекламу «Управляй и оживай»?

Хм-м. Не уверена, что моих навыков хватит, чтобы притвориться, что эта реклама не грандиозная, бессмысленная чушь. Думаю, ярость будет просвечиваться через мою кожу, как сердце пришельца в фильме «*Инопланетянин*». Вместо этого я отрицательно качаю головой.

— Боюсь, не знаю, — извинительным тоном говорю я. — Но взглянула бы с радостью.

— Как-нибудь покажу. Было бы интересно твое мнение — показало бы оценку разных респондентов. — Он смеется, будто вспомнив что-то. — А знаешь, пару недель назад я был на книжной презентации, и из ниоткуда появилась одна женщина, она наехала на меня и сказала, что, по ее мнению, это ужасная реклама!

Боже мой. Он говорит обо мне.

Я прекращаю дышать.

— Ох, боже, — взвизгиваю я, поражаясь, как это делает Пич. Твою мать. Я бы не сказала, что *наехала* на него... Разве так было? — Как я сожалею! — Я глупо улыбаюсь. — *В общем...*

— Ага, я даже сорвался на этой женщине. После я так жалел об этом... В тот день я упустил клиента, да еще и подхватил кошмарную простуду, так что уже был в отвратительном настроении. Самое забавное, что идея той части рекламного фото, что она оскорбляла больше всего — модель в бессмысленном бриллиантовом купальнике — даже не моя, это была идея отца! Я вроде как даже согласен с ней, что это смешно.

Моя челюсть прямо-таки падает. Поверить не могу. Лео Фросту жаль, что он был таким грубым на презентации. Он был простужен. Бриллиантовое бикини даже не было его идеей.

— Ох, я уверена, вся твоя реклама *чудесная*, — говорю я ровно, пытаюсь не выдать удивление.

— Думаю, она достигает своей цели. — Лео пожимает плечами, останавливаясь перед «*Портретом музыканта*». — «Управляй и оживай» была номинирована на премию лондонской рекламной ассоциации, так что не может быть такой уж плохой.

Благодаря своему исследованию я уже знаю об этой номинации, но изображаю шок и удовлетворение от того, как умен мой спутник.

— Ого!

Лео пожимает плечами, создавая впечатление скромного мужчины.

— Будет один из показных смехотворных балов с дресс-кодом и ужином. Это моя первая номинация, потому, понимаешь, довольно волнительно.

— Это впечатляет. — Я складываю ладони вместе. — Твой отец, должно быть, гордится тобой.

При упоминании отца Лео тяжело сглатывает и резко меняет тему.

— Расскажи мне больше о *твоей* работе, Люсиль.

Моей работе? Ой. Я не могу рассказать Лео, что я писатель. Он может обнаружить связь с презентацией и понять, что девушка, которая назвала его пенисовым принцем — я. Это слишком важный момент, чтобы импровизировать на месте, нужно будет обсудить это с бабушкой.

Я делаю вид, что отвлекаюсь одной из картин.

— Эта — прекрасна, — говорю я, уставившись на полотно под названием «*Мадонна в скалах*». Стоит мне приглядеться, и я осознаю, что она действительно прекрасна. Вообще-то, дух захватывает. Не знаю, почему — дело может быть в сложности, внимании к деталям или в световом акценте на коже. Не знаю, как пояснить, я же не сведуща в искусстве, как Лео

Фрост. — Обожаю ее, — бормочу я.

Лео одаривает меня долгим взглядом.

— Это была любимая картина моей мамы.

— *Была?* Она передумала? — я посмеиваюсь.

— Я о том, что это была ее любимая картина до ее смерти. Она назвала меня в честь художника Леонардо. Я часто прихожу посмотреть на нее. Вероятно, даже чаще, чем следует.

У меня перехватывает дыхание.

Мама Лео умерла?

Этого я не ждала. Это не очень вписывается в теорию о «счастливчике по жизни», которую я себе про него надумала.

— Боже, мне так жаль, — отвечаю я инстинктивно. Слова прозвучали сухо и не передали того, что я, как никто другой, понимаю, каково это. Он едва заметно пожимает плечами, а в глазах на мгновение возникает чувство, которое я узнаю без промедления. Его я видела давным-давно, когда смотрелась в зеркало. Чувство потери. — Моя мама тоже умерла, — говорю я, усаживаясь на скамейку рядом с нами. — Когда мне было восемнадцать.

Мне не следовало говорить ему это.

Я никому об этом не говорю.

Я его даже не знаю.

— Блядь, мне жаль это слышать, Люсиль. Я тоже был молод — пятнадцать. — Он подсаживается ко мне и грустно улыбается. — Паршиво, да?

Он берет меня за руку и легонько ее сжимает. Я ощущаю тепло и силу. В груди щемит. Я знаю, что, по идее, должна сегодня копнуть глубже, но все это кажется слишком личным. И хотя он может быть единственным знакомым мне человеком, понимающим, каково это — потерять маму, даже после всего сказанного и сделанного Лео — незнакомец. Я не должна была говорить ему о себе правду. Я забираю свою руку и кладу ее на колено. Мне нужно рассеять меланхоличное настроение, растекшееся по залу словно масло. Но я не знаю, что сказать. Что, черт подери, говорят, когда кто-то рассказывает о смерти своей мамы? Прежде мне не приходилось бывать *по эту* сторону баррикад. Если бы это была реальная жизнь, я бы поступила одним образом. Но это работа. Я дала обещание смириться и держаться.

— Думаю, она бы гордилась твоей номинацией, — выдавливаю я с улыбкой.

Лео крутит ножку бокала с шампанским.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Знаешь, я не уверен в этом. Она безумно любила отца, но ненавидела коммерческое искусство, считала, что оно бездушное... — Он поворачивается лицом ко мне. — Хочешь посмеяться?

— Всегда.

— Иногда меня беспокоит, что мама была бы разочарована, узнай она, что я присоединился к отцовскому бизнесу. Будто я подвел ее.

— Это не смешно, — качаю я головой. — Мамы умеют забраться под кожу, даже если их больше нет с нами. Тебе же нравится то, что ты делаешь?

— У меня *получается*, я полагаю. Знаешь, мама всегда хотела, чтобы я стал художником. Когда мне было четырнадцать, я выиграл школьное художественное соревнование и никогда не видел ее более гордой.

Он кажется тоскующим. Я вспоминаю набросок лодки.

— Тогда почему ты не займешься этим? — Я пожимаю плечами. — Будь художником. Если это то, что ты любишь. У тебя достаточно таланта.

Лео громко гогочет, и из-за этого взрыва хохота я даже подскакиваю. Он проводит рукой по волосам, взъерошивая уложенную челку, и та больше не выглядит так строго.

— Ах, нет, это всего лишь несбыточная мечта, так, мысли перед сном. Не относящиеся к реальности. Мои наброски так себе, а в «Вулф Фрост» я отлично справляюсь. Однажды отец передаст мне компанию, и ни один мужчина не станет воротить нос от подобной перспективы. У меня все predetermined. Я очень счастливый человек.

Он награждает меня уверенной улыбкой. Эту улыбку я видела на снимках папарацци. Но на мгновение она дрогнула.

— Только потому, что тебе что-то дают, не значит, что ты должен это принимать, — говорю я тихо. — Мы оба знаем, что жизнь слишком коротка и непредсказуема, чтобы не делать то, чего желаешь на самом деле.

Я задумываюсь о том, чего хочу я. Милая вилла на пляже в отдаленном местечке. Но на этот раз картинка выглядит подернутой дымкой, не такой четкой, как обычно.

Лео медленно кивает.

Я изучаю его надменные черты лица, его слегка длинноватый нос, высокие скулы, подбородок, как у телезвезды, длинные ресницы, умные зеленые глаза, и нарушает пропорциональность черт лишь пролегшая между бровями складка. Хм-м. Это часть игры? Какой-то ход с «беспокойной душой», чтобы я захотела переспать с ним? Судя по словам Валентины, в случае с Лео ни в чем нельзя быть уверенной... Но он точно не стал бы задействовать смерть матери. Даже отъявленный мудак не стал бы так делать.

Лео приближается ко мне и подталкивает меня плечом.

— Итак, Роуз была твоей мамой? — спрашивает он низким голосом. — Женщина из твоих стихов.

Внезапно сердцебиение ускоряется. Становится слишком быстрым. Я не хочу отвечать на этот вопрос. И уж точно я не хочу говорить о своей маме с Лео Фростом.

— Ты погляди, наши пятнадцать минут прошли! — восклицаю я так громко, что эхо отскакивает от стен еще трижды. Я поднимаюсь со скамейки с ослепительной улыбкой. — Нам, вероятно, следует спуститься, — говорю я немного спокойнее. — Не хотелось бы навлечь на себя гнев Теренса!

— Оу. — Лео кажется испуганным. Он тоже поднимается и следует за мной через арку. — Ну да, конечно. Теренс может быть устрашающим, когда не исполняет указания. Прямо как Халк. Наверное, продолжим разговор в другой раз?

Нет, если я что-нибудь придумаю.

Но я этого не говорю. Вместо этого я энергично киваю, как открытая и участливая спутница, какой и должна быть.

Пока мы ждем вызванный лифт, чтобы вернуться на первый этаж, я размышляю о цели сегодняшнего свидания. Расположить Лео к тому, чтобы он поделился своими надеждами и мечтами.

Как мне, черт подери, сделать это, если он отрекся от них?

Возобновление клятв прошло великолепно. Увидев, как мама с папой любят друг друга, я поняла, что приняла правильное решение быть честной насчет Тома. Он явился на вечер в строгом смокинге, который, без сомнений, одолжил. Было странно видеть его в неяркой одежде, и как только он приехал, мне сразу стало ясно, что ему предельно некомфортно. Я представила его родителям как моего парня, и хотя у мамы расширились ноздри, все прошло так, как мне и представлялось, сцену никто не закатывал. Папа пожал Тому руку и пригласил его завтра на ужин. Том был взволнован, да и я тоже. Найджел Пембертон весь вечер стрелял в меня многозначительными взглядами. Том посчитал, что это утомительно, и мы не могли перестать хихикать. Бедный Найджел.

Глава двадцать шестая

Если вы будете следовать моим советам и инструкциям, то мужчиной вашего сердца захочет стать не один Достойный Джентльмен, потому кому-то придется отказать. Сделайте это сочувственно, с добротой и уважением. Сердце — хрупкий орган, и обращаться с ним нужно соответственно.

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

Когда выставка работ Ван Гога подходит к концу, мы выходим в теплую ночь и через Трафальгарскую площадь возвращаемся к шумной дороге, где дожидаемся вызванную Лео машину, чтобы та доставила меня домой. Пока мы ждем, я наблюдаю за ближайшими фонтанами, разукрашенными яркой разноцветной подсветкой. Мерцающие струи воды почти гипнотизируют, и не потому, что я все-таки пила шампанское, чтобы приглушить неприятные ощущения, вызванные глубоким разговором со смыслом. Я фыркаю себе под нос, и звук уносит порыв легкого ветра.

Лео медленно разворачивает меня, тянется к очкам, мостящимся у меня на голове, и забирает их, чтобы надеть на себя. Смотрится нелепо.

— Люсиль, я в них сексуальный? — спрашивает он как ни в чем не бывало. — Я прямо чувствую, что выгляжу сексуально.

— Очень сексуально, — отвечаю я, посмеиваясь.

— Так и знал. — И в очках от «Шанель» с оправой «кошачий глаз» он, широко расставив руки, идет по улице подчеркнуто мужественной походкой. В это время нас минуют туристы среднего возраста. — Приветствую, — здоровается с ними Лео низким, хорошо поставленным голосом. — Прелестный вечер.

Пара испуганно торопится прочь, бормоча что-то о Лондоне и отклонениях.

Я хихикаю. Я правда не собиралась искренне смеяться над чем-то, что сделает Лео... Но должна признать, он забавный. Да и какое облегчение — наконец посмеяться после созданной наверху, в зале да Винчи, атмосферы уныния.

Сняв очки, Лео возвращает их и становится передо мной.

— Ты мне нравишься, — признается он, как будто ставит перед фактом, а за его спиной тем временем проносится красный автобус.

— Ох, Лео, ты мне тоже нравишься! — отвечаю я незамедлительно мягким голосом с хрипотцой.

Он улыбается, прищурившись.

— Ты другая. То есть... отличаешься от всех, с кем я когда-либо...

Спал?

— ...виделся. Мне уютно с тобой, и мне это нравится. Ты уникальная и... И *необычная*.

Необычная. Снова это слово. Черт, из-за винтажной одежды и милого и старомодного поведения он думает, что я какая-то мечтательная фея-маньячка. Что-то типа нежной Зоуи Дешанель⁵⁷ в причудливых платьях и шляпках. Если бы это не было такой сильной промашкой, ты было бы страшно смешно.

Я поднимаю на Лео взгляд и прикидываюсь скромной.

— Спасибо. Очень *мило* с твоей стороны.

Он подходит ближе и заправляет мне за ухо локон.

— Я серьезно, Люсиль. Мне нравится, какая... какая ты настоящая. В этом городе так много лжедрузей, людей, которых волнуют только статус, деньги, где их могут с тобой увидеть и кто твой чертов отец. Ты же... не такая. Ты — это ты. Ты хоть понимаешь, как это оживляет?

О мой бог.

— И я не хочу словить Тома Круза⁵⁸, — продолжает Лео, убирая руки в карманы брюк. — *Особенно учитывая*, что у нас было всего три встречи, но... Я подумал, что должен сказать тебе, чтобы ты просто знала, насколько мне нравишься. И я не часто такое чувствую. Точнее... никогда. Это все, честно.

Лео вытаскивает руки из карманов, берет за руку меня и указательным пальцем водит по моей ладони туда-сюда. Затем легко пожимает плечами и застенчиво смотрит мне в глаза.

— Думаешь, это бред?

Либо Лео Фрост величайший на свете актер... либо он *нервничает*? Он кажется нервным.

В груди появляется странное чувство. Трепещущее. Как изжога, но не совсем неприятное.

Нерешительно наклоняясь, Лео лицом тянется ко мне. Его озорной взгляд падает на мои губы, и он усмехается. Я смотрю на *его* губы, такие надменные и полные, красные... и раздражающе влекущие. Он кладет свою руку мне на поясницу, мягко, но уверенно притягивает к себе так, что я талией прижимаюсь к его торсу, другой рукой он приподнимает мой подбородок. Я устремлюсь ему навстречу, все ближе и ближе, а затем... прямо в последнюю секунду отворачиваюсь, и его губы касаются моей щеки.

Вовремя. Фух.

Фух. Определенно *Фух*. Верно?

Спина деревенеет от мысли, что я, увернувшись от поцелуя, не на сто процентов думаю в ключе «фух».

Разве я *хотела* поцеловать его? Нет. Конечно же, нет. Он придурок. Сексистская свинья. Злобный начинатель медленных хлопков. Тот, кто разбил сердце Валентины.

Лео превосходно отходит от моего отказа, проверяя телефон на предмет подъезжающей машины.

Когда он говорит по телефону, я снова смотрю на его рот.

Это приятный рот. Высокомерный, да, но еще добрый и, ну, великолепный.

Твою мать.

Почему я не могу прекратить смотреть на рот Лео Фроста?

Не будь душой, Джесс. Это все только видимость. Он прекрасен в этой синей рубашке-поло, здесь душно, ты выпила шампанского, может, он не так ужасен, как ты думала, и, может, он куда глубже, чем тебе казалось, но это не значит, что он тебе симпатичен. Твою мать, не значит.

Лео замечает, что я пялюсь на его рот, и широко улыбается. Я быстро отвожу взгляд в сторону, делая вид, будто ищу в сумочке какую-то несуществующую вещь.

Когда он убирает телефон, то спрашивает:

— Ты свободна завтра вечером, Люсиль? Сегодня мы много говорили обо мне, а я бы хотел больше узнать о тебе.

— Да, свободна, — отвечаю я без заминки.

Но кто это был, Джесс или Люсиль, я не знаю.

Внезапно нервничать начинаю и я.

На машине до Бонэм Сквер я еду с довольно странным ощущением. Что-то вроде порхающих бабочек, но не в приятном смысле. Откровенно говоря, я выпила много шампанского и, наверное, нужно просто прочистить желудок. Надеюсь.

Я вспоминаю, как Лео грустил, когда в галерее говорил о своей матери, как смешил меня у фонтана, как наклонился, чтобы поцеловать. Затем думаю о том, каково это — быть поцелованной им. Готова спорить, Лео Фрост потрясающе целуется...

Нет.

Мне не нравится Лео Фрост.

Я кривлюсь, реагируя на предательство мозга. Прекрати, мозг.

Я пытаюсь взять себя в руки. Может, Лео Фрост источает больше тестостерона или специальных феромонов, я их нанюхалась, вот мои тело и мозг и отреагировали, как отреагировали бы у любого нормального человека? Другой причины, почему я его почти поцеловала, нет. Или... Может, сама того не осознавая, я пала жертвой влияния Лео Фроста? Попала под тот магнетизм, о котором на презентации Дэвиса Артура Монблана говорили Валентина и Саммер? Может, в этом и заключается магия Лео Фроста: уверенный и харизматичный придурок снаружи и чувствительный художник с ранимой душой — внутри? Может, это и есть его *фишка*, вероятно, так он и пленяет сердца, чтобы потом прожевать их и выплюнуть.

Я делаю мысленную пометку утром снова позвонить Валентине и как можно больше узнать о том, каким он был с ней. Мне нужна поддержка.

Когда машина подъезжает к бабушкиному дому, я благодарю водителя и выхожу. Поднимая голову, я решительно пересекаю улицу.

Добираясь до двери, вижу, что свет внизу включен. Джейми в клинике.

Видите. *Вот* что мне нужно. Мне нравится Джейми. У нас с ним просто секс. Из-за него я не нервничаю и не испытываю никаких непонятных ощущений, и это к лучшему. Так безопаснее.

Ух. Все слишком странно. Сердце вырывается из груди. Мне это не нравится. Нужно избавиться от этого ощущения, и как можно скорее.

Это можно исправить только одним путем.

Я взбегаю по лестнице, влетаю в вестибюль, с силой стучу по двери клиники. Джейми

открывает тут же, как будто ждал меня.

— Здорово, Джесс, — приветствует он меня с теплой улыбкой. — Как твое...

— Давай займемся сексом, — перебиваю я его, заталкивая обратно в клинику и захлопывая дверь за нашими спинами. — Прямо сейчас.

Вот. Так-то лучше. Я снова могу дышать. Прелестная, обыкновенная сексуальная разрядка с Джейми, и нет больше кошмарных серьезных мыслей, нет никакой симпатии к неправильным людям. Я обратно надеваю солнечные очки, и Джейми предлагает:

— Хочешь прогуляться?

Я пожимаю плечами.

— Почему нет?

Сделать круг по парку — хороший способ проветриться. Мне не удалось сегодня побегать. Кроме того, мне пока не хочется рассказывать о сегодняшнем свидании бабушке и Пич. Если это возможно, предпочту не думать о нем вообще.

Мы с Джейми, едва волоча ноги, идем по лиственному частному парку дома Бонэм, а приятный ветер охлаждает наши разгоряченные и вспотевшие тела. Сейчас я, вероятно, выгляжу как надо: спутанные завитые локоны, растекшаяся по лицу тушь, торопливо застегнутое платье. В том и прелесть времяпрепровождения с кем-то простым как Джейми — мне плевать на свой внешний вид. Он приятель. Мой секс-приятель.

— Меня сегодня позвали на свидание, — посмеивается Джейми, когда мы минуем куст с цветущими розами. — Пациентка!

Понимаете? Его позвали на свидание, и он считает нормальным рассказать об этом мне. Круто, обычные сексуальные отношения. Ради того все и задумывалось.

— Пройдоха! — дразню я его, толкая локтем. — Она миленькая?

Джейми убирает руки в карманы.

— Милая. Ее зовут Кико.

— Крутое имя.

— Она японка. Она раз в несколько месяцев приходит узнать о своей умеренной аритмии. Когда она пригласила меня выпить, я даже не поверил. Прямо у стойки администратора, перед другими пациентами!

Я смеюсь вместе с ним.

— Ну и... Что ты ответил?

— Эм, нет. Я ответил «нет».

— Ой, как жаль. Она тебе не понравилась? — интересуюсь я.

— Я сказал ей, что уже встречаюсь кое с кем.

— Да? — Я меняюсь в лице. Джейми останавливается у большого тихо шелестящего дуба. — Что ты делаешь, дурак, почему останавлива...

— Я отказал Кико, потому что... Я встречаюсь с тобой.

Я фыркаю.

— Ты использовал меня как отмазку? Хорошо сыграно, мой друг.

Джейми не отвечает. Просто пристально смотрит на меня, пока ветер обдувает мои кудри.

Он не шутит.

Я качаю головой.

— Но мы же просто спим друг с другом, правильно? Никаких привязанностей и прочего. Помнишь? Ты волен ходить на свидания, с кем захочешь. Я прекрасно это пойму.

Конечно, я расстроюсь, что у меня не будет доступа к телу мужчины, когда мне это будет нужно... Но я переживу это. Определенно.

Джейми берет меня за руку.

— Ты же не думаешь так *на самом деле*, Джесс? Что мы просто «спим».

Я смущенно забираю свою руку обратно.

— О чем ты, Уиллис⁵⁹?

Джейми хмурится — это ему не идет.

— Джесс, про «никаких привязанностей» ты говорила две недели назад, но с тех пор мы видимся почти каждый день. То есть *встречаемся*. Совершенно ясно, что это больше, чем просто секс. И я знаю, что ты это знаешь. Я знаю, ты *чувствуешь* это.

Что, мать вашу, происходит? Я таращусь на Джейми, чтобы увидеть, что он шутит, что он вот-вот раскроет, что это всего лишь розыгрыш, чтобы хорошенько посмеяться. Но он выглядит серьезно. Крайне серьезно.

Вот, бляха муха.

Он взял и привязался.

Джейми Абернати по-дурацки привязался ко мне, как глупая эмоциональная пиявка. Мне казалось, я четко донесла свою мысль. Разложила все по полочкам.

Сердито фыркнув, я резко разворачиваюсь и, минуя постель полную примятых бледно-желтых нарциссов, быстро иду по парку обратно к дому бабушки.

— Куда ты? — спрашивает Джейми, следуя за мной.

— Док, когда я говорила, что не хочу обязательств, я не шутила. Я говорила серьезно, — зло выпаливаю я, выпуская воздух из-за надутых щек. — Ничего не изменилось. Секс крут, мы можем посмеяться, но ничего больше.

— Почему ничего больше? «Большее» — это как раз то, чем мы занимаемся, просто, как правило, с большим количеством разговоров. Не понимаю, почему ты не...

— Я... Я занята. Очень занята сейчас.

Джейми догоняет меня и приостанавливает с легкой усмешкой.

— Проектом? Ты даже не хочешь попытаться сделать наши отношения более серьезными из-за парня, с которым проводишь время ради проекта. Фрост? Так его зовут? Парня, которого ты *дуришь*?

Я торможу и упираю руки в бока.

— К нему это не имеет никакого отношения! А даже если бы и имело, — что не так, — то это не твоего ума дело.

Мы доходим до двери. Джейми собирается ее открыть передо мной, но я вырываюсь вперед и яростно дергаю ее на себя. Повернувшись к нему лицом, я говорю:

— Скажи Кики «да», — выдыхаю я. — Может, она сможет дать тебе то, что тебе нужно.

— Кико.

— Ну, Кико. Слушай, Джейми, ты мне нравишься. Мне правда нравится заниматься с тобой сексом, но тут, — я машу, указывая на нас обоих, — тут... нет ничего большего... и никогда не будет. Пора остыть.

Джейми стоит в холле изваянием. Он не говорит ни слова. Просто злится? Смущается? У него высокое артериальное давление? Я не знаю.

Я больше не могу это выносить, не могу быть свидетелем непрошенных перемен. Я

чувствую себя ужасной, виноватой и, в общем-то, охрененно смущенной.

— Ты... Ты не следовал правилам, идиот, — выпаливаю я, и мой голос внезапно ломается.

И тогда я убегаю по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, дважды подворачиваю ногу и врываюсь в бабушкин коридор, пока Джейми обреченно глядит мне в спину.

Что случилось? Сначала я чувствую странное притяжение к Лео, а потом Джейми признается мне в чувствах.

Сегодня, должно быть, полная луна. Возможно, вся эта дикость из-за приливов, звезд или еще чего. Я поднимаюсь к окну наверху и сразу выглядываю наружу, устремляя взгляд на ночное небо. Но луна не полная. На небосклоне обыкновенный месяц.

Я пересекаю коридор судьбы, который сейчас совершенно пустой и больше не представляет опасности, и поднимаюсь в свою комнату. Яростно срываю с себя одежду и белье, быстро принимаю душ, полотенцем подсушиваю волосы и забираюсь в постель к Мистеру Белдингу. Чем раньше я засну, тем раньше исчезнет это тревожное чувство.

Но сон все не приходит. Я даже спускаюсь вниз, чтобы приготовить себе теплого молока, но это не помогает. Затем я на айфоне слушаю мягкие звуки океана, но и это не приносит толку. В итоге я лежу без сна, мучаясь, ворочаясь, размышляя, томясь и задаваясь вопросами до самого утра.

Глава двадцать седьмая

Влюбленность в выбранного вами мужчину по ощущениям может быть похожа на полет — наслаждайтесь, ведь вы определенно заслужили это. Но будьте осторожны, не теряйте головы. Достойная Женщина должна концентрироваться на цели.

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

После примерно двух часов сна я поднимаюсь в шесть утра и сразу же звоню Валентине.

— Алло? — слышу я заспанный голос. Валентина кажется не до конца проснувшейся. Я думала, все успешные люди встают рано. Так всегда говорила Саммер, когда я поднималась позже десяти часов.

— Йоу, Валентина. Это Джесс. Простите, что разбудила, я перезвоню позже.

— Джесс? Я проснулась, подожди. — Я слышу шарканье, и как Валентина прочищает горло. — Джесс Бим, сладкий котенок. Рада тебя слышать. Как дела?

— Прошлым вечером у меня было еще одно свидание с Лео.

— Прекрасно, на этот раз он отвел тебя в какое-нибудь шикарное место? В «Айви»? Ему очень нравится «Айви»...

— Нет, мы ходили в Национальную Галерею.

— Ох! Правда? Он всегда ходил в галерею сам, когда мы...

— Слушайте, Валентина, я хотела спросить, Лео когда-нибудь говорил с вами о его маме?

— Нет, не говорил. Насколько я помню, едва ли он вообще рассказывал о своем прошлом. А почему ты спра... стой... он... Он с тобой говорил о его матери?

— Ага. — Я включаю на телефоне громкую связь и кладу мобильный на одеяло рядом с

собой.

На другом конце провода раздается сдавленный вдох.

— Боже, это так необычно. Вообще, он как закрытая книга.

— Говорил ли он с вами о своих рисунках?

— Его рисунках? Ты о чем? Ты о его рекламе?

— Нет, о его набросках.

— Лео *рисует*? Что он рисует?

— Не знаю, я видела только один рисунок. Старика в лодке.

— Старика в лодке? Рисунок хорош?

— Великолепен.

— Господи, Джесс. Боже мой. Он никогда не говорил мне, что ему нравится рисовать, ни разу за весь месяц. И он поделился этим с тобой? *На втором свидании?*

Я киваю, хоть она и не может меня видеть.

— Да, мы коснулись этой темы. А затем он сказал мне, что я ему нравлюсь. Что он считает меня *оживляющей*. Что он, эм, никогда не встречал женщин, похожих на меня. Это нормально?

В разговоре наступает пауза. После чего Валентина возбужденно говорит:

— Это *не* нормально. Этому неординарному поведению есть только одно объяснение.

— Какое?

— Романтические советы Матильды Бим пятидесятых годов, должно быть, работают. Похоже, они работают прямо-таки *магическим* образом. Я подозревала, что они могут работать, но это превосходит все ожидания! Матильда, наверное, в восторге. Ого. Продолжай в том же духе, Джессика-разумница, — продолжает Валентина радостно. — Подлый Лео Фрост заслуживает всего, что с ним случится.

— Разве? Точно заслуживает? — уточняю я, чувствуя легкий укол вины в сердце.

Валентина понимающе смеется, и звук ее смеха громко раздается из динамиков телефона, эхом разносясь по всей комнате.

— Ох, сейчас он, может, и продемонстрировал тебе другого себя, Джессика, но подумай обо всех женщинах, что были до тебя. О тех, кого он отшвырнул, с кем вел себя, как с трофеями, *не* показывая свои рисунки. Ты делаешь это ради них. Ради всех женщин Лондона. Будь сильной. Ты воительница, Джессика. *Воительница*.

Тогда я думаю обо всех разбитых сердцах. Разбитых сердцах и других опасностях. Думаю о разбитом сердце моей матери.

— Хорошо, — отвечаю я решительно, кулаком ударяя по пуховому одеялу.

Я, Джессика Бим, — благородная и истинная охотница на грубых и жестокосердных мерзавцев с притягательными ртами.

— И пиши, — подталкивает меня Валентина. — Записывай все для меня. Абсолютно все. Пиши как ветер, моя голубка!

— Конечно. Буду писать как ветер, сто процентов. Спасибо, Валентина.

— Всегда рада. Держи меня в курсе, утенок.

— Обязательно.

— И, Джесс?

— Да?

Голос Валентины становится низким и хриплым.

— Уничтожь эту крысу.

— Ага. Само собой. Приложу все силы.

Повесив трубку, я поворачиваюсь к разлегшемуся на другом конце кровати Мистеру Белдингу.

— Во что, мать твою, я встряла? — спрашиваю я у него, вскидывая руки в воздух.

Он отвечает вылизыванием своего зада.

— От тебя никакого толку, — ворчу я и отправляюсь в ванную комнату, чтобы пописать.

Странное ощущение нервозности, что я испытывала прошлой ночью, возвращается обратно, и мне крайне необходимо проветрить голову. Лучше секретного бега не поможет ничего.

Я переодеваюсь в костюм для бега и спускаюсь вниз настолько тихо, насколько только могу. Теперь-то я знаю, какие половые доски скрипят, потому перескакиваю и двигаюсь, словно танцую ирландскую джигу.

Внизу в холле я натыкаюсь на Пич в длинном бледно-желтом платье: она выходит из кухни с чашкой с кофе в руках, а во рту, между губами, у нее зажат тост. Черт, мне-то казалось, все еще в своих кроватях.

Пич задыхается от удивления.

— Джесс, как ты рано! В чем дело? Что-то не так? Тебе снова нездоровится?

Затем она замечает мой наряд из лайкры, кроссовки и хмурится.

— Ты отправляешься на пробежку? Но я думала, Матильда сказала тебе не бегать, чтобы икры не стали мускулистыми.

Я закатываю глаза и начинаю растягиваться, держась за лестничные перила.

— Мои икры шикарны, понятно? В них проблем нет. Благодаря бегу я чувствую себя лучше. Не говори ей, что видела, как я ускользаю, хорошо?

— Ты хочешь, чтобы я хранила твой секрет?

— Ты не против? Если бабушка узнает, она расстроится, а она не расклеивалась целых два дня. Будет круто, если так будет продолжаться.

— Наш первый официальный секрет, — почти шепчет Пич, улыбаясь самой себе. Затем она ставит чашку кофе на край стола и выдыхает через нос. — *Я сохраню твой секрет, Джесс. А вообще, я пойду на пробежку с тобой. Поучаствую в твоём обмане.*

— О, нет, ты не обязана. Я тебе верю.

— Мне бы хотелось.

— Но... я бегаю одна. Долго бегаю.

— Тебе больше *не нужно* бегать одной, — говорит Пич рассудительно. — Теперь у тебя есть Леди Пи. Я побегу с тобой. Пойду переоденусь. Встретимся снаружи через пять минут.

Я пытаюсь придумать, почему должна бегать одна. Но сейчас слишком рано, и мой мозг еще не начал работать, потому в голове не возникает ни одной оправданной причины. Я киваю в знак согласия, и Пич проносится мимо меня, быстро взбегаая по лестнице, чтобы переодеться.

Через пять минут после начала пробежки у меня появляется прямо-таки куча ответов на вопрос, почему я обычно бегаю одна. Наверху списка тот факт, что это время побыть наедине с собой, в тишине и покое, это время подумать и послушать музыку,

сфокусироваться только лишь на сердцебиении и ощущении ветра на моей коже. У Пич другой взгляд на то, как должна проходить пробежка. Для начала, ей кажется, что «пробежка» — это эвфемизм для быстрой ходьбы с умеренным темпом и остановками на пенистый кофе. Во-вторых, Пич во время пробежки хочет говорить. И хочет говорить много. Ночью в «Твистед Спин» как будто открылся ящик Пандоры, и новая общительная Пич начала выбираться наружу, как бабочка из кокона. Что замечательно. Здорово, что она стала чувствовать себя увереннее: ее плечи больше не ссутулены, она меньше бормочет, и это круто. Но я по-прежнему единственный человек, с которым ей комфортно говорить, что значит — все, что ей хочется сказать вслух, она скажет мне. И спустя двадцать шесть лет общения с единицами у нее накопилась масса мыслей, которыми ей прямо-таки необходимо поделиться. Когда мы на полпути к Кенсингтон-Хай-Стрит, я уже немного рассеяна.

— ...и тогда, на выпускном балу, все было спланировано, но Лили потеряла ключ от комнаты, и настроение, вроде как, ушло. И больше я никогда к этому не возвращалась. Это история о том, почему я все еще девственница. Тогда, в 2004, я решила...

Мой мозг тут же очнулся.

— Стой, что? — Я останавливаюсь у магазина «Маркс энд Спенсер» и поворачиваюсь к Пич. — Что ты только что сказала? Ты до сих пор девственница?

Пич кивает.

— Ага. Не потому что я так хочу, а потому что так сложилось, думаю.

— Ого, — выдыхаю я.

Я лишилась невинности в восемнадцать. На первой же вечеринке в университете, куда мы пошли с Саммер, и, по правде говоря, случилось это через неделю после смерти мамы. Мне даже представить сложно, каково это — дожить до двадцати шести лет, ни разу не сделав этого. Секс — это круто. Как она удовлетворяется? Как помогает себе в сложные минуты? Я изучаю ее с любопытством.

— Мне кое-кто нравится, — улыбается Пич, делая большой глоток воды из бутылки.

— Кто? Кто?

Она крутит свой кудрявый хвостик.

— Гэвин.

— Кто такой Гэвин?

— Наш почтальон, ау!

Ага, коренастый блондин.

— Он милый, — говорю я одобрительно, когда мы переходим дорогу.

— Я знаю. — Пич мечтательно улыбается, ее щеки наливаются румянцем. — Но он, вроде как, тоже стеснительный. Я же отношу все эти выложенные на «Ибэй» товары на почту, потому довольно часто вижу его, но мы сказали друг другу всего пару слов. Вообще, я бы хотела попросить тебя об услуге.

— Валяй.

— Я чувствую себя увереннее... когда ты рядом, понимаешь, о чем я? Мне говорить как-то проще.

Не совсем понимаю, о чем она, но, тем не менее, от ее слов у меня в груди разливается приятное ощущение.

— Так что, я надеялась, что в следующий раз, когда Гэвин принесет почту, ты откроешь двери вместе со мной. Я хочу пригласить его на свидание, только не уверена, что смогу, разве что рядом будешь ты.

Я смеюсь.

— Ты собираешься пригласить его на свидание? Это круто. — Я даю ей «пять». — Это честь для меня — жутко стоять рядом и наблюдать такой интимный момент. Боже, Пич, ты просто обязана сказать Гэвину, что у тебя для него особая доставка. О-о-ох, точно, спроси, есть ли у него большая посылка для тебя! *Прошу*, спроси его об этом!

— Мне правда нужно спросить об этом? — серьезно интересуется Пич, широко распахнув свои добрые серые глаза.

— Эм, нет. Я же шучу. Не говори этого... пока, во всяком случае.

— Ты странная, — хохочет Пич вымученно, будто это я в нашем дуэте своеобразная.

— Можем мы, наконец, побегать? — стону я, подпрыгивая на месте. — У нас почти не осталось времени, скоро Матильда проснется.

— Конечно, — выпаливает Пич, начиная прыгать вместе со мной. Затем она останавливается. — Но сначала дай рассказать тебе *все* о моей жизни в 2004 году. Было пятнадцатое января, день открытия всемирно известного национального фестиваля арахиса в Алабаме...

Я срываюсь и бегу спринтом.

Позже, тем же утром, мы с бабушкой встречаемся в гостиной комнате, чтобы подсчитать заработанные благодаря «Ибэй» деньги. Я удобно устраиваюсь на диване, кладу лэптоп на колени и называю восседающей в своем синем кресле бабушке суммы, которые она складывает на громоздком старинном калькуляторе.

Огласив последнюю проданную вещь — античную настольную лампу от «Тиффани», — я поднимаю взгляд на бабушку, чтобы услышать, сколько получилось в итоге. Я гляжу на ее лицо и жду, когда появится улыбка, когда беспокойство сменится облегчением. Но этого не происходит.

— Мы заработали недостаточно, — говорит она удрученно.

— Что-о-о? — Я спрыгиваю с дивана и несусь к бабушке, чтобы посмотреть на калькулятор. — Как? Мы же столько всего продали! Люди с ума сходили из-за этих вещей. Этот калькулятор антикварный, он может быть сломан!

— С калькулятором все в порядке. Просто мы не собрали денег даже для минимальной выплаты. — Бабушкины губы начинают дрожать. Зараза. Она снова собирается плакать.

Я лихорадочно перепроверяю цифры и складываю все сама. Бабушка права. Мы продали на «Ибэй» массу всего, но этого недостаточно даже для глупой мизерной выплаты, требуемой банком.

— Через десять дней меня поведут в суд, — обращается бабушка ко мне с паникой в голосе. — Меня выселят! Я потеряю дом, воспоминания, все, ради чего столько трудилась.

Гр-р, она накручивает. Снова...

— Прекрати плакать! — говорю я строго. — Слезы не помогут.

Бабушка глядит на мое серьезное лицо и хмурится.

— Достойная Женщина не черствая, — шмыгает она.

Я фыркаю.

— Ну а Современная Женщина справляется с дерьмом, что подкидывает ей жизнь, не расклеиваясь. Давай потренируемся.

Нечасто мне приходится быть рассудительной. Ощущение такое, словно я в чужом

костюме.

Бабушка склоняет голову, и ее тонкие волосы закрывают лицо.

— Ты сможешь, — подбадриваю я ее, поднимая со стоящего на тахте подноса маленькую чашку, чтобы налить в нее чаю и передать бабушке. — Ты — Матильда Бим. Автор мега-бестселлеров и романтический маг. Ты вынудила меня снять накладные волосы. Если ты смогла это, то и с этой ситуацией справишься охренеть как круто.

Бабушка потягивает чай.

— Сейчас твои волосы куда прелестнее, — выдавливая она сквозь слезы.

— Я бы не увлеклась, — возмущаюсь я, поправляя рыжеватые локоны. — Ладно. Итак. Пич упоминала, что у тебя что-то есть на чердаке. Может, мне стоит подняться туда, оглядеться, вдруг там есть то, что мы могли бы продать...

— Нет! — перебивает меня бабушка, ставя чашку обратно на серебряный поднос с характерным звоном. — Нет, не стоит. На чердаке пусто. Там ничего нет. Ничегошеньки.

Я точно помню слова Пич, что на чердаке столько всего, что ей сложно открывать дверь.

Я прищуриваюсь, устремляя на бабушку пристальный взгляд. Она же старается не смотреть на меня.

Она лжет.

Я делаю мысленную пометку проверить чердак сразу же, как появится возможность.

— Просто на чердаке нет *ничего*, что можно было бы продать, — продолжает бабушка, вставая с кресла и направляясь к окну. — Думаю, лучшее, что мы можем сделать в такие короткие сроки, это ускорить проект «*Как заполнить мужчину методами 1955 года*».

— Ускорить? Насколько?

— Лео определенно заинтересован в тебе. Мы должны увеличить количество времени, которое вы будете проводить вместе, чтобы приблизить финал и заключить сделку с Валентиной как можно быстрее. Как только договор будет у нас, я смогу показать его банку в качестве доказательства будущей прибыли. Возможно, они будут немного снисходительнее. У тебя же вечером свидание с Лео?

Как раз из-за этого я и переживала всю ночь. Ну, еще из-за доктора Джейми и его раздражающего переменчивого сердца. Уф. Я киваю и делаю глоток чая.

Бабушка идет обратно к своему креслу, поправляет юбку и садится.

— Сегодня у вас должен быть первый поцелуй.

Я разбрызгиваю чай.

— Мне нужно поцеловаться с ним *сегодня*? Согласно руководствам я не должна целоваться с ним до пятого свидания.

Бабушка глядит на меня с одобрением.

— Так ты их читаешь! Ты права, в моих руководствах совет звучит именно так. Но у нас нестандартная срочность. А первый поцелуй — могущественная вещь. Он может стоить десяти свиданий, когда дело касается формирования глубокой привязанности.

От одной мысли о поцелуе с Лео Фростом щеки пылают, а шею становится щекотно.

Мне не нравится Лео Фрост.

Замечая мое смущение, бабушка улыбается.

— Ох, Джессика, я знаю, что важность первого поцелуя давит, но не переживай. Я научу тебя, как это делается.

Я разбрызгиваю чай во второй раз.

— Э-э... чего?

Бабушка грациозно плывет к своему шкафчику с коллекцией кино, открывает стеклянные дверцы и выбирает кучу видеокассет, среди которых «Унесенные ветром», «Завтрак у Тиффани» и «Отныне и во веки веков».

Она пальцем стучит по старым кассетам в пластиковых упаковках.

— Все, что тебе нужно знать, находится здесь.

Дневник Роуз Бим

22 Июня 1985

Том явился на ужин с опозданием на сорок пять минут и с подбитым глазом. Я чуть не развернула его прямо у дверей, но подошел отец и увидел его. У меня не было возможности узнать, что стряслось — быстро подскочила мама, чтобы взять его пальто, — но, учитывая то, что я о нем знаю, он задолжал кому-то денег, затянул с возвратом и был за это избит. Люди ведут себя прямо как ненормальные варвары. Меня мутит от вида его побитого красивого лица. Мама с папой намеренно проигнорировали синяк, и хоть раз я была горда их безупречными манерами. Хоть говядина Веллингтон была чуть холодноватой (я не возникала, потому что эти несколько дней меня подташнивало от нервов), в целом ужин прошел неплохо. Папа задавал Тому много вопросов: чем занимался его отец, какие у него планы на будущее. Ничего такого, о чем бы он не спрашивал дурацкого Найджела Пембертона. Том справился наилучшим образом, и я уверена, он очаровал маму чудными рассказами о театре. А как иначе? Он самый очаровательный человек во всем мире, и ко всему еще и умный. Чуть позже Том и папа пошли в отцовский кабинет, чтобы выпить, а мы с мамой занялись посудой.

Когда Том ушел, я была на взводе и спросила у мамы и папы, что они думают о Томе. Папа сказал, что Том показался ему милым юношей, а мама — что он очень привлекательный, но сказала она это со странным выражением лица. И потом они ушли в спальню, не произнеся больше ни слова. Пока они от него не в восторге. Но это пока! У нас будет время их убедить! По крайней мере, они прекратили навязывать мне глупого Пембертона. Ура!

Р х

Глава двадцать восьмая

Дамы, в мире нет ничего похожего на первый поцелуй во время нового романа. Это ключевой момент в цветущих отношениях, и, совершённый правильным образом, он способен предопределить ваше совместное будущее. Накануне судьбоносного поцелуя подготовьте ваши губы с помощью увлажняющего бальзама. Будьте страстной, но воспитанной. Французский поцелуй либо покусывания на данном этапе не рекомендуются.

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

Когда я вечером встречаюсь с Лео, моя голова уже полна мыслей о поцелуе, романтике и о Берте Ланкастере, который был мегасексуальным в свои лучшие годы. У меня даже не

было возможности проскользнуть на чердак, чтобы обнаружить хоть что-то, связанное с мамой, ведь весь чертов день прошел за просмотром бабушкиных любимых сентиментальных фильмов — с паузами, перемотками и переигрываниями фрагментов, где герой и героиня целуются, — чтобы я научилась, как это делается правильно. Это просто смешно. Да я *королева* поцелуев. Скорее всего, я целовалась чаще, чем кто-либо другой в Лондоне. И даже если я не эксперт в поцелуях, то всем известно, что поцелуи сильно изменились. Нет больше *Голливудского поцелуя*. Люди обнимаются, хватают друг друга за задницы, ну и, сами знаете, схлестываются языками.

Ожидая Лео у станции метро Лэдброк-Гроув, мыслями я уношусь к Джейми. Он пытался поймать меня на выходе из дома. Вынырнул из-за дверей клиники в белом халате, со стетоскопом, одна из олив которого все еще была вставлена в ухо, и непривычным для него страдальческим тоном произнес:

— Джесс, нам нужно поговорить.

Но я притворилась, что не услышала его и прошествовала мимо, прямо на улицу, где бежала без остановки, пока не достигла станции. Сейчас *совсем* не время думать о Джейми и его превратном понимании понятия «только секс». Особенно при условии, что мне нужно ускорить завершение проекта, чтобы бабушку не выгнали из дома.

Я чую Лео до того, как вижу. Запах имбиря и розового дерева с ароматом недавно стиранного хлопка.

— Ты прекрасна, — улыбается Лео, легко качая головой, словно не может поверить своим глазам.

Сегодня на мне наряд, при создании которого, думаю, вдохновлялись мореплаванием. Это белое прямое платье с плиссированной юбкой и золотистыми пуговицами и голубой шарф с якорным рисунком, обмотанный вокруг воротника, который привлекает внимание к моей смешной заостренной груди. Волосы белой лентой собраны в высокий хвост, раскачивающийся и скачущий при ходьбе. И учитывая, что сегодня самый жаркий день в году, а я ни при каких обстоятельствах не должна обзавестись хоть малейшим загаром, бабушка настояла, чтобы я взяла ее белый антикварный кружевной зонтик для защиты от палящих лучей. Гребаный зонтик. Люди *точно* будут показывать на меня пальцем и смеяться. Если же нет, значит, с миром что-то явно не так.

Лео даже бровью не ведет при виде дурацкого зонтика. Наверняка думает, что это часть моего «необычного» стиля.

— Привет, — глупо машу я рукой, стараясь не обращать внимания на то, что под темно-синим блейзером на нем выцветшая футболка с фото группы Van Halen. Лео Фросту тоже нравится Van Halen? Мне казалось, ему по душе джаз на пианино, Savage Garden или еще какая хрень.

Мне не нравится Лео Фрост. Не нравится. Не нравится.

— Куда мы идем? — спрашиваю я радостно, когда мы идем по Ланкастер Роуд.

— В «Электрик Синема» показывают «*Бриолин 2*», — сообщает он мне. — Туда мы и идем. Знаю, это немного странно, но я всегда думал, что он во многом превосходит первую часть. И это крутой кинотеатр.

Нужно. Оставаться. Леди.

«*Бриолин 2*» на вершине моего списка любимых фильмов всех времен. Мне не верится, что он ведет меня на долбаный «*Бриолин 2*».

— Обожаю фильмы восьмидесятых, — говорю я, удивляясь тому, насколько это лучше,

чем скучный поход на старомодный ужин, и тогда чувствую смятение из-за того, что радуюсь этому свиданию.

— Фильмы восьмидесятых лучше остальных, — соглашается Лео, когда мы переходим на Портобелло Роуд. — У меня огромная коллекция дисков. — На его лице возникает выражение нахальства. — Вообще, знаешь, я вроде как эксперт.

— Да ну. Смотрел «Клуб завтра»? — уточняю я.

— Естественно.

— «Уж лучше умереть»?

— Благодаря этому фильму я встал на лыжи.

— Ладно... — Я прищуриваюсь. — Не может быть такого, чтобы ты смотрел... «Маленькую колдунью».

— Au contraire. — Напротив. Он потирает руки. — Зацени. — И тогда, к моему искреннему изумлению, Лео Фрост начинает исполнять чудовищную рэп-песню «*Top That*» (Пер.: *Переплюнь*) из фильма «Маленькая колдунья», повторяя те же глупые танцевальные движения.

— «Я крутой, ты — не такой, но если хочешь затусить, я дам тебе попытку, превзойди себя!».

Боже мой. Что он делает? Он похож на настоящего неудачника!

Но это очень-очень весело.

Пока Лео с энтузиазмом читает рэп, я громко смеюсь. Большая часть народу переходит на другую сторону улицы, чтобы обойти его, а студенты начинают снимать его на телефон. Я хохочу так сильно, что чувствую готовность моего корсета разойтись по швам. Лео замечает, как я сгибаюсь от смеха, и на его лице мелькает выражение гордости. После чего он начинает двигаться еще неестественнее и безумнее.

Я очень стараюсь взять себя в руки, подумать о женщинах, что Лео одурачил до меня, и прекратить смеяться, чтобы придерживаться тактики, которую Валентина утром прозвала «воинственной». Но чем дольше он читает рэп и танцует, ставя себя в постыдное положение, лишь бы вызвать мой смех, тем дальше уносится ее предупреждение.

Лео прижимается ко мне на диванчиках в конце зала «Электрик Синема». Поначалу мне неловко сидеть к нему так близко, когда наши тела так тесно соприкасаются, но стоит только начаться моему любимому фильму, а руке Лео оказаться на моем плече, как я сразу успокаиваюсь. Во время песни «*Крутой мотоциклист*» Лео начинает поглаживать меня по бедру, зарождая определенные ощущения в некотором месте.

Мне не нравится Лео Фрост. Не нравится.

Я стискиваю его руку, чтобы по крайней мере знать, где она, и тогда он большим пальцем начинает водить по моей ладони наводящим на размышления образом, что тоже отзывается потрясающими ощущениями.

Мне не нравится Лео Фрост. Не нравится.

Остаток фильма я ерзаю и нахожусь на грани из-за того, что мы с Лео прижимаемся друг к другу в темноте, а еще нервничаю, потому что мне нужно будет поцеловать его, и у меня есть пугающее предположение, что мне это может понравиться.

Как только заканчиваются титры, я с облегчением вскакиваю с диванчика. Лео

предлагает приятную прогулку по парку Холланд, находящемуся рядом, и я соглашаюсь с искренним энтузиазмом. Милая скучная прогулка при дневном свете. Куда безопаснее уютного, слабо освещенного зала кинотеатра.

По пути в парк Лео забегает в ближайший винный магазин, берет там бутылку кьянти и упаковку с бумажными стаканчиками. Солнце еще достаточно высоко, потому я открываю зонтик и кручу его, когда мы заходим в парк. Я замечаю семью белок, скачущую вокруг большого дуба, и один из бельчат взбирается по дереву наверх с настолько большим орехом, что тут же роняет его. Мы смеемся над ними и минуем молодые семьи и парочки, наслаждающиеся последними лучами солнца.

— Итак, — говорит Лео бодро, когда мы бок о бок идем по тропе, над которой с обеих сторон нависают деревья. — Расскажи мне о себе, Люсиль.

Твою мать! Из-за вчерашней ситуации с Джейми и сегодняшнего расстройтва бабушки я совершенно забыла спросить, какой должна быть моя фальшивая работа. Блин. Я не могу снова увиливать!

Думай, Джесс. Какой ерундой занималась бы состоятельная девушка из Кенсингтона с превосходными манерами и кучей времени, чтобы перед работой делать прическу, на которую уходит два с половиной часа?

— Я... светская дама! — выпаливаю я.

Почему? Ну почему я не подумала чуть дольше? Долбаная *светская дама*.

— Боже, правда? — Лео резко изгибает брови от удивления. — Не слышал о семье Дарлингов.

Черт. Он знает *всех* светских людей Лондона. Вероятнее всего, они его знакомые. Он знает, что я не одна из них.

— Ох, Дарлинги расположились в Ланкастере, — говорю я максимально уверенно. — Фермеры, ну, ты знаешь. Я...

— Фермеры? Мой лучший друг Алистер — фермер! А что за фермерство?

— ...коровы?

— Алистер разводит коров! К несчастью, ему недавно пришлось избавиться от любимой коровы. Она постарела.

Хм-м-м. Эти мне кое-что напоминает. На ярмарке Лео говорил об «избавлении от старой жирной коровы».

— Корова была слишком жирной? — уточняю я.

— Да, именно! Откуда ты знаешь?

— Ох, ну, это распространенная проблема.

Боже мой. На ярмарке Лео не был расистом. Он разговаривал с другом *онастоящей* старой жирной корове! Я пристально гляжу на него и прищуриваюсь.

— И чем ты занимаешься в свободное время, Люсиль? — спрашивает он.

— О, ну, мне нравится читать, — отвечаю я. Это правда. — И...

Танцевать, пить грушевый сидр, цеплять случайных парней, ходить на рок-концерты, есть «Пот Нудлс», смотреть и слушать стенд-апы, заниматься сексом, смотреть «Нетфликс», тусоваться...

Я пробегаюсь по списку любимых занятий, но ни одно из них не подходит светской даме. Чем, черт подери, занимаются светские люди? Я смотрю в сторону и усиленно размышляю. Тогда-то перед взором предстает край страницы одного из дурацких журналов Саммер о знаменитостях. Светские люди всегда посещают модные благотворительные

вечера.

— Я... филантроп.

Лео останавливается и награждает меня изумленным взглядом.

— Ого. Я и не понятия не имел. Это прекрасно.

— Ага, — произношу я величественно. Лео впечатлен моим благородством и бескорыстностью. — Я в восторге от благотворительности.

— Кому ты содействуешь? — Он берет меня за руку и раскачивает ее, словно мы молодая семья на пикнике.

— Эм... э... — Мозг лихорадочно работает в поиске идей. Мой мозг — отстой. — Эм... ну... э... белкам, — говорю я медленно и киваю максимально многозначительно.

Зараза. Какого хрена из всех потрясающих благотворительных сообществ я назвала именно это? *Сообщество помощи белкам*. Тупой семье белок, которой я до этого так умилялась. Я оборачиваюсь и посылаю им испепеляющий взгляд. Они же ползают по стволу дерева и даже не замечают моего раздражения.

— Белкам? — переспрашивает Лео и выгибает рыжую бровь.

— О да, — отвечаю я пылко, пока неясное ощущение паники растекается в груди. Не имею ни единого хренового понятия, как выпутаюсь. — Мне кажется, что белки очень важны для... эм... жизни. Люди считают их милыми и думают, что на этом все. Но белки... эм... им не всегда просто.

Да что я несу вообще?

— Не всегда? — спрашивает Лео с интересом. — Почему?

— Ну, белкам нужны орехи, но... зимой здесь слишком много снега, и не представляется возможности их найти. Наше благотворительное сообщество... в общем, мы поставляем мешки с орехами, чтобы белкам не пришлось зимовать без них.

— Как называется ваше сообщество? Я отправлю пожертвование.

— Спасибо! — на выдохе благодарю я. — Оно называется... ну... называется, эм... Беличьи... Орешки... В тепле? Да, «Беличьи орешки в тепле».

Я смотрю на Лео и вижу, что он только из вежливости сдерживает рвущийся наружу смех. Я же веду себя бесстрастно.

Черт бы побрал мой мозг, почему он такой мерзкий? Ну почему первая мысль, связанная с орешками, вызывает ассоциации с мошонкой? Я отвратительна.

— Должен сказать, это звучит очень узконаправлено, — заявляет Лео с улыбкой. — Я и не думал, что что-то такое существует, но, полагаю, белкам, как и другим лесным существам, нужны защитники.

— Нужны. Я принимаю эту проблему близко к сердцу.

Лео посылает мне полуулыбку.

— Ты определенно единственная в своем роде, Люсиль Дарлинг.

Я улыбаюсь, имитируя смущение, и еще сильнее кручу зонтик. Затем ни с того ни с сего Лео резко тянет меня за большое вишневое дерево. Что он делает? Лео притягивает меня к себе поближе и стоит, не шевелясь. Мы сейчас поцелуемся? Моя одержимость белками распалила его?

Сердце колотится в груди. Что за игру он ведет? Я смотрю на Лео, чтобы понять, собирается ли он меня поцеловать, а он в это время выглядывает из-за дерева с выражением ужаса на его аристократическом лице.

Хмурясь, я тоже поворачиваюсь и вижу высокую статную женщину с великолепными

высветленными волосами и в дизайнерском спортивном костюме, трусцой бегущую по тропе с милым йоркширским терьером, семенящим перед ней.

Лео двигается вокруг дерева, чтобы не попасться пробегающей мимо женщине на глаза. Когда ему удастся рассмотреть ее, выражение ужаса исчезает с его лица.

— Кто это?

Лео кривится.

— Вообще-то никто. Я думал, это бывшая, но ошибся.

Ах. Он думал, что это его бывшая. Неудивительно, почему он хочет спрятаться. Ему показалось, что она из кучи обманутых им женщин? Фух. А меня-то трясло от предвкушения поцелуя. Я мысленно бью себя по лицу.

— Ох, — произношу я обыденно. — И почему ты прячешься?

Лео рукой проводит по челке.

— Ну, с моей стороны это было постыдно, да? Прости. Я... — Он замолкает и выглядит крайне неуверенным.

— Ты можешь рассказать мне, — мурлычу я. Посмотрим, как он извернется. — Ты можешь рассказать мне что угодно. Может, нам стоит присесть?

Я указываю на ближайшую деревянную скамейку. Мы идем к ней и присаживаемся. Лео откупоривает вино и разливает его по двум стаканчикам.

— Мне показалось, что это Кейти, моя бывшая невеста, — признается он внезапно, со вздохом глядя вслед пробегающей девушке. — Мне *очень* не хочется, чтобы она заметила меня.

Чего?

— Ты был *помолвлен*?

Эта пикантная подробность в «Гугле» не упоминалась. И Валентина об этом не говорила.

Лео делает большой глоток вина.

— Давным-давно.

Я смотрю на него с любопытством.

— Почему вы не женились?

Он медленно вдыхает.

— Я... в общем, я застал ее развлекающейся с моим отцом.

Какого черта? Фу. От одной мысли об этом становится мерзко и хочется ругаться матом, но приходится продолжать говорить с успокаивающей интонацией.

— Ох, бедный, — едва не задыхаясь, сочувствую я. — Это так ужасно! С какого перепугу они вообще делали *это*? Прости, это несдержанно с моей стороны. Тебе не нужно ничего рассказывать, если ты не хочешь.

— Да ничего, — отвечает Лео. — Это достаточно ненормально, да?

— Эм, да. Достаточно ненормально, — соглашаюсь я, распахнув глаза от ужаса.

— Это случилось много лет назад, летом, когда я выпустился из университета, — начинает повествование Лео, выпивая еще немного вина. — У меня бела безумная идея попутешествовать по Европе, попытаться стать художником на собственные крохи, не на семейные деньги. — Он закатывает глаза и горько смеется. — Мы с Кейти встречались около года, и она захотела, чтобы я работал в компании отца — ей нравился определенный образ жизни, и она считала, что фамилия Фрост откроет ей к нему двери. Когда она поняла, что я собирался сфокусироваться на рисовании, следовательно, существовать на скромные

средства, то сразу же потеряла ко мне интерес. Тогда она переключилась на отца.

— Но почему он...

— У моего отца много достоинств, но моральные ценности — не одно из них.

Мне вспоминается, как Руфус Фрост смотрел на меня в кабинете Лео. Свинья.

— Я поймал их на семейном барбекю, они опьяненно лапали друг друга в ванной наверху, — поясняет Лео упавшим голосом. — Два человека, которым, мне казалось, я мог доверять, врали мне. Мне пришлось простить отца — по большому счету, у меня нет возможности выбрать семью, — но мы не отошли от этой ситуации *до конца*.

— Это просто невероятно, — говорю я, хватая бутылку и разливая вино по нашим стаканчикам. Неудивительно, что ему просто крышу снесло.

На бледном лице Лео появляется румянец, а складка между бровями становится глубже.

— Приношу извинения, Люси. Я этого не ожидал. Сегодня у меня в планах была точно не угрюмость.

— Боже, не извиняйся. — Я откидываюсь на скамейку. — После всего случившегося путешествие наверняка было облегчением.

— В итоге я не поехал. После всего произошедшего эта романтическая затея внезапно стала казаться идиотской и детской.

Я многозначительно киваю.

— Итак... много у тебя было подружек после Кейти?

Лео качает головой и выпивает.

— Не особо.

— Да?

— Ну, то есть, я встречался с женщинами. С многими. Вообще, я встречался со столькими женщинами, что в прессе меня прозвали соблазнителем. — Он замолкает и одаривает меня полуулыбкой. — Не знаю, стоит ли говорить тебе такое, это меня не красит.

Я хихикаю в стиле Люсиль.

— Мне нравится, что ты честен со мной. Ну... а ты *правда* соблазнитель?

Лео пожимает плечами.

— Ненавижу это слово. Честно? Да, я им был. Вообще-то, некоторое время я был уродом. После Кейти мне кажется, что у каждой женщины скрытый мотив. Либо деньги моей семьи, либо моя дурная слава плейбоя, либо колонка в издании, либо желание появиться в правильном месте. Господи, это звучит высокомерно, да? — Он корчит гримасу. — Я хочу сказать, что гораздо проще предстать перед прессой эдакой карикатурой на самого себя, чем открыться, чтобы вновь пережить то, что было с Кейти.

— Мне ты не кажешься карикатурой, — говорю я честно.

Лео посылает мне теплую улыбку, и холодности на его лице как не бывало. Он придвигается ближе, сокращая расстояние на скамейке между нами, и тогда я замечаю россыпь светлых веснушек у его аристократического носа. Миленько. Внутри все упало.

— Это потому что ты другая, Люсиль. — Он забирает из моей руки бумажный стаканчик и ставит его рядом со своим на укрытую ветками землю. Боком прислоняется к спинке скамейки и притягивает меня к себе. — Когда мы познакомились на ярмарке, ты не знала обо мне ничего, — продолжает он хриплым голосом. — Не имела представления, кто я. Никаких ожиданий или мотивов.

Я виновато сглатываю. Он даже, черт подери, не подозревает.

Ко мне приходит понимание, что причина высокомерия Лео и его поведения не в том,

что он просто невообразимый придурок. Все куда сложнее. У него есть прошлое: ужасное происшествие, ожесточившее его, вынудившее держать дистанцию с людьми. Мне это близко. Не скажу, что его поведение прощительно, но если бы Валентина знала, она бы поняла его — почему он был таким, — и злилась бы меньше.

— Я чувствую, что с тобой могу быть собой, — бормочет Лео, проводя пальцем по моей щеке. — Словно я могу раскрыть тебе настоящего себя. И такого ощущения у меня не было уже давно. — Он убирает прядь волос мне за ухо. После чего кладет вторую руку на мой затылок, наклоняется и прижимается своими губами к моим самым мягким поцелуем из возможных.

Когда его губы касаются моих, я распахиваю глаза от шока.

Ох.

Лео притягивает меня к себе и, углубляя поцелуй, ладонью проводит по моей пояснице.

О нет.

У меня вырывается стон, и в ответ Лео прижимает меня к себе еще теснее, целуя еще сильнее. Моя глупая голова начинает кружиться, дурацкое сердце вырывается из груди, а каждое чертово нервное окончание оживает и полыхает. Какого хрена происходит? Я подозревала, что мне может понравиться его поцелуй... но не *настолько*.

Я рукой провожу по его шее и ощущаю, какая она теплая, нежная, незащищенная и сильная.

Потеряв контроль, я лгну к Лео, а он прижимается ко мне.

Именно так целуются мужчины и женщины в бабушкиных фильмах.

Как будто не хотят отрываться друг от друга.

Думаю, этот поцелуй может быть лучшим за всю мою жизнь.

Я отстраняюсь и какое-то время не могу прийти в себя. Лео громко хохочет.

— Ого, — говорит он, словно и в его жизни этот поцелуй может быть лучшим.

Твою мать.

Мне нравится Лео Фрост.

Дневник Роуз Бим

9 Июля 1986

Я беременна.

Откровенно говоря, я в чертовом ужасе. Я не знаю, что делать. Я пыталась дозвониться до Тома, но он не ответил. Сегодня после работы я пошла к его дому, но там никого не было. Надеюсь, с ним все в порядке, принимая во внимание, что он мне рассказывал о головорезах, которым должен денег. Я не могу мыслить ясно, мне нужно с кем-то поговорить. Подожди, мама зовет меня вниз...

Глава двадцать девятая

Целомудренный поцелуй на публике приемлем, остальное граничит с областью «тяжелого петтинга», и поведение подобного рода абсолютно недопустимо.

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

Мы с Лео целуемся на скамейке двадцать очень страстных и эротических минут, и все настолько хорошо, что я забываю, где я, с кем я и что мне следует делать. Или в моем случае — не следует. Хмурый смотритель парка прерывает нас, чтобы проинформировать, что от проходящих мимо молодых семей поступают жалобы, и нам не подобает на людях вот так блудить. Хихикая, как идиоты, мы встаем со скамейки и продолжаем прогулку по парку. На протяжении всего пути мы общаемся обо всем и ни о чем и каждые пять минут при взгляде друг на друга разражаемся беспричинным хохотом. Будто мы до сих пор не можем поверить, как же мы хорошо целуемся. Какие при этом потрясающие ощущения. Адреналин зашкаливает. Мы все время держимся за руки. Это смешно. Я смешна. Но... то, как мое тело реагировало на его... Это была не обыкновенная похоть, которую я чувствую, когда мне кто-то симпатичен. Это было очешуительно!

Когда Лео толкает меня к сикоморе, чтобы снова поцеловать, я охотно поддаюсь. Сейчас меня волнуют только эти потрясающие ощущения: будто я погружаюсь в водоем с теплой, маслянистой обалденностью.

Лео Фрост. Художник. Мыслитель. Человек. Охмуритель Джесс.

— Ох, Люсиль, — рычит он, носом утыкаясь мне в шею.

Мои глаза тут же распахиваются.

Я прекращаю целоваться и отскакиваю в сторону.

Люсиль.

Люсиль.

Это не по-настоящему.

Игра.

Лео думает, что целует другого человека. Он *так* целует не меня. Он целует Люсиль.

Я мысленно встряхиваю себя. Мне нужно взять себя, черт подери, в руки и поскорее.

— Люсиль, в чем дело? — спрашивает Лео с беспокойством во взгляде, а я пячусь от него.

— Мне... мне нужно домой. Я опаздываю, — мямлю я, быстро кивая и сканируя парк на предмет ближайшего выхода. — Мне пора уходить. Пора, эм, ложиться спать.

Лео смеется.

— О нет, это что-то вроде «*мне нужно помыть голову*»?

Я тоже смеюсь, но получается немного маниакально.

Лео снова берет меня за руку.

— Мы можем пойти ко мне? — Он хищно улыбается мне.

Моя вагина говорит «да». ДА.

— Нет! — кричу я. — Мне действительно нужно идти, а то я... опоздаю.

— Куда?

— Эм, на работу. Да. У меня много работы... с благотворительным фондом. С белками. Неотложные беличьи дела. Пока. Пока!

И прежде чем ему удастся убедить меня очередным сверхъестественным, крышесносным поцелуем, я разворачиваюсь, зажимаю бабушкин зонтик подмышкой и убегаю из парка.

Мне отчаянно нужно остыть, потому до Бонэм Сквер я решаю пробежать. В этих туфлях

на высоком каблуке это не просто, потому я несколько раз подворачиваю ногу. Одному Богу известно, как я выгляжу со стороны, затянутая в странное платье морячки, с остроконечной грудью, пока бреду по крутейшим улицам Лондона с антикварным кружевным зонтиком и яростно бормочу себе под нос: «Черт... Черт... Черт... Черт... Дерьмо... Черт».

В мыслях полный бардак. Вихрь смятений. Что происходит? Всю свою жизнь я была крайне осмотрительна, чтобы не потерять головы из-за парня. Господь знает, мамины предупреждения о людях, сближающихся с тобой, чтобы причинить боль, напугали меня до чертиков. Мне казалось, я умнее.

Но это не так.

Я идиотка. Тупица. Неудачница. Лохушка. Тупая неудачливая идиотическая лохушка.

Я была так убеждена, что Лео Фрост придурок, настолько была сосредоточена на притворстве другим человеком, что у настоящей меня спала защита, и теперь, похоже, у меня появились... чувства.

Чувства. Фу. Я чувствую их, эти чувства. Они полыхают внутри, отчего я чувствую возбуждение, испуг, волнение, вожделение и надежду на некое продолжение.

Но это все ложь. Никакого продолжения не будет. У Лео есть чувства ко мне *только потому*, что ему кажется, будто я «необычная» винтажная светская леди, которой нравятся стихи, искусство эпохи Возрождения, и которая в восторге от любых его чертовых слов и действий.

И, невзирая на все это, он удивил меня... Он мне *понравился*.

Так нельзя. Только не сейчас. Я же всю жизнь прожила, избегая конкретно вот этого.

Я думаю о маме. О том, что она сказала в день, когда я уезжала в университет, за полгода до того, как... Ох. Она встала в дверном проеме дома, ее глаза застили слезы, а руки она положила мне на плечи.

Никогда не отдавай свое сердце, дорогая. Если ты отпустишь его, то можешь не получить обратно, и тогда у тебя не останется ничего. Не будь глупой, как твоя мама. Верь мне.

Идя к дому бабушки, я с силой сжимаю кулаки.

Это опасно. Эти *чувства* опасны.

Ух, в парке я вела себя как зеленая дурочка. Я себя не узнавала в той растаявшей девице. О чем я думала? Я *не* думала. Мне нельзя рисковать. Я не могу закончить, как мама.

С небольшим интервалом я резко вдыхаю и медленно выдыхаю, пытаюсь сосредоточиться.

Сделать можно только одно.

Мне нельзя видеться с Лео Фростом.

Нужно отменить проект.

Я готова ворваться в дом и заявить бабушке и Пич, что проект окончен. Что «*Как заполучить мужчину методами 1955 года*» просто больше не может существовать, есть кое-какие творческие разногласия, и им придется решать свои проблемы самостоятельно, без меня, потому что я не несу ответственность за случившееся — и вообще, с чего вдруг решение этой проблемы должно лечь на *мои* плечи?

Добравшись до комнаты, я легко приоткрываю дверь. Пич с бабушкой сидят на диване и смотрят по телевизору сериал «*Скотт и Бейли*»⁶⁰.

Бабушка потягивает шерри из бокала и мнет воротник блузки. Пич, на чьих коленях удобно расположился Мистер Белдинг, поглядывает в окно, вероятно, ждет, когда вернется ее подруга. Бабушка резко вздыхает, сосредоточенно глядя, как на экране Сюранна Джоунс ловит преступника с козлиной бородкой. Пич хихикает из-за того, как бабушка реагирует на сериал, и чешет живот Мистеру Белдингу.

Это их жизнь.

У меня скручивает внутренности от внезапно возникшей перед глазами картины, как бабушка вцепляется в перила дома, пока крепкий судебный пристав обчищает дом, выставляя ее на улицу. Потом я представляю, как Пич проходит собеседование в качестве соседки в неприглядное многолюдное общежитие в Пекхэме, и как она тревожится из-за того, что ей придется жить вместе с незнакомцами.

На меня снисходит озарение, и я опускаю плечи.

Думаю, к *этим* людям у меня тоже есть чувства.

Я бью себя по голове. *Что* происходит? Я превращаюсь в настоящую неудачницу.

Я наблюдаю за бабушкой и Пич, смотрящими телевизор. Две недели назад они были для меня незнакомками. Теперь же...

Ох, да кого я обманываю? *Я не могу* отменить проект. Не могу подвести их. Особенно из-за боязни чувств к парню, которого едва знаю. Я потираю шею и глубоко вдыхаю.

Черт подери.

Ладно. Смена плана. Единственное, что я могу делать в этой ужасной ситуации, это игнорировать глупые чувства к проклятому Лео Фросту. Затаиться, усиленно работать над проектом в роли *Люсиль*, заставить Лео признаться мне в любви как можно скорее, написать эти дурацкие двадцать тысяч слов, заключить сделку на книгу, дописать ее, спасти мир и только потом уехать. Может, даже на Карибы. Оттуда пошлю Лео письмо с извинениями за то, что дурила его ради денег, мое сердце будет в безопасности, и я заживу долго и счастливо, одна, на пляже.

Я вздыхаю, и благодаря этому звуку меня в дверном проеме замечает Пич. Она бодро соскакивает с кресла.

— Джесс! — выкрикивает она звонко, будто меня на месяц отсылали на пустынный остров. Бабушка награждает меня широкой улыбкой. Никогда еще у меня не было двух людей, которые были рады меня видеть.

— Здравствуй, дорогая, — приветствует меня бабушка. — Как прошло?

— Ты его поцеловала? — спрашивает Пич.

Я скидываю туфли и плюхаюсь в бабушкино синее кресло.

— Поцеловала.

Бабушка прижимает ладони к щекам.

— Ох!

— Каким был поцелуй? — с энтузиазмом интересуется Пич.

Он изменил все.

— Эм...

Я не могу рассказать им правду о поцелуе. Им не нужно знать, насколько он все усложнил, как я смешна, насколько не оправдала ожиданий, допустив мысль, что поцелуй Лео Фроста может быть лучшим из всех, что у меня когда-либо были; как размышляла о том, что его тело вполне может конкурировать с телом Райана Гослинга в фильме «*Эта дурацкая любовь*»; что Лео любит фильм «*Бриолин 2*» и знает все песни оттуда лучше, чем я; что он

принес мне бумажный пакет на случай недомогания; что он знает, каково это — потерять маму; что он читал рэп на людях, чтобы рассмешить меня; не могу рассказать о его потрясающих художественных способностях, его глазах, его соблазнительном зрелом аромате, похожем на запах розового дерева.

— ... пахучий, — бормочу я мечтательно, утопая в грезах.

— Да? — переспрашивает Пич. — Он пахнет?

— Ой. — Я сразу же возвращаюсь на землю. — Что? Эм... Ага. Он... отвратительно пахнет. Воняет. Как кучка мусора.

Бабушка часто моргает.

— На фотографиях, что мы видели, он казался чистым.

— Ну, еще бы, он хочет, чтобы мы так думали, — говорю я дерзко, хотя внутри вся содрогаюсь.

Понятия не имею, что я несу. Я в смятении. Дурацкий Лео и его рот, поменявший все, тоже дурацкий.

— Боже, — поражается бабушка, морща нос. — Думаю, невозможно узнать человека до конца.

— Верно, — соглашаюсь я. — Не волнуйся. Эм, в следующий раз я дам ему мятную жвачку. Распылю на него дезодорант, когда он отвернется.

— Когда следующий раз? — хочет знать Пич.

Как по сигналу звонит телефон. Это он. Руки немного трясутся, и я роняю телефон на коврик. *Я нервничаю.* Что за неудачница. Пич глядит на меня с подозрением.

— Ответь, Джесс.

Я медленно киваю, поднимаю телефон и включаю громкую связь.

— Привет, — говорю я обыденно.

— Ты еще не в кровати? А как же твой сон? — шутит он.

— Ой, прекрати, — прыскаю я, как это сделала бы Люсиль.

— Я просто хотел позвонить и сказать, что сегодня я очень-очень хорошо провел день, Люсиль. Охренеть как хорошо.

Бабушка прижимает руку к груди, а Пич показывает большие пальцы.

— И я, — посмеиваюсь я.

— Ты убежала так быстро, что я даже не успел спросить...

— Спросить о чем?

— Ну, дело в том, что в субботу бал Лондонской рекламной ассоциации, и я надеялся, что ты пойдешь со мной в качестве спутницы.

При упоминании бала бабушка чуть не задыхается от удовольствия, быстро встает с кресла, открывает бар, достает еще два бокала и разливает по ним шерри. Как только я соглашаюсь пойти на бал и завершаю разговор, бабушка протягивает бокалы мне и Пич.

— Кажется, кто-то терзается! — заявляет она взволновано.

— Кто? Что? — шиплю я. — Кто теперь?

— Мистер Фрост, — отвечает бабушка, бросая на меня странный взгляд. — Кажется, негодяй сражен тобой. Или Люсиль, и такое может быть.

— Ох. Да. Это точно.

— Мы *определенно* на верном пути. Ты необыкновенная, Джесс. Должна признать, у меня были сомнения, но ты изумительная ученица. — Ее глаза загораются. — Я так горжусь тобой.

Она гордится мной.

Раньше мне никто такого не говорил.

Бабушка тянется ко мне и заключает в объятия. Она легонько сжимает меня, а я тем временем жду дискомфортной щекотки, которая обычно появляется при публичном выражении чувств и охватывает все тело.

Но, к моему удивлению, ничего не происходит.

Глава тридцатая

Избегайте неловкости на первом свидании при помощи двойного свидания. Во-первых, обедать со знакомыми весело, а во-вторых, темы для разговора не иссякнут.

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

Мне снится чудной сон — о призраке в корсете, который выходит замуж по расчету за Майкла Кэррингтона из «Бриоллина 2», — а потом Пич будит меня, трясая за плечо. Ее большие руки фермерской девчушки куда сильнее и тяжелее, чем ей кажется. Я отталкиваю ее до того, как она умудряется вывихнуть мне что-нибудь.

— Ой! Боже, Пич, — бормочу я, протирая заспанные глаза. — Лучше бы это было срочно.

— Гэвин здесь! — выпаливает она.

— Что? Гэвин?

— Почтальон, — напоминает она мне слегка раздраженно. — Он принес посылку, за которую нужно расписаться. Я ничего не заказывала, да и Матильда тоже, я точно знаю. Это твоих рук дело?

На моем лице растягивается невинная улыбка, потому что это действительно *была я*. Она бы так и откладывала приглашение, так что я заказала кое-что онлайн, чтобы за это нужно было расписаться.

— Это большая посылка? — уточняю я сонно. — Большая, твердая посылка?

Пич хмурится.

— Тихо. Ты говорила, что будешь стоять рядом, когда я попрошу его пойти куда-то. В качестве поддержки. Вставай!

Я сажусь на кровати.

— Эх... Могу я хотя бы одеться? — Изучаю свои спутанные волосы и старую футболку-ночнушку с логотипом AC/DC.

— Нет, *ну же*, ты обещала! — Она устремляет на меня взгляд, который, думаю, считает испепеляющим. И морщит свои тонкие милые губки. — Ты нужна Леди Пи, — говорит она серьезно.

Черт.

Я пью воду из стакана, стоящего у кровати, натягиваю халат и неохотно бреду вниз, плетясь за неугомонной Пич.

Мы добираемся до входной двери, и я вижу Гэвина, почтальона в шортах, который в руках держит маленький сверток.

— У него крошечная посылка, — шепчу я Пич.

— Тише, — шипит она в ответ, поворачиваясь к Гэвину с широкой улыбкой. Она выглядит странно. — Приве-е-е-ет, Гэвин. П-приве-е-ет.

— Эм, привет. — Он изгибает брови, удивляясь моему присутствию.

— Йоу, — машу я, не проснувшись. — Не обращай на меня внимания! — Забрав маленькую упаковку, я ставлю подпись на небольшом электронном регистрационном планшете. Пару секунд мы все молча смотрим друг на друга.

Я подталкиваю Пич плечом и бросаю на нее подбадривающий взгляд.

— Ах... да, Гэвин. Я... я... — начинает она, и ее щеки окрашиваются насыщенным красным цветом. — Я...

— Пич. Хотела бы ты... — в свою очередь начинает Гэвин, пятась со смущенным видом. — Ух...

О нет.

Мы стоим еще тридцать секунд, пока эти двое предпринимают все более неловкие попытки пригласить друг друга куда-нибудь. *Поэтому* был изобретен алкоголь.

Пич поворачивается ко мне, и на ее лице читается мука, а ее ссутулившиеся плечи почти на уровне ушей.

Пора призвать четырнадцатилетнюю меня.

— Гэвин. Это моя подруга-красавица Пич. — Я показываю на Пич. — Хочешь сходить с ней куда-нибудь?

Гэвин нервно смеется и яро кивает головой, отчего его бейсболка раскачивается из стороны в сторону.

— Пич, а ты хочешь сходить куда-нибудь с Гэвином?

— Д-да. — Пич светится.

— Отлично. — Я решительно киваю и беру ручку со стола. — Гэвин, напиши здесь свой номер. — Я протягиваю ему посылку.

Он выцарапывает свой номер немного трясущимися руками.

— Я... я... позвоню тебе, — внезапно встречается Пич самым писклявым голосом, на который только способна.

— Круто, — отвечает Гэвин, стеснительно улыбаясь Пич. — До встречи. Пока, Пич.

— Пока, Гэвин!

— Эм... пока, — прощаюсь я многозначительно, когда он сбегает по ступенькам. Он даже не оглядывается, так торопится покинуть дом. Я фыркаю. Я призрак что ли?

Стоит Гэвину исчезнуть из нашего поля зрения, и Пич выдыхает с облегчением.

— Фу-у-ух. Поверить не могу, он ответил «да»!

— Ну, еще бы. — Я шевелю бровями. — Кажется, *кого-то* собираются уложить!

Я дразню Пич, а она в ответ мечтательно улыбается.

— Жду не дождусь! — Она поднимает руку, чтобы «дать пять», и я отвечаю с энтузиазмом. — Жду не дождусь, когда он меня уложит. Наконец-то со старушкой Пич Кармайкл начинает что-то происходить!

Я убираю нераспечатанный сверток в ящик комода в коридоре вместе с остальной почтой, и, сделав себе напитки, мы с Пич направляемся на балкон гостиной комнаты, где облакачиваемся на перила и глядим на ухоженный парк. Это очередное знойное утро, и из-за невыносимой жары линия неба вдали размывается и волнуется.

Осушив чашку с крепким кофе, я наслаждаюсь ощущением растекающейся по телу кофеиновой бодрости и подставляю лицо солнцу.

— Итак, как думаешь, куда вы с Гэвином пойдете на ваше первое свидание? — интересуюсь я у Пич. — Пич? — Я открываю глаза и смотрю на нее. Она будто в трансе глядит вдаль с застывшей на полпути ко рту чашкой кофе в руке. Что она делает? — Земля вызывает Пич!

— Первое свидание, — мямлит она дрожащим голосом.

— Чего?

— Мне нужно пойти на первое свидание с Гэвином. Одной.

— Да-а-а-а... Разве не в этом была цель, ну, знаешь, приглашения его куда-нибудь?..

Ноздри Пич раздуваются.

— Само собой, но... Я была так рада его ответу, что не подумала о самой ситуации. На первых свиданиях я кошмарная, Джесс. Ужасная. На последнем я была шесть лет назад, и у меня так тряслись руки, что я в ресторане случайно уронила свечу, отчего загорелось меню моего спутника. Затем, в конце свидания, когда мы должны были поцеловаться... — Пич опускает взгляд в пол, а ее пухлые щечки алеют. — Я очень громко выпустила воздух, и мой спутник это услышал. Я так нервничала. Это было оскорбительно.

Я громко смеюсь и останавливаюсь только тогда, когда понимаю, что она не шутит.

На лице Пич отражается паника, она ставит чашку на перила балкона и начинает глотать воздух. Затем опускается на пол, прижимает два пальца к шее и между вдохами ведет счет.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, присаживаясь рядом.

— У меня повышается пульс. Боже. Я так не могу. Нужно отменить свидание с Гэвином. Оно того не стоит. Мне же не *необходим* секс, верно? Я нормально проживу и без него. Да он наверняка не так уж и хорош. То есть, как я вообще смогу заняться им? Ты видела, что было. *За нас* пришлось говорить тебе! Я не готова...

— Еще как готова, — уверенно говорю я. — Просто ты слегка волнуешься. Все первые свидания поначалу немного неловкие, но потом ты расслабляешься. Вот правда, к концу вечера ты даже не поймешь, почему переживала! — Я аккуратно отвожу ее пальцы от шеи. — Успокойся. Ты справишься.

Она таращится на меня широко раскрытыми глазами.

— Но я не могу справиться с этим одна. Ты... Ты должна пойти с нами, Джесс.

— Что? На ваше свидание? Нет!

— Да. Мне лучше, когда ты рядом.

Я кривлюсь.

— Не будет ли это похоже на... пятое колесо?

— Нет, совсем нет. Мне просто нужен буфер. Ты *должна* пойти. Думаю, я все испорчу, как умею только я. — Она начинает рукой обмахивать свое лицо, словно хочет остудить себя — у нее определенно паника. — Скажи, что пойдешь со мной, Джесс. У меня больше может не быть такого шанса! Прошу! Пожалуйста.

Ох, боже, она точно слетела с катушек. Она не может отступить.

— Слушай. — Я быстро хлопаю ее по плечу. — Почему бы тебе, ну, не знаю, не пойти на бал? Я узнаю, сможет ли Лео достать еще пару билетов. Тогда я смогу быть твоим буфером, и это будет не так неловко.

Пич тяжело сглатывает, ее дыхание потихоньку выравнивается.

— Ладно... Все может получиться. Ты... ты уверена?

Нет. Совсем не уверена. Но я не знаю, сколько еще пробуду тут, а если она сейчас

струсит, у нее может никогда не быть секса, вообще никогда. Не хочу брать на себя такую ответственность. Я не смогу жить с этим.

— Уверена, волноваться не о чем, — убеждаю я ее бодро. — Будет здорово, соберется много народу, там будет проще, чем на свидании с парнем один на один.

Пич глубоко вдыхает, и на ее лице возникает скромная, немного тревожная улыбка.

— Ох, не знаю, что бы я делала без тебя, Джесс. — Она берет мою руку и стискивает ее между своими ладонями. — Я безумно рада, что мы встретились. Благодаря тебе все наконец становится лучше.

Я устремляю на нее взгляд типа «не будь такой мягкой», но уже в третий раз за три дня внутри чувствую радостную щекотку. Думаю, именно это называют «внутренним трепетом».

Джессика Бим, тебе нужно взять себя в руки.

Происходит что-то ужасное. После поцелуя с Лео словно открылся шлюз: сентиментальные чувства накатывают все сильнее и быстрее, прямо как непредвиденная рвота, только еще противнее. В понедельник я снова позволила бабушке обнять меня, а во вторник обняла ее *сама!* С Пич у меня много долгих и обстоятельных разговоров о ее приближающемся свидании с Гэвином на балу (Лео абсолютно нормально отнесся к тому, что они присоединятся к нам), и я правда слушаю ее тревожные мысли по поводу того, о чем же им говорить, даю ей советы касательно секса, ну, знаете, какие дают настоящие друзья. И вдобавок к тому, что я и так сильно беспокоилась, что моя защитная раковина слишком размякла, в среду вечером, за ужином, бабушка и Пич заметили мое немного приподнятое настроение.

— Боже, если бы я не знала, как ты презираешь мистера Фроста, то поверила бы, что он вскружил тебе голову! — шутит бабушка, отчего я давлюсь горошком и зло выпаливаю: «Нет, похоже, *тебе*», после чего яростно втыкаю вилку в куриную грудку.

Такое нетипичное поведение только подтверждает тот факт, что ситуация становится все серьезнее. Что делает выполнение поставленных мною задач еще важнее: затаиться, поскорее закончить «*Как заполучить мужчину методами 1955 года*» и убраться отсюда, пока *чувства* не усугубились. Потому что если дать происходящему нагноиться, у меня не останется брони, и, прежде чем пойму, я стану одной из тех, кто рыдает над рекламой Джона Льюиса или интересуется связанными с единорогами вещами, ну или той, кто влюбляется в мужчин, которые брюхатят, разбивают сердце и оставляют жить в депрессии до конца жизни, пока это не становится нестерпимо...

Дни проходят, близится бал Лондонской рекламной ассоциации, а я изо всех сил пытаюсь сконцентрироваться и стать идеальной моделью винтажной женщины. Я пересматриваю советы для Достойной Женщины, каждую ночь наношу колд-крем, избегаю Джейми, как преступник избегает поимки — хотя в среду, обедая на балконе, я замечаю его с симпатичной девушкой, по моим предположениям, с Кико, и ощущаю потрясение. Я почти не выхожу на пробежку, *вальсирую* с бабушкой и даже умудряюсь написать десять тысяч слов для книги. Отослав их Валентине, в ответ я получаю имейл, в котором говорится:

«Чую бестселлер».

И это письмо демонстрирую бабушке, которая, как я и ждала, ударяется в громкие слезы счастья.

Так что все идет согласно плану. Скоро я покончу со всем этим, получу деньги и на

самолете отправлюсь в прелестное, теплое и экзотическое далекое место.

Сама.

Что определенно к лучшему.

Определенно.

Бабушка всю неделю перешивает одно из своих старых бальных платьев, чтобы я могла надеть его в субботу. Занимается она этим супер скрытно, в манере Декстера, готовящего комнату к убийству. По всей видимости, она хочет, чтобы «это был приятный сюрприз» для меня. Словно я смогу восторгаться чем-то таким недалеким, как бальное платье.

Хотя, я тревожусь, что все же могу.

В день премии ЛРА я нежусь в кровати, периодически играю в «Биджевел Блиц», пишу для книги и гуглю «помощь — как остановить внезапные и нежелательные захватывающие чувства?», и тут в дверь стучит бабушка.

— Можешь войти! — кричу я, быстро очищая историю посещений в браузере и закрывая крышку ноутбука.

Бабушка, суетясь, заходит с кремовой пухлой вешалкой, на которой висит самый великолепный наряд из всех видимых мною. Он даже прекраснее моих блестящих трусиков с надписью «Сочная». Думаю, я даже громко вдохнула от такой совершенной красоты.

Бальное платье цвета бледнейшего синего льда, без бретелек, с шелковым лифом с косточками, переходящим в многоуровневую воздушную юбку, доходящую до середины икры. На талии замысловатый поясик из серебристого кружева, и вышит он настолько искусно, что разглядеть его возможно только находясь в непосредственной близости. Платье охренительное.

Я подлетаю к нему и трогаю шелковый лиф — он кажется холодным и гладким, на ощупь похож на комбинезон, в котором я собиралась пойти на презентацию «Пчеловода». Люди вроде меня не носят такие платья. Людям вроде меня наплевать на подобные платья. Но оно изумительное. Ради такого платья Саммер вступила бы в кулачный бой, лишь бы оно досталось ей.

— Оно будет великолепно смотреться с твоим цветом волос. — Бабушка аж светится. Затем она бросает взгляд на свои часы. — Которыми нам нужно начать заниматься уже сейчас. У нас не так много времени, а они должны быть идеальными. Поторопимся.

Она аккуратно вешает платье на высокую дверцу шкафа и ведет меня вниз, на кухню, где лежат все ее бигуди и расчески, наборы лосьонов, настоев и косметика — словно она устраивает беспорядочную распродажу винтажных средств для макияжа.

Бабушка решает, что сегодня мои волосы будут уложены широкими гладкими волнами с экстремальным пробором а-ля Вероника Лейк. Пока я на айфоне смотрю «Нетфликс», она напевает песни Дорис Дэй и целую вечность накручивает мои волосы на огромные бигуди, нагревает их феном, раскатывает, укладывает с помощью сыворотки для волос и потом сбрызгивает лаком, чтобы те держались, даже если наступит конец света. Я пытаюсь не допустить смерти от удушья и прикрываю рот и нос воротом халата. Пока бабушка красит меня (подводит черной подводкой глаза, завивает ресницы и наносит малиновую помаду), я пытаюсь сосредоточиться на руках, а не на том, как Лео может выглядеть в смокинге.

Когда мои волосы, макияж и ногти готовы, бабушка помогает мне втиснуться в винтажное утягивающее белье, корсет, заостренный бюстгальтер без бретелек и, наконец, в

платье. Я быстро сбегая по лестнице к большому зеркалу в вестибюле, а бабушка взбудоражено следует за мной.

— Твою мать, — шепчу я, реагируя на отражение в зеркале.

В данных обстоятельствах бабушка притворяется, что не слышит моих ругательств. Откровенно говоря, если бы она ругалась, она бы, вероятно, сказала то же самое.

Потому что я выгляжу нереально. Кристально-синий цвет платья с моей бледно-кремовой кожей и рыжевато-золотистыми волосами смотрится сумасшедше круто. Мой макияж безупречный, прическа тем более, шея кажется длиннее, талия еще тоньше, нет никаких накладных ресниц, пятен от загара или от фастфуда.

Я выгляжу как кто-то совсем другой.

Я — Люсиль.

Мне представляется реакция Лео, когда он увидит меня и своим видом вызовет щекочущие ощущения у меня внутри.

Затем я мысленно легонько бью себя. *Это не по-настоящему. Не замечтайся. Оставайся сфокусированной.*

Пич галопом сбегает по ступенькам.

— Ох, мамочки, Джесс. Ты выглядишь так, будто отправляешься на «Оскар».

Я кручусь на месте и смеюсь от удовольствия. Пич выглядит эпично. Ее пушистые темно-русые волосы уложены в блестящие кудри и маленькими заколками с камнями убраны назад. На ней прекрасное насыщенного темно-синего цвета бальное платье из тафты, а на плечи накинут сатиновый шарф в тон. Эти цвета отлично сочетаются с ее светящейся розоватой кожей.

— Ты выглядишь потрясающе, — говорю я ей. — У Гэвина не будет слов.

Улыбка Пич мгновенно сменяется хмуростью. Черт. Я и забыла, что Гэвин на самом деле не слишком многословен.

— Шучу! — быстро поправляю я себя. — В общем, если что-то пойдет не так, помни — я буду там, чтобы смазать колеса вашего разговора. Не беспокойся.

— Обещаешь?

— Еще как. — Мы ударяемся кулаками, а бабушка, глядя на нас обеих, озадаченно качает головой.

Когда бабушка снова суетится у моих волос, разглаживая их и своими тоненькими ручонками отбрасывая пряди назад, мой мобильный начинает трезвонить, сообщая, что машина, нанятая Лео, чтобы забрать нас, прибыла.

— Помни, Джессика, — наставляет меня бабушка, пока мы идем к входной двери. — Сегодня ты представляешь Лео на важнейшем для него вечере в году. Ты должна быть самым воплощением элегантности. Женщиной, с которой захочет быть каждый мужчина на балу, той, чей секрет *возжелает* знать каждая дама. От того, как ты поведешь себя сегодня, будет зависеть весь проект: либо он удастся, либо провалится.

Я кривлюсь.

— Боже. Хватит давить.

Бабушка берет меня за руку и сжимает ее. От эмоций ее большие глаза снова заволакивают слезы.

— Я верю в тебя, дорогая.

Уф. Очередная теплая быстрая волна внутреннего трепета. Я прижимаюсь к ее щеке нежным поцелуем. После него на коже бабушки остается малиновый след, добавляя ее

невероятной бледности кричащей яркости.

— Спасибо, ба. Спасибо за веру. Круто. Потрясно. Ладненько.

Я быстро открываю ящик комода, стоящего в коридоре, и достаю оттуда посылку, доставленную Гэвином. Разрываю плотный конверт и вынимаю из него вытянутую коробочку в темной блестящей подарочной бумаге.

— Что это? — спрашивает бабушка.

— Ох, эм... Это просто... тушь, которую я купила. Открою ее по пути. — Я засовываю коробочку в серебристо-жемчужный клатч. Конец коробки торчит из сумочки. Бабушка хмурится с подозрением. Игнорируя ее, я поворачиваюсь к застегивающей свою вечернюю сумочку Пич и вижу ее широко распахнутые глаза и выражение ужаса на лице из-за предстоящего свидания с Гэвином. Ее первое взрослое свидание.

— Давай сделаем это, — выкрикиваю я, хотя звучит немного более глухо, чем мне хотелось.

— Повеселитесь! — говорит нам вслед бабушка, словно мы не принимаем участие в подлом плане, а идем на социальное мероприятие, куда нас пригласили по-настоящему.

Когда мы проходим половину ступенек, бабушка внезапно выглядывает из-за двери.

— Стойте! Подождите!

Мы с Пич разворачиваемся, покачиваясь на каблуках.

— В чем дело? Мы что-то забыли?

Бабушка смотрит себе под ноги.

— Эм... Лицевая Книга, которая нравится тебе в Интернете...

— Да?

— Как мне... Как мне найти ее на компьютере?

— Ты хочешь зайти на «Фейсбук»?

Ее губы дрожат.

— Может. — Она задирает подбородок. — Пока не знаю.

Мы с Пич глядим друг на друга с удивлением и раздражаемся громким хохотом. За последние несколько недель произошло много странных событий, но заходящая в социальную сеть Матильда Бим может быть самым необыкновенным происшествием из всех.

Я второпях даю бабушке инструкции, как с компьютера зайти на «Фейсбук», и быстро сбегая по лестнице, минуя вестибюль и вылетаю наружу.

Черт возьми. Там Джейми. Он в своем докторском халате ходит по тротуару туда-сюда и говорит с кем-то по телефону. Вероятно, с Кико.

Замечая меня, он завершает разговор, роняет телефон и неуклюже ловит его до того, как тот успевает удариться об асфальт.

— Здравствуйте, доктор Абернати! — здоровается Пич бодро.

— Здравствуй! — отвечает он, убирая мобильный в карман брюк. Его взгляд перемещается на меня. — Привет, Джесс.

— Привет! — Я неловко машу ему. Это дико. Я мастерски избегала его всю неделю. Понятия не имею, что говорить. Пич смотрит на нас обоих с любопытством.

Джейми тяжело сглатывает.

— Ты невероятно красивая, — говорит он вдруг мягким и низким голосом.

— Ого, спасибо! — отзывается Пич, сияя. Она поправляет свою юбку из тафты. — Вы слишком добры, доктор.

— Наверное, нам пора! — Я беру Пич за руку и веду к ожидающей машине. — Береги себя, Джейми. Пока!

— Ага... пока.

Я знаю, что Джейми наблюдает за нами, пока мы уезжаем, но не оглядываюсь.

Глава тридцать первая

Лишь одна женщина может быть главной красавицей бала. Сделайте все возможное, чтобы этой леди были вы.

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

К моменту прибытия в церковь Христа Спиталфилд, где на этот раз проходит премия, я полностью измотана. Когда мы из квартиры в Хаммерсмит забрали одетого в смокинг, очень привлекательного, но до смерти перепуганного Гэвина, Пич снова потеряла дар речи, да и сам Гэвин был ничем не лучше. Они в качестве приветствия нервно улыбнулись друг другу, что-то пробормотали, и беседа затихла полностью, отчего возникла атмосфера неловкости. Мне было все равно, а вот Пич умирала. Чтобы заполнить тишину и уменьшить дискомфорт, я болтала всю дорогу без умолку. Согласно нашей с Пич договоренности, Гэвину я сказала, что Лео всегда называет меня моим вторым именем — Люсиль, — и потому он должен звать меня так же, а не Джесс. Затем я заговорила о зное, как жарко нынче, и хорошо, что в машине есть кондиционер. Потом, когда темы стали иссякать, я стала комментировать всю нашу поездку, как какой-то гламурный разодетый персональный гид.

— Итак, мы миновали местный «Макдоналдс». Вообще, он забит, чего и стоило ждать в субботу. — И так далее, и тому подобное. Выматывает.

По прибытии мы выбираемся из машины, на входе протягиваем билеты и идем в неф, как нас проинструктировал один очень энергичный распорядитель. Когда мы вошли внутрь, то все трое ахнули от благоговения. Вот это помещение для вечеринки! Это реконструированная церковь: высоченные потолки, украшенные орнаментом. Зал окаймлен шикарными дубовыми панелями и толстыми тосканскими колоннами, переливающимися розовыми и фиолетовыми цветами. Все невероятно величественное и захватывающее. Весь неф уже заполнен людьми, а в воздухе витает предвкушение. В передней части помещения потрясающий биг-бэнд⁶¹ играет песни Эллы Фицджеральд, гости же в роскошных смокингах и дорогих бальных нарядах толкаются на огромном танцполе либо болтают за одним из массивных круглых столов, чьим главным украшением являются экстравагантные красочные букеты, у которых между листьями цветов переливаются мерцающие огоньки.

— Ого, — выдыхает Пич. — Никогда не видела ничего подобного!

— Я знаю! — Я оглядываюсь от изумления. — Они серьезно подошли к делу. — Внутри, помимо моей воли, растекается восхищение. — Слушайте, ребята, я собираюсь поискать Лео. Он сказал, что приедет с коллегами, так что уже должен быть где-то здесь.

Глаза Пич расширяются от ужаса при мысли, что я могу оставить ее наедине с Гэвином так быстро.

— Не беспокойся, — успокаиваю я ее. — Оба идите к бару, и я найду вам столик, хорошо?

Гэвин делает глубокий вдох и расходует всю свою смелость без остатка на то, чтобы сказать:

— Идем, Пич, я возьму тебе выпить.

Прежде чем они уходят, я хватаю Пич за руку и шепчу ей на ухо:

— Рюмка текилы облегчит ситуацию, поняла? Немного расслабит вас обоих. Ты крутая, Леди Пи. Просто успокойся и притворись, что говоришь со мной. Потом ищи меня.

Пич решительно кивает, я жестом показываю ей идти, и они быстро направляются к бару, чтобы взять немного жидкой смелости.

Пока я оглядываю зал в поисках Лео, внутри все трепещет и переворачивается в предвкушении встречи с ним. Что, если моя решительность испарится, и я утону в одном из тех поцелуев? Что, если сегодня он захочет заняться со мной любовью? Откуда мне взять сил, чтобы отказать? Ух. Мне нужно довести это чертово дело до конца. Я не могу чувствовать себя так постоянно.

— Люсиль! — раздается из-за спины знакомый глубокий голос Лео.

Я элегантно оборачиваюсь, чтобы стать к нему лицом. Увидев меня, Лео прижимает руку к груди.

— Твою мать, — шепчет он, наклоняясь, чтобы прикоснуться к моей щеке легким поцелуем. — Ты выглядишь неподражаемо, Люсиль. Я знал, что так и будет, но это нечто. Ты нечто.

Я смущенно хихикаю, и, к моему ужасу, это не на сто процентов притворство. Итак, теперь я девушка, которая хихикает? Гр-р. На лице тут же возникает таинственная улыбка Люсиль, и я прочищаю горло.

— Боже, да ты и сам выглядишь потрясающе, Лео.

И я не лгу. На нем отлично сидящий черный смокинг, накрахмаленная белая рубашка и черная бабочка. Волосы уложены куда естественнее, чем когда была супер-идеальная челка, и спереди создана некоторая небрежность. Его глаза сверкают так, что я уверена — этот его взгляд только для меня.

Как мне только при первой встрече могло показаться, что он странно выглядит?

Он прелестно выглядит. Невероятно прелестно.

Хм-м, интересно, как он выглядит голым? Готова спорить, у него отличное достоинство.

Гр-р. Опасные мысли.

Нужно сменить тему.

— Неплохой вечер, да? — мурлычу я, отмечая экстравагантное богатство помещения. Глаза от благоговения раскрываются шире, когда мимо нас, направляясь к бару, проходит Дэниел Крейг, словно это совершенно нормально — что он здесь с незначительными людьми. — Бонд, — пишу я. Вот кто превосходно выглядит в чем мать родила.

— Ах, это бренды красуются, — посмеивается Лео, будто только что не Джеймс Бонд дышал одним воздухом с нами. Но он-то привык проводить время в кругах знаменитостей. — Они приводят своих популярных представителей, чтобы все казалось гламурнее и веселее.

В дальнем конце нефа я замечаю Бенедикта Камбербэтча — Господи, есть ли мероприятие, на котором он не появляется? О-о-ох, здесь Клаудия Уинклман. Она мне нравится. Мне нравится ее челка.

Лео тянется к внутреннему карману и достает оттуда маленькую серую вельветовую

коробочку.

— На этот раз не бумажный пакет, — усмехается он.

Принимаю коробочку, большим пальцем тру мягкий вельвет и открываю крышку. Внутри лежит крошечная брошка с бриллиантом и сапфиром в форме чертова колеса. Это необычно, мило и абсолютно точно в моем вкусе.

— Ого, — резко вдыхаю я. — Ты... Тебе правда не нужно было.

— Я хотел! — Он вынимает брошку из коробочки и аккуратно цепляет ее к моему платью. — Что-то, что напоминало бы тебе о вечере, когда мы встретились.

— Мне нравится, — говорю я честно, и, невзирая на все притворство, у меня скручивает живот от стыда оттого, что он приобрел такой потрясающий подарок.

Я тянусь к клатчу и передаю Лео коробочку, которую взяла с собой.

— Что это? — спрашивает он, а в его глазах вспыхивает любопытство.

— Ты не единственный, кто может принести на свидание подарок, знаешь ли.

Ошеломленный, Лео разрывает подарочную бумагу, открывает крышку вытянутой коробки и заглядывает внутрь.

Громко засмеявшись, он произносит:

— Кисть!

— Хорошая кисть! На сайте говорится, что она достаточно деликатная, и ворсинки из волоса сибирского колонка, — мямлю я, захваченная врасплох тем фактом, что смущена. С какого хрена я купила ему кисть? На прошлой неделе эта идея казалась клевой, забавной. Теперь же, на шикарном балу, при условии, что Лео подарил мне бриллиантовую брошь, эта идея кажется романтической и наделенной смыслом. Я откашливаюсь. — Просто подумала, что ты бы мог, ну, рисовать что-то. — Я обыденно пожимаю плечами. — Заниматься творческими... делами.

Лео секунду смотрит на кисть, кончиками пальцев щупает ворс и прижимает подарок к груди.

— Спасибо, Люси, — благодарит он тихо, не сводя с меня пристального взгляда, вызывающего щекотку на коже. Затем он убирает коробку во внутренний карман и ведет меня к столу.

Пока мы идем через гудящую толпу, я замечаю, что все смотрят на меня. Не так, как на презентации «Пчеловода», словно я объект для шуток, а с интересом, завистью, желанием, удивлением. Ощущения странные, но не то чтобы очень приятные. Кажется, будто я в представлении, словно я кукла, которой восхищаются. Как... *Фелисити*.

Не стоит забывать, что я здесь на работе, потому нужно продолжать в том же духе. Я улыбаюсь и притворяюсь милой, когда один гость за другим здоровается с Лео, поздравляет с номинацией, пророчит ему победу, заявляет, насколько ему нравится реклама «Управляй и оживай»...

Несмотря на то, что Лео пытается привлечь меня к разговору при каждом удобном случае, не считая оценивающих и завистливых взглядов и вежливых приветствий, на меня, в целом, никто не обращает внимания. Никто не спрашивает меня обо мне. Я, проща говоря, обычная спутница-конфетка.

В итоге мы все же минуем всех рекламных подлиз и добираемся до стола. Лео представляет меня тем, кто уже сидит за ним.

— Люсиль, это Мартин, наш автор текстов. Ты не видела «Феррари» круче, чем у него. Скоро я тебя на ней покатаю. Она ездит, как мечта.

— Конечно! — отвечает Мартин радостно.

Я хмурюсь и вспоминаю сексистский комментарий Лео на ярмарке, когда он говорил, как испытал кого-то до того, как Мартин отвез ее домой. Он говорил о *машине*? Господи боже, у меня и правда сложилось превратное мнение о Лео Фросте. Я осудила его слишком поспешно...

Лео представляет меня еще двум людям из команды «Вулф Фрост» и их спутницам, которые кажутся милыми и дружелюбными, хоть и немного сдержанными. После он снова представляет меня четвертому человеку за столом — чертовому Руфусу Фросту, отвратительнейшему мешку дерьма на свете, — приветствующему меня по имени и снова целующего мне руку противным, пропахшим старыми сигарами ртом. Буэ.

— Стой, а где твои друзья? — уточняет Лео. — Еще не пришли?

Я гляжу в сторону бара и замечаю Пич и Гэвина, по-настоящему увлеченных беседой. Должно быть, рюмка текилы сработала! Пич смеется над словами Гэвина, а ее рука лежит на его предплечье. Ха! Наверное, этих двоих пока не стоит дергать, совершенно ясно, что они прекрасно справляются и без меня.

— Они здесь, вероятно, где-то в толпе! — отвечаю я невинно. — Уверена, они найдут нас чуть позже.

Мы усаживаемся на наши места, и Лео открывает одну из многих бутылок винтажного шампанского, мостящихся в больших ведрах, расставленных на каждом столе. Он наполняет бокалы и прочищает горло, чтобы произнести тост. Но прежде чем Лео успевает сказать хоть слово, его перебивает отец, чей чрезвычайно надменный голос разносится над столом, словно сирена.

— За победу «Вулф Фрост», — протяжно говорит Руфус, поднимая бокал над центром стола.

— И за Лео, — добавляю я, не в силах придержать язык.

Упс. Я не хотела выпаливать это. Но что-то в его отце доводит меня до белого каления. Особенно сейчас, когда я знаю, как он предал собственного сына. Руфус Фрост легонько ухмыляется и неохотно соглашается с моим выкриком, безразлично корректируя свой тост.

— Да, само собой... И за Лео.

Лео довольно подмигивает мне.

— Празднуем, ребята!

— Празднуем!

Я делаю глоток шампанского, и задорные пузыри мягко пляшут у меня на языке. К моему удивлению, этим вечером оно мне не так уж не нравится.

Делаю еще один глоток.

Мне... Мне начинает нравиться вкус винтажного шампанского? Черт, теперь я часть «Шампанского заговора»?

Боже, да что со мной происходит?

Похоже, советовать Пич рюмку текилы, чтобы они с почтальоном Гэвином расслабились, было не лучшей идеей. Потому что они абсолютно точно не ограничились одной. За нашим столом идет спокойный разговор о проектах всех номинантов, когда Пич наконец отходит от бара и тащит Гэвина за руку. По ее виду могу сказать, что она в стельку: она едва может стоять прямо, а моргает гораздо дольше, чем обычно. Твою мать.

— ЛЮСИЛЬ! — кричит она, неестественно подмигивая мне. — Вот ты где. А это должно быть, Ле-е-е-е-е-о-о-о. Соблазнительный Лео.

Ох, боже. Сколько рюмок она выпила? Щеки Гэвина полыхают алым цветом и блестят, а его бабочка развязана и просто висит на шее. Они же не могли выпить настолько много? Мы разделились всего пятнадцать минут назад.

— Добрый вечер, благородные сэры и леди, — здоровается Гэвин со старомодным поклоном. Блин, сколько же рюмок выпил Гэвин?

Твою дивизию.

Лео хохочет.

— Пич и Гэвин, верно? — Он встает, чтобы расцеловать Пич в щеки и тепло пожать руку Гэвину. — Я рад, что вы смогли прийти.

— Тут вечеринка... в церкви! — хихикает Пич, рукой прикрывая отрыжку. Она тянется за одной из бутылок шампанского. — Это же... *бесплатно*? — спрашивает она, сразу же открывая ее, и пробка пролетает невероятно близко к уху Руфуса Фроста.

— Бесплатно, — отвечает Лео и берет со стола пару бокалов, чтобы Пич разлила в них золотистую шипучку. Один он протягивает Гэвину, и парень тут же его осушает, протягивая бокал для добавки.

— Вечерина! — выкрикивает он и выкидывает кулак в воздух, из-за чего сидящие за столом вздрагивают от отвращения.

Ой-ёй. Если они выпьют больше, то я буду в опасности из-за риска сорвать план. Боже, ну почему я решила, что привести их — хорошая мысль? Я пыталась быть милой, но это был глупый план, ох, насколько же глупый.

— Идемте! — говорю я весело, поднимаясь со стула так быстро, что сотрясаю стол. — Идемте танцевать!

— Отличная идея! — соглашается Лео, выпивая остатки своего шампанского.

— Идемте! — повторяю я, говоря тем же голосом, каким уговариваю Мистера Белдинга не делать свои дела на бабушкином ковре. — Идемте прямо сейчас! Вот прямо сейчас!

Мои уговоры срабатывают, и они следуют за мной на танцпол.

Когда мы вчетвером идем через радостную толпу туда, где гости танцуют, я замедляюсь и хватаю Пич за руку.

— Мы догоним вас через секунду, — кричу я Лео и Гэвину. — Просто женский разговор.

Стоит парням отойти за пределы слышимости, и я волоку Пич к одой из колон, возвышающихся по периметру зала.

— Ты, твою мать, в стельку, — бурчу я, обиженно складывая руки.

Она икает.

— Нет. Я выпила всего пять рюмок. И погляди, теперь мы с Гэвином ладим очень даже хорошо. Он очень, очень, очень милый. Ему нравятся долгие прогулки по выходным. А его любимый цвет — синий. Как мое платье. Мы словно предназначены друг другу!

Вижу, что она устроила ему опрос по той же схеме «двадцать вопросов», как было со мной, когда мы впервые пошли в «Твистед Спин». Интересно, она уже дала ему прозвище?

— Я люблю тебя, Дже-е-е-е-ессика, — улыбается она, фокусируя взгляд на моем лице. — Ты моя лучшая подруга. Я не кину тебя ради Гэвина, ты же знаешь. Я не из таких. — Затем она притягивает мою голову к своей пышной груди и хлопает меня по прическе своей немаленькой рукой.

— Ох, прекрати! И я Люсиль, — шиплю я, отрываясь от ее округлостей. — Ты должна звать меня *Люсиль*.

— Люсиль, да, точно. Прости. — Пич глубокомысленно кивает и трет глаза, из-за чего ее тушь немного осыпается на щеки. Я смахиваю сухую пыльцу. — Ты ведешь себя немного зажато, — дуется она. — Это не ты. Не ты *настоящая*.

Она права. Обычно я расслабленная, как Мэтт Диллон под веществами. Но сегодня я *зажатая*. Я на лезвии ножа. Слишком многое на кону. Часть меня очень даже хочет быть здесь, отдохнуть с Пич и Лео (честно говоря, мне не так важен Гэвин), веселиться. Но часть хочет достигнуть цели, потому я не обязана разбираться в сложной ситуации, в которую умудрилась втянуть себя.

Я бросаю взгляд на Лео, неловко танцующего с Гэвином. Играет довольно медленная песня, потому они просто качаются из стороны в сторону и ведут какой-то разговор.

— Больше никакой выпивки, хорошо? — прошу я Пич строго, напоминая бабушку. — Иначе твое невинное тело не справится, а у нас еще есть дела. Мы не можем допустить промашек. Думай о Матильде. Насколько это важно для нее.

— Я не оплошаю! Не поступлю так с тобой, потому что ты близкий мне человек, как Кристина Янг и Меридит в *«Анатомии страсти»*. Я обожаю *«Анатомию страсти»*. А ты, Джесс? Обожаешь?

— Пич! — шиплю я. — Послушай меня!

— Хорошо. Хорошо. Я прост выпью один или два бокала, может, пять. И все.

Да боже мой. Так вот я какая, когда напьюсь? Поэтому Саммер злилась на меня?

Я пытаюсь быть терпеливой.

— Пообещай мне, что больше не будешь пить, — молю я и кладу руки ей на плечи.

Пич окидывает меня взглядом, словно я порчу ей праздник, стряхивает мои руки с плеч и отправляется на поиски Гэвина. Со вздохом я следую за ней и подхожу к Лео именно в тот момент, когда биг-бэнд начинает играть свою версию песни группы Drifters *«Some Kind of Wonderful»* (Пер.: *Нечто замечательное*). Когда Лео замечает меня, черты его лица смягчаются. Он берет меня за руки, и мы вместе скользим по танцполу в вальсе, прямо как меня учила бабушка. Сначала я двигаюсь скованно, пытаюсь вспомнить шаги и стараюсь не оттоптать Лео ноги, но у него, несомненно, было куда больше практики, и он без особых усилий ведет меня по залу, создавая у окружающих впечатление, будто я знаю, что делаю. Это похоже на сцену из фильма. Прямо сейчас я вылитая Бэйби Хаусман⁶².

— Мне нравятся твои друзья, — посмеивается Лео, кивком указывая на Пич и Гэвина, шагающих влево и вправо и обнимающих друг друга подобно тринадцатилетним подросткам на дискотеке молодежного клуба. — Большинство людей на вечерах вроде этого чертовски серьезные. Приятно видеть, что кто-то веселится. — Говоря это, он крутит меня под своей рукой. От этого я чувствую головокружение, но приятное, мечтательное.

— Они замечательные, — отвечаю я ему, чувствуя вину за то, что была такой ворчливой с Пич. — Хотя, честно говоря, я не очень хорошо знаю Гэвина. Сегодня у него первое свидание с Пич.

— Вот как, — медленно кивает Лео. — Тогда все ясно. Пока ты общалась с Пич, мне кажется, Гэвин называл тебя Джесс!

Вот гадство.

Веди себя естественно.

— Как странно, — говорю я спокойно. — Думаю, он немного подвыпивший.

Я бросаю взгляд на танцующих Пич и Гэвина и вижу, что теперь они хватают друг друга за задницы, как некоторые сжимают мяч-антистресс. Они довольно успешно продвигаются в деле опьянения.

Я увожу нас немного подальше от них, просто на всякий случай.

Прищурившись, смотрю на Лео. Подозревает ли он что-нибудь? По нему не скажешь... Но не могу рисковать. Нужно отвлечь его от мыслей о том, что Гэвин назвал меня Джесс. Мне необходимо вырезать это воспоминание из его головы. Во всяком случае, так я оправдываю свои дальнейшие действия. Я наклоняю голову в сторону и гляжу на рот Лео. Он улавливает намек, как чемпион, и незамедлительно тянется ко мне, чтобы поцеловать.

Наши губы соприкасаются.

БАБАМ! БУМ! ДА-А-А-А!

Если и были хоть *какие-то* сомнения, что поцелуй в парке был ничем иным, как неудачей, то это перечеркнуло их все. Потому что этот поцелуй даже лучше. Лео рукой проводит по моим волосам, а языком нежно скользит в мой рот. Все мое тело растворяется в поцелуе, и если бы я не знала, что подобное случается только в романтических книгах, то поклялась бы, что мои колени ослабли.

Твою мать. Вероятно, мне следует прекратить поцелуй. Когда я целую его, все усложняется. *Чувства* усиливаются, а я становлюсь сентиментальнее, рассеянное и глупее.

Нужно перестать целоваться.

Но *я не могу* остановиться. Все кажется, не знаю, лучше, когда я целую его. Спокойнее. Как от лекарства. Еще чуть-чуть никому вреда не принесет, так ведь?

Понятия не имею, сколько мы с Лео целуемся на танцполе. Я теряю счет времени. Может, прошло две минуты, может, два часа. Вообще, мне плевать.

— Так, так, так. Разве вы двое не прелесть? — раздается знакомый голос за спиной.

Кровь в жилах стынет. Я отрываюсь от Лео и резко распахиваю глаза.

Рядом стоит, похожая на кота, нализовавшегося сметаны, Саммер.

Глава тридцать вторая

Если вы влюблены в вашего джентльмена, скажите ему об этом. На свете нет ни одного Достойного Мужчины, которому бы не понравилось слышать о симпатии со стороны Достойной Женщины.

Матильда Бим, руководство «Любовь и Отношения», 1955

Я буквально не могу говорить. Сердце колотится так сильно, что, вероятно, заставляет от ударов подскакивать грудь. Какого черта здесь делает Саммер? Что она собирается говорить? Во рту пересыхает. Язык не шевелится. Я гляжу на нее с открытым ртом. Лео смотрит на меня озадаченно.

— Люсиль? Ты в порядке?

— Привет, Лео. — Саммер тянется к нему и целует в щеки, будто они лучшие друзья. В длинном красном облегающем платье и со стильно уложенными на макушке темными волосами она выглядит потрясающе.

— Привет? — отвечает Лео неуверенно.

— Та-а-ак приятно видеть тебя снова. Мы встречались в Бруклине в прошлом году, — напоминает ему Саммер. — Я была с Андерсоном.

— Ох. — Он кивает, словно вспомнил. — Андерсон, точно. Да. Рад тебя видеть. Что привело тебя сюда?

— Вообще-то, я снова с Андерсоном! — Она показывает на другой конец помещения, где я вижу Андерсона Уорнера в ярко-синем смокинге. Он отрастил густую бороду и в данный момент общается с парой людей, похожих на корпоративных служащих. — Он здесь с парнем из «Саачи энд Саачи», — поясняет Саммер. — Они только что подписали с ним контракт, сделав его лицом линии кондиционеров для бороды от «Л'Ореаль» в Англии. Густые бороды сейчас в тренде.

Я сглатываю.

— Вы двое...

— Может, ага. Он приехал в Лондон для съемок промо и, ну... — Она отбрасывает волосы назад, несмотря на то, что все они пришпилены наверху. Кажется, будто у нее тик. — Мы просто не могли держаться друг от друга на расстоянии. У нас всегда было это притяжение.

Подозреваю, что дело все же в том, что она преследовала его и присылала фото в стиле нюд, пока он не смягчился. Интересно, как это перенес Холден. Наверняка плакал в его рубашку лесоруба и на повторе слушал She & Him. Бедный придурок.

— Ты прелестно выглядишь, — говорит Лео вежливо. Похоже, он чувствует, что мне некомфортно, и нежно кладет руку мне на поясницу.

— Спасибо, — благодарит Саммер, вертясь вокруг своей оси, чтобы мы могли оценить ее почти победоносную задницу. — Ты тоже выглядишь прелестно, Люсиль, — восторгается она. — Насто-о-о-олько иначе. *Потрясающая* трансформация.

Что? Она назвала меня Люсиль? Что за игру она ведет? Что ей известно?

Черт. Если бы здесь не было Лео, я бы послала ее в пешее эротическое путешествие. Но мне нужно оставаться скромной и ограничиться лишь телепатическими посылками. Я пытаюсь передать мысль глазами. Она в ответ лишь улыбается.

— О, да, — продолжает она. — Я увидела вас в «Телеграфе» на прошлой неделе, в статье о ценном приобретении для выставки Ван Гога. Я поверить не могла, когда увидела вас вместе. «Лео Фрост с последней в длинной череде романов спутницей, Люсиль Дарлинг». — Она изображает кавычки в воздухе. Она всегда была такой раздражающей? — Я была прямо-таки шокирована. Люсиль, ты должна была сказать мне, что вы встречаетесь.

Твою мать. Я не знала, что статья вышла, и что в газете было мое фото. Черт подери. Она совершенно точно знает, что я притворяюсь кем-то другим. Потому она здесь? Чтобы выложить все? Унизить меня из-за кражи Мистера Белдинга?

— Откуда вы двое знаете друг друга? — спрашивает Лео, когда группа плавно переходит к медленной версии песни «Fly Me to the Moon» (Пер.: *Унеси меня на луну*).

— Ой, мы старые подруги. — Саммер неискренне смеется, после чего понижает голос. — Я знаю *все* ее секреты!

ДЕРЬМО.

Лео подталкивает меня и одаривает озорной улыбкой.

— Секреты Люсиль? Ну, вот теперь я заинтригован...

Саммер потирает руки.

— Ох, я знаю все. К примеру, Лео, знал ли ты...

Я застыла, каждый мускул в моем теле окаменел. Сейчас все рухнет. Абсолютно все. Прямо здесь и сейчас.

Даже не знаю, из-за чего сильнее беспокоюсь: потому ли, что после всех усилий проект полетит к чертям, или потому, что Лео больше не сможет смотреть на меня так, как смотрит сейчас — словно я крутейшая, интереснейшая женщина в мире.

Когда Саммер уже готова раскрыть какую-нибудь ужасную правду о том, кто я на самом деле, группа прекращает играть, и из колонок разносится голос, перебивающий ее.

— Леди и джентльмены, прошу, займите свои места. Объявляется начало вручения наград Лондонской рекламной ассоциации.

Лео хватается меня за руку.

— Похоже, пора. Приятно было снова повидаться, Саммер.

Уверенная улыбка Саммер слегка тускнеет.

— Да, конечно. Я найду вас позже.

Если только я не придумаю что-нибудь.

Наградив Саммер очередным холодным взглядом, я иду за Лео, и мы поспешно занимаем свои места, пока воздух в нефе наполняется волнением и предвкушением. За нашим столом два свободных стула. Стулья Пич и Гэвина. Я украдкой быстро сканирую пустеющий танцпол. Куда они, чет подери, делись?

— Ого, я и правда немного нервничаю, — смеется Лео, сжимая мою руку под столом.

— Ты будешь на высоте, — говорю я успокаивающим тоном. — Удачи.

— Удача здесь ни при чем! — усмехается Руфус Фрост с другого конца стола, жестом подзывая одного из официантов, чтобы получить порцию шампанского. Я одариваю Руфуса самым изящным испепеляющим взглядом, на какой способна. Лео целует меня в шею. Я льну к нему и кладу голову ему на плечо.

Саммер, сидящая через четыре стола от нас, глядит на меня с изогнутой бровью. Я тут же отдергиваю голову назад. Блин. Она охотится на меня. Как только будут объявлены победители, мне нужно будет решить, как вытащить Лео отсюда, и поскорее. Я не могу допустить, чтобы Саммер снова с ним заговорила. Или Пич. Или Гэвин, где бы он ни был. Это «Последняя надежда 2»⁶³, и мне необходимо спасти нашу миссию.

Мы сидим долгие тридцать минут, наблюдая вручение наград в скучных номинациях вроде «Лучшее оформление» и «Лучший полезный бренд». Свет приглушен, потому никто не замечает, как я отключаюсь.

— Мы дошли до номинации «Кампания года в печатных СМИ»... — объявляет ведущий в микрофон. Я чувствую, как Лео передо мной садится прямее, и это выдергивает меня из полудремы. Я с уголка рта вытираю каплю слюны, что успела вытечь.

— Вот оно! — шепчет Лео.

Ведущий открывает запечатанный красный конверт и зачитывает результат.

— И победителем премии ЛРА в номинации «Кампания года в печатных СМИ» становится...

Лео сжимает мою руку сильнее.

— Лео Фрост из «Вулф Фрост» с кампанией «Управляй и оживай»!

Что? *Что?*

Невзирая на мое недоумение, как все не видят, что слоган смехотворен, я все же радостно кричу и аплодирую с остальными.

Лео выдергивает меня со стула и наклоняет, чтобы запечатлеть на моих губах

экстравагантный голливудский поцелуй, лишаящий меня воздуха, и только потом вприпрыжку поднимается на сцену, чтобы получить награду.

— Ого, — смеется он в микрофон, изучая серебряный приз в своей руке. — Я бы никогда не подумал, что выиграю этот приз. Особенно, когда соревнуюсь с такими невероятно талантливыми командами. Спасибо неподражаемой команде «Вулф Фрост» за ваш тяжкий умственный труд, и огромное спасибо ЛРА за то, что голосовали за меня.

Мы все аплодируем.

Лео делает глубокий вдох.

— Вообще-то, в течение последних пары недель у меня было забавное приключение. Благодаря ему я сделал открытие касательно работы, ну и касательно направления моей жизни, полагаю. Некоторые из вас, а вообще, большинство знают меня как вечного холостяка.

Со стороны гостей раздается вежливый смех, а с задних столов раздается крик:

— И это мягко сказано! — Это вызывает куда больший смех.

— Ладно, ладно! — Лео, улыбаясь, поднимает руки и глазами ищет меня. — Три недели назад на ярмарке клиента Люсиль Дарлинг запрыгнула в мою аттракционную машину и, сейчас я рискую прозвучать слащаво, в мое сердце.

Гости издают коллективное «А-а-а-а-ах». Я же краснею и делаю глоток шампанского.

— Немногие люди могут возражать моему отцу, — продолжает Лео, вызывая очередной взрыв хохота. — Но Люсиль одна из таких. Также она необычная, креативная, страстный филантроп, не боящийся быть собой, быть отличающейся ото всех. Грандиозный бонус, что она красивейшая женщина из всех, что я встречал в своей жизни. Что я пытаюсь сказать... Люсиль, ты изменила меня. Ты привнесла свет. И перед прессой, перед всеми коллегами, желая быть таким же отважным и честным, как ты... я хочу сказать тебе...

Что... Что же он хочет сказать мне?

— Что я... Я считаю, что ты типа потрясная.

Я откидываю голову назад и гогочу в голос. «Я считаю, что ты типа потрясная» — реплика из фильма «Бриолин 2».

Зал взрывается аплодисментами, а Лео торопится спуститься со сцены, подбегает ко мне, поднимает со стула, берет на руки и крутит с восторгом. Я хохочу ему в шею, а он ставит меня на землю, наклоняется и шепчет на ухо:

— Я люблю тебя, Люси.

Я прекращаю смеяться.

Что?

Он *любит* меня?

Это шутка?

Я гляжу прямо на него. Он нежно смотрит на меня, и его взгляд не похож на шутку.

Боже.

Поверить не могу.

Советы Матильды Бим сработали, и Лео... любит меня?

Это значит, что у нас получилось? Что эксперимент удался?

Ого.

Ого-го.

Я жду волну облегчения. Наконец я могу вернуться к бабушке и Валентине и сказать им, что «Как заполнить мужчину методами 1955 года» работает. Мне больше не нужно

видеться с Лео. Больше не нужно рисковать и бояться опасных чувств.

Но я не чувствую облегчения. Я чувствую счастье, одухотворенность и вину. Настоящую гребаную вину. И легкую грусть, словно я потеряла что-то, что глупо, ведь нельзя потерять то, что было создано на лжи.

Лео любит меня.

И... Думаю, твою мать, я думаю, что тоже могу любить его. Гребаная хрень. Я не знаю, что делать. Я не могу любить Лео Фроста. Уверена, невозможно полюбить всего за три недели. Не учитывая, что он считает, будто я другой человек. И тот факт, что я не влюбляюсь.

Вот так ощущается любовь? Как самый великолепный, затруднительный долбаный кошмар?

Пока я колеблюсь, Лео изучает мое лицо, а на его лице радость сменяется беспокойством.

Я открываю рот, чтобы ответить. Думаю, я собираюсь сказать ему, что тоже люблю его, когда передо мной внезапно возникает почтальон Гэвин, чьи мальчишеские черты искажены тревогой.

— Пич сильно напилась, и я волнуюсь. Ты ей нужна. Она в гардеробной.

О, нет.

— Отведи меня к ней, — реагирую я сразу же.

Лео недоуменно моргает, а я, извиняясь, пожимаю плечами и иду с Гэвином к моей подруге.

Гэвин быстро ведет меня в маленькую гардеробную церкви. Он ждет снаружи, а я захожу внутрь, к Пич, юбка ее бального платья лежит вокруг нее полотном, а сама она растянулась на полу под вешалками с пальто, сонно прильнув головой к стене.

— Пич, ты как? — Я приседаю на корточки, чтобы быть ближе.

— Я чувствую себя не очень хорошо, — выдавливает она, тушь пятнам растеклась по ее щекам. — Я очень пьяная. Думаю, это все из-за текилы.

Конечно, блин, из-за текилы. Это моя вина. Не стоило советовать ей пить рюмками. Я же знала, как она сегодня нервничала. Мне следовало присматривать за ней. И как я только не предсказала итог?

— Все так кружится, вертится. — Глаза Пич закрываются. Она в хламину. Черт. Это в таком состоянии прежде бывала я?

— Нам нужно вернуть тебя домой, — говорю я, помогая подняться на ноги.

— В кровать.

— Ага. Именно туда.

Гэвин ждет на скамейке в фойе церкви. Он выглядит обеспокоенным и определенно трезвее, чем раньше.

— Ты как? — Он спешит к нам и берет Пич под руку. Она прижимается к нему, качаясь из стороны в сторону.

— Просто слишком много выпивки. С ней все в порядке, — успокаиваю я его. — Слушай, мне нужно вернуться за моей сумочкой. — Я большим пальцем указываю в направлении нефа. — Вы сидите здесь, — я указываю на скамейку, — а я вернусь через секунду.

Ладно. Хорошо. Сумка. Я несусь обратно в зал. Мчусь через толпу к нашему столу и замечаю Лео, вовлеченного в беседу с Саммер. Она показывает ему что-то в своем

мобильном. Его щеки покраснелись, а красивое лицо застыло.

Боже мой.

Он знает.

Знает!

Я останавливаюсь прямо перед столом, мои руки начинают дрожать.

Они оба глядят на меня. Саммер награждает меня невинной улыбкой. Лео же, часто моргая, смотрит на меня с изумлением, а его глаза слезятся.

— Лео, я могу объяснить... — пытаюсь я, но не успеваю закончить предложение, как он подпрыгивает со своего места, и стул за его спиной со скрипом скользит по полу.

— Ничего не хочу знать, — отрезает он сдавленным голосом и пронесится мимо меня с опущенной головой.

Я поворачиваюсь к Саммер, сердце уходит в пятки.

— Что ты ему сказала? — шиплю я.

Саммер небрежно пожимает плечами и поднимает бокал с шампанским.

— Парень только что публично признался, что влюблен в тебя. Он заслуживает знать правду. Что ты та женщина, что унизила его на презентации «Пчеловода». Что по какой-то дикой причине лгала ему и притворялась кем-то другим. Что ты не скромница, какой пытаешься казаться. — Она смеется себе под нос. — Хотя, наверное, не стоило показывать ему фото с прошлогодней вечеринки в «Лидс», где ты ради шутки оголяешь чей-то зад. Он казался шокированным... Хэштег «неловко».

— Ты гребаная злобная тварь, — выплевываю я, хватаю со стула сумку и бегу за Лео.

— Куда бы ты ни пошла, ты вечно все разрушаешь, Джесс! — кричит она мне. — Тебе правда стоит разобраться в себе!

Я показываю ей средний палец и вылетаю в фойе, где Пич спит на плече Гэвина. Я замечаю, как Лео хлопает входной дверью.

— Будь здесь, — даю я указание озадаченному Гэвину, словно он пес, а я команду «сидеть». — Никуда не уходи. Я вернусь через минуту.

Когда я оказываюсь снаружи, то не вижу Лео, но вижу три выстроившиеся на дороге в линию машины из компании, в которой он нанимал их ранее. Должно быть, он в одной из них. Просто *обязан*.

Я открываю дверь первой машины.

— Лео? — просовываю я голову в салон. Внутри пусто, если не считать прикорнувшего водителя, дернувшегося от испуга, когда я очутилась прямо у его уха. — Простите!

Я несусь ко второй машине.

— Лео? — снова спрашиваю я. Но в этой машине Бенедикт Камбербэтч, он пишет кому-то сообщение. Кажется, его взбесило мое появление.

— Прошу прощения, это приватный автомобиль, — заявляет он высокомерно.

— Ой, да отвали ты нахрен, Бенедикт, — ворчу я, посылая ему самый испепеляющий взгляд, на какой способна.

Он запинается от ярости, а я захлопываю дверь.

Иду к третьей машине.

Лео должен быть там.

Дергаю дверь. Водителя нет, но Лео на заднем сидении несчастно смотрит на награду.

Он смотрит на меня, и его взгляд ожесточается. Я скольжу на сидение и закрываю за собой дверь.

— Мне так жаль, — выдавливаю я. — Прости меня.

Он кажется убитым. Я совершила чудовищную ошибку. Как только я узнала о его прошлом, поняла, что он не так ужасен, подумала, что у нас могут быть настоящие чувства друг к другу, мне стоило остановить проект. Следовало найти другой способ достать деньги для бабушки. Я такая идиотка.

— Почему? — задает он вопрос, в его замечательных болотно-зеленых глазах мука и отчаяние. — Почему ты не сказала мне, что мы встречались? Что тебя зовут *Джесс*? Я не понимаю. Неужели я был с тобой на той презентации настолько груб, что ты посчитала, будто должна притворяться кем-то другим?

Твою мать. Он знает только то, что я не та, за кого себя выдаю. Мне нужно прояснить ситуацию.

— Все было ради книги, — произношу я тихо и смущенно.

Его глаза расширяются от ужаса.

— Что?

— Мы хотели написать книгу о том, что советы моей бабушки, написанные в пятидесятых, сработают и сейчас. И... чтобы испробовать их, мы выбрали тебя.

— Кто — мы? — спрашивает он с испугом.

— Эм, я, моя бабушка и... Валентина Смит.

Он моргает.

— Твоя бабушка? И Валентина? Моя бывшая. Она подтолкнула тебя к этому? Какого хера, в чем дело? — Он сжимает голову руками.

— Я не думала, что ты влюбишься в меня! Ну, в Люсиль. Валентина сказала, что ты подлый бабник!

Лео качает головой.

— Какого хрена? Это клиника. Я же сказал тебе, что сожалею о том, как обходился с бывшими. Я извинялся перед Валентиной сотни раз. Когда мы впервые переспали, я сказал ей, что не настроен на серьезные отношения, что я вижусь с другими. Но она все равно злилась, когда я не захотел остепениться. Мне было паршиво из-за того, что я обидел ее, я просил прощения миллион раз, но ей это было не нужно, она называла меня злодеем. Я не злодей. Я этого не заслужил!

— Я не знала, что ты извинялся, — протестую я. Валентина опустила этот момент. Я тянусь, чтобы коснуться его, но он отмахивается от меня, словно от мухи.

— Поверить не могу, что ты приняла участие в гребаной мести надо мной.

— Это была не месть, — отрицаю я отчаянно. — Я не думала, что правда *понравлюсь* тебе...

Его голос ломается:

— Ну так, понравилась.

— Боже, Лео, ты мне тоже понравился, — говорю я молящим голосом. — Даже больше, чем просто понравился, но, Лео, все сложнее. Я никогда...

— Выметайся, — перебивает меня Лео, черты его лица окаменели, а в его обычно веселых глазах пустошь и сталь.

— Просто дай мне объясниться, — предпринимаю я попытку. — Думаю, я, скорее всего, влю...

— ПОШЛА ВОН! — Он перегибается через меня и открывает дверь машины. — Прощу Люси... Черт, то есть, как бы тебя ни звали.

Я медленно киваю и забираю сумку оттуда, где ее бросила.

— Прости меня, — шепчу я, выбираясь из машины. Я поворачиваюсь, чтобы сказать что-то еще, что могло бы спасти ситуацию, но Лео успевает захлопнуть дверь. Он исчез.

Потрясенная, я, шатаясь, возвращаюсь в фойе церкви. Ощущение такое, словно я иду под толщей воды.

— С тобой все в порядке? — интересуется Гэвин, заведя меня. — Ты белая как смерть.

Его голос звучит глухо и как будто издалека.

— Все в норме. — Я сглатываю, вытаскиваю телефон и вызываю такси. — Просто хочу домой.

Пич спит всю дорогу обратно. Гэвин, окончательно отрезвевший, снова становится стеснительным, но продолжает приглядывать за Пич.

Высадив Гэвина у его дома, мы едем обратно до Бонэм Сквер. Я не могу выбросить Лес из головы. Выражение его лица. Говорящее о том, что его предали. Не думаю, что когда-то это забуду.

Когда мы вернулись домой, бабушка уже спала. Я знаю, что Пич будет расстроена, если бабушка увидит ее в таком состоянии, потому помогаю ей подняться по лестнице так тихо, как только могу, и увожу в свою комнату. Заставляю ее выпить кружку воды, помогаю переодеться в ночнушку и отправляю в постель, поворачивая на бок.

Сама ложусь рядом. Она бормочет что-то похожее на «прости».

— Не волнуйся, все будет хорошо, — шепчу я, убирая волосы с ее лица.

Но я лгу. Потому что правда заключается в том, что я не думаю, будто все будет хорошо.

Глава тридцать третья

Каждой Достойной Женщине стоит выбрать партнера либо своего происхождения, либо лучшего, и обязательно образованного. Это человек, с которым вам жить и растить детей. Он должен уметь заботиться о вас, иначе вы будете обречены на борьбу за существование и достаток.

Матильда Бим, «Как быть достойно невестой», 1956

Я не могу заснуть.

Как только засыпаю, то думаю о Лео, сердце начинает болеть, и я просыпаюсь. Если меня будит не *это*, тогда это делает Пич, вертясь на кровати и ударяя по лицу рукой.

Со вздохом я выбираюсь из-под одеяла, меряю шагами комнату и пальцем ноги натываюсь на острый осколок.

— Ай! — шиплю я, хватаюсь за ступню и скачу. Я вынимаю осколок из ноги. Это кусок фарфора, который остался после того, как племянник Джейми уронил Фелисити.

Я окидываю взглядом остальных кукол. Маминых кукол. Интересно, мама постоянно чувствовала ту боль, что чувствую сейчас я? Это она довела ее до грани?

Проверяю время на айфоне. Два часа.

Накинув халат, я крадусь к месту, где должна быть лестница на чердак, наверху вижу дверцу и замечаю небольшую свисающую веревку. Встав на цыпочки, я тяну за нее так медленно, как только могу, чтобы спустить деревянную лестницу максимально бесшумно.

После шага на первую же ступеньку раздается громкий треск. Я застываю. Если бабушка застучает меня после того, как велела не соваться туда, у нее будет приступ праведного гнева, а сегодня катастроф было достаточно, спасибо.

Спустя тридцать секунд, когда становится ясно, что бабушка не слышала треск, и я в безопасности, я аккуратно преодолеваю остальной путь, забираюсь на чердак и закрываю дверцу в потолке за собой. Я сразу же чихаю. Ух, здесь невероятно пыльно, невозможно дышать!

Дотягиваясь до ближайшей стены, я нащупываю выключатель и тут же нажимаю на него. Чердак освещается ярким светом голой лампочки, свисающей с балки под потолком. Я качаю головой, моему взгляду открываются коробки, игрушки, бумаги, старые призы и книги, очень много книг. *На чердаке пусто*, черт подери. Бабушка откровенно лгала. Я хватаю приз, балансирующий на открытой картонной коробке, и читаю надпись.

Кенсингтонское соревнование юных танцоров балета. Победительница — Роуз Бим.

Затем поднимаю старый школьный блейзер с вышивкой на воротнике.

Собственность Роуз Бим, класс 4 «блу»⁶⁴.

Ого. Это все мамины вещи! Неудивительно, что я ничего не нашла в доме — они все свалены здесь!

Открывая странные коробки, я яростно копаюсь в них. Здесь школьные отчеты, подписанная театральная программка с «*Ромео и Джульетты*», кассеты, наполовину использованные бутылочки духов и несколько рекламных листовок о клубе, называющемся «Печальная канарейка».

Затем под бирюзовым полосатым одеялом замечаю огромный черный сундук, задвинутый в темнейший угол чердака. Я пробираюсь к нему, заглушаю очередной чих и перемещаю пару мишек Тедди, упавших мне на голову с поверхности картонной коробки. Усаживаясь перед сундуком со скрещенными ногами, я сдергиваю одеяло, комкаю его и отбрасываю в другой конец чердака. После чего медленно поднимаю крышку.

Внутри полно конвертов и папок, старых журналов и писем. Вскоре я обращаю внимание, что под бумагами зарыта маленькая кучка блокнотов с красочными, пестрыми обложками.

Нахмурившись, я беру самый верхний блокнот и открываю его.

Первая страница исписана размашистыми закорючками, выведенными жирными чернилами синего цвета, которые часто приобретают для перьевых ручек. Почерк я узнаю сразу же.

Это почерк мамы.

Дневник Роуз Бим

Руки начинают трястись.

Дневник Роуз Бим

9 Июля 1985

Не могу писать четко, очень сильно трясутся руки. Черт подери. Мне нужно дышать, но я не могу вдохнуть.

Только что была внизу, когда меня позвала мама. Она сидела в гостиной с папой, и оба они выглядели чрезвычайно серьезными. Я подумала, будто они хотят сообщить мне, что кто-то умер. Но прежде, чем я успела спросить, кто, папа велел мне сесть. Затем он сказал, что я больше не увижусь с Томом. Сначала я засмеялась, решив, что он выдал одну из своих глупых шуток, но потом мама начала плакать, и до меня дошло, что он говорит серьезно. Папа рассказал, что он попросил одного из своих друзей разузнать о Томасе Трумане, и тот выяснил, что Том — известный игрок с ворохом долгов, и что он, без сомнений, использует меня ради денег. Я заявила папе, что он смешон, потому что знаю о карточных играх Тома и знаю, что он любит меня, и это настоящая, истинная любовь. Том вернул мне каждое пенни, что я одолжила ему, это я родителям и сказала.

И тогда папа сказал мне худшее из того, что человек вообще может сказать. Он рассказал, как прошлой ночью ходил повидаться с Томом у него дома и предложил ему двадцать тысяч фунтов, чтобы Том уехал из Лондона и больше не искал встречи со мной. Согласно словам отца, Том взял их без колебаний. Я не верю этому. Не могу поверить. Папа возмущился, что они потратили на меня кучу времени, сил и денег, чтобы дать мне правильное воспитание только для того, чтобы я вышла замуж за тунейдца, охотника за семейными деньгами, и скандалом вроде этого разрушила репутацию, создаваемую с таким трудом. Мама потянулась, чтобы обнять меня, но я оттолкнула ее. Как она допустила подобное? Она просто сидела с папой и соглашалась с каждым его словом, как делала каждый чертов раз.

На этой ноте я выбежала из комнаты и из дома. На метро поехала к дому Тома. Открыл Джон. При виде меня черты его лица исказились. И он передал мне записку. От Тома. Я пыталась открыть конверт, но руки тряслись так сильно, что Джону пришлось это сделать за меня. Записку даже не стоило убирать в конверт. В ней было простое «Прости».

Я спросила Джона, куда уехал Том, но он ответил, что понятия не имеет. Как только я могла быть такой долбаной идиоткой?

Дневник Роуз Бим
10 Июля 1985

Я отправилась в театр, чтобы поспрашивать, знает ли кто, куда уехал Том. Похоже, на прошлой неделе он позвонил сообщить об отказе от должности, и все расстроены тем, что он их кинул. Они и половины не знают.

Дневник Роуз Бим
12 Июля 1985

Я пробыла в постели два дня кряду и только сейчас перестала плакать. Думаю, у меня просто закончились слезы. Мама продолжает стучаться в дверь, пытаюсь принести еды и теплого молока, но я каждый раз посылаю ее нахрен. Прежде я никогда не сквернословила перед родителями. Но теперь мне плевать. Они больше ничего не значат для меня. Я хочу

сказать ей, что она наделала. Что я беременна, и это ребенок Тома, и что она разрушила все. Но она даже не заслуживает знать. Папа не заслуживает знать. Они ядовитые, старомодные и жестокие... И Том... Я дурила сама себя.

Мне нужно убираться отсюда. На моем счету есть три тысячи фунтов. Я уеду завтра. Здесь со всем кончено. Они никогда не узнают о моем ребенке. Никогда.

Дневник Роуз Бим 15 Июля 1985

Это будет моя последняя запись. Я собираюсь выбросить дневник. Собираюсь выбросить их все... Не хочу, чтобы что-то напоминало мне о такой жизни. С меня хватит, я не вернусь. Прощай.

Роуз х

За чтением маминых дневников я провожу два часа, и не могу поверить в то, что читаю. *Вот как* разбилось мамино сердце? Этот мужчина, мой отец, использовал ее и оставил?

Слова расплываются перед глазами, когда я понимаю, что произошло. Он вообще знает о моем существовании? И бабушка. Она и дедушка Джек заплатили Тому, чтобы тот бросил маму. Из-за из снобизма. Потому что у Бимов есть репутация. Это кошмарно. На меня накатывает волна жалости. Неудивительно, почему мама не верила людям, совсем не удивительно, почему она была такой угнетенной и так страдала. Люди, которых она любила и которым верила больше всего на свете, обманули ее.

Пока я убираю дневники обратно в сундук, сердце часто колотится в груди. Подняться сюда было плохой идеей. Что я хотела найти? Почему решила забраться сюда именно сейчас, после всей сегодняшней драмы? Господи, моя жизнь — череда гребаных неверных решений.

Как же я зла. Зла на себя. На бабушку. Теперь ясно, почему она была так уклончива. Естественно, она не хотела, чтобы я знала, что маме разбил сердце не какой-то мужчина. Это была она. Она и Джек. Так вот что она имела в виду, когда говорила о том, что сможет «реанимировать себя». Она считала, что, приняв меня, все исправит.

Адреналин мчит по моему телу, вызывая чувство, словно я сейчас взорвусь. А ведь я думала, что бабушка и правда хорошая. Ощущала удовлетворение оттого, что она гордилась мной.

Я неосознанно тереблю рукава халата и наблюдаю за блестящими на свету пылинками, кружащими вокруг и будто никогда не приземляющимися на пол. Я думаю о маме. О взрослении в окружении тех, кто не хочет обнять, не хочет поговорить о любви, о пролитых слезах, о жизни в четырех стенах. Вспоминаю сидение на полу в библиотеке, когда позвонила Пэм, чтобы сообщить, что мама не нашла в себе сил жить дальше.

Бабушка лгала. И лгала по-крупному.

Спускаясь с чердака, я больше не таюсь, как по пути вверх, и наступаю не на одну скрипящую ступеньку, а на три. Из своей спальни выплывает бабушка, ее седые волосы взъерошены, а на бледном морщинистом лице испуг. Когда она понимает, что это всего лишь я, а не грабитель, то испытывает облегчение.

— Ох, Джессика, ты так меня напугала! Боже мой, как прошел бал? Ты хорошо провела время? — Вдруг она осознает, где я только что была. — Стой... что ты делала наверху? Я говорила тебе не...

— Ты врала мне, — перебиваю я ее, сходя с лестницы, мой голос дрожит. — Ты позволила мне думать, что не имела отношения к тому, почему мама была такой несчастной. Но *во всем* была виновата именно ты. Ты и Джек.

Бабушка легко покачивается.

— Это не то...

— Я только что прочла ее дневник! Она была влюблена, по-настоящему влюблена, нашла *родственную душу*, и лишь потому, что он не подходил под ваши стандарты, ваши драгоценные гребаные стандарты Бимов, вы заплатили ему, чтобы он бросил ее. И она так и не оправилась.

— Боже милостивый, — шепчет бабушка, ее нижняя губа начинает дрожать. — Я собиралась сказать тебе...

— Правда что ли?

— Да! Собиралась объяснить все. Когда проект был бы окончен.

— Ах, ну да, твой драгоценный проект. Ну, поздравляю! Лео признался мне в любви, так что, знаешь, гип-гип ура. Вот только он узнал, как мы обошлись с ним, как мы лгали ему, и это опустошило его. Мне не следовало верить тебе.

Бабушка заламывает руки.

— Когда она ушла, Томас вернулся.

Я моргаю.

— Что?

— Он вернулся через четыре дня, чтобы вернуть деньги. Он сказал нам, что любит Роуз и понял, что совершил ошибку. Твой дедушка отослал его прочь. Он солгал, что Роуз решила уехать и теперь живет с семьей в Нью-Йорке, и чтобы Том не смел даже на пороге нашем появляться. Я чувствовала жутчайшую вину.

В горле возникли болезненные ощущения. Я не понимаю, в чем дело.

— Мой отец вернулся, а ты так ей и не сказала об этом? — шепчу я, не веря своим ушам.

Бабушка начинает рыдать. Ненавижу это. Первым порывом было успокоить ее, но она этого не заслуживает. Из-за ее снобизма моя мать всю свою жизнь считала, что человек, которого она любила, взял деньги, чтобы бросить ее. А он так не поступил. Может, если бы она знала, она бы не...

— Джек запретил мне. Он был моим мужем. Мне следовало слушаться его.

— Она была беременна, ради всего святого!

— Когда мы отсылали Тома, то не знали этого. Я узнала об этом только тогда, когда обнаружила дневники Роуз в развязанном мусорном пакете за мусорными баками. Уже было слишком поздно.

Я провожу руками по своим волосам. Просто не могу поверить.

— Она всю жизнь верила в ложь. Это уничтожило ее!

— Я знаю, и я сожалею, — выдавливает сквозь слезы бабушка. — Мне казалось, я знаю, что для моей дочери лучше. Если бы она следовала моим советам, то, прежде всего, не связалась бы с таким ненадежным человеком. Забеременеть вне брака!

Я качаю головой.

— Ты невероятна, — выплевываю я, выпрямляясь. — Я знала, что ты старомодная, но

это уже чересчур. Как ты только не видишь, насколько это чудовищно и осуждающе?

Глаза начинает щипать. Мне нужно убираться отсюда.

— Об этом я жалею больше всего, — тихо признается бабушка. — Джек разрушил все. После побега Роуз он стал много пить, потерял контроль над «Дилайтексом», удача отвернулась от нас, он стал холодным и отстраненным. Она ушла с его внуком, оборвала все связи, отказалась говорить с нами... меня это потрясло, но его — убило. Меньше чем через два года у него случился сердечный приступ. Поверь мне, я чувствую вину каждый день своей жизни. Я выследила Роуз после смерти Джека. Нашла вас обеих в крошечном домике в Манчестере. Когда я явилась, она кричала и бросалась на меня. Сказала, что если я люблю ее, то больше никогда не должна с ней связываться. Что мне оставалось, Джессика? Я не знала, что делать. Потому я постучалась в двери твоей соседки...

— Назойливой миссис Фарревэй? — шепотом уточняю я.

— Да, миссис Фарревэй. И предложила платить ей, если она будет посылать мне ежемесячный отчет о том, как вы справляетесь. Так я и узнала, что Роуз... что она... — Бабушка теряет самообладание, на ее лице проступает расстройство.

Я пытаюсь сглотнуть, но мешает огромный ком.

— Если ты знала, что она умерла, то почему не пришла на похороны? — спрашиваю я сорвавшимся от боли голосом. — Почему не пыталась найти меня?

— Я была на похоронах.

— Что? Ты врешь. Тебя там не было.

— Я была, Джессика. Стояла сзади, за другими гостями. Видела тебя с твоими друзьями. Ты была... в неважном состоянии.

Я вспоминаю мамины похороны. Как перед началом службы выпила полбутылки текилы, как Саммер пришлось держать меня, чтобы я могла стоять. Настолько пьяная, что даже не заметила Матильду.

— Почему ты не подошла и не заговорила со мной? — выпаливаю я. — Все могло сложиться иначе. Я была одна. У меня не осталось никого.

Слезы катятся по лицу бабушки и капля за каплей стекают на воротник ее кремового халата.

— Я хотела, Джессика. Очень сильно хотела. Но когда твоей мамы не стало, я получила письмо от ее адвоката с распоряжением, чтобы я никогда не контактировала с тобой.

— Ну, и как ты называешь вот это? — Я указываю на нас обеих.

— Я не выискивала тебя. Ты пришла ко мне. Я не могла отказать тебе. Тебе был кто-то нужен.

— Нет, это тебе был кто-то нужен. Кто-то, кем ты могла бы манипулировать. Тот, кто занялся бы твоими счетами и твоим тупым проектом. Ну, поздравляю. Все получилось. Я напишу книгу. Твой дом будет спасен. Рада за тебя.

— Мне все это неважно. Может, так было сначала, но теперь это не так. Для меня имеешь значение только ты.

— Тот, кто заботится обо мне, не стал бы толкать на то, что произошло сегодня. Я дерьмово себя чувствую из-за того, как поступила с Лео. Мы причинили кое-кому настоящую боль.

Бабушка опускает взгляд на свои трясущиеся руки. Она и правда мучится.

Внутренности скручивает, в животе бурчит.

— Слушай... мне нужно идти.

— Куда? — испуганно спрашивает бабушка. — Половина пятого утра!

— Неважно, лишь бы подальше от тебя.

Оставляя ее за спиной, я как в тумане тороплюсь в комнату, хватаю телефон и трясущимися руками, едва попадая по кнопкам, набираю первый номер, всплывший в памяти.

После четырех гудков следует ответ.

— Алло?

— Могу я остаться у тебя на ночь? — спрашиваю я без предисловий.

— Да. — Просто и коротко. — За тобой нужно приехать?

— Нет, не нужно. Я вызову такси.

Я быстро звоню в такси, забираю ноутбук, надеваю кроссовки и, проносясь мимо громко рыдающей бабушки, выбегаю на улицу, чтобы подождать машину, которая отвезет далеко отсюда.

Стоит только переступить порог дома, и я наконец даю волю слезам, что сдерживала последние десять лет.

Глава тридцать четвертая

Разочарование неотвратимо в этой жизни. Но Достойная Женщина может перенести почти все, терпеливо и стоически переждав шторм.

Матильда Бим, «Как быть Достойной Женщиной», 1959

Плакать довольно странно. Это похоже на «Принглс» — начав, ты не можешь остановиться. И я в прямом смысле слова не могу остановиться.

Таксист достаточно вежлив, чтобы сделать вид, будто не слышит моих рыданий, шмыганий и завываний, доносящихся с заднего сидения. У меня даже нет салфеток, так что я утираюсь рукавом халата, который теперь в отвратительном состоянии.

Глаза заволакивают все накатывающие слезы, я выхожу из такси на Эдвард Стрит, в Бэйсуотер, где меня у входной двери ждет Джейми, укутанный в синий купальный халат. Он смотрит на меня с ужасом: я в халате, кроссовках, ковыляю к нему, едва способная стоять из-за жутких рыданий.

— Джесс? Тебе больно? — спрашивает он, заводя меня внутрь. — У тебя что-то болит?

Да. О да!

— Прости-и-и-и-и, — выдавливаю я дрожащим голосом. — У меня правда была кошмарная ночь, и я не плакала д-д-десять ле-е-е-ет, так что слез скопилось мно-о-о-ого, и это бе-е-е-есит.

Мы заходим в чистую, скромно обставленную комнату, темную из-за задвинутых штор.

— Садись, — говорит Джейми, указывая на мягкий, кажущийся удобным диван. Пойду поставлю чайник.

Я плюхаюсь на диван и на журнальном столике замечаю упаковку бумажных платков. Хватаю целую коробку, ставлю ее на колени и вытаскиваю сразу кучу бумаги, чтобы вытереть повлажневшее от слез лицо. Повторяю действие по необходимости, и вскоре платки заканчиваются.

— Принеси туалетную бумагу, — кричу я Джейми, находящемуся на кухне.

Джейми выходит из кухни с двумя чашками чая, над которыми поднимается пар, и рулоном бумаги подмышкой. Он спотыкается о край ковра и проливает чай себе на обнаженные ноги.

— Ай.

Он передает мне одну из чашек, и я делаю большой глоток. Слезы катятся так быстро, что одна за другой капают в чай. Поставив кружку на журнальный столик, я забираю у него рулон и бумагой промокаю лицо.

— Прости, — выдыхаю я, трясясь, — что разбудила тебя. Я не знала, кому еще позвонить.

— Не беспокойся об этом. — Он пожимает плечами, садится рядом, двумя руками сжимает чашку и зевает. — Итак, хочешь рассказать, что случилось?

Я киваю и глубоко вдыхаю. Затем рассказываю Джейми всю жалостливую историю.

Спустя рулон туалетной бумаги, еще три чашки чая и полтора часа Джейми знал все: о моей маме, об отце, которого, как я только что узнала, зовут Томас Труман и который может не знать о моем существовании и о бабушкиной лжи. Потом я рассказала о бале, о том, как Лео узнал о проекте, как признался мне в любви. Я опустила момент, что, возможно, тоже его люблю. Когда я закончила, лицо покраснелось от слез, а нос полностью забился.

— Что мне делать? — интересуюсь я у Джейми. — Я не хочу все это чувствовать. Я всю жизнь защищала себя от подобных чувств. Как мне остановить это? Мне нужно перестать плакать. Ненавижу слезы! Я Гвинет Пэлтроу!

— Просто расслабься. Ты перестанешь плакать, когда будешь готова.

— Что? — ужасаюсь я, а по щекам текут свежие дорожки слез. — И все? Мне просто нужно дождаться, когда оно пройдет само? Да у меня будет обезвоживание!

Джейми мягко улыбается, поднимается и протягивает мне руку.

— Идем.

— Что? Куда?

— В постель.

Я впериваюсь в него взглядом. Я знала, что он похотливый, но хотеть секса после всего, что я рассказала?

— Спать, — добавляет он, обратив внимание на мое недовольство. Он зевает, я подхватываю, и мой рот сонно раскрывается.

— Ух, — ворчу я.

— Ты ничего не сможешь решить, пока не выспишься, — нежно сообщает Джейми.

Я киваю, тру нос, следуя за ним по коридору и поднимаюсь по ступенькам, застеленным бежевым ковром. Из одной из комнат доносятся звуки скрипящей кровати вперемешку со сдавленными вздохами и стонами.

— Соседи, — кривится Джейми. — Иногда они рано встают. Идем, у меня есть беруши.

Комната Джейми просторная и убранная, в ней полы из светлого дерева, и в стеллажах полно медицинской литературы. Похоже на спальню студента, и полагаю, так и есть. Над рабочим столом я замечаю много фотографий. На фото Джейми с семьей и с друзьями, на паре из них он с племянником Чарли. В животе чувствую спазм от жалости к себе. Интересно, каково это — расти вот так. Окруженной нормальной, любящей, заботливой

семьей.

Джейми скидывает халат, под ним на нем клетчатые боксеры и серая футболка с надписью «Базинга»⁶⁵. Он забирается в кровать, а я подползаю к нему, подмечая, что одеяло приятно пахнет стиральным порошком. Я прижимаюсь к Джейми, и он обнимает меня. Очень удобно и безопасно. Почти сразу у него встает.

Я отдергиваюсь и поворачиваюсь к нему.

— Джейми! — ругаюсь я, морща нос. — Немного неуместно, не находишь?

— Прости, — отвечает он. — Естественная реакция.

Я фыркаю и разворачиваюсь обратно, прижимая голову к подушке.

— Разве что... это не поможет тебе, — добавляет он.

Он прав. Вероятно, это помогло бы мне. С Джейми все легко. Нет странных чувств, никакого колотящегося сердца, никаких сомнений. Никакой... любви.

— Спасибо, док. Но я просто хочу поспать.

Джейми приближается ко мне и целует в затылок. Протягивает пакетик с кислотно-желтыми берушами, и я тут же вставляю их в уши, чтобы не слышать шум, издаваемый его влюбленными соседями. Меньше чем через тридцать секунд я отключаюсь.

Следующим утром я просыпаюсь от звонка мобильного телефона. В горле болезненно дерет, в голове бьют барабаны. Ощущение, будто у меня паршивое похмелье, но я почти не пила. Я поворачиваюсь, но Джейми уже поднялся. Я хватаю телефон с прикроватного стола. Это Валентина. Наверное, звонит, чтобы узнать, как прошел бал. Черт.

— Привет, — отвечаю я сонно.

— Джесс, лавандочка моя, ты как?

— Э-эм...

— Слушай, боюсь, у меня для тебя грустные новости.

Я стремительно сажусь на кровати, из-за чего барабаны в голове начинают бить только громче. Ай.

— Что не так?

— К несчастью, этим утром первым делом мы получили запретительное постановление от Руфуса Фроста, касающееся «*Как заполучить мужчину методами 1955 года*».

— Что? Я не понимаю.

Голос Валентины раздается из динамика телефона четко и ясно.

— Он сказал, что если мы попытаемся опубликовать книгу, он засудит «Саутбанк Пресс».

— Но... мы же не собирались использовать в книге имя Лео?

— Да, но мы собирались *подразумевать* его — он же наш «вечный холостяк». Что было бы нормально, но теперь, когда ваше совместное фото появилось в «*Телеграфе*», а его публичное признание разлетелось по всем известным блогам и вскоре будет обсуждаться под всеми колонками со слухами будет очевидно, о ком идет речь. Боюсь, нет смысла спорить. И даже если бы мы могли законно обойти запрет, Руфус заявил, что Дэвис Артур Монблан никогда не будет частью компании, очернившей его племянника. А Дэвис Артур Монблан наш важнейший автор.

Сердце уходит в пятки. После всего случившегося даже не будет книги? Все было впустую?

— Я, твою мать, не могу поверить, — бормочу я в трубку, чувствуя подступающие слезы. — Почему ты не подумала об этом заранее?

— Я знаю, огурчик. Это *такая* мука. У меня были *такие* планы на эту книгу, и ты проделала такую работу над этим мерзавцем.

— Он не мерзавец, Валентина, — возражаю я яростно. — Он рассказал мне, что у вас произошло. Он плохо обошелся с тобой, я знаю, но он извинялся. Об этом ты не говорила. И ты совершенно забыла упомянуть, что он был честен с тобой, сообщив о несерьезных намерениях. Ты заставила меня поверить, что он был жестоким и бессердечным, а он таким не был. Он был немного глуповат. *Этого* он не заслужил.

Валентина резко вдыхает.

— Я правда думала, что идея для книги, как заполучить мужчину методами 1955 года, была потрясающей, — отрезает она. — И по-прежнему так думаю. Все решения касательно публикации я принимаю, исходя исключительно из деловых соображений. Меня невероятно задевает, что ты, моя прекрасная протеже, могла подумать, будто я...

— Но в качестве примера ты выбрала Лео, Валентина. И выбор пал на него только из-за вашего с ним прошлого. Признай это!

Валентина замолкает.

— Ладно... — выдыхает она, в конце концов. — Я *допускаю*, что могла позволить чувствам к нему повлиять на мои суждения.

— Именно так и было, — ворчу я. — И теперь мы расплачиваемся за это.

Голос Валентины начинает дрожать и звучит уже не так уверенно, как раньше.

— Мне... он мне правда нравился, Джесс, — признается она мягко. — И, ну, боюсь, я не привыкла не получать желаемое. Я не понимаю, почему он не хотел быть со мной. Я супер. Я успешная, сильная и привлекательная женщина со всеми прилагающимися плюсами... Ты права, он извинялся, но это не изменило того, что я была унижена. Все в Лондоне знали, что мы встречаемся, и все в Лондоне знали, что он спал с другими женщинами.

— И ты захотела осадить его. Ты использовала меня, чтобы повернуть это! Я была твоей обезьянкой!

— Не думаю, что все было именно так, — протестует Валентина. — И ты не сама невинность! После первоначальных опасений ты довольно легко согласилась на то, чтобы дурачить Лео.

Я хотела возразить, но она права. Я *довольно быстро* поверила в то, что Лео Фрост заслужил быть обманутым. Все это прекрасно вписывалось в теорию мамы о мужчинах и взаимоотношениях. Я не знала истинных причин так же, как когда мама говорила, что мой отец был ничем иным, как подлым шарлатаном — я даже ни разу не спросила, что за этим крылось.

— Мне жаль, Джесс, — говорит Валентина в итоге, в ее голосе слышна искренность. — Правда жаль. Мне кажется, у тебя невероятный талант, и на самом деле надеюсь, что в будущем мы все равно как-нибудь поработаем вместе.

Я тяжело и с грустью выдыхаю.

— Валентина, пожалуйста, скажи Матильде о постановлении. Я... Я пока не могу ее видеть.

— Конечно. Это меньше, что я могу сделать.

— Спасибо. — Я тяжело сглатываю. — Прощай, Валентина.

Я завершаю звонок и сразу же снова ударяюсь в слезы.

Я рыдаю в подушку еще двадцать минут, прежде чем нахожу в себе силы спуститься вниз и найти Джейми. Он сидит за большим кухонным столом, потягивает кофе и сосредоточенно смотрит в ноутбук. Я бросаю взгляд на настенные часы и вижу, что уже одиннадцать утра.

— Разве ты не должен быть на работе? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— Я взял больничный.

Я наливаю себе кофе и сажусь за стол к Джейми.

— Тебе не нужно было это делать.

— Ах, я просто искал предлог, — улыбается он. — Как чувствуешь себя?

— Погано, — отвечаю я и делюсь деталями телефонного разговора с Валентиной.

— Я могу чем-нибудь помочь? — На его лице выражение сочувствия. — Чем угодно.

Внезапно меня осеняет.

— Есть кое-что, — сообщаю я, допивая кофе.

— Что угодно.

— Отвезешь меня в Манчестер?

Полчаса спустя мы гоним по скоростному шоссе. Учитывая, что с собой у меня нет никакой одежды, я все так же в штанах от пижамы и одной из футболок Джейми. Он пытается подбодрить меня ужасающими историями из курса медицинского колледжа и пением песен Led Zeppelin, потому что радио в машине сломано. Я очень стараюсь взбодриться. Ненавижу быть не в настроении. Но ничего не могу поделать. Я без конца рыдаю, а когда не плачу, то размышляю о том, насколько дерьмовая у меня жизнь, потом ем печенье и снова раздражаюсь слезами.

Когда звонит телефон, сердце пропускает удар, потому что на какую-то секунду я думаю, будто это решивший перезвонить Лео, не ответивший ни на один из моих многочисленных звонков.

— Алло? — произношу я писклявым голосом.

— Джесс, где ты? С тобой все нормально?

Это Пич. У нее хриплый голос. Он сухой, как поджаренный тост.

— Все нормально, — говорю я. — Мне просто надо кое с чем разобраться. Ты-то как себя чувствуешь?

— Прости меня за вчерашний вечер. Я чувствую себя душой. Я встала час назад. Никогда больше не буду пить текилу. А теперь еще и Матильда рыдает. Она не прекращает плакать. Какого лешего происходит?

Я просвещаю Пич о событиях, произошедших за последние двенадцать часов: о Лео, маминых дневниках и Валентине. После моего рассказа она тоже ударяется в слезы.

— Боже, я так тебе сочувствую, Джесс. Я бы могла помочь тебе прошлым вечером. А вместо этого отключилась в постели, как идиотка. Я ужасная подруга.

В обычный день я бы начала подшучивать над ней из-за того, как она так напилась и что пускала слюни на Гэвина. Но сегодня я сама не своя.

— Все мы через это прошли, — вместо этого утешаю ее я. — А... Матильда в порядке?

— Не знаю. Она заперлась в комнате. Я слышу ее рыдания и старые песни в стиле ду-воп⁶⁶. Я не знаю, что делать. Ты мне нужна, вернись!

Шею покалывает.

— Я не могу, Пич. Не сейчас. Ты... приглядишь за ней ради меня?

— Конечно.

Я сглатываю.

— И за Мистером Белдингом.

— Само собой. Он тут, со мной на кровати, свернулся в клубок.

— Я скоро свяжусь с тобой, хорошо? Пойди купи «Берокку»⁶⁷. И какие-нибудь снеки типа «Монстр Манч».

— Хорошо. — В ее голосе грусть.

— Пич.

— Да?

— Ты не ужасная подруга... ты, в общем, моя лучшая подруга.

От осознания того, что это правда, и что благодаря всему случившемуся я встретила Пич, я наконец перестаю рыдать. По крайней мере, на пятнадцать минут.

Когда спустя три часа мы достигаем пункта назначения, Джейми выключает двигатель и отстегивает свой ремень безопасности, словно собирается выходить из машины со мной.

— Мне нужно сделать это самой, — прошу я его с улыбкой.

Он кивает, открывает бардачок и достает оттуда книгу под названием «*Магнитно-резонансная томография сердца*». Поднимая ее, он сообщает:

— Я буду здесь.

Все тело нервно дрожит, я открываю дверь машины и выхожу. Миную огромные железные ворота и иду по тропинке, по краям которой возвышаются деревья, почти укрывающие своими свисающими ветвями кустарники. Я была здесь только раз, десять лет назад, но мысленно — гораздо чаще. Я иду по тропе с легкостью, будто была тут только вчера.

Когда дохожу до маминого надгробия, в груди все сжимается. Шею и голову начинает покалывать с такой силой, что почти жжет, а сердце замедляет ход.

Я опускаюсь на траву и тянусь, чтобы дотронуться до гладкого мраморного изваяния. Надгробие теплое благодаря вчерашнему солнцу.

Вдыхаю.

— Привет, мам, — говорю я, ладонями упираясь в колени. — Прости, что не приходила так долго. На самом деле, никогда. Это было... В общем, честно говоря, был сплошной бардак.

Я делаю паузу. Тишина оглушающая.

— Я жила у бабушки Бим. Я знаю, что ты не хотела этого, и когда вчера прочла твои дневники, то поняла, почему ты никогда не говорила о ней и о дедушке Джеке. Но я кое-что выяснила и решила, что тебе нужно знать...

Снова выступают слезы, но на этот раз я не пытаюсь их остановить — уже даже привыкла к ним.

— Бабушка сказала, что Томас — мой отец — возвращался к тебе. Он не взял деньги. Через четыре дня после твоего побега он вернулся и попытался вернуть их. Дедушка отослал

его прочь и сказал, что ты уехала с семьей жить в Америку. Иначе, я почти уверена, он бы нашел тебя. И тогда, кто знает, как бы все обернулось. Я пока сомневаюсь, но думаю, что, может, когда-нибудь в будущем постараюсь найти его. Ты не против? То есть, похоже, он не такой уж и мерзавец, как мы думали, и, ну, мне кажется, он должен знать о моем существовании. Я не знаю...

Мам, ты всегда говорила, что любовь разрушает. Что отношения опасны, и я не должна никому открываться во избежание боли. И я жила с этим всю жизнь. Мне было так страшно закончить, как ты, что я пыталась не заботиться ни о чем и ни о ком. Но потом я остановилась у бабушки и, я знаю, что она чокнутая, но все равно начала заботиться о ней. И о Пич, ее помощнице, которая тоже немного с приветом.

Затем я встретила мужчину. Того, кто вызвал во мне те же чувства, что, полагаю, Томас у тебя. Предвкушение. Того, кого я правда, действительно хотела *узнать*. Я боролась с этими чувствами, говорила себе, что они невозможны, ведь мне не хотелось закончить, как ты. Но все пошло не так, и теперь я чувствую себя хреново. Но также я чувствую себя живой. Не благодаря выпивке, вечеринкам или сексу, который — не пойми меня неправильно — все еще наверху списка любимых действий, но потому, что я позволила себе испытать столько приятных чувств к другому человеку. И он, даже если ненадолго, испытывал то же ко мне.

Итак, в любом случае, я просто хотела прийти сюда и сказать, что Томас любил тебя. Думаю, если бы ты знала это, все могло бы быть иначе. Надеюсь, что, где бы ты ни была, тебе лучше. Я люблю тебя, мам. И скучаю по тебе. Охерительно сильно скучаю. Но пришло время мне жить по моим правилам. Может, любовь в итоге и сломает меня. Но мне нужно узнать об этом самой, на своем примере. В общем, на этом все, наверное. Было... было приятно поговорить с тобой, мам. Больше я не буду приходить так редко.

Я прикасаюсь к бледно-серому мрамору еще раз, кончиками пальцев водя по витиевато выгравированному на камне имени моей матери. Затем в небе раздается гром, и я подскакиваю, потому что начинает лить, впервые с начала знойного лета. Когда тяжелые капли промокают мои футболку и штаны, мое дыхание выравнивается, после чего я чувствую, как внутри меня что-то становится на свое место.

Думаю, это может быть мое сердце.

По дороге домой я пялюсь в окно на проезжающие мимо нас машины и ощущаю спокойствие, запал, которого не было уже очень давно. Звонок телефона Джейми вырывает меня и транса. Он переключает звонок в гарнитуру.

— Привет, — слышу я его голос. Он оглядывается на меня. Затем говорит: — Ох, ничего... просто решил прокатиться... ни с кем... Не знаю когда. Эм... ага, может. Позвоню тебе позже. Пока.

Он завершает звонок. Кончики его ушей становятся розовыми.

— Кто это был? — интересно мне.

— Ой, просто, эм, Кико. — Он небрежно пожимает плечами.

Кико? Он же отверг ее.

— Жду не дождусь, когда познакомлюсь с ней, — говорю я задорно.

Он бросает на меня взгляд.

— Правда?

Я киваю.

— Правда. Я... Я хочу, чтобы мы были друзьями.

Он мгновение жуёт губу.

— Друзьями... с привилегиями?

Я улыбаюсь, преодолевая себя.

— Нет. То, что я говорила на прошлой неделе, было всерьёз. И... в общем, у меня вроде как чувства к кое-кому другому. Не то чтобы из этого что-то выйдет, но... Я хочу быть честной с тобой, и правда в том, что мне очень нравится проводить с тобой время. И будет здорово, если мы сможем быть друзьями. Правильными друзьями.

Он долго выдыхает. Затем откашливается.

— Это значит, что мы будем расчесывать друг другу волосы и говорить о, к примеру, Джареде Лето и другой ерунде?

— Да. Если бы это был 1998...

— Ну, меня это устраивает, Джесс, — произносит Джейми, перестраиваясь в центральный ряд и ускоряясь. — Честно говоря, ты никогда и не была мне особо симпатична.

Я не могу сдерживать хохот.

— Спасибо, Джейми. — Я улыбаюсь, кладу свою руку на его и сжимаю ее.

И когда он начинает петь воодушевляющий припев песни «*Enter Sandman*» (Букв: «*Входи, песочный человек*») группы Metallica, я присоединяюсь.

Глава тридцать пятая

Прощение — живое доказательство истинной любви.

Матильда Бим, «Как быть достойной женщиной», 1959

Следующие пару недель я ночую у Джейми на диване, потому что лишь мысль о встрече или разговоре с бабушкой вызывает у меня одновременно гнев и грусть. Пич довозит мои вещи в Бейсуотер и звонит с регулярными отчетами о Мистере Белдинге (счастлив, как всегда) и бабушке, которая, по всей видимости, днями притворяется уравновешенной, показывает потенциальным покупателям дом, а ночами рыдает без остановки. Отчего я чувствую себя в некоторой степени кошмарно.

Я раз или два встречаюсь с Кико, когда она приходит повидаться с Джейми. Поначалу ее немного беспокоила моя дружба с ним и тот факт, что я сплю у него на диване, но потом я расположила ее к себе своей жизнерадостностью, и я правда считаю, что мы, вероятнее всего, станем подругами. Кико даже помогает мне выбрать подходящий подарок (генератор мыльных пузырей), за которым я ездила в Манчестер, для первой вечеринки Бетти в честь дня рождения ее сына Генри. Не поймите меня неправильно — праздник был суперскупным, но то, что я пришла и два часа выдерживала детские вопли, так удивило и порадовало Бетти, что это стоило тех мук, тем более что после этого она в «Фейсбук» выслала мне приглашение на домашнюю вечеринку, которую планирует устроить в сентябре.

Кстати, о «Фейсбуке» — Саммер появляется на сайте чаще, чем обычно. Теперь, когда она снова с Андерсоном, она все время выкладывает селфи и пишет статусы об их «невероятной любви», как она #суперсчастлива, и что у нее #естьвсе. Я пытаюсь быть

умиротворенной, но правда заключается в том, что ее поступок на балу был бессмысленной жестокостью, и лицемерие ее элегантно мордочки по всему интернету выводит меня из себя. Так что я удаляю ее из друзей. Затем, в день, когда она объявляет актерский состав ее нового телевизионного шоу (которое, к моему раздражению, журнал «*Стилист*» назвал самым ожидаемым шоу 2015 года) «*Саммер в городе*», я захожу на сайт, используя свой пароль, и делаю переадресацию с каждой ссылки на «Ютуб», на клип песни Рика Этли «*Never Gonna Give You Up*» (Букв: «*Никогда тебя не подведу*»), устраивая масштабный розыгрыш. Я повторяю это каждый день на протяжении недели, пока она, наконец, не понимает, что это я, и не меняет пароль. К этому моменту ее репутация законодателя вкусов успешно подмочена, на «БаззФиде» выходит статья с заголовком «*Чудаковатая одержимость Саммер Спенсер Риком Этли*», благодаря чему я рыдаю от смеха.

Я предпринимаю попытки — много попыток — связаться с Лео, чтобы извиниться, как подобает. Звоню ему миллиард раз, но всегда попадаю на голосовую почту. Пишу ему имейлы, но, не считая регулярных писем и одного прелестного предложения «славы и богатства» от нигерийского принца, в почтовом ящике пусто. Однажды вечером я даже заявляюсь к дому Лео с айфоном над головой (не с бумбоксом же наперевес) и включаю песню Питера Гэбриела «*In Your Eyes*» (Букв: «*В твоих глазах*»), подражая Джону Кьюсаку из его любимого фильма восьмидесятых⁶⁸. Но Лео не было дома, и измотанная женщина с соседнего этажа высунулась из окна, чтобы попросить меня перестать быть такой эгоистичной и наконец заткнуться, иначе она грозила вызвать полицию. Я долго перед ней извинялась, после чего расстроенная уехала прочь.

Я пытаюсь принять холодность Лео. В его праве никогда снова не заговаривать со мной, ведь я лгала ему по-крупному. Я даже притворилась, что это не так и важно, что, вообще-то, это *совсем* не важно, и скоро я оправлюсь. Но не думаю, что это правда. Я постоянно думаю о его мерцающих зеленых глазах, выражающих осознание предательства, о его великолепном, уверенном рте, уголки которого направлены вниз. Затем думаю о том, чем он занят, вспоминает ли обо мне, с кем проводит время, смеются ли они вместе. Это неутешительные мысли будят меня почти каждую ночь. В итоге, утром пятницы, когда я больше не могу выносить мысль о том, что он может не подозревать, как мне жаль, я встаю и еду на метро до Стрэнд. Я врываюсь в здание «Вулф Фрост» и решительно марширую к стойке администратора.

— Мне срочно нужно увидеться с Лео Фростом, — произношу я вежливо.

Администратор глядит на меня из-за компьютера с выражением скуки на юном лице. Мы встречались, когда я была здесь в прошлый раз, но она не узнает меня в нормальной одежде, очках и с собранными в небрежный пучок волосами.

— Его здесь нет.

— Где он? Мне нужно увидеться с ним. Это невероятно срочно, — говорю я настойчивее.

Она лениво пожимает плечами, из-под стола достает упаковку «Мальтизерс» и открывает ее невероятно медленно.

— Алло? — тороплю ее я.

Она выражает недовольство.

— Он ушел из компании. Подал в отставку неделю назад. — Она не торопясь жует маленькую шоколадную сферу.

— Что? Подал в отставку? Почему?

Она взглядом сканирует зону стойки и понижает голос:

— Вы клиент?

— Нет. Мне просто нужно поговорить с ним. Где он?

— Ладно, в общем, вы от меня этого не слышали, но ходят слухи, что Лео Фрост оставил компанию, чтобы стать художником. Жалкий парень. Старый Руфус в ярости! Я слышала, что Лео на пару недель отправился во Францию. Хочет рисовать там море или что-то типа того. — Она хихикает себе под нос и закатывает глаза, словно считает, что все это обыкновенное поведение размазни.

Месяц назад я могла бы подумать так же. Но сейчас вспоминаю о кисти, что подарила Лео на балу, и хотя от того, что он даже не в стране, сердце сжимается от боли, в груди зарождается светлое, согревающее чувство, и я непроизвольно улыбаюсь сама себе.

Лео Фрост: Художник.

Покинув «Вулф Фрост», я направляюсь к кофейне «Яванский кофе Маленького Джо». Внутри не так забито, как тем поэтическим вечером, и играет какая-то энергичная музыка в стиле самба, заглушая гул посетителей, забредших сюда поздним утром. Я заказываю капучино с экстра-взбитыми сливками и прошу бариста, если возможно, принести мне бумагу и ручку. Он добродушно протягивает мне листок с фирменным штампом и синюю ручку, после чего я сажусь на один из мягких диванов. И начинаю писать.

Дорогой Лео,

Итак, я уже пыталась связаться с тобой всеми обычными способами, но совершенно ясно, что ты не хочешь слышать обо мне — и я это прекрасно понимаю, но надеюсь, что когда ты вернешься из Франции, то прочтешь это и поймешь, насколько мне жаль.

У меня был дикий период в жизни, когда я подписалась на участие в этом проекте — только что потеряла работу и дом, была в поисках быстрого заработка, да и моей бабушке действительно нужна была помощь. О тебе у меня создалось впечатление, будто ты сексист, бессердечный соблазнитель, и хоть это не оправдание тому, что я обманывала тебя, благодаря этому принять решение было куда проще. Откровенно говоря, наша стычка на презентации «Пчеловода» тоже поспособствовала. Я правда считала, что ты невероятный придурок.

Потом мы прекрасно проводили время. И за самонадеянностью и высокомерием я увидела тебя. Тебя. Доброго, открытого, креативного, великолепного, чувственного мужчину, который оказался совсем не таким, как я думала. И я была напугана тем, что почувствовала. Как и у тебя, у меня есть небольшие проблемы с обязательствами, и мне не хотелось признавать, что я, возможно, влюбляюсь в тебя, ведь прежде со мной такого не было, и подобное я не планировала.

Многое из того, что ты видел (и, надеюсь, полюбил) было проявлением настоящей меня. Джесс Бим. Все, что я говорила о художественном таланте. О любви к фильмам восьмидесятых. Маниакальное вождение аттракционной машинки, стихотворение на сцене. Те поцелуи. Те поцелуи, которые, я знаю, и ты знаешь, были лучшими поцелуями, что у нас были. Это все была я.

Дело в том, Лео, что, несмотря на то, что многое в руководствах моей бабушки отвратительное антифеминистское дерьмо, инструктирующее женщин быть пассивными

и зависимыми от мужчин, в них также есть пара хороших советов. Они научили меня быть терпеливей, слушать по-настоящему, быть более заинтересованной в новом и, в целом, открываться перед другим человеком, чтобы создать не только поверхностную связь. Ты был чем-то большим. Ты и сейчас нечто большее.

Я сожалею, что причинила тебе боль. Ты этого не заслужил, и я подавлена из-за того, как все обернулось.

В общем, теперь я, наверное, буду бродяжничать, но мне хотелось объясниться и сказать, как паршиво я себя чувствую, и как сожалею, что лгала тебе.

С любовью, извинениями и пожеланиями мега-взрывной удачи в творчестве,
Джесс.

X

П.С. Если твоя ворчливая соседка сверху расскажет тебе о жуткой девице, включавшей «In Your Eyes» перед домом, это была я. Прости.

П.П.С. Я больше не живу на Бонэм Сквер, так что, если вдруг ты захочешь связаться со мной, моя почта — msbeambastic@mail.com.

Новизна от жизни у Джейми, ничегонеделания, кроме разыгрывания Саммер, мыслей с Лео и невозможности выспаться из-за шумного секса соседей Джейми вскоре прошла. И когда Пич пригласила меня на обед во вторник, я согласилась так, словно она предложила мне обнаженного и готового к действиям Джеймса МакЭвоя.

Я еду в кафе «Ле Петит» в Кенсингтоне и жду ее прибытия. Очень странно не видеться с Пич каждый день, и я понимаю, что жду встречи с ней с энтузиазмом.

Так что вообразите мой шок, когда в двери кафе входит не только Пич, но и бабушка. Она плавно движется в темно-розовом костюме, высокая и грациозная, с собранными шиньоном волосами и в огромных красных очках, аккуратно мостящихся на ее носу.

Чертова Пич. Она подставила меня! И подумайте только, какого хорошего я была о ней мнения.

Я сердито поднимаюсь из-за стола и собираю вещи, чтобы уйти.

— Прощу, Джессика, останься, — говорит бабушка хриплым голосом. Вздыхая, я сажусь обратно. Как только она устраивается за маленьким деревянным столом, до меня доносится аромат «Шанель № 5», и на глаза тут же накатывают слезы. Я яростно утираю их.

Я скучаю по бабушке.

Но еще я зла на нее.

— Я переехала из Бонэм Сквер, — ставит она меня в известность, осторожно сигнализируя официантке.

— Я знаю. Пич рассказала мне.

— Я купила дом *поменьше*. Крайний таунхаус⁶⁹ в Дулвиче. — Официантка подходит к нам и принимает заказ на чай. — Это не похоже на Бонэм, но там светло, просторно и неплохой двор.

— Хорошо. Это хорошо.

— Я хотела увидеться, — продолжает она, — чтобы передать тебе это.

Она из сумочки достает жесткий белый конверт и передает его мне.

Хмурясь, я открываю его.

Это чек на имя фонда психического здоровья. В конце написанной от руки суммы

выведено довольно много нулей. Я резко вдыхаю.

— Ого.

— Я была не права, втянув тебя в проект. — Бабушка тяжело вздыхает. — Мне следовало понимать, что не тебе решать мои проблемы. Мне казалось, что дом — единственное, что у меня осталось в этом мире. И стараясь спасти его, я потеряла нечто более важное... *тебя*. После переезда у меня остались деньги. Я подумала, что мы могли бы пожертвовать их в память о Роуз.

Она тихонько всхлипывает, произнося имя моей мамы.

— Мне нравится. — Я быстро киваю, слава застревают в горле. Я сглатываю ком. — Спасибо.

Бабушка из сумочки достает хлопковый носовой платок и дрожащими руками промокает глаза.

— Ты не потеряла меня, знаешь ли, — произношу я небрежно. — Просто я очень, охренительно зла на тебя.

Она инстинктивно открывает рот, чтобы попросить не выражаться, но потом так же быстро его закрывает.

— Мне жаль, что ты... *охренительно зла*. — Она тянется и берет меня за руку. — Я была эгоистичной. Заикленной на жалости к себе и горе. Я бы не вынесла, если бы ты смотрела на меня так, как твоя мать. Когда ты вошла в мою дверь, мне показалось, будто мне был дан второй шанс. И я все испортила, втянув тебя в свои проблемы.

Официантка подходит с нашим чаем. Бабушка добавляет молоко, а я сахар, но ни одна из нас не делает ни глотка.

— Я никогда не прощу себя за то, как поступила с твоей матерью, Джессика. И как бы ты плохо обо мне ни думала, я хочу, чтобы ты знала — я о себе думаю так же. Пожалуйста, скажи, что простишь меня.

— Я прощаю тебя, ба, — отвечаю я без заминки.

И понимаю, что правда прощаю ее. В этой катастрофе нет невиновных, мы погано повели себя в том или ином случае. Мама потратила львиную часть своей жизни на ярость и обиду. Я так не хочу. Не могу.

Бабушка размеренно вздыхает и поднимает свою чашку с чаем все еще слегка трясушимися руками.

— Пич рассказала мне, что ты хочешь оправиться путешествовать. Я бы хотела оплатить твоё путешествие, Джессика. Куда... куда бы тебе хотелось поехать?

Я гляжу на бабушкино морщинистое лицо и осознаю, как сильно каждый день скучала по ней, и как здорово, когда есть кто-то — даже если чокнутый, — кому не безразлично, чем ты занимаешься, и я привыкла к этому.

Хм-м-м.

Идея путешествия по Ямайке, Таиланду или другому отдаленному месту в одиночестве больше не кажется такой заманчивой.

И тогда я хохочу, потому что внезапно понимаю, куда *конкретно* хочу отправиться, и это изумляет меня до глубины души.

— Я тут думала... может, южный Лондон? — предполагаю я, делая глоток чая. — Не знаю, может, в Дулвич?

Бабушка на секунду хмурится, прежде чем до нее доходит смысл моих слов.

— Со... мной? — Она прижимает руку к груди. — Ты имеешь в виду мой дом?

— Да, — улыбаюсь я. — Если ты меня, конечно, примешь.

— Ох, Джессика. — Она громко всхлипывает, из-за чего другие обедающие посетители оборачиваются и посылают нам раздраженные взгляды. — Я *приму* тебя!

— Ой, еще сфотографируйте, это может затянуться! — кричу я плящимся посетителям, из-за чего бабушка посмеивается и краснеет.

Она прижимает ладони к лицу.

— Поверить не могу! Говоришь, ты вернешься сегодня, дорогая? Поручу Пич подготовить свободную комнату. В общем, теперь твою комнату! — Она оглядывается через плечо и зовет официантку, стоящую у стойки. — Торт, пожалуйста! Мы просто обязаны взять торт к чаю!

— Круто. — Я смеюсь, подзывая официантку, чтобы попросить отрезать самый большой кусок. — Хотя, у меня есть несколько условий.

— Каких?

— Ты должна пообещать, что мне больше не придется носить утягивающее белье, и я смогу бегать, когда захочу, и с этих пор мы говорим друг другу только правду и... ты никогда, ни за что на свете не станешь покупать для меня фарфоровых кукол.

Бабушка незамедлительно протягивает руку.

— Учтено.

Я возвращаюсь к Джейми пружинистой походкой. Он невероятно счастлив слышать, что с бабушкой все наладилось. Вообще, он кажется слишком счастливым.

— Господи, спасибо, — благодарю я его, когда он с энтузиазмом предлагает упаковаться.

— Мне понравилось жить с тобой, — ухмыляется он. — Просто... ты немного... неряшливая.

— Я *креативная*, — протестую я. — Это другое, чувак.

Он с журнального столика убирает тарелку со вчерашней наполовину съеденной лазаньей.

— Ага, очень креативная. Я профессиональный медик. Мне нужно думать о гигиене.

Я закатываю глаза. Поднимаюсь наверх и хватаю черный мусорный пакет, в который забрасываю свою одежду, пока Джейми наблюдает и не торопится помогать. По окончании сборов он вызывает такси, и мы ждем его прибытия на ступеньках перед домом.

— Мы же не потеряем связь? — тихо спрашивает Джейми, конверсами⁷⁰ ковыряя тротуар.

— Лучше не терять, — отвечаю я, подталкивая его локтем.

Он проводит рукой по своим кудряшкам.

— Хорошо. — Кивает он. — Хорошо.

Когда такси подъезжает к бордюру, я дергаю Джейми, чтобы обнять.

— Ты был невероятно заботлив, — шепчу я. — Я этого никогда не забуду.

— Я... Я... — начинает он, затем выдыхает, и его щеки становятся алыми. Не знаю, что он хочет сказать, но перебиваю на случай, если это то, о чем я думаю.

— Скоро увидимся, док. И попрощайся за меня с прелестной Кико.

— Ага. Да, обязательно. — Его плечи на мгновение опадают, но потом он открывает дверь машины и помогает мне затащить сумки.

— Ну! — Я улыбаюсь. — Наверное, скоро увидимся. Я позвоню тебе. Может, мы могли бы выпить. И с Кико.

— Звучит замечательно...

— Потрясно.

— Будь примерной, — говорит он ласково, а на его симпатичном лице растягивается добрая улыбка.

— Никогда! — выкрикиваю я, забираюсь в такси и с силой захлопываю за собой дверь.

Мотор начинает реветь, и когда мы отъезжаем, я бешено машу Джейми через заднее стекло. Он машет мне в ответ до тех самых пор, пока машина не поворачивает за угол и не скрывает его из виду.

Глава тридцать шестая

Самый важный шаг, который может предпринять Достойная Женщина, находящаяся в поиске вечной любви, это для начала полюбить и принять себя с добротой, уважением и честностью.

Статус Матильды Бим в «Фейсбук», Август 2014

Бабушка и Пич — и уютно устроившийся у нее на руках Мистер Белдинг — в точности как семья ждут меня на ступеньках викторианской террасы в Дулвиче и глупо улыбаются. Я расплачиваюсь с таксистом, забираю свои вещи и бегу внутрь, где мне тут же предлагают чай и тур по дому. Бабушка права — это точно не похоже на дом Бонэм, но в мире нормальных, не мега-богатых людей, моем мире, такие дома называют просторными, светлыми и полными атрибутов уютного жилища. Они обе ведут меня наверх, через два лестничных пролета, в мою комнату — огромное чердачное помещение с гигантскими открытыми окнами со всех сторон и ветхими дубовыми брусьями под потолком.

— Что думаешь? — спрашивает розовощекая бабушка, ожидая ответа.

Я падаю на старинную кровать, вдыхаю свежий морской запах, доносящийся с улицы, и улыбаюсь.

— Для дома очень даже хорошо, — говорю я просто.

— Ох, Джесс! — визжит Пич, присаживаясь ко мне на кровать. — Я почти забыла сказать тебе, я *наконец-то* придумала тебе прозвище!

Боже мой.

— Ну-ка.

— Надеюсь, тебе понравится, мне правда кажется, что это правильный выбор, но скажи, если тебе не понравится, и мы сможем придумать что-то дру...

— Да просто скажи уже, Пич!

— Ладно, я выбрала для тебя прозвище... — Она разводит руки в стороны и безумно улыбается во все тридцать два. — Леди... Джей! Что думаешь? Тебе нравится?

Гениально. Твою мать, это гениально.

За следующие несколько месяцев моя жизнь превратилась в приятную рутину — то,

чего я прежде не хотела, но что, как оказалось, дарит мне ощущение умиротворения. Я устроилась в комиссионный книжный магазин в Дулвиче на неполный рабочий день, где каждый день обслуживаю клиентов с полудня до пяти — и это круто. Покупатели милые и спокойные, и я могу читать книги все время, пока в магазине никого нет.

Когда я не работаю, и когда бабушка не изучает управление финансами для курса, на который недавно записалась, мы вместе ведем наш новый блог «*Матильда и Джесс*». Да. Мы начали вести блог о руководствах для Дстойной Женщины. Он не столько о том, как встретить мужчину, сколько о наших противоположных точках зрения о понятии Дстойной Женщины, а еще о моде, феминизме, образе жизни и карьере. У нас достаточно споров, да и бабушка настаивает на том, чтобы полностью контролировать страницу в «Фейсбуке», но если не считать этого, то у нас действительно хорошо получается, мы наращиваем стабильную и верную аудиторию читателей.

Я все еще частенько отрываюсь с Пич (которая, к несчастью, порвала с Гэвином. Как только он начал с ней разговаривать, она осознала, что ее тело не реагирует на него, потому она все еще в поиске правильного мужчины для секса), но теперь, в отличие от прошлых тусовок, веселясь, я делаю это не безрассудно, а так, чтобы развлечения не имели пагубного влияния на мою жизнь. Мне нравится наконец контролировать свое поведение, не спать с кем попало в каждой комнате и по-своему работать над стремлением стать писательницей. Похоже, я начинаю понимать, кем хочу быть, невзирая на паршивое прошлое. И мне нравится это ощущение.

Несмотря на занятость, я все равно нахожу время на проверку почты по миллиарду раз в день в надежде, что Лео ответил на мое письмо или хотя бы вернулся в страну. Но от него ни слова, глухо даже на его страничках в социальных сетях, и я потихоньку начинаю мириться с тем, что все на самом деле кончено, и мне, вероятно, стоит жить дальше.

Уверена, скоро боль в груди из-за тоски по нему пройдет.

Должна же, да?

На дворе жаркий дождливый августовский полдень, я расслабляюсь в кровати на чердаке, работая над постом для блога «*Матильда и Джесс*», и тут звонит телефон.

— Алло? — поднимаю я трубку.

— Джессика? Когтистый котенок? Это ты?

Это Валентина. Чего *она* хочет?

— Я, — отвечаю я.

— Ты получила конверт, который я послала тебе?

— Ох, я сейчас живу не в Бонэм Сквер, я в Дулвиче.

— Я знаю, утенок. Матильда отправила мне прелестную открытку с новым адресом. Должно быть, ты с ней.

— Что происходит? — Я хмурюсь и спускаюсь по лестнице. — Что ты выслала?

— В общем, Джесс, около часа назад я получила письмо от Лео Фроста.

Я резко останавливаюсь.

— Что? — Сердце уходит в пятки.

— И ты ни за что не *поверишь*, что в нем.

— Что? Да что же там? — Я шустро пробегаю остальные ступеньки, несусь к входной двери, где перерываю кучу почты. Вот оно. Белый конверт формата А4, адресованный мне.

Пич, должно быть, расписалась за него, когда уходила за покупками.

— Нашла? — нетерпеливо спрашивает Валентина.

— Как раз открываю! — говорю я, а руки дрожат.

Я бережно открываю концерт и достаю маленькую пачку листов. На верхней странице копия подписанного разрешения. Это подпись Лео, обозначающая, что он дает нам разрешение использовать его имя в книге *«Как заполучить мужчину методами 1955 года»*.

Сердце начинает колотиться о ребра.

— Ох, — шепчу я в телефон.

После чего начинаю рассматривать остальные листы, и от того, что на них, я роняю мобильный на пол, куда тот приземляется со стуком. На каждой странице детальные, искусные рисунки карандашом. На первом рисунке мы с Лео на аттракционной машинке. На следующем — я на поэтическом вечере в кофейне *«Яванский кофе Маленького Джо»*, на голове у меня та чудная шляпка с пучком кружева, и я на сцене. На другом мы с Лео в зале с работами да Винчи, перед картиной *«Мадонна в скалах»*. Рисунки замысловатые и умопомрачительные.

Я перебираю остальные, чтобы добраться до последней страницы в куче. На рисунке я на премии Лондонской рекламной ассоциации. Кажется, будто Лео помнит каждую деталь моего образа, начиная с вышивки на платье и заканчивая брошкой в виде чертова колеса. Внизу рисунка он нацарапал слова: *«Для Джесс»*.

Сглатывая ком в горле, я едва шевелящимися руками поднимаю с пола мобильный телефон.

— Валентина, ты еще здесь?

— Здесь. — Она звучит ошеломленно.

— Я ничего не понимаю, — шепчу я. — Почему...

— Лео не только согласился на публикацию книги, но и предложил услуги иллюстратора.

Я смеюсь в голос. Что это значит?

— Вероятно, у него все же есть сердце, — произносит Валентина. — Просто шок. Никогда не думала, что такое возможно. Я слышала, он ушел из *«Вулф Фрост»*. Скорее всего, его согласие — это способ насолить отцу и компании. Как бы то ни было, все невероятно взволнованы: такой выдающийся человек как Лео хочет принять участие в проекте. Мы уже обсуждаем продолжение. Само собой, мне нужен текст как можно скорее. Мы хотим выстрелить, пока...

— Я не могу поверить. Просто не могу поверить.

— Кажется, ты дала Лео что-то особенное, Джессика. Что-то, чего я не смогла бы сделать даже в мечтах. Но это нормально. Сердцу не прикажешь, да и я положила глаз на одного прекрасного британского актера, с которым в последнее время частенько вижусь на мероприятиях. Он очень знаменит, потому больше ничем поделиться не могу, скажем так, *игра началась*. Назначим встречу за обедом? Там я тебе все и расскажу, и мы сможем...

— Значит, Лео вернулся в страну, — выпаливаю я, неспособная сконцентрироваться на речи Валентины из-за громко бьющегося сердца, отдающего в ушах.

— Похоже на то! — говорит она.

Он вернулся.

— Валентина, не возражаешь, если я перезвоню тебе чуть позже? — спрашиваю я, чувствуя, как к горлу подкатывает хохот.

Она посмеивается.

— Конечно. Иди к нему, дорогая Джессика. Иди к нему.

Так я и делаю.

Я прибываю к дому Лео в Доклэндсе вспотевшая и выдохшаяся, с раскрасневшимися щеками, прилипшими ко лбу волосами и в насквозь промокшей лиловой майке. Я стучусь в его двери, сжимая копии рисунков в руках. В миллиардный раз бросаю на них взгляд и подсакиваю от радости.

Двери распахиваются, и я вижу Лео. На нем простая белая футболка и джинсы, его рыжие волосы мокрые после душа.

Все тело дрожит при виде него.

— Привет, — здороваюсь я, тяжело дыша после пробежки от станции метро.

Лео смотрит на меня невозмутимо, без намека на предательство в глазах.

Я глубоко вздыхаю и задираю подбородок.

— Итак, дело в том, Лео... Мне нравится ходить в ночные клубы и на рок-концерты. Я ем «Пот Нудлс», когда выдается возможность, и не всегда переодеваю носки. Я переспала со многими и не стыжусь этого, да и не считаю, что должна стыдиться. Мне правда не нравится твоя реклама «Управляй и оживай», прости, но она хреновая. Мне нравится носить комфортные пижамы на все тело, и я, вообще-то, не ношу причудливые шляпки и перчатки. Моя мама на самом деле умерла. — Голос срывается. Я прочищаю горло и беру себя в руки. — И это худшее, что со мной случилось. Я все еще пытаюсь пережить это и не уверена, что смогу, но я продолжу стараться. Я не очень много знаю о поэзии и искусстве, но открыта изучению нового. Я часто ругаюсь. Охерительно, до черта много. Моя бабушка немного чокнутая. Мне правда нравятся твои рисунки. — Я прижимаю рисунки к груди. — И думаю, что уйти с работы и стать художником — это потрясающе и смело. У меня немало проблем с принятием на себя обязательств, но я работаю над этим. И ни о чем в жизни я не сожалела больше, чем о том, как поступила с тобой... Так что, вот, это обо мне в двух словах. Ой, стой, еще кое-что... Я люблю тебя, Лео. Я, черт подери, люблю тебя.

Я гляжу в его неповторимые глаза. Такие знакомые, но в то же время такие еще незнакомые. Уголки его губ растягиваются, и на его лице возникает широкая улыбка.

Лео протягивает руку.

— Я Лео Фрост. Невероятно рад знакомству. Слышал много хорошего.

Я громко хохочу, а из-за улыбки вполне могу потянуть мышцы лица.

— Я Джессика Бим. Джесс. — Я принимаю его руку ижимаю ее.

— Приятно наконец встретить тебя, Джесс, — произносит он ласково, и его голос срывается, когда он проговаривает мое настоящее имя.

Он затягивает меня в квартиру, рукой проводит по моим волосам и целует так, что каждая часть моего тела светится. Теперь, без тени сомнений, я знаю, что *именно так* чувствуется любовь.

— Хочешь выпить? — спрашивает Лео, когда мы все же отрываемся друг от друга.

— Да, пожалуйста, — отвечаю я, и с ним иду на кухню с широченной и глуповатой улыбкой на лице. — У тебя есть грушевый сидр?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

Здесь и далее прим. пер.: All that Jazz = отсылка к знаменитой песне из фильма «Чикаго».

[

←2

]

Мистер Белдинг — имя противного директора из сериала 1989–1993 годов «Спасенные звонком».

[

←3

]

Джордж Элиот — псевдоним Мэри Энн Эванс, английской писательницы, жившей с 22.11.1819 по 22.12.1880.

[

←4

]

Cool like a fool in a swimming pool = Отсылка к мультфильму «Южный парк», сезон 7, эпизод 2.

[

←5

]

ЛДН = сокращенно от Лондон.

[

←6

]

«Blue Canary» (рус.: «Печальная канарейка») — популярная американская песня Винсента Фьорино.

[

←7

]

x = значит поцелуй, хо = крепкий поцелуй.

[

←8

]

Кэннон и Болл — шоу дуэта комиков Томми Кэннона и Бобби Болла, выходившее с июля 1979 года по октябрь 1988.

[

←9

]

Торвилл и Дин — Джейн Торвилл и Кристофер Дин, дуэт фигуристов-призеров различных соревнований на льду, начавших свое сотрудничество в 1975 и закончивших в 1996.

[
←10
]

Кенан и Кел — сериал про двух чикагских подростков, выходявший с 1996 года по 2000, в России и странах СНГ шедший на канале Nickelodeon с 1998 по 2004.

[
←11
]

Кэрол Вордерман — английская телеведущая, в 2011 году взяла премию «Rear of the Year» в возрасте 51 года. Также телеведущая написала книгу «Как объяснить ребенку математику».

[
←12
]

Линда Папандопулос — канадский психолог, актриса и автор книг, среди которых «Руководство по обращению с мужчинами» и «Что говорят мужчины и что слышат женщины? Женско-мужской разговорник».

[
←13
]

«Берег ‘джорди’» или «Пляж Британии» (Geordie Shore) — английское реалити-шоу, идущее на MTV. Спин-офф американского шоу ‘Jersey Shore’.

[
←14
]

«Blue Wicked» — алкогольный коктейль на основе сидра из серии алкогольных коктейлей WKD.

[
←15
]

Ja — «Да» по-немецки.

[
←16
]

Дэнни Зуко — герой фильма «Бриолин» 1978 года.

[
←17
]

Дон Дрейпер — герой сериала «Безумцы», снимавшегося с 2007 года по 2015.

[
←18
]

Baby Sensory — это программа раннего развития для детей с рождения до 13-ти месяцев.

[

←19

]

Spotify — шведская служба потокового воспроизведения музыки.

[

←20

]

Доктор Сьюз — американский детский писатель и мультипликатор, написавший в 1957 году книгу «Кот в шляпе».

[

←21

]

Мэттью Кроули — один из героев сериала «Аббатство Даунтон».

[

←22

]

Дэвид Дикинсон — писатель английских детективов.

[

←23

]

«I couldn't stay away. I couldn't fight it.» строки из песни Adele «Someone like you».

[

←24

]

Дементор — персонаж книг о Гарри Поттере. Дементор одним своим присутствием высасывает всю радость из человека, а поцелуем сводит жертву с ума, доводя до отчаяния и оставляя только с горькими и жестокими воспоминаниями.

[

←25

]

Эдвард Каллен — главный герой саги «Сумерки», вампир.

[

←26

]

Келли Каповски — героиня знаменитого американского шоу 90-х «Спасенные звонком».

[

←27

]

ГСЗ — государственная служба здравоохранения.

[

←28

]

Злая Ведьма Востока — персонаж сказки «Удивительный волшебник страны Оз», не присутствующий в других сказках «Волшебник страны Оз».

[

←29

]

«Положи лосьон в корзину» — реплика Буффало Билла, маньяка из фильма «Молчание ягнят», которую тот бросает своей жертве, заточенной у него в подвале, в колодце; в повседневной речи означает раздражение.

[

←30

]

Джоуи Поттер — главная героиня сериала «Бухта Доусона», которую играла Кэти Холмс.

[

←31

]

«Суть ужаса» (Point Horror) — серия ужастиков для подростков, для которой разные писатели создавали рассказы и книги с 1986 года по 2014, в их числе был и Роберт Л. Стайн.

[

←32

]

«Дневники “Красной туфельки”» — серия эротических фильмов. Первый фильм был с жене, изменявшей своему мужу с женщиной, имени которого она не знала. С 1992 по 1999 год выходил сериал с Дэвидом Духовны в главной роли.

[

←33

]

Бондаж — эротический прием, когда один партнер лишает другого способности двигаться.

[

←34

]

Тайра Бэнкс — ведущая шоу «Топ-модель по-американски».

[

←35

]

Виктор Джосселин — дизайнер платьев с пышными юбками и скромным верхом, классических для 60-х, ныне называемых винтажными.

[

←36

]

Джессика Рэббит — чрезвычайно сексуальный персонаж детективной серии нуар-романов о кролике Роджере.

[

←37

]

Рита Хейворт — знаменитая американская актриса, одна из наиболее известных звезд Голливуда 40-х годов.

[
←38

]

Лондон делится на зоны. Соответственно: 1 — центр, 6 — окраина. Разделен он для регулирования платы за проезд, где в первой зоне — дороже, а в окраинах — дешевле.

[

←39

]

В английском реалити-шоу «Всплеск!» люди демонстрировали свои навыки ныряния.

[

←40

]

Ploughman's lunch — один из отличительных знаков Англии: завтрак пахаря или крестьянский ланч, который традиционно состоит из бутерброда с маслом и сыром, колечко лука и эля, иногда к завтраку добавляется вареное яйцо, овощной салат, яблоко, ломтик мяса.

[

←41

]

«Балбесы» — американский подростковый приключенческий фильм 1985 года.

[

←42

]

Шоу Грэма Нортон — знаменитое английское ток-шоу.

[

←43

]

«Студия 30» — комедийный сериал, шедший с 2006 по 2013 год.

[

←44

]

В Танбридж-Уэльсе более ста лет существует шахматный клуб, и, вероятнее всего, речь идет о наборе шахмат, который использовали для игр в этом конкретном городе и клубе.

[

←45

]

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) — голландский художник, рисовальщик и гравёр, великий мастер светотени, крупнейший представитель золотого века голландской живописи.

[

←46

]

Tres — с фр. весьма, очень.

[

←47

]

Сокс — игра в тряпичный мячик, набитый песком. Название произошло от английского слова «носок», потому что чаще всего именно носок набивался песком.

[

←48

]

«Любовь и тайны Сансет Бич» — мыльная опера, шедшая с 1997 по 1999 год.

[

←49

]

«*You've Been Framed*» («Вас сняли») — британский аналог шоу «Сам себе режиссер».

[

←50

]

«Аргос» — торговая сеть с доставкой продукции в день заказа.

[

←51

]

Грейс Келли — американская актриса (1929–1982), ставшая десятой княгиней Монако.

[

←52

]

Четвертый постамент — один из четырех постаментов на Трафальгарской площади в Лондоне, на котором выставляются произведения современных художников. На остальных трех стоят скульптуры британских государственных деятелей.

[

←53

]

«*Great British Menu*» (Британское меню) — кулинарное шоу, где повара соревнуются ради главного приза — составления меню для ужина государственной важности.

[

←54

]

Дорис Дэй — американская актриса, родившаяся в 1924 и на 2017 год продолжающая наслаждаться жизнью.

[

←55

]

Ава Гарднер — американская актриса (1922–1990), одна из ярчайших звезд Голливуда 40-х и 50-х годов.

[

←56

]

Винсент Ван Гог (1853–1890) — нидерландский художник-постимпрессионист, чьи работы оказали вневременное влияние на живопись 20 века.

[

←57

]

Зоуи Дешанель — американская актриса, больше известная по ролям в фильме «500 дней лета» и сериале «Новенькая».

[

←58

]

«Словить Тома Круза» — сленг вроде «словить Макконахи»; значит впасть в состояние безумия и идиотизма, либо слишком громко признаваться в чувствах, часто на публике и без остановки.

[

←59

]

Willis (Уиллис) — так называют очень уважаемого человека или семью, либо парня, который привлекает внимание всех девушек.

[

←60

]

«Скотт и Бейли» — криминальная драма о жизни двух манчестерских женщин-полицейских.

[

←61

]

Биг-бэнд — джазовый оркестр.

[

←62

]

Бэйби Хаусман — героиня фильма «Грязные танцы».

[

←63

]

«Последняя надежда 2» — это отсылка к фильму «Последняя надежда» (Def-Con 4), у которого только одна часть.

[

←64

]

В одной английской начальной школе со смешанным составом учеников классам даются не буквенные обозначения — «А», «Б», «В», — а цветовые — «синий», «красный» и «белый».

[

←65

]

«Базинга» — слово, которое популяризовал Шелдон, герой сериала «Теория большого взрыва», и которое на русский язык перевели как «Бугагашенька».

[

←66

]

Ду-воп или ду-уоп — вокальный поджанр ритм-н-блюза, стиль поп-музыки, представляющий собой гармонично звучащее пение с минимальным музыкальным сопровождением.

[

←67

]

«Берокка» — шипучие таблетки, восполняющие дефицит витаминов и минеральных веществ.

[

←68

]

Подразумевается фильм с Джоном Кьюсаком «Скажи что-нибудь» 1989 года.

[

←69

]

End-of-terrace — это разновидность таунхуса, когда один дом поделен по центру, и с двух разных сторон живут абсолютно посторонние люди.

[

←70

]

«Конверс» — известная марка кед.